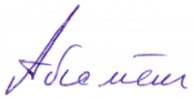
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи



Абсеметов Марат Оралбаевич

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭВАКУИРОВАННЫХ УЧЕНЫХ В КАЗАХСКОЙ ССР В 1941–1945 гг.

07.00.10 – История науки и техники

Диссертация
на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

Томск – 2017

Оглавление

Введение 4
Глава 1. Изучение истории науки и техники в Казахской ССР
в период Великой Отечественной войны 18
1.1. Историография развития науки и техники в республике
в 1941–1945 гг. 18
1.2. Источники по истории науки и техники в республике
в период Великой Отечественной войны. 23
Глава 2. Научно-техническая сфера Казахской ССР в предвоенное
и военное время 35
2.1. Научно-технический потенциал Казахской ССР накануне
Великой Отечественной войны 35
2.2. Деятельность эвакуированных предприятий, Казахского
филиала АН СССР и Комиссии по мобилизации ресурсов
на нужды обороны в Казахской ССР. 54
2.3. Роль Республиканской Комиссии военных изобретений
при ЦК КП(б) Казахстана по разработке
военно-технических проблем. 72
Глава 3. Научная и образовательная деятельность эвакуированных
учёных и учреждений 110
3.1. Эвакуация, размещение научных и культурных сил России
и Украины в Казахской ССР 110
3.2. Ученый совет Государственного заповедника «Боровое»
как центр организации научной работы эвакуированных
ученых АН СССР 134
3.3. Деятельность группы ученых по программе
Академии наук СССР в Государственном заповеднике
«Боровое» 216

Глава 4. Естественнонаучные и медицинские исследования эвакуированных учёных 256
4.1. Научная и общественная работа академика В.И. Вернадского в период эвакуации (1941–1943 гг.) 256
4.2. Вклад академика Л.С. Берга в изучение климатических условий и ихтиофауны Государственного заповедника «Боровое» 275
4.3. Научная и врачебная деятельность академикаН.Ф. Гамалеи на курорте Боровое (1941–1944 гг.) 292
4.4. Академик Л.С. Штерн и её масштабные разработки в военной медицине 298
Глава 5. История казахского народа в трудах эвакуированных учёных ..... .316
5.1. Научный труд академика А.С. Орлова «Казахский героический эпос» (1945 г.) в контексте воинских традиций тюркских народов 316
5.2. Роль академика А.М. Панкратовой и других советских учёных в создании первого учебника по истории союзной республики – «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» (1943 г.) 360
5.3. История древнего Казахстана в исследованиях харьковского ученого С.А. Семенова-Зусера (1943 г.) 398
Заключение 411
Список использованных источников и литературы 419
Приложение А 453

Введение

Актуальность темы. В прошедшем XX столетии человечество пережило две мировые войны, унесшие миллионы жизней. Трагедия травмировала судьбы многих поколений и оставила неизгладимые шрамы в памяти людей. Почти каждая советская семья заплатила высокую цену за мир и покой на земле, потеряв на фронтах войны родных и близких. Все республики, входившие в состав бывшего СССР, внесли значимый вклад в Великую Победу. Важно отметить, что у народов бывшего СССР есть одна объединяющая черта – общая история.

История прошлого – это неотъемлемая часть народной памяти, которая хранится вечно в письменных или устных источниках. Именно от объективного отражения истории и принципиальной оценки исторических событий в большой степени зависят и современные взаимоотношения между народами бывших союзных республик, в частности между русским и казахским. В этом плане исследование истории Великой Отечественной войны, в том числе и изучение вклада научно-технического потенциала России и Казахстана в Великую Победу, приобретает новое современное осмысление.

Особое внимание при этом должно быть уделено процессу эвакуации из прифронтовой зоны России, Украины и Белоруссии и организации деятельности в Казахстане промышленных предприятий, научных и образовательных учреждений. Без масштабной переброски промышленного и научно-технического потенциала на восток была бы невозможна победа. Эвакуация промышленных предприятий и научных учреждений в Казахстан и Сибирь стала важным этапом роста научно-технического потенциала регионов. Между тем эта страница истории военного времени в силу разных политических, социальных и идеологических обстоятельств исследована не в полной мере.

Одной из малоизученных страниц истории науки и техники в период Великой Отечественной войны является деятельность эвакуированных из европейской части СССР научных учреждений и предприятий в Казахской ССР. Несомненно, изучение и обобщение данной проблематики в истории Казахстана и

России имеет научно-теоретическое, политическое, культурное и практическое значение.

Историографии проблемы исследования посвящен отдельный раздел первой главы настоящей диссертации, здесь приведена общая оценка ее разработанности.

В казахстанской историографии отсутствуют специальные научные исследования, посвященные деятельности в Казахстане эвакуированных в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) ученых, изучению их вклада в развитие казахстанского научно-технического потенциала.

В годы войны на страницах периодической печати поднимался вопрос участия научной интеллигенции в борьбе с врагом, развития академической науки Казахстана, деятельности эвакуированных ученых в Алма-Ате, на курорте Боровое[1] и др. Известно, что благодаря совместным усилиям эвакуированных и местных учёных в 1943 г. вышел в свет коллективный труд – академическое издание «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» (под редакцией А. Панкратовой и М. Абдыкалыкова), который стал первой обобщающей работой по истории Казахстана и серьезным академическим исследованием, посвященным национальной истории одной из союзных республик. Благодаря авторитету и мужеству академика А.М. Панкратовой, а также других эвакуированных и казахстанских ученых книга стала достойным вкладом в изучение истории Казахстана.

[1] Собрание советской интеллигенции г. Алматы // Казахстанская правда. 1941. 24 сент.; Бузурбаев Г. Интеллигенция Казахстана в дни Отечественной войны. // Казахстанская правда. 1941. 28 сент.; Эпштейн-Коллонтай Ю.М. Лекции советских учёных // Социалистический труд. 1941. 31 дек.; Все ресурсы Казахстана – на нужды обороны! (Беседа с президентом Академии наук СССР академиком В.Л. Комаровым) // Казахстанская правда. № 133, 1942. 7 июня; Все силы передовой науки – на разгром врага (собрание интеллигенции столицы Казахстана) // Казахстанская правда. 1942. 13 окт.; Штерн Л.С. В институте физиологии Академии Наук СССР. Беседа с академиком Л.С. Штерн // Казахстанская правда. 1942, 27 окт.; Ляховецкий А. Советские учёные в дни войны // Казахстанская правда. 1942. 15 нояб; Сатпаев К.И. Академик В.Л. Комаров и развитие Казахского филиала Академии наук СССР // Вестн. КазФАН СССР. 1944. № 2. С. 15; Сатпаев К.И. Казахский филиал АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. АН СССР. 1945. № 1/2. С. 87–93.

В 60–80 гг. прошлого века в масштабах советской страны проводились исследования по развитию науки в годы войны[2], опубликованы материалы автобиографического характера, дневниковые записи ученых, затрагивающие деятельность ученых, находящихся в эвакуации в Казахстане[3].

В последующие годы появились исследования казахстанских ученых по работе Комиссии АН СССР в Казахстане, направленной на нужды обороны, о деятельности эвакуированных высших учебных заведений, развитии науки, культуры и высшего образования республики, деятельности Казахского филиала АН СССР, вклада советских ученых в дело Победы, содружестве ученых в период Великой Отечественной войны[4]. Были защищены кандидатские диссертации,

---

[2] Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1941–1945 гг. М.; Л., 1964. 226 с.; Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1966. 188 с.; Комков Г.Д., Карпенко О.М., Левшин Б.В. Академия наук СССР – штаб советской науки. М., 1968. 225 с.; Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. 382 с.; Савельев В.М. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1981. 64 с.; Пархоменко А.А., Федоров А.С. Сражающаяся наука. М., 1990. 208 с.; Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / РАН / Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. М., 2000. 388 с.

[3] Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943 / сост. В.П. Волков. М.: РОССПЭН, 2010. 542 с.; Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны: Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. 236 с.; Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 303 с.; Берг Р.Л. Суховей. Воспоминания генетика. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с. и др.

[4] Козыбаев М. Из истории деятельности «Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны» // Изв. Академии Наук Казахской ССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (18). Алма-Ата, 1962. С. 62–70; Сергазин Ж.О. О деятельности эвакуированных высших учебных заведений в Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1965. № 3. С. 44–49; Едыгенов Н.Е., Сулейменов Р.Б. Культура и наука Казахстана в военные годы // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки.. Алма-Ата: Наука, 1968. Вып. 1. 268 с.; Жаманбаев К.Ж. Высшая школа в Казахстане: исторический опыт Коммунистической партии Казахстана по руководству высшей школы за 50 лет (1920–1970 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1972. 184 с.; Козыбаев М.К. Вклад советских ученых в дело Победы // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1980. № 3. С. 36–43; Балакаев Т.Б., Бисенбаев А.К. Деятельность Казахского филиала Академии Наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. АК КазССР. 1983. № 11. С. 51–56; Бисенбаев А.К. Содружество ученых Казахстана и братских республик в годы Великой Отечественной войны (проблемы историографии) // Братское сотрудничество, взаимопомощь народов СССР (историография, источники). Целиноград: МГП «Аль-Фараби». 1992. С. 90–106; Жумашев Р.М. Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны // Вестн. Караган. ун-та. Сер. «История, философия». № 3(59)/2010. С. 109–115; Мармонтова Т.В. Деятельность российских ученых в Казахстане в первой половине XX века // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы докладов и сообщений III Международной научной конференции.

посвященные деятельности научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны и научным связям Казахстана и России в 1926–1946 гг.[5]

Несмотря на вышедшие материалы о деятельности ученых в годы войны, остались «белые пятна» в истории науки и техники Казахстана этого периода. Заполнить их стало возможно с появлением новых материалов. Даже в постсоветское время архивы хранили молчание, и только недавно стали рассекречивать документы о давно минувших фактах и событиях Великой Отечественной войны. В последние годы, в частности в архиве Президента Республики Казахстан, стали доступными архивные материалы, касающиеся деятельности ученых на оборонных предприятиях Казахстана[6].

Деятельность эвакуированных ученых в Казахстане в годы Отечественной войны хоть и упоминалась косвенно в научных трудах, но никогда не являлась специальной темой исследования. Неисследованность данной темы привела к тому, что документальные материалы и неопубликованные труды большой группы советских ученых, хранящиеся в фондах архива курорта Боровое, были почти никому не известны. Некоторые протоколы научных заседаний и труды ученых военных лет пришли в негодность, а часть утеряна[7].

Несмотря на наличие ряда трудов ученых по военной тематике, отдельных статей об эвакуированных ученых, следует отметить, что нет обобщающего труда о деятельности советских учёных в период эвакуации в Казахстане. Поэтому эта тема и стала предметом данной диссертации, в которой особое внимание уделено изучению научно-технического потенциала Казахской ССР в период Великой Отечественной войны.

Астана; Омск; Томск. 2003. С. 136–137.

[5] Бисенбаев А.К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Алма-Ата, 1984. 23 с.; Мармонтова Т.В. Научные связи Казахстана и России в 1926–194 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2004. 23 с.

[6] Рассекреченная война: «Особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 // Сб. документов. Алматы: АП РК, 2010. 604 с.

[7] Материалы из фондов Архива Госзаповедника «Боровое» Акмолинской области РК.

Объектом исследования является группа ученых и специалистов научных и учебных учреждений Европейской части СССР, эвакуированная в Казахскую ССР в период Великой отечественной войны.

Предметом исследования является вклад эвакуированных советских ученых в развитие научно-технической сферы Казахской ССР и в победу над врагом в период Великой Отечественной войны.

Цель исследования – определить вклад советских учёных во время эвакуации в Казахскую ССР в Победу, в развитие казахстанской науки и техники.

В связи с этим необходимо решить следующие **задачи:**

– дать характеристику промышленного и научно-технического потенциала Казахской ССР накануне войны;

– показать работу эвакуированных предприятий в республике;

– проанализировать деятельность Республиканской Комиссии военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана по разработке военно-технических проблем;

– рассмотреть организацию учебной деятельности вузов и научно-исследовательской работы учёных АН СССР в Казахской ССР в период эвакуации;

– проанализировать научную деятельность эвакуированных учёных АН СССР через призму документов и материалов Ученого совета Государственного заповедника «Боровое»;

– изучить научную и общественную деятельность ряда выдающихся учёных, эвакуированных на курорт «Боровое»: В.И. Вернадского, Л.С. Берга, Н.Ф. Гамалеи, Л.С. Штерн – в контексте их фундаментальных исследований;

– дать анализ деятельности академиков А.С. Орлова, А.М. Панкратовой и С.А. Семенова-Зусера по изучению истории казахского народа в период эвакуации.

Хронологические рамки исследования охватывают период с июля 1941 г., т.е. с начала процесса эвакуации учёных, научных учреждений и промышленных

предприятий в Казахскую ССР, до окончания Великой Отечественной войны в мае 1945 г.

Территориальные рамки диссертационного исследования охватывают территорию бывшей Казахской ССР, ныне Республики Казахстан.

Методологические основы исследования

Общетеоретической основой настоящего исследования является теория модернизации. Как известно, модернизация – это процесс, при котором традиционные аграрные общества преобразуются в современные индустриальные, процесс этот сопровождается проявлением и развитием передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих поддерживать, использовать данные технологии[8]. Казахстан входил в этот процесс модернизации как периферийный регион с запоздавшим и догоняющим развитием. Однако исторический феномен казахстанского общества, которое в сравнительно небольшие временные сроки осуществило путь от военно-кочевого, полукочевого, полуземледельческого (от сохи и лопаты) к индустриальному обществу, требует особого изучения.

Стремительный скачок Казахстана в промышленном производстве в 1-й половине XX в. был обусловлен историческими предпосылками. Казахстан издревле был носителем не только кочевой, но и городской и земледельческой культуры. Об этом свидетельствуют артефакты археологических раскопок таких древних городов Казахстана, как Отрар (Фараб), Сайрам (Испиджаб), Туркестан (Яссы), Сыганак, Сауран, Баласагун, Сарайчик, Тараз и др., где сохранились следы городской цивилизации (храмы, дворцы, архитектурные сооружения, фрагменты кузнечных печей, канализационных устройств, гончарных мастерских, монетных дворов, настенная живопись, глиняная посуда, домашняя утварь, монеты, кинжалы, украшения и др.)[9]. Мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави (г.

---

[8] Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. С. 59.

[9] Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии: Материалы Всесоюзного совещания 1981

Туркестан, XIV в.), построенный по типу собора Святой Софии (г. Константинополь), занесен в список культурного наследия ЮНЕСКО как образец архитектурной и инженерной мысли Среднего Востока, наряду с дворцами Сирии, Ирака и Египта[10].

Огромную роль в развитии казахской культуры сыграли арабская классическая литература и персидская поэзия. Выходец из казахской степи, великий ученый Востока Аль-Фараби впервые перевел на арабский язык труды греческих мыслителей. Философские трактаты, труды по математике, музыке Аль Фараби хранятся в крупных библиотеках мира. В книгохранилищах Испании сохранилось десять трактатов ученого. Имя Аль-Фараби увековечено в Казахстане в названиях университетов, проспектов и в памятниках. Из поколения в поколение передавались старинные рукописи – медицинские трактаты Ибн Сины (Авиценны), алгебра Хорезми, труды по астрономии, минералогии и географии Бируни и др.[11] (В 20–30-е гг. сотрудники ОГПУ и НКВД ходили по аулам и, в силу незнания арабского языка и арабской графики казахского языка, изымали и уничтожали труды средневековых ученых, принимая их за мусульманскую религиозную литературу.)

После распада Золотой Орды и империи Тамерлана, в которых казахи играли существенную роль, города Казахского ханства пришли постепенно в упадок. На долгие годы и даже столетия казахский народ был вынужден перейти в целях физического и экономического выживания на военно-кочевой и полукочевой образ жизни. Однако память об оседлом прошлом сохранялась в сознании народа[12].

XVIII в. был ознаменован проникновением российского промышленного капитала в казахские степи. Рост народонаселения и открытие богатейших

года. Алма-Ата. 1983. 231 с.

[10] Ходжаев М. Туркестан – столица позднесредневекового Казахстана. Чимкент, 1995. 45 с.

[11] Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII–XIX вв.). Алма-Ата: Казахстан, 1965. 240 с.

[12] Оразбаева А.И. Цивилизационные особенности социокультурного развития традиционного казахского общества в XV–XVIII вв. (теоретические и методологические проблемы): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Алматы, 2005. С. 6.

залежей угля, месторождений золота, серебра, железа, меди, свинца и других металлов стали стимулом возникновения и развития горной и горнозаводской промышленности в Казахстане, формирования рабочего класса из казахского крестьянства[13].

Во второй половине XIX – начале XX в. довольно быстрыми темпами шел процесс седентаризации казахов, приведший к тому, что к началу XX в. треть казахов постоянно занималась земледелием, 90% казахов имели стационарные жилища. Это объяснялось, по мнению А.Ю. Быкова, стабилизацией условий жизни казахов в рамках Российской империи, ростом народонаселения на ограниченных для развития кочевого хозяйства территориях, необходимостью интенсификации хозяйствования, влиянием русского населения и поощрением перехода к оседлости царскими властями[14].

Важными позитивными факторами модернизации Казахстана следует считать наличие русского и татарского населения в городах, приток промышленных мигрантов в Казахстан в 1920–1930-е. гг. Интенсификации этого процесса послужила эвакуация промышленных предприятий и научных организаций в период Великой Отечественной войны в Казахстан, в такой же мере, как и для Сибири.

Историография довоенной советской модернизации Казахстана основательно изучена Р.Ж. Кадысовой[15]. Она выявила и проследила основные тенденции в развитии историографии проблемы в предвоенные годы. Среди казахстанских исследователей необходимо отметить также Г.К. Шалабаеву, разрабатывающую цивилизационную парадигму развития казахского общества в контексте диалога культур[16], С.И. Ковальскую, исследовавшую проблему советского опыта модернизации Казахстана через ракурс англо-американской

---

[13] Дильмухамедов Е.Д. Из истории горной промышленности Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1975. 156 с.

[14] Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул, 2003. С. 261–262.

[15] Кадысова Р.Ж. Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.): историография проблемы. Алматы: Гылым, 2004. 288 с.; Она же. Довоенная промышленная модернизация в Казахстане: историографические тенденции постсоветского периода // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 297. С. 122-127.

[16] Шалабаева Г.К. Казахстан: от древних цивилизации к современности. Алматы: Экономика. 2007. 258 с.

историографии[17], А.И. Оразбаеву, изучающую цивилизационные особенности социокультурного развития казахского общества[18].

Модернизационные процессы в 20–40-е гг. прошлого столетия в Казахстане развивались в рамках советской государственно регулируемой модели индустриализации, составившей альтернативу частнокапиталистической англо-саксонской модели. Задуманная В.И. Лениным государственно-капиталистическая модель модернизации аграрного российского общества вследствие внешних угроз была заменена мобилизационной административно-плановой экономикой, базирующейся на тоталитарной политической системе. Страна оказалась втянута в общемировые конкурентные процессы в годы индустриализации и Великой Отечественной войны[19]. СССР смог победить в борьбе с военным и экономическим потенциалом практически всей Европы.

Ведущая роль государства и коммунистической партии (монокоммунистический диктат), бюрократизация и политизация советского общества наложили свой отпечаток на развитие экономической и научной жизни СССР, в том числе и Казахстана. Стремительный скачок в развитии промышленного потенциала Казахстана был осуществлён за счёт модернизации, которая повлекла за собой закономерный процесс формирования новой интеллектуальной элиты. Деятельность эвакуированных российских учёных послужила мощным импульсом для развития научной мысли в Казахстане в условиях военного времени.

Методологической основой исследования являются общенаучные принципы историзма и системности, базирующиеся на достоверных источниках и отражающие процесс накопления исторических знаний по проблеме. Принцип историзма требует от исследователя изучать объект своего внимания во всей его конкретности и оригинальности и в развитии, с учетом логического анализа

---

[17] Ковальская С.И. Англо-американская историография советского опыта модернизации Казахстана: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Астана, 2008. 50 с.

[18] Оразбаева А.И. Указ. работа.

[19] Ковальская С.И. Указ. соч. С. 22.

сущностных изменений. В диссертации деятельность эвакуированных в Казахстан ученых рассматривается в конкретно-исторических условиях военного времени.

Принцип системности направлен на рассмотрение предмета исследования во всей совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих с ним объектов исторической реальности, в составе целостного системного образования[20]. Таким системным образованием в диссертации представлено советское общество, включая Казахскую ССР, подсистемами являются Академия наук СССР, советские и партийные органы, научные и образовательные организации. В исследовании применяются также другие общенаучные методы – индукция и дедукция, анализ и синтез, измерение и описание.

Из специально-научных методов в диссертации применены прежде всего исторические методы – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный. Историко-генетический метод по форме своего выражения описательный и раскрывает, по мнению И.Д. Ковальченко, причинно-следственные связи и закономерности[21]. Историко-сравнительный метод применен в диссертации при вычленении сходств и различий в системе организации науки Казахстана, РСФСР и СССР. Историко-типологический и историко-системный методы использовались для выявления общего и особенного в процессе становлении и развития науки в Казахстане.

Необходимо отметить, что рассматриваемая нами проблема – начало превращения Казахстана в индустриальное общество в предвоенный и военный период в сравнительно короткий промежуток времени – является уникальным феноменом. Накануне войны в Казахстане благодаря осуществлению всесоюзной программы социалистической индустриализации был создан серьезный научный и производственный потенциал.

Война ускорила данный процесс, дав новый импульс для дальнейшего научного и научно-технического развития региона. Эвакуация научных и производительных сил из временно оккупированных западных регионов бывшего

---

[20] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 159–161.

[21] Там же. С. 170.

СССР способствовала ускоренному развитию промышленных производств, научных и научно-производственных комплексов в целом, развитию науки и техники Казахстана.

Источниковой базой диссертационного исследования являются в основном рассекреченные и не введенные в научный оборот архивные материалы – делопроизводственная документация государственных органов управления, партийных организаций Казахской ССР, учреждений АН СССР, сосредоточенные в архивохранилищах Республики Казахстан, Российской Федерации, а также документы из Архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан, государственного архива Кокчетавской (ныне – Акмолинской) области, государственного архива г. Кокшетау, Архива Государственного заповедника «Боровое», Архива Центра правовой статистики и информации (ЦПСиИ) по Жамбылской области, а также документы Национальной Академии наук Республики Казахстан, хранящиеся в ведомственном архиве РГП «Ғылым ордасы», Акмолинского областного историко-краеведческого музея (документальный фонд). В исследовании использованы документы из Архива Российской академии наук.

Важными источниками, свидетельствующими о деятельности советских ученых, конструкторов, инженеров, техников, являются сведения из документальной и научной литературы, публикации в средствах массовой информации. Использованы также мемуары, дневники эвакуированных ученых.

Положения, выносимые на защиту:

– в 1920–1930-е гг. в Казахстане интенсифицировался процесс модернизации экономики и общества в рамках советской стратегии индустриальных преобразований, в результате чего сформировался накануне Великой Отечественной войны индустриальный и научно-технический потенциал при преобладании аграрной экономики;

– в период Великой Отечественной войны Казахская ССР стала одной из основных территорий размещения эвакуированных промышленных предприятий,

научных и образовательных учреждений из европейской части СССР, что кратно увеличило индустриальный и научно-технический потенциал республики;

– основную роль в аккумуляции и реализации результатов научно-технической деятельности ученых и изобретателей в области решения научно-технических проблем играла Республиканская Комиссия военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана;

– в Казахской ССР в период эвакуации в 1941–1945 гг. были размещены и созданы необходимые условия для учебной деятельности десятков вузов и для научно-исследовательской работы сотен учёных АН СССР;

– научная деятельность эвакуированных учёных АН СССР осуществлялась как по планам академических учреждений и оборонных ведомств, так и по инициативным проектам, возникшим вследствие сотрудничества ученых с местными научными организациями;

– одним из значимых научных центров АН СССР стал Ученый совет Государственного заповедника «Боровое», образованный по инициативе академиков и ученых, эвакуированных и размещенных на базе курорта-заповедника Боровое;

– период пребывания в эвакуации на курорте «Боровое» был плодотворным и заметным в научной и общественной деятельности таких выдающихся учёных, как В.И. Вернадский, Л.С. Берг, Н.Ф. Гамалея, Л.С. Штерн, А.С. Орлов, Н.Д. Зелинский, А.Е. Фаворский, С.А. Зернов и др., как в развитии их фундаментальных исследований, так и в изучении природы, культуры и истории Казахстана;

– деятельность эвакуированных ученых в Казахстане стала одним из главных факторов роста научно-технического потенциала республики, подготовки национальных кадров, формирования сети научных учреждений АН Казахской ССР.

Научная новизна исследования состоит в том, что повседневная научная деятельность советских учёных и научно-технические разработки институтов и предприятий во время эвакуации в Казахскую ССР впервые представлена в

обобщенном исследовании. Проблема исследуется на архивных документах, вводимых в научный оборот впервые, в результате их недавнего обнаружения и рассекречивания.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что на примере Казахской ССР показана эффективность мобилизационного механизма советской системы управления научно-технической сферой, сумевшей в кратчайшие сроки эвакуировать и обеспечить условиями для жизни и работы персонала двух сотен предприятий и десятков научных учреждений из европейской части страны.

Другим фактором успешного развития науки в период войны и эвакуации, как доказано в диссертации, был энтузиазм, патриотизм и самопожертвование выдающихся ученых, управленцев и рядовых сотрудников. Синергия общества умножала эффективность научной работы. В диссертации на примере результативной деятельности ряда известных ученых показаны неисчерпаемые возможности человеческого интеллекта в экстремальных условиях сурового военного времени.

Материалы диссертации демонстрируют также, что дружба народов, проявлявшаяся в совместной научно-технической и организационной деятельности, была в период войны не выдумкой советской пропаганды, а реальным фактором единения для достижения победы над агрессором.

Эвакуация предприятий и научных учреждений в Казахстан явилась особым и важным этапом в формировании научно-технического потенциала Казахской ССР.

В целом социальная и научная мобильность эвакуированных ученых помогла становлению и развитию казахстанской отечественной науки и привела к открытию в 1946 году Академии наук Казахской ССР.

Научно-практическая значимость исследования предопределена необходимостью глубокого переосмысления советского опыта эвакуации и размещения производственных и научных сил в восточные и южные регионы бывшего СССР с учетом новых архивных материалов и документов, а также

широтой ее проблемно-тематического диапазона. Отдельные положения могут стать основой нового подхода к изучению героических и трагических страниц истории Великой Отечественной войны. Данное исследование будет способствовать конструктивному диалогу между казахстанскими и российскими историками, в основе которого стоят дружеские и братские отношения.

Основные положения работы могут быть использованы в разработке лекционного и практического курса по теме Великой Отечественной войны, применены в программе спецкурса по изучению эвакуированных предприятий, научных и учебных заведений, в подготовке научно-исследовательских работ о вкладе выдающихся советских учёных, эвакуированных в Казахстан, в развитие научно-технического потенциала республики, а также в общем курсе истории Казахстана.

Новые материалы и источники, введенные в научный оборот, обогатят базу данных по истории и культуре евразийского пространства.

Основные положения работы апробированы на 6 международных научных конференциях в Москве, Париже, Анкаре, Киеве, Астане.

Публикации. По материалам диссертации М.О. Абсеметовым опубликовано 33 работы, в том числе 15 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 4 статьи в научном журнале, индексируем Web of Science), 1 монография, 1 статья в сборнике научных трудов, 14 статей в научных журналах, 1 публикация в сборнике докладов международной научной конференции.

Структура и объём диссертации. Работа (480 с.) состоит из введения, 5 глав, 15 разделов, заключения, приложения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Изучение истории науки и техники в Казахской ССР в период Великой Отечественной войны

1.1. Историография развития науки и техники в республике в 1941-1945 гг.

Изучение истории Великой Отечественной войны было и остается одной из главных задач казахстанской исторической науки. В учебниках по истории Казахстана была выработана методологическая концепция этой темы, направленная на доказательство существенного вклада республики в совместную победу над фашизмом. Самое серьезное внимание при этом уделяется развитию науки и техники в период войны. Сюжет о деятельности эвакуированных ученых обычно включается в труды по истории науки Казахстана.

Темы развития науки в годы войны и в период эвакуации на территории Казахской ССР в общих чертах затронуты в обобщающих трудах по истории науки СССР: А.А. Пархоменко, А.С. Федоров «Сражающаяся наука»[22]; Г.А. Князев, А.В. Кольцов. «Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1941–1945 гг.»[23]; Б.В. Левшин: «Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)»[24], «Советская наука в годы Великой Отечественной войны»[25]; Г.Д. Комков, О.М. Карпенко, Б.В. Левшин: «Академия Наук СССР – штаб советской науки»[26]; Э.И. Гракина «Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945»[27].

Проблемы истории науки Казахстана в предвоенные годы и годы войны

---

[22] Пархоменко А.А., Федоров А.С. Сражающаяся наука. М.: Знание. 1990. 207 с.

[23] Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1941─1945 гг. Изд. 3, доп.. М;Л.: Наука, 1964. 226 с.

[24] Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941─1945 гг.). М.: Наука, 1966. 189 с.

[25] Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. 344 с.

[26] Комков Г.Д., Карпенко О.М., Левшин Б.В. Академия Наук СССР – штаб советской науки. М.: Наука, 1968. 217 с.

[27] Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945/ РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. М., 2000. 388 с.

более подробно рассматрены в статье Сулейменова Р.Б. «Из истории развития науки в Казахстане (1933–1940 годы)» [28], в очерке Н.Е. Едыгенова и Р.Б. Сулейменова[29], в монографии Жаманбаева К.Ж. «Высшая школа в Казахстане: исторический опыт Коммунистической партии Казахстана по руководству высшей школы за 50 лет (1920–1970 гг.)» [30], в комментариях составителей сборника документов «Рассекреченная война: «Особые папки» ЦК КП (б) Казахстана (1941–-1945)»[31] и др.

Материалы об эвакуированных в Казахскую ССР научных учреждениях и действенной помощи казахстанской науке Академии наук СССР во главе с её президентом В.Л. Комаровым включены в документальное исследование академика Ш. Чокина «Путь Национальной академии наук (воспоминания и размышления)»[32]. Проблемы деятельности Казахского филиала АН СССР в военный период рассматривались также в статьях К.И. Сатпаева[33], Т.Б. Балакаева и А.К. Бисенбаева[34] и др.

Специально отдельным вопросам истории эвакуированных научно-исследовательских и высших учебных заведений, научных и научно-технических кадров посвящён ряд статей казахстанских исследователей: Н. Едыгенов «Вклад учёных республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашистской

---

[28] Сулейменов Р.Б. Из истории развития науки в Казахстане (1933-1940 годы) / Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. Алма-Ата: Издательство АН КазССР. 1961. Т. 10. С. 139─165.

[29] Едыгенов Н.Е., Сулейменов Р.Б. Культура и наука Казахстана в военные годы // Казахстан в Великой Отечественной войне. Под редакцией С.Н. Покровского. Очерки. - Алма-Ата: Наука, 1968. Вып. 1. 268 с.

[30] Жаманбаев К.Ж. Высшая школа в Казахстане: исторический опыт Коммунистической партии Казахстана по руководству высшей школы за 50 лет (1920-1070 гг.). Алма-Ата: «Казахстан», 1972. 184 с.

[31] Рассекреченная война: «Особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941─1945. // Сборник документов. Алматы: АП РК, 2010. 604 с.

[32] Чокин Ш.Ч. Путь Национальной академии наук: (воспоминания и размышления). Алматы: Гылым, 1996. С 12-13.

[33] Сатпаев К.И. Казахский филиал АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН СССР. 1945. №1/2. С. 87─93.

[34] Балакаев Т.Б., Бисенбаев А.К. Деятельность Казахского филиала Академии Наук СССР в годы Великой Отечественной войны// Вестник АН КазССР. 1983. № 11. С. 51─56.

Германии»[35], Ж.С. Сергазин «О деятельности эвакуированных высших учебных заведений в Казахстане»[36], М.К. Козыбаев «Вклад советских ученых в дело Победы»[37],Т.Б. Балакаев, А.К. Бисенбаев «Коммунистическая партия – организатор деятельности учёных по мобилизации ресурсов Казахстана на нужды обороны»[38], Бисенбаев А.К. «Содружество ученых Казахстана и братских республик в годы Великой Отечественной войны (проблемы историографии)» [39], Жумашев Р.М. «Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны»[40], Мармонтова Т.В. «Деятельность российских ученых в Казахстане в первой половине XX века» [41] и др.

Отдельные факты деятельности эвакуированных в Казахстан ученых приведены в статьях, посвященных различным вопросам эвакуации и размещения предприятий и населения на территории республики, перестройке деятельности местных предприятий на военный лад и др. Среди них можно отметить следующие работы: А. Байшин, Т. Балакаев «Трудовые подвиги рабочих, колхозников и интеллигенции Казахстана в годы войны»[42], Т. Балакаев

---

[35] Едыгенов Н. Вклад учёных республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашистской Германии// Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук.. 1965. Вып.4. С. 64-73.

[36] Сергазин Ж.С. О деятельности эвакуированных высших учебных заведений в Казахстане// Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1965. № 3. С. 44-49.

[37] Козыбаев М.К. Вклад советских ученых в дело Победы // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1980. № 3. С. 36-43.

[38] Балакаев Т.Б., Бисенбаев А.К. Коммунистическая партия – организатор деятельности учёных по мобилизации ресурсов Казахстана на нужды обороны // Вопросы истории Компартии Казахстана / сост. Н.Р. Джагфаров. Выпуск 18. Алма-Ата: Казастан, 1986. Вып.18. 253 с.

[39] Бисенбаев А.К. Содружество ученых Казахстана и братских республик в годы Великой Отечественной войны (проблемы историографии) // Братское сотрудничество, взаимопомощь народов СССР (историография, источники). МГП «Аль-Фараби». Целиноград, 1992. С.90─106.

[40] Жумашев Р.М. Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны. // Вестник Карагандинского университета. Серия история, философия. 2010. № 3(59). С. 109─115.

[41] Мармонтова Т.В. Деятельность российских ученых в Казахстане в первой половине XX века // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Тезисы докладов и сообщений III Международной научной конференции. Астана;Омск;Томск. 2003. С. 136─137.

[42] Байшин А., Балакаев Т. Трудовые подвиги рабочих, колхозников и интеллигенции Казахстана в годы войны// Известия Академии наук КазССР. Серия общественных наук. 1965. Вып. 4. С. 30─34.

«Казахстан – арсенал фронта»[43]; В.С. Городецкая «Размещение эвакуированных предприятий легкой промышленности в Казахстане в годы Великой Отечественной войны»[44]; Ж. Абуталипов «Экономика Советского Казахстана в годы Великой Отечественной войны»[45]; Г.А. Куманев «Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы»[46]; Б.О. Жангуттин «Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.)»[47], Н. Едыгенов «Подвиги трудящихся города Алма-Аты в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.)»[48].

Упоминания об эвакуации ученых в Казахстан встречаются в обобщающих трудах по истории тыла в период Великой отечественной войны: «Работники науки и культуры против гитлеровского варварства»[49]; «Наука и ученые в России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы»[50]; «Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 годах»[51].

Из российских исследователей важно отметить труд В.П. Купцова «Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в

---

[43] Балакаев Т. Казахстан – арсенал фронта // Вестник АН КазССР. 1970. № 5. С. 22—-28.

[44] Городецкая В.С. Размещение эвакуированных предприятий легкой промышленности в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН КазССР. 1975. № 4. С. 3—7;

[45] Абуталипов Ж. Экономика Советского Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Народное хозяйство Казахстана. 1985. № 5. С. 34-40.

[46] Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941—1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 56—60.

[47] Жангуттин Б.О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941—1942 гг.) // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14). С. 25—29.

[48] Едыгенов Н. Подвиги трудящихся города Алма-Аты в годы Великой Отечественной войны. (1941—1945 гг.)/ Из истории социалистического строительства в Казахстане. Алм-Ата: Издательство АН КазССР, 1960. 225 с.

[49] Работники науки и культуры против гитлеровского варварства. Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. 19 с.

[50] Наука и ученые в России в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Очерки. Воспоминания. Документы. М.: Наука, 1996. 311 с.

[51] Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941—1942 годах. М., 1966. 236 с.

годы Великой Отечественной войны»[52], из иностранных – Грехема Л. «Очерки истории российской и советской науки», в которой сюжет об эвакуации научных учреждений нашел достойное место[53].

Сюжетов исследуемой в диссертации темы касаются кандидатские и докторские диссертации казахстанских и российских исследователей: В.А. Юрьев «Эвакуация, осуществленная советским народом в период Великой Отечественной войны»[54]; Е.В. Ворожейкина «Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны»[55], А.К. Бисенбаев «Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений в Казахстане в годы Великой Отечественной войны»[56] Мармонтова Т.В. «Научные связи Казахстана и России в 1926–1946 гг.» [57], Бойко В.А. «Создание и деятельность научно-производственных центров на востоке СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.» [58] и др.

Для изучения темы Великой Отечественной войны, в том числе вклада Казахстана и казахстанцев в победу над фашизмом, много сделал академик М.К. Козыбаев. В 1962 году им была опубликована статья непосредственно по истории науки и техники Казахстана, посвящённая деятельности Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны[59]. Таким образом, тема эвакуации в Казахскую ССР ученых, научных и

---

[52] Купцов В.П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отечественной войны: Монография. М. : Изд-во РЭА им. Г.В. Плеханова, 2001. 323 с.

[53] Грехем Л. Очерки истории российской и советской науки. (Пер. с англ.). М.: Янус-К, 1998. 312 с.

[54] Юрьев В.А. Эвакуация, осуществленная советским народом в период Великой Отечественной войны (Интернациональный аспект проблемы): автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 1995. 29 с.

[55] Ворожейкина Е.В. Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны: .автореф. дис. … канд. ист.. наук. Кострома, 2004. 26 с.

[56] Бисенбаев А.К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений в Казахстане в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист.. наук. Алма-Ата, 1984. 25 с.

[57] Мармонтова Т.В. Научные связи Казахстана и России в 1926─1946 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2004. 23 с.

[58] Бойко В.А. Создание и деятельность научно-производственных центров на востоке СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006. 18 с.

[59] Козыбаев М. Из истории деятельности «Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной

учебных учреждений часто включается в обобщающие труды по истории Отечественной войны, истории Казахстана, отдельные сюжеты темы получили освещение в специальных исследованиях. Безусловно в исследованиях советского времени показаны в основном позитивные стороны тяжелейшего и героического времени борьбы с гитлеровской агрессией. Весомое участие Казахстана и казахского народа в этом убедительно доказана. Ученые независимого Казахстана, продолжая традиции дружбы с Россией, не отказываются от этих достижений, однако, наряду с позитивными сторонами славной истории наших народов, обращают внимание и на влияние тоталитарного государства на процессы модернизации, на потери научно-технических кадров в результате репрессий.

Заканчивая обзор историографии темы диссертации, все же необходимо отметить, что несмотря на большое количество литературы, посвященной истории Казахстана в период Великой отечественой войны, деятельность эвакуированых ученых в Казахстане в это время осталась слабоизученной, нет целостного представления о масштабах и направлениях работы ученых, освещены лишь отдельные факты. Специальных работ по истории науки и техники Казахстана в период Великой отечественной войны почти нет, как и специальных работ о деятельности эвакуированых в республику ученых из научных учреждений России и Украины. Этот сюжет остается белым пятном в истории науки и техники Казахстана и СССР в целом.

1.2. Источники по истории науки и техники в республике в период Великой Отечественной войны

Источниками исследования являются нормативные акты, регулировавшие жизнь и деятельность ученых в период эвакуации, архивные материалы, представляющие документы делопроизводства различных государственных и

Сибири и Казахстана на нужды обороны» // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. Выпуск 1 (18). Алма-Ата, 1962. Вып. 1 (18). С. 62─70.

общественных организаций и учреждений, в значительной своей части недавно рассекреченные, неопубликованные рукописи, статистические публикации, дневники, мемуары, сведения из периодической печати.

Нормативные акты, которые регулировали жизнь эвакуированых ученых хранятся в Архиве Российской академии наук, в фондах центральных государственных архивов Республики Казахстан. Они являются составной частью документов делопроизводства государственных и партийных органов СССР и Казахской ССР. Частью они хранятся в архивах, частью опубликованы[60].

Основными источниками по теме диссертации стали документы делопроизводства государственных органов и общественых организаций. В последние годы ведется колоссальная работа по искоренению «белых пятен» в изучении истории Второй мировой войны. При подготовке данной работы использованы документы следующих казахстанских архивов: Архива Президента Республики Казахстан (фонды 708, 725, 798), Центрального государственного архива Республики Казахстан (фонды 44, 1109, Р-283, Р-107), государственного архива Кокчетавской (ныне - Акмолинской) области (Ф. 32601), государственного архива г. Кокшетау (фонды 2, 494, 759), Архива Государственного заповедника «Боровое» (фонды «Материалы», «Научный фонд»), Акмолинского областного историко-краеведческого музея (документальный фонд. ГИК 20878-20890), Архива Центра правовой статистики и информации (ЦПС и И) по Жамбылской области (фонд 3), которые вводятся в научный оборот впервые.

В ведомственном архиве РГП «Ғылым ордасы» хранятся документы научной и научно-организационной деятельности Национальной Академии наук Республики Казахстан и её научных учреждений, характеризующих развитие науки в Казахстане[61].

В диссертации были использованы документы из фондов личного происхождения вышеназванного архива: фонд 23 «Бекмаханов Ермухан

[60] Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М.: Воен. изд-во нар. Комиссариата обороны СССР, 1946. 116 с. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 1942 гг. Т. 13. М.: Терра, 1997. 447 с.

[61] Справочник ведомственного архива РГП «Ғылым ордасы». Алматы, 2015. 25 с.

Бекмаханович» (дело 712 – «Панкратова А.М. Отзыв на монографию Бекмаханова Е. «Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России». Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук); фонд 72 – «Покровский С.Н.» (дело 181 – «Покровский С.Н., Байшин А.А. «Участие трудящихся Казахстана в Великой Отечественной войне Советского Союза». Научное сообщение. Апрель 1965 г.»; дело 182 – «Состояние и дальнейшее изучение участия трудящихся Казахстана в Великой Отечественной войне». Доклад на научной сессии, посвящённой 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. 7 мая 1965 г.; дело 475 – «Письма Панкратовой А.М. из Москвы»; 530 – «Пинегина Л.А. «Историография Казахстана»).

В диссертации впервые привлечен огромный пласт документов из Архива Президента Республики Казахстан (фонды 708, 725, 798), рассекреченные сравнительно недавно. Данные документы и материалы долгое время находились под грифом «совершенно секретно» в партархиве ЦК Компартии Казахстана, (ныне – Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). В результате запросов общественности вышло распоряжение Премьер-Министра РК от 18 июня 2005 года №129-Р «Об образовании Межведомственной комиссии по рассекречиванию документов фонда 708 «ЦК КП Казахстана» за 1937-1991 гг.».

Согласно этому распоряжению была создана Межведомственная комиссия в Архиве Президента РК. Комиссия провела большую скрупулезную работу по рассекречиванию документов (протоколы от 23 сентября и 25 октября 2005 года; протоколы от 24 февраля и 29 сентября 2006 года; протоколы от 19 апреля и 15 октября 2007 года; протоколы от 21 апреля и 22 сентября 2008 года). В ходе плодотворной работы Межведомственной комиссией было рассекречено всего более 13 тысяч дел за 1937–1991 гг.

В настоящем исследовании основной массив документов АП РК впервые раскрывает деятельность Республиканской Комиссии военных изобретений при ЦК КП (б) Казахстана по разработке военно-технических проблем. Прежде всего, это документы, касающиеся разработки легендарного автомата Калашникова (Фонд 708, опись 1, дело 276 («Докладные записки, справки уполномоченного и

ответконтролёров Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по КазССР»), дело 689 («Протоколы заседаний Республиканской комиссии по военным изобретениям и справки обкомов партии о создании областных и районных комиссий по военым изобретениям»), дело 702 («Переписка по изобретению Калашникова М.Т. пистолета-пулемёта (секретно)»). Сохранилась уникальная переписка изобретателя М.Т. Калашникова – автора пистолета-пулемёта, затем самозарядного карабина, впоследствии усовершенствованного в знаменитый автомат Калашникова – АК-47, внедрённого в вооружение Советской Армии и получившего мировую известность.

Более тридцати дел этого же фонда (№№ 690-723) посвящены изобретениям и рационализаторским предложениям, касающимся новых видов оружия, военной техники. Их авторы – не только учёные и научные сотрудники эвакуированных в Казахстан научно-исследовательских институтов и лабораторий, но и рядовые граждане, стремившиеся посильным трудом внести свою лепту в разгром врага. Это такие дела, как: 690 – «Переписка с ЦК ВКП(б), Наркоматом обороны СССР, заводами и изобретателями по военным изобретениям», 691 – «Переписка с Наркоматом обороны, Наркоматом танкостроения СССР и партийными органами о проектировании и изготовлении экспериментальной конденсационной установки для танков», 692 – «Переписка по изобретению Г.В. Андреева об использовании ацитиленового оксиликвита в качестве взрывчатого вещества», 694 – «Переписка по изобретениям: Ботова и Гольдмана, Стрижеского, Щепетова», 695 – «Переписка по изобретениям Вейцель Э.Х., Бельковского В.П., Мюльмана Ф.А.», 697 – «Переписка по изобретению Гордиенко», 698 – «Переписка по изобретению Гольдштейна С.А. по скрытию объектов», 699 – «Переписка по изобретению Добровольского», 701 – «Переписка по изобретению Казакова В.Е о задернении аэродромов», 703 – «Переписка по изобретению реактивного снаряда Каушанского В.Д.», 704 – «Переписка по изобретению инфра-пеленгатора доц. Качеровича А.И. и проф. Литвинова В.Ф.», 705 – «Документы о приёме на вооружение взрывателей ВДДК-1 и ВДДК-2 инженера-конструктора Кимельфельда», 706 – «Переписка по изобретениям: проф.

Кульмана, технолога Вышетрасского и Городецкого П.С.», 707 – «Переписка по изобретению Дорунова, Штыкова, Лазарева и Хоткевича», 708 – «Переписка по изобретению Липецкого И.А. и Яковлева Л.С.», 710 – «Переписка по изобретению зажигательной бомбы Никулина А.», 711 – «Переписка по изобретению Портного Г.И. об изготовлении снарядов», 712 – «Переписка по изобретению противогаза Русакова М.И. для эфирного наркоза», 713 – «Предложение Спицына С.А. электрозамков для бомбардировочного вооружения», 717 – «Переписка по изобретению П.В. Станиславского», 718 – «Переписка по изобретению Сутугина Л.И. по усовершенствованию воздушного тарана», 719 – «Переписка по изобретенияю рототивного двигателя внутренного сгорания Ходакова Д.С.», 721 – «Переписка по изобретению Шлыгина Е.Д.», 722 – «Переписка по изобретению новой конструкции миномёта Юкова К.И.», 723 – «Переписка по изобретению нового типа шрапнельного снаряда Яроцкого И.Н.».

Подробный анализ этих изобретений, а также тех, которые в силу объективных или субъективных причин были отклонены Комиссией, дан в параграфе 2.2 второй главы нашего исследования.

Также были использованы дела: 139 – «Протоколы бюро ЦК КП(б) Казахстана», 534 – «Письма фронтовиков секретарям ЦК КП(б) Казахстана», 468 – «Документы Казахского филиала Академии наук СССР», 469 – «Докладные записки, планы работ, переписка инструкторов философии и истории, экономики Академии наук СССР», 470 – «Документы о подготовке юбилейной научной конференции Казахского филиала АН СССР, посвященной 25-летию Великой Отктябрьской социалистической революции», 473 – «Списки: 1. Академиков, членов-корреспондентов и научных работников Академии наук СССР; 2. Научных сотрудников, находящихся в Казахстане», 484 – «Текущая переписка и заявления. Письма и заявления работников науки, культуры, народного образования и семей военнослужащих на имя секретаря ЦК КП(б) Казахстана и переписка с учреждениями и ведомствами о их рассмотрении», 617 – «Докладные записки и переписка о размещении эвакуированных в КССР предприятий; списки эвакуированных и намеченных к эвакуации в КССР», 675 – «Письма фронтовиков

казахов и письма казахского народа фронтовикам казахам».

Интерес представляет дело 484 (фонд 708 АП РК) – о разработке гемато-энцефалического барьера первой в мире женщиной-академиком Линой Соломоновной Штерн. Автор данной методики начала работу над нею ещё до Великой Отечественной войны. Впоследствии названная «антишокином» Штерн, эта разработка была успешно внедрена на фронтах войны. С её помощью удалось спасти не одну тысячу солдат и офицеров Советской Армии. Об этом свидетельствует дело 2562 из фондов Архива Центра правовой статистики и информации (ЦПС и И) по Жамбыльской области.

Необходимо отметить документы из фондов Архива Российской академии наук (фонд 2, оп. 1 (1942), д. 75; оп. 1 (1944), д. 293; оп. 1-а (1943), д. 14; фонд 4, оп. 1 (1941–1942), д. 6; оп. 1 (1943), д. 14; оп. 1 (1944), д. 10; фонд 494, оп. 1. (1941), д. 2,5; оп. 1 (1942), д. 2, 7, 18; оп. 1 (1943), д. 5; оп. 1 (1944), д. 4), которые позволили дополнить сведения об учёных, эвакуированных на курорт «Боровое».

Особо надо отметить фонды Государственного архива Кокчетавской (ныне Акмолинской. – М.А.) области (фонды 2, 484, 759), где хранятся списки предприятий, научно-исследовательских институтов, учебных заведений, сведения об учёных, научных работниках, членах их семей, эвакуированных в различные города и населённые пункты Казахстана.

В частности, на курорт «Боровое» были эвакуированы выдающиеся ученые Советского Союза – академики, члены-корреспонденты, бывшие на момент эвакуации в преклонном возрасте. Например, почетные члены Академии наук СССР: основатель теории ноосферы академик В.И. Вернадский, химик-органик Н.Д. Зелинский, микробиолог Н.Ф. Гамалея, химик-органик М.А. Ильинский; академики – востоковеды-индологи В.М. Алексеев, А.П. Баранников и Ф.И. Щербатской, биохимик А.Н. Бах, зоогеограф Л.С. Берг, математик С.Н. Бернштейн, геолог, палеонтолог А.А. Борисяк, зоолог, гидробиолог С.А. Зернов, энергетик, сподвижник В.И. Ленина – Г.М. Кржижановский, математик, физик А.Н. Крылов, физики Л.И. Мандельштам и Н.Д. Папалекси, геофизик, механик Л.С. Лейбензон, славист-филолог Б.М. Ляпунов, историк русской литературы

А.С. Орлов, экономисты С.Г. Струмилин и П.П. Маслов, историки А.И. Тюменев и Ф.А. Ротштейн, ботаник А.А. Рихтер, химик-органик А.Е. Фаворский, зоолог, морфолог И.И. Шмальгаузен; члены-корреспонденты: микробиолог Г.Д. Белоновский, электротехник В.П. Вологдин, ботаник-физиолог, эколог Л.А. Иванов, хирург-онколог Н.Н. Петров, физик-химик Д.Л. Талмуд, филолог, востоковед-иранист А.А. Фрейман, заслуженный деятель науки М.И. Певзнер и др.

Из фондов ЦГА РК в диссертации использован фонд 2057 – «Архив академика К.И. Сатпаева», а также фонд 44 – о деятельности академика Л.С. Берга, фонды Р-283, Р-1109, 1137, 2057 – сведения о размещении эвакуированных предприятий, списки научно-исследовательских учреждений и вузов, сведения об учёных и др.

Впервые введены в научный оборот научные материалы и документы о жизнедеятельности российских учёных в годы эвакуации на курорте «Боровое»: документы Акмолинского областного историко-краеведческого музея (Документальный фонд. ГИК 20878-20890 – «Воспоминания С.Г. Бражникова, врача курорта «Боровое» об академиках, проживавших в дни Великой Отечественной войны в Боровом»; «П. Шкрыль. В Боровом, в годы войны», «С.А. Шкрыль (урождённой Пааль)– «В Боровом, в годы войны»).

Десятки лет ценные документы из фондов архива Госзаповедника «Боровое» Акмолинской области Казахской ССР, содержащие информацию о научной деятельности Ученого совета Госзаповедника «Боровое», в который входили эвакуированные академики, профессора и научные сотрудники АН СССР, как коллегиального органа, а также об их исследовательской работе, были скрыты от исследователей, так как находились и находятся в подсобном, в пыльном и почти заброшенном помещении Госзаповедника, называемом архивом.

Некоторые изучаемые документы при прочтении доставили массу трудностей из-за их слабой читабельности, плохого состояния. Причина кроется в ненадлежащих условиях хранения документов –ведь прошло более 70 лет с момента их создания. Известно, что во время войны из-за нехватки бумаги учёные

часто были вынуждены писать на оборотных сторонах листов, обрывках газет, журналов, плакатах и т.д.

Документы в основном рукописные, но есть и напечатанные на печатной машинке, копийные экземпляры. Некоторые документы, в зависимости от их вида, сопровождены дополнительными материалами – схемами, картами, рисунками, которые полнее раскрывают ту или иную информацию. К примеру, схематическая карта распределения лекарственных и витаминозных растений на территории Госзаповедника «Боровое» – ценное дополнение, визуально помогающее воспринять описание флоры заповедника, составленное научным работником И.Н. Оловянниковой.

В фонде архива Госзаповедника «Материалы. Разделы I, II, IV, V, VI, VII, XII, XIII, XIV» собраны следующие документы: тематические планы за 1942–1944 гг., включающие список тем, намеченных к выполнению за три вышеперечисленных года; обоснование; сметы расходов на разработку тех или иных тем; программы; календарные планы работ; объяснительные записки по планам и темам. В данном блоке, т.е. в «Материалах», находятся отзывы академиков по изучению леса в госзаповеднике, различные программы, методики работы по темам исследования профессоров П. Шмидта, Б. Образцова, М. Римского-Корсакова и др., метеорологические данные и результаты наблюдений за климатом «Борового» академика Л.С. Берга, фенологические наблюдения по заповеднику, отчёты по акклиматизации рыб в заповеднике; опись геологического коллекционного материала, собранного учеником академика В.И. Вернадского – профессором П. Дравертом, а также его список минералогической коллекции и др.

Особо ценными документами являются протоколы заседаний Учёного совета Госзаповедника, которые свидетельствуют об интенсивной научной и общественной деятельности эвакуированных ученых, о творческой атмосфере, царящей на курорте. В диссертационном исследовании они максимально использованы в главе, раскрывающей научную деятельность данного коллегиального органа за период со второй половины 1941 г. по август 1944 г.,

т.е. за время пребывания в эвакуации советских учёных, которые в тот момент состояли членами Ученого совета Госзаповедника «Боровое».

По фонду «Материалы» автором диссертации рассмотрено, изучено и введено в научный оборот 22 (двадцать два) дела: №№ 0011 (Оформление территории заповедника аншлагами – 19 листов), 0030 (Академик Берг Л. Метеорологические данные за 1943 г. и средние за 12 лет. 1932–1943 гг. – 12 листов), 0031 (Акад. Берг Л.С. Некоторые результаты обработки метеорологических данных за 1932–1943 гг. – 1 лист), 0055 (Академик Берг Л. Климат Борового за 11 лет. 1932–1942. – 36 листов), 0057 (Усова А.А. Опись геологического коллекционного материала, собранного проф. Драверт П.Л. в 1939 г. – 13 листов), 0067 (Драверт П.Л. Список минералогической коллекции района Госзаповедника Боровое. 1939 г. – 1 лист), 0109 (Разные материалы по наблюдению за фауной заповедника за 1941–46 гг. – 15 листов), 0111 (Отзывы академиков о научных работах заповедника Боровое. 1941 г. –12 листов), 0113 (Протоколы заседаний Учёного совета за 1941 г. – 26 листов), 0122 (Образцов Б.В. Методика работы по теме: «Зоологические съёмки Борового». 1941 г. – 2 листа), 0129 (Тематический план на 1942 г. – 16 листов), 0131 (Протоколы заседаний Учёного совета за 1942 г. – 32 листа), 0132 (Усова А.А. Программа работ геологического отдела Боровского музея за 1942 г. – 6 листов), 0134 (Проф. П.Ю. Шмидт. Отчёт о поездке на озеро Балхаш в связи с акклиматизацией сазана в заповеднике. 1942 г. – 9 листов), 0138 (Музейная работа. 1943–1946 гг. – 71 лист), 0140 (Тищенко В. Материалы по организации заповедного хозяйства Госзаповедника Боровое с 1943 по 1946 гг. – 27 листов), 0141 (Тематический план на 1943 г. – 15 листов), 0142 (Протоколы заседаний Учёного совета за 1943 г. – 26 листов), 0144 (Проф. Римский-Корсаков. Программа работы «Учёт паразитов вредителей лиственных и хвойных пород в хозяйстве заповедника». 1943 г. – 6 листов), 0145 (Фенологические наблюдения по Госзаповеднику Боровое за 1943 г. – 21 лист), 0152 (Протоколы заседаний Учёного совета за 1944 г. – 20 листов), 0157 (Тематический план на 1944 г. – 5 листов).

В фонде «Научный фонд. Разделы I, III» собраны отчёты научных

работников. Нами рассмотрено 9 (девять) дел: №№ 0017 (Оловянникова И.Н. «Лекарственные и витаминозные растения заповедника «Боровое» – 13 листов), 0110 (Акад. Берг Л. Отчёт об исследовании озёр с целью их рыбохозяйственного использования. 1941 г. – 1 лист), 0112 (Образцов Б. и др. Отчёты о выполнении научно-исследовательских работ по Боровскому заповеднику за 1941 г. – 13 листов), 0126 (Образцов. Отчёт по теме использования запасов пролётных птиц. 1941 г. – 7 листов), 0130 (Отчёты научных работников Госзаповедника Боровое за 1942 г. – 14 листов), 0136 (Кунаков Д.К. Предварительный отчёт о проделанной работе по теме методов борьбы с волками в условиях госзаповедника «Бороове» – - 2 листа), 0143 (Тищенко В. Годовой отчёт по научно-исследовательской работе по Госзаповеднику Боровое за 1943 г. – 18 листов), 0144 (Проф. Римский-Корсаков М.Н. Паразиты вредителей лиственных насаждений Борового и меры воспособления их полезной деятельности. 1943 г. – 22 листа), 0147 (Акад. Зернов С.А. Отчёт по работе в Боровском заповеднике за 1943 г. – 1 лист).

Также в рассматриваемом фонде есть два дела профессора П.Л. Драверта за 1938 и 1939 гг. По хронологическим рамкам они не входят в объект исследования и не включены в нашу работу, хотя для заинтересованных лиц эти документы представляют определённый интерес: 0041 (Драверт П.Л. Отчёты о выполнении научно-исследовательских работ по Боровскому заповеднику за 1938 год – 6 листов), 0048 (Драверт П.Л. Краткий отчёт о работе научно-исследовательской части Государственного заповедника «Боровое» за первую половину 1939 года – 23 листа).

Ценными источниками являются исследования академика А.С. Орлова «Казахский героический эпос»[62]; эпос «Ер Едиге»[63], позволяющие приоткрыть дверь в творческую лабораторию ученого.

Источниками в написании нашего диссертационного исследования послужили дневники и воспоминания участников событий периода войны,

[62] Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.;Л.: АН СССР, 1945. 148 с.

[63] Ер Едиге. Издание, опубликованное в 1927 году в Москве с предисловием К.И. Сатпаева. Алматы: Ғылым, 1995. 152 с.

неопубликованные исследования о жизни эвакуированных ученых, а также статьи, вышедшие в периодической печати: дневниковые записи академика В.И. Вернадского – «Дневники. Июль 1941 – август 1943»[64]; воспоминания академика П.Я. Кочиной – «Воспоминания»[65]; рукопись врача курорта «Боровое» С.Г. Бражникова – «Воспоминания С.Г. Бражникова, врача курорта «Боровое» об академиках, проживавших в дни Великой Отечественной войны в Боровом»[66]; рукопись директора Кокчетавского областного партархива С.А. Шкрыль (урождённой Пааль) – «В Боровом, в годы войны»[67]; рукопись местного краеведа П. Шкрыля – «В Боровом, в годы войны»[68]; статьи Н. Дубовицкого, А. Турсынбаевой, У. Шарипова и др.

Одной из групп источников являются опубликованные материалы, включающие сборники документальных и статистических материалов, например: «Русский архив: Великая Отечественная: Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Документы и материалы»[69]; «Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952»[70]. К сожалению, их немного.

Важными источниками по исследуемой теме являются материалы периодической печати. В диссертации привлечены сведения, характеризующие историю деятельности российских ученых в дореволюционное и советское время, драматические годы Великой Отечественной войны, напечатанные на страницах журналов «Туркестанские Ведомости», «Большевик Казахстана», «Известия АН

---

[64] Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. 542 с.

[65] Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 303 с.

[66] Воспоминания С.Г. Бражникова, врача курорта «Боровое» об академиках, проживавших в дни Великой Отечественной войны в Боровом. Рукопись. 1947 г. / Акмолинский областной историко-краеведческий музей. Документальный фонд. ГИК 20878-20890. Л. .57.

[67] Пааль (Шкрыль) С.А. В Боровом, в годы войны. Рукопись / Акмолинский областной историко-краеведческий музей. Документальный фонд. ГИК 20878-20890. Л. 1-30.

[68] Шкрыль П. В Боровом, в годы войны. Рукопись. 1985 г./ Акмолинский областной историко-краеведческий музей. Документальный фонд. ГИК 20878-20890. Л. 1-245.

[69] Русский архив: Великая Отечественная: Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне. 1941─ 1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25 (14). М.: Терра,1998. 736 с.

[70] Политбюро ЦК РКП(б) ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919─1952: Каталог. Т. 1940─1952. М.: Рос. полит энцикл., 2001. 1016 с.

СССР», «Вестник АН КазССР», «Коммунист», «Военно-исторический журнал», «Известия ВГО», «Новый исторический вестник». Важные свидетельства об ученых мы нашли на страницах газет «Правда», «Казахстанская правда», «Акмолинская правда», «Степной маяк». Несмотря на тенденциозность советской прессы, она является ценнейшим источником информации о жизни общества своего времени.

Привлеченных и используемых источников достаточно, чтобы осветить круг вопросов, связанных с историей вклада эвакуированных ученых в развитие казахстанской науки и в Победу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

Глава 2. Научно-техническая сфера Казахской ССР в предвоенное и военное время

2.1. Научно-технический потенциал Казахской ССР Накануне Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война внесла определенные коррективы в развитие научно-технической сферы бывших союзных республик. Казахстан не был исключением. Научно-технический потенциал, созданный в предвоенные годы, играл огромную роль в решении задач по обороноспособности страны. В Казахстане были также созданы условия для успешного развития науки и техники. В 1929 г. состоялся перенос столицы из Кзыл-Орды в Алма-Ату. В соответствии с Конституцией СССР, принятой 5 декабря 1936 г., Казахская автономная ССР была преобразована в КазССР, т.е. автономная республика стала союзной.

Историки А.А. Пархоменко и А.С. Фёдоров отмечают: «Говоря о науке и научных достижениях, о деятелях науки и научных школах, мы привычно имеем в виду становление нового знания. Мы говорим об утверждении смелых, новаторских, прогрессивных идей. Труд и творчество во имя познания действительности и социального прогресса – вот основные задачи науки, главные приоритеты научной деятельности»[71].

Несомненно, развитие научных учреждений молодого Казахстана происходило в рамках общего культурного процесса в СССР. Несмотря на отдельные негативные стороны советского строя, необходимо отметить такой положительный факт, что за тридцать послереволюционных лет было ликвидировано огромное отставание союзных республик от центра[72]. Именно в период с 1927 по 1941 г. шёл интенсивный процесс развития и становления

[71] Пархоменко А.А., Фёдоров А.С. Сражающаяся наука. М.: Знание, 1990. С. 7.

[72] Мармонтова Т.В. Научные связи Казахстана и России в 1926–1946 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 15.

казахстанской сети высших учебных заведений. Так, при Кирревкоме (Казревкоме) была создана Учёная комиссия, преобразованная затем в Научный отдел. Позже Научный отдел стал функционировать при Наркомпросе. Создаются краевой архив, музей. Образовываются первые государственные научные учреждения в области сельского хозяйства: Алма-Атинская плодово-ягодная станция, Краевая станция защиты растений, санитарно-бактериологический институт при Наркомздраве, Научно-исследовательский институт удобрений и агропочвоведения и др. Открываются филиалы ряда центральных научно-исследовательских учреждений: отделение Главного геологического комитета, Гинцветмета в Алма-Ате с научными базами в Семипалатинске, Каркаралинске, Чимкенте.

При Академии наук СССР в 1926 г. был образован Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР) под руководством академика А.Е. Ферсмана. В 1927 г. этим комитетом была организована Казахстанская экспедиция АН СССР, которая занималась геологическим, гидрологическим и статистико-экономическим обследованием края[73]. В 1930 г. при Госплане республики был создан Институт экономических исследований[74].

В республике не было единого центра для координации всей научно-исследовательской работы. В связи с этим наблюдалось её отставание от уровня и потребностей развития народного хозяйства.

Важной вехой в развитии науки явилось создание 8 марта 1932 г. Казахстанской базы Академии наук СССР в Алма-Ате – «именно в этот день Президиум Академии наук СССР принял решение об образовании Казахстанской базы. Её первыми секторами были зоологический и ботанический»[75].

---

[73] Сулейменов Р.Б. Из истории развития науки в Казахстане (1933–1940 годы) // Вопр. истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-Ата: Изд-во Акалемии наук Казахской ССР, 1961. С. 141.

[74] Чокин Ш.Ч. Путь Национальной академии наук (воспоминания и размышления). Алматы: Ғылым, 1996. С. 7.

[75] Жылгелдинов М. Архивы рассказывают // Казахстанская правда. 2016. 3 июня. С. 18.

Осенью 1934 г. Казахстанская база была преобразована в Комитет науки при Президиуме ЦИК КАССР. Этот научный орган руководил всей научно-исследовательской работой республики.

Первоначально Казахстанская база состояла из двух секторов – зоологического и ботанического, – которые проводили исследование флоры и фауны края. Процесс становления сопровождался трудностями, связанными с нехваткой оборудования и средств, а также квалифицированных кадров. Но, несмотря на сложности, были достигнуты определённые результаты – создан гербарий флоры Казахстана, который стал существенным вкладом во всесоюзное собрание флоры[76].

5 декабря 1936 г. Казахстан получил статус Советской Социалистической Республики, что привело к изменению структуры Казахстанской базы АН СССР. В 1938 г. она становится Казахским филиалом АН СССР (КазФАН). Данный факт ознаменовал собой наступление нового этапа в развитии республиканской науки. Председателем филиала был назначен выдающийся учёный-геолог с мировым именем А.Д. Архангельский[77]. КазФАН состоял из трёх отделов: геолого-географического, биологического, историко-лингвистического[78]. При нём в 1939 г. создаются два сектора – почвоведения и географии.

К началу Великой Отечественной войны Казахский филиал Академии наук СССР стал самым крупным научным учреждением республики, в состав которого вошли геологический институт, 7 секторов и 2 лаборатории. В них работали 152 научных и научно-технических сотрудника, из них 7 докторов наук, 20 кандидатов[79].

Для характеристики Казахского филиала АН СССР интерес представляют отдельные документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного

---

[76] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 16.

[77] Там же.

[78] Балакаев Т.Б., Бисенбаев А.К. Деятельность Казахского филиала Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. АН Казахской ССР. 1983. № 11. С. 51.

[79] Едыгенов И. Вклад учёных республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашистской Германии // Изв. Академии наук Казахской ССР. Сер. общественных наук. 1965. № 4. С. 64.

архива Казахстана. Например, протокол заседания Президиума КазФАН от 15 марта 1938 г.[80] Здесь, помимо крупных научных вопросов, рассматривались такие проблемы, как искоренение недостатков в работе КазФАН, ходатайство перед Президиумом АН СССР о присвоении научным работникам филиала званий старшего научного сотрудника и профессора, присвоение звания младшего научного сотрудника, зачислении научных сотрудников в аспирантуру без отрыва от производства и др.[81]

На заседаниях КазФАН заслушивались отчёты о проделанной работе секторов геологического, ботанического, зоологического, исторического, языка и литературы: химической и спектральной лабораторий; Алма-Атинского ботанического сада; научной библиотеки, т.е. всех структур, входящих в КазФАН[82].

23 июня 1938 г. в ЦК КП(б) Казахстана и СНК было направлено письмо-ходатайство о рассмотрении и утверждении состава Президиума Казахского филиала АН СССР согласно Уставу АН СССР. В Президиум КазФАН предлагались: «Председатель – академик А.Д. Архангельский, зам. Председателя – вакансия, Учёный секретарь – Л.П. Мамет, члены Президиума – Ф.Т. Орликов, В.М. Попов, Н.В. Павлов, С.А. Аманжолов, А.В. Афанасьев, У.У. Успанов»[83].

Среди документов ЦГА мы находим ценные сведения о работе КазФАН над созданием литературного отделения им. Джамбула как научного центра по изучению народной литературы и фольклора (докладная записка КазФАН в СНК КазССР, постановление СНК КазССР «Об организации отделения Народных акынов имени Джамбула при Казахстанском Филиале Академии Наук СССР»)[84].

В Архиве Президента Республики Казахстан (АП РК) также отложились документы о деятельности КазФАН[85]. Например, в отчёте за первое полугодие

[80] ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 2. Д. 1696.

[81] ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 2. Д. 1696. Л. 73.

[82] Там же. Л.103–107.

[83] Там же. Л. 135.

[84] Там же. Л. 136–144.

[85] АП РК. Ф. 708. Оп. 312. Д. 137.

1939 г. дан сравнительный анализ деятельности филиала за данный период и за 1938 г. В тематическом плане филиала предполагалось разработать 103 темы, тогда как в 1938 г. в два раза меньше.

В отчете сообщалось: «Для реализации плана научно-исследовательской деятельности филиалом организовано 55 полевых экспедиционных отрядов, в то время как в прошлом году таких отрядов работало всего лишь 12… Увеличение работы потребовало … значительно расширить кадры научных сотрудников. Если на 1/1-39 г. общее количество научных сотрудников филиала равнялось 99, то на 1/VII-39 г. штат научных сотрудников увеличился до 150 человек»[86].

Далее следуют подробные отчёты секторов КазФАН: геологического (с лабораторией спектрального анализа), географического, зоологического, почвенного, ботанического, Алма-Атинского ботанического сада, химического (с биохимической и органической лабораториями), сектора языка, сектора литературы и народного творчества им. Джамбула, исторического, бюро антисейсмического строительства.

Как свидетельствуют архивные материалы, деятельность КазФАН была весьма разнообразной и плодотворной. Особенно быстрыми темпами развивалась геологическая наука, благодаря которой были обнаружены богатейшие запасы минерального сырья. Ещё в конце 20-х гг. Казахстан был признан «сплошной металлогенической провинцией» СССР.

Активно изучались ресурсы Центрального Казахстана под руководством академика Н.С. Курнакова. Продолжалось исследование потенциальных возможностей Карагандинского угольного бассейна, Урало-Эмбенского нефтеносного района, открыты месторождения фосфоритов (Каратау), калийных солей и других нерудных полезных ископаемых. Интенсивно велось изучение наземных и подземных гидроресурсов.

Казахстан вышел на одно из первых мест в СССР по добыче угля, цветных металлов, других полезных ископаемых. В этом немалая заслуга таких видных советских учёных, как К.И. Сатпаев, А.А. Гапеев, Н.Г. Кассин, М.П. Русаков,

[86] АП РК. Ф. 708. Оп. 312. Д. 137. Л. 2–3.

И.М. Губкин и др. Так, к 1930 г. на территории Казахстана было открыто более 5 500 месторождений полезных ископаемых – 1 700 медных, 650 свинцово-цинковых, свыше 1 000 полиметаллических и железных руд, драгоценных металлов[87]. Благодаря большим успехам геологической науки в начале 1941 г. сектор геологии КазФАН был преобразован в Институт геологических наук, который стал первым в системе академических научно-исследовательских учреждений[88].

Создание Республиканского геологоразведочного управления Наркомата тяжёлой промышленности СССР, первой в Казахстане постоянно действующей геологической службы[89], дало существенный толчок развитию геологии.

Большим достижением геологической науки бывшего СССР имели исследования Джезказганских месторождений медных руд К.И. Сатпаевым – первым академиком-казахом, первым президентом АН Казахской ССР, выпускником Томского технологического института (обучался в 1921–1926 гг.). Россияне глубоко чтят память учёного-геолога. В данном высшем учебном заведении (ныне политехнический университет) есть аудитория имени Каныша Сатпаева и музейный уголок, а на аллее парка ему установлен бюст с памятной плитой на русском и казахском языках.

Благодаря организаторскому таланту К.И. Сатпаева, его интуиции учёного, умению видеть перспективы развития республики, её народного хозяйства и культуры в военное время в Казахстане был создан и продолжал работу ряд научных учреждений – передислоцированных и местных – с привлечением эвакуированных кадров. Осенью 1941 г. К.И. Сатпаев был назначен заместителем председателя, а осенью 1942 г. – председателем Президиума КазФАН, оставаясь на должности директора Геологического института. Первый академик АН КазССР с гордостью говорил: «Девять из десяти пуль, разящих гитлеровских оккупантов, отливается из свинца, добытого в Казахстане»[90].

---

[87] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 15.

[88] Чокин Ш.Ч. Указ. соч. С. 9.

[89] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 15.

[90] Жылгелдинов М. Указ. соч..

Академик А.Д. Архангельский дал высокую оценку геологическому открытию казахского учёного: «В джезказганских рудах отсутствует мышьяк, висмут и другие вредные для меди примеси. Это позволяет относительно дёшево переработать их в высококачественную черновую медь. Понятно, что при этих условиях для получения одной тонны меди в Джезказгане нужно добывать меньшее количество руды, нежели в других месторождениях Союза. Стоимость одной тонны руды не будет превышать 3 руб. 10 коп. Это будет самая дешёвая медь в СССР»[91].

В статье «Академик К.И. Сатпаев» легендарный геологоразведчик, академик АН КазССР М.П. Русаков охарактеризовал исследования казахского учёного как «выдающееся открытие, имеющее большое научное и практическое значение в деле… преобразования Казахстана, развития его производительных сил»[92].

Надо отметить, что сектор геологии возглавлял Н.Г. Кассин, под руководством которого в 1939 г. впервые была составлена сводная геологическая карта Восточного Казахстана и сделано геологическое описание его территории, которое вошло в XX том трудов «Геология СССР», изданный в 1941 г.[93]. На базе открытых месторождений полезных ископаемых начали строиться новые промышленные предприятия, новые города.

В 30-е гг. Академия наук СССР совместно с Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) и другими союзными научно-исследовательскими учреждениями ввела в практику проведение научных конференций, сессий и пленумов, посвященных Казахстану. Так, в феврале 1932 г. в Ленинграде состоялась первая научная конференция по изучению производительных сил Казахстана. В ноябре 1934 г. была организована выездная сессия в Алма-Ате по комплексному изучению и освоению Алтайского, Иртышского, Джезказганского районов. В марте 1936 г. также в Алма-Ате на

---

[91] Сулейменов Р.Б. Указ. работа. С. 148.

[92] Русаков М.П. Академик К.И. Сатпаев // Вестн. АН КазССР. 1946. № 12. С. 4.

[93] Сулейменов Р.Б. Указ. соч. С. 148.

второй геологической конференции и сессии АН СССР обсуждались такие вопросы, как состояние, перспективы и методы геологических исследований на территории Казахстана, в частности по освоению Большого Алтая и Джезказгана. В сентябре 1937 г. в Алма-Ате был проведён выездной пленум секции животноводства ВАСХНИЛ[94].

В 1940 г. создан Казахский филиал ВАСХНИЛ. В его составе были 4 института, 25 лабораторий, 46 опытных станций и полей и 4 экспериментальные базы. В них работали 204 научных и научно-технических сотрудника[95].

Исследованием природных ресурсов и определением перспектив промышленного развития республики занималась Казахская секция при совете по изучению производительных сил АН СССР. Учёным секретарём секции являлся, академик В.А. Обручев. В 30-е гг. широко применялась практика организации научных конференций, совещаний и сессий Академии наук совместно с партийными организациями республики, которые благотворно влияли на ход интенсивного изучения и введения в промышленный оборот естественных богатств Казахстана[96].

Другим важным направлением научных поисков в 30-х гг. была биология. Созданный в 1929 г. в Кзыл-Орде Казахский почвенный институт с ботаническим отделом в 1934 г. переведён в Алматы и на его базе организован Казахский научно-исследовательский институт земледелия им. В.Р. Вильямса (КИЗ) (1935 г.). Кроме них работали институты: животноводства (основан в 1933 г.), земледелия, ветеринарии и экономики сельского хозяйства, а также широкая сеть областных и зональных сельскохозяйственных опытных станций[97].

Известно, что Казахстан был сферой научных интересов для целого ряда советских учёных. Так, в 20–30-е гг. XX в. исследованием Государственного заповедника и курорта «Боровое» занимались такие учёные, как П.Л. Драверт,

---

[94] Сулейменов Р.Б. Указ. соч. С. 143.

[95] Едыгенов И. Указ. соч.

[96] Там же.

[97] Рыспаев К. История Республики Казахстан: учеб. пособие для студентов вузов. Алматы: Білім, 2002. С. 287.

М.В. Мальцев, Д.М. Сухов, С.Р. Лаптев, Л.Н. Соболев, П.И. Зарницын, А.П. Горяев, С.С. Голубинский, Е.И. Седлак, а также казахстанский биолог Д. Кунаков.

Результаты их изысканий вошли в сборник «Государственный заповедник и курорт Боровое», вышедший в 1940 г. в Омске под редакцией профессора П.Л. Драверта, последователя академика В.И. Вернадского[98].

«В Северном Казахстане, – отмечается в данном сборнике, – среди ровных степных пространств или голых холмов мелкосопочника, имеется немало живописных уголков… довольно высокие горы, с прихотливыми очертаниями, и голубые прозрачные озёра, и ярко зеленеющие леса. К таким местностям принадлежат, например, окрестности Аккан-бурлука, Имантавского, Арык-балыка, Зеренды и некоторых других пунктов. Но, ни в одном из этих мест природа не разбросала в былое время свои дары… так щедро, как в Боровом. Здесь горы и сопки с полезными ископаемыми в их недрах, и десятки озёр с пресными и минерализованными водами, разнообразный мир растений и животных…»[99]

В предисловии к сборнику указана необходимость изучения рассматриваемого региона: «Природа Борового и её особенности всегда интересовали многочисленных посетителей этого замечательного уголка нашего отечества. Но описания Борового рассеяны часто или в труднодоступных или в узкоспециальных изданиях, а выходившие небольшими тиражами путеводители и справочники (Александрова, Мультановского, Криницина) быстро раскупались и теперь представляют библиографическую редкость. Ввиду этого Учёный Совет заповедника в целях популяризации сведений о Боровом решил выпустить настоящий сборник очерков и статей… написаных лицами, работавшими на курорте или в заповеднике…»[100]

В статьях, вошедших в сборник, освещена история курорта и заповедника «Боровое» (М.В. Мальцев), климатические особенности заповедника (Д.М.

---

[98] Государственный заповедник и курорт Боровое: сб. ст. / под ред. проф. П.Л. Драверта. Омск: Омское областное гос. изд-во, 1940. 115 с.

[99] Там же. С. 3.

[100] Государственный заповедник и курорт Боровое… С. 4.

Сухов); профессором П.Л. Дравертом написан геологический очерк о заповеднике, а также составлен указатель литературы о Боровом; описана гидрология и гидрохимия заповедника (С.Р. Лаптев), почвы и растительность (Л.Н. Соболев), животный мир (Д. Кунаков), леса Борового (С.С. Голубинский), Боровской лесной питомник (Е.И. Седлак); лечебным факторам и лечебным учреждениям курорта «Боровое» посвящены статьи П.И. Зарницына и А.П. Горяева. Следует отметить научно-популярный стиль статей и очерков.

Позже, в 1948 г., были опубликованы «Труды Государственного заповедника «Боровое», которые «содержат большой фактический материал и дают важные практические выводы»[101]. В частности, в статье Б.А. Белослюдова дан краткий экскурс и задачи изучения природных богатств заповедника за период с начала XX в. по 40-е гг.[102] «…Его задачами являются охрана и всестороннее изучение разнообразных природных богатств, находящихся на его территории, в целях восстановления утраченных видов и обогащения новыми формами»[103].

Автор подчеркивает, что геологическая изученность заповедника находится на высоком уровне благодаря исследованиям П.Л. Драверта, А. Краснопольского, К. Скальковского, Н. Высоцкого, В.А. Обручева, А.А. Борисяка, А.Е. Ферсмана, Е.Д. Шлыгина, А.А. Усовой и др.[104] Немаловажный факт, что дальнейшее изучение флоры и фауны заповедника «Боровое» успешно продолжилось и в годы войны силами эвакуированных учёных.

Казахстан находится на стыке многих культур и религий. По его территории в древности проходил Великий шелковый путь. Казахи в разные периоды своей истории находились под влиянием империи Александра Македонского и Персидской державы, входили в состав империи саков, гуннов, Дешт и Кипчака, Золотой Орды, империи Тамерлана и др. На территории Казахстана сохранились развалины древних городов и древние сооружения, вошедшие в сокровищницу мировой архитектуры, найдены одежды и вооружение из чистого золота сакских

[101] Труды Государственного заповедника «Боровое». Алма-Ата, 1948. Вып. 1. С. 3.

[102] Там же. С. 70.

[103] Там же.

[104] Там же. С. 72.

царей и их окружения, а также золотые снаряжения боевых коней далекого прошлого. Возможно, поэтому в XVIII–XIX вв., а в особенности в начале XX в., в Казахстане побывали российские и зарубежные исследователи, изданы научные и научно-популярные труды по истории, этнографии, археологии, фольклору казахского народа.

В 30-е гг. XX в. на территории Казахстана интенсивно развернулась деятельность археологических экспедиций и этнографических отрядов под руководством известных советских учёных – академиков А.Н. Самойловича и А.Н. Бернштама. В 1939 г. экспедиция обнаружила на юге Казахстана местонахождение древних городов Койлык, Эквиус. Начались раскопки развалин древнего Тараза и целого ряда других поселений[105]. В связи с нехваткой местных специалистов в области археологии, музееведения и краеведения работа археологических экспедиций и мероприятия по сохранению памятников старины Казахстана оставляли желать лучшего.

В Центральном государственном архиве Казахстана сохранился примечательный документ от 8 октября 1939 г. Начальник Республиканского управления заповедниками и охраны памятников старины при СНК КССР, бывший путешественник и революционер Алиби Джангильдин ходатайствует перед Наркомфином о выделении денежных средств для подготовки научно-технических и научных работников из местных кадров по изучению древних археологических памятников.

В этом документе затрагиваются насущные проблемы по охране исторических памятников, развитию археологической науки и подготовке научных кадров: «1. Охватить учётом все памятники старины Казахстана при наличии в Управлении только одного инспектора по охране памятников старины является абсолютно невозможным. 2. Неимение учётных данных и археологических карт Казахстана не даёт возможность казахстанским научно-исследовательским учреждениям правильно поставить научно-исследовательскую работу. 3. Археологические учётно-разведочные экспедиции – единственный

[105] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 17–18.

правильный путь к учёту и охране памятников старины, и эта работа должна принадлежать исключительно Республиканскому Управлению Заповедников. 4. Казахский Филиал Академии Наук СССР, пользуясь материалами Республиканского Управления по учёту памятников старины, ставит стационарные научно-исследовательские работы только в наиболее важных пунктах. 5. Кадров научных и научно-технических работников по археологии в КССР нет, а поэтому при огромной территории Казахстана является необходимость включения в экспедиции Республиканского Управления и сотрудников маломощных районных музеев – в целях подготовки научно-технических работников по археологии»[106].

Серьёзное внимание уделялось развитию общественных наук. В 20-е гг. первым научным учреждением по общественным наукам был Истпарт (Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии)[107].

В 1931 г. был образован Казахский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма (КНИИМЛ) при крайкоме партии, который впоследствии стал Казахским филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – Институт истории партии при ЦК КП Казахстана. Институт пропагандировал и переводил произведения классиков марксизма-ленинизма, являлся центром подготовки научно-исследовательских кадров обществоведов, проводил сбор документальных материалов по истории партийной организации республики и др.[108]

Необходимо отметить, что особенностью довоенного периода развития научной деятельности республики стали выявление, сбор и систематизация архивных документов, археологического, этнографического, фольклорного и мемуарного материалов.

---

[106] Центральный государственный архив РК. Ф. 1137. Оп. 3. Д. 758. Л. 6–7.

[107] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 22.

[108] Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата: Рауан, 1990. С. 59.

В 1933 г. в структуре Казахского филиала АН СССР был открыт Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры, который изучал историю, археологию, литературу, фольклор, лингвистику, изобразительное и музыкально-хореографическое искусство. На основе историко-археологического сектора института в 1936 г. был образован сектор истории Казахстанской базы, который строил свою деятельность, используя документы и материалы Казцентрархива, краевого музея, государственной библиотеки, бюро краеведения, Научно-исследовательского института педагогики и кафедр Казахского государственного университета[109]. В 1936 г. было организовано Центральное архивное управление республики.

Таким образом, до середины 30-х гг. XX в. историческими исследованиями в Казахской ССР занимались следующие учреждения и общественные организации: Казахский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма, Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры (КНИИНК), Общество изучения Казахстана (ОИК), а также Центральный государственный музей Казахстана, Центральное архивное управление (ЦАУ), Государственная публичная библиотека им. 10-летия Казахской ССР[110].

В марте 1935 г. в структуре Казахстанской базы АН СССР был образован исторический сектор, который в 1936 г. объединился с историко-археологическим сектором КНИИНК. В 1941 г. в Казахском филиале АН был создан Институт истории, языка и литературы[111].

В 1930-х гг. появились серьезные научные исследования и учебные пособия по истории Казахстана. В 1934 г. была опубликована монография Г. Токжанова «Казахский аул», в которой проанализирована эволюция кочевого и оседлого хозяйства края, раскрывающая суть колониальной политики царизма. На повестку дня выдвигалась первоочередная задача написания учебников и учебных пособий

---

[109] Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата: Рауан, 1990. С. 59.

[110] Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.): Очерки становления и развития. Алма-Ата: Ғылым, 1990. С. 98.

[111] Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.)… С. 99.

по истории Казахстана для вузов и школ. Так, в 1935 г. была издана «История Казахстана с древнейших времён», написанная профессором С. Асфендияровым.

В 1936 г. под руководством С. Асфендиярова и П. Кунте был издан документальный сборник «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» (в двух частях), где авторы представили исторические сведения и архивные документы с древних времен истории казахского народа до XVIII в. Это был первый сборник, который включал в себя обширный пласт документов по истории казахского народа, и первая в советской историографии попытка систематизации сведений по истории края и казахского народа, извлечённых из работ зарубежных, русских и советских авторов, ставших библиографической редкостью[112].

В 1940 г. ленинградский учёный М.П. Вяткин выпустил «Очерки по истории Казахской ССР», где представил историю края с древнейших времен до 70-х гг. XIX в. Он принимал активное участие в научно-методической помощи КазФАНу в издании книг и сборников документов по истории Казахстана[113]. Характерной особенностью в развитии общественных наук в Казахстане, как и во всем СССР в конце 30-х гг. XX в., было господство одной идеологии – марксизма в его советском варианте. Настольной книгой для обществоведов и историков был учебник «Краткий курс истории ВКП(б)», который вышел в свет в 1938 г.

В предвоенные годы существенно расширилась сфера науки в Казахстане – в 1940 г. действовало уже 110 научно-исследовательских учреждений, в них работало 1 727 научных сотрудников, среди них 10 докторов и 50 кандидатов наук[114].

Известно, что не одно поколение дореволюционных казахских деятелей, а позже казахстанских учёных приобретало знания в крупнейших вузах Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Киева, Казани, Ташкента. 1930-е гг. прошлого века стали судьбоносными в подготовке национальных кадров по всем

---

[112] Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.)… С. 103.

[113] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 18.

[114] Сулейменов Р.Б. Указ. соч. С. 142.

направлениям науки. Если в царское время учились только десятки молодых казахов из привилегированного сословия чингизидов и местных аристократов, то в советское время получили возможность учиться сотни и тысячи казахстанцев. Мы уже упоминали имя выпускника Томского технологического института – первого президента АН КазССР, выдающегося ученого-геолога К.И. Сатпаева. Известна также первая женщина-инженер Г. Балфанбаева, выпускница Московского института связи, – заместитель наркома связи республики. В России получили образование и ставшие впоследствии известными учёными академики М.Б. Балакаев, М.К. Каратаев, Д.В. Сокольский, Т.Б. Дарканбаев и др.[115]

В Казахстане процесс подготовки квалифицированных кадров сопровождался определёнными трудностями. Большую роль в создании высших учебных заведений, подготовке кадров, организации научной работы в Казахстане сыграли академик А.Н. Самойлович, профессор С. Асфендияров, народный комиссар просвещения Т.К. Жургенев и многие другие известные учёные[116]. Первым казахстанским вузом стал Казахский государственный педагогический институт, открывшийся в 1928 г., которому в 1935 г. было присвоено имя Абая (ныне Алматинский государственный педагогический университет). Затем были открыты Алма-Атинский зооветеринарный институт (1929 г.), Казахский сельскохозяйственный институт (1930 г.), Алма-Атинский медицинский институт (1931 г.), Казахский государственный университет (1934 г.) [117]

В 1935 г. в Казахском педагогическом институте им. Абая был открыт исторический факультет. В 1936 г. при Казахстанской базе АН СССР была открыта аспирантура, куда были приняты 15 аспирантов, из них 5 – по специальности «История и литература Казахстана». С 1938 г. начала действовать аспирантура при КазПИ, в том числе и по специальности «История». Но всё-таки большая часть аспирантов направлялась на обучение в ведущие вузы Москвы и Ленинграда[118].

---

[115] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 19.

[116] Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.). С. 100.

[117] Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.): Очерки становления и развития. Алма-Ата: Ғылым, 1990. С. 101.

[118] Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.)...

Участие центральных российских вузов в формировании казахстанской интеллигенции не ограничивалось обучением в них талантливых юношей и девушек из Казахстана. По специальным разнарядкам, в качестве кадровой поддержки, в Казахстан направлялись выпускники из вузов Центральной России[119].

Между центральными и региональными вузами советской страны было налажено научное сотрудничество, которое предполагало обучение казахстанских студентов ведущими учёными из центра; практику казахстанских студентов в центральных научных и учебных заведениях; в вузы Казахстана из центральных вузов отправлялось различное оборудование, книги и т.д.[120]

В предвоенные годы расширилось сотрудничество историков Казахстана и учёных научных центров Москвы и Ленинграда. Например, исторический сектор КазФАН уделил основное внимание созданию источниковой базы – выявлению архивных документов и материалов на восточных языках. Непосредственным куратором данного направления стал Институт истории АН СССР. Им предполагалось издать 5-томный труд «Материалы по истории Казахстана». Но в силу ряда объективных и субъективных причин был опубликован только один том в 1940 г., охватывающий отрезок XVIII в. – от движения Срыма Датова до ликвидации ханской власти в Малой орде.

Как известно, приоритетным направлением исследований 30-х гг. стало изучение национально-освободительных движений и классовой борьбы. Это – восстания под предводительством Кенесары Касымова, Исатая Тайманова, Срыма Датова, Амангельды Иманова, а также события революции 1917 г. и Гражданской войны. Так, накануне войны были подготовлены к печати монография В.Ф. Шахматова «История Букеевской орды», работы по восстанию 1916 г. К сожалению, не все было опубликовано[121].

---

[119] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 11.

[120] Там же.

[121] Козыбаев И.М. Историческая наука Казахстана (40–80-е годы XX века). Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. С. 12–13.

Предполагалось подготовить 4-томник по истории Казахстана, для создания которого были приглашены такие учёные-историки, как М.П. Вяткин, А.П. Чулошников, А.Н. Бернштам, Н.Т. Тимофеев, Е.Г. Фёдоров, П.П. Иванов, В.Ф. Шахматов, А.Х. Маргулан, А.Ф. Якунин и др. Но был опубликован в июне 1941 г. только первый том этого обобщающего труда[122].

Капитальный академический труд по истории Казахстана был создан в период Великой Отечественной войны. Это научное издание вышло в свет в 1943 г., под редакцией академика А. Панкратовой и М. Абдыкалыкова[123] в результате совместной и плодотворной деятельности эвакуированных и местных учёных-историков (процесс работы над учебником освещён в отдельном параграфе нашей диссертации).

20–30-е гг. XX в. – противоречивый период в истории культуры Казахстана, так как наряду с достижениями в области образования, науки, литературы и искусства в это время имели место и негативные события. Успехи в развитии искусства и литературы были несомненны. В мае 1936 г. в Москве успешно прошла первая декада казахского искусства. Почётного звания народной артистки СССР была удостоена К. Байсеитова. В 1934 г. в Казахстане была открыта первая студия художественных фильмов, а в 1938-м «Ленфильмом» снят первый казахский звуковой фильм «Амангельды».

В 1939 г. грамотность населения всей республики достигла 65%, казахского населения – 40%. К 1940 г. ликвидация неграмотности среди трудоспособного населения в основном была завершена. Но, с другой стороны, это были годы отхода от традиционной национальной культуры, отрыва её от исторических корней. Как и во всех республиках СССР, в Казахстане это было время массовых репрессий, когда жертвами тоталитарного режима стали тысячи людей, в том числе выдающиеся представители национальной интеллигенции[124].

---

[122] Там же. С. 13.

[123] История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: Казогиз, 1943. 656 с.

[124] Кан Г. История Казахстана: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Алматы: Аркаим, 2002. С. 186.

В 1928 г. по ложному обвинению были арестованы и репрессированы 44 так называемых буржуазных националиста – бывшие деятели национальной партии Алаш и правительства Алаш-Орды (Казахской национальной автономии 1917–1919 гг.), составляющие цвет казахской нации, – А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймауытов и др. В 1930 г. было репрессировано около 40 человек, среди них М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов и другие яркие представители казахского народа.

В 1937–1938 гг. политические преследования приняли массовый характер. Были уничтожены такие видные государственные и общественные деятели, как Т. Рыскулов, Д. Садвакасов, У. Исаев, У. Джандосов; представители казахской литературы С. Сейфуллин, Б. Майлин, И. Джансугуров; учёные К. Жубанов, С. Асфендияров и др. В конце 1930-х гг. образовался своеобразный вакуум в исторической науке Казахстана[125].

Необходимо отметить и такой факт, что кадровый потенциал Казахстанского филиала Института Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б), которому принадлежала роль партийного идейно-теоретического центра, также был ослаблен репрессиями второй половины 30-х гг. XX в. Например, к началу 1941 г. в институте насчитывалось всего 14 научных сотрудников, из которых только 7 имели высшее образование. Трое работников филиала учились в аспирантуре КазГУ (заочно). Никто из научных сотрудников не имел учёных степеней и званий, не владел иностранными языками[126].

От маховика репрессий жестоко пострадали и видные деятели советской науки. Талантливые учёные, необоснованно обвинённые и объявленные врагами народа, кому посчастливилось остаться в живых, волею судьбы оказались в Казахстане, который на некоторое время стал местом отбывания их ссылки. Назовём лишь некоторые фамилии – историки Е.В. Тарле, Л.Н. Гумилев,

[125] Асылбеков М.Х. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана (доклад на научной конференции, посвящённой 115-летию со дня рождения академика А.М. Панкратовой, состоявшейся 16 февраля 2012 г. в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова и Центральной научной библиотеке НАН РК) // Отан тарихы, 2012. № 1 (57). С. 27.

[126] Козыбаев И.М. Указ. соч. С. 8.

К.В. Харлампович, первая в мире женщина-академик физиолог Л.С. Штерн, учёный-механик Л.С. Лейбензон, сподвижник К. Циолковского биофизик А.Л. Чижевский и др. Находясь в тяжелейших условиях, ограниченные в правах, по сути даже не имея никаких прав, они продолжали свои научные изыскания[127].

Подводя итоги вышеизложенному, важно отметить, что в предвоенный период развитие научно-технической сферы Казахстана наряду с серьезными достижениями в силу объективных и субъективных причин шло сложно и противоречиво.

С одной стороны, в рассматриваемый период фомировались новые научные учреждения, а с другой – практически игнорировалась работа Общества изучения Казахстана как одной из ведущих организаций в 20-е – начале 30-х гг.; повсеместно звучали призывы к всестороннему изучению прошлого Казахстана, и одновременно шёл процесс уничтожения талантливых учёных и видных государственных и общественных деятелей; публиковались исследования, не всегда совершенные с научной точки зрения, и в то же время активно изымалась литература «врагов народа».

Великая Отечественная война стала своеобразным побудительным мотивом, точнее, мощным толчком для научно-технического и культурного развития Казахстана. Ведь волею судеб на волне эвакуации в Казахстане оказались сотни промышленных предприятий, научных и учебных заведений, известные московские и ленинградские деятели культуры и кино, выдающиеся учёные, которые, несмотря на тяготы и невзгоды военного лихолетья, своими научными изысканиями внесли свою лепту в достижение Великой Победы.

Таким образом, казахстанская наука в предвоенный период развивалась в рамках общего научного и культурного процесса в СССР, используя достижения национальной и российской научной мысли предшествующего времени, а главное – опираясь на опыт и помощь союзных структур.

---

[127] Мармонтова Т.В. Указ. соч. С. 20.

2.2. Деятельность эвакуированных предприятий, Казахского филиала АН СССР и Комиссии по мобилизации ресурсов на нужды обороны в Казахской ССР

Великая Отечественная война нарушила привычный ход развития советской страны. Сотни производств, машиностроительных и военных заводов были эвакуированы в регионы Сибири, Средней Азии и Казахстана. Нужно было не только вывезти из прифронтовых и центральных районов на восток людские ресурсы, но и перебазировать промышленное оборудование многих тысяч предприятий и учреждений, а также его установить, смонтировать, запустить, обеспечить сырьем и энергией. И сделать все это требовалось в труднейших условиях войны и в самые короткие сроки.

Мобилизационная работа была возложена на специальный орган при правительстве – Совет по эвакуации, который был создан согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 24 июня 1941 г. Совет обладал широкими полномочиями, свои действия осуществлял через специальных уполномоченных; разрабатывал планы перебазирования людей и промышленных предприятий с указанием пунктов размещения, сроков, порядка и очередности, организовывал обслуживание эвакуированных в пути.

Казахстан являлся глубоким юго-восточным тылом и должен был с первых дней войны переориентировать свою экономику на обеспечение нужд фронта: освоить и расширить производство оборонной продукции и добычу стратегического сырья, широко развернуть промышленное строительство, осуществить перераспределение трудовых и материальных ресурсов, принять массу перемещаемых из прифронтовой полосы предприятий и ускорить ввод их в действие на новых местах. В 1941–1942 гг. в Казахстан из европейской части России было передислоцировано 220 заводов и фабрик, цехов и артелей с 50 тыс. кадровых рабочих и инженерно-технических работников, а также более 20 научно-исследовательских учреждений, более 40 высших и средних специальных учебных заведений[128]. По данным эвакуационного отдела при СНК КазССР,

[128] Жангельдин Т.Ж. Историческое значение и источники победы СССР в Великой Отечественной войне //

с августа 1941 по январь 1942 г. в республику было эвакуировано более 380 тыс. человек[129].

Основными районами размещения предприятий и учреждений стали Алма-Ата, Уральск, Петропавловск, Чимкент, Семипалатинск, Караганда, Актюбинск, Кзыл-Орда. От размещенных в Казахстане в годы Великой Отечественной войны эвакуированных предприятий прежде всего требовалась сверхсрочная выдача фронту военной продукции.

Необходимо отметить, что, хотя Казахстан считался глубоким тылом в военное время, западная его часть оказалась прифронтовой полосой. Географическая близость к Сталинграду предопределила судьбу западно-казахстанского региона в преддверии Сталинградской битвы. По указанию Военного Совета Сталинградского фронта 16 октября 1942 г. Уральск был включён в прифронтовую зону, 26 октября, согласно специальному распоряжению СНК СССР, город стал одним из пунктов противовоздушной обороны страны, куда были направлены войска ПВО, артиллерийские части и др.[130]

Известно, что успех наступления на фронте во многом зависит от чёткой работы в тылу. Так, в Актюбинскую область были передислоцированы автобронетанковые, авиационные, автотранспортные и железнодорожные ремонтные базы, обеспечившие «вторую жизнь» более 300 боевым машинам и 500 моторам[131].

В Кзыл-Ординскую область в ноябре 1941 г. был эвакуирован завод им. Ф. Дзержинского: «... на поезде из Лосиноостровска на станцию Саксаульск были перевезены более 130 станков и группа рабочих завода им. Ф. Дзержинского. Для быстрого ввода предприятия в эксплуатацию было освобождено здание местного паровозного депо»[132].

Изв. Академии наук КазССР. Сер. общественных наук. Вып. 4. 1965. С. 9.

[129] Абдрахманов Ж. Ударная помощь тыла // Казахстанская правда. 2016. 13 мая. С. 19.

[130] Букаткин П.Р. Западный Казахстан – ближайший тыл Сталинградского фронта // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М.: Мысль, 1974. С. 313–319.

[131] Там же. С. 315.

[132] Абдрахманов Ж. Указ. соч.

Также в Кзыл-Ординскую область было передислоцировано несколько предприятий из Украины: «На станцию Жосалы Кармакшинского района 21 ноября 1941 года ... [прибыли] Харьковский эмалевый, механико-штамповочный заводы, фабрика регенерации электрических ламп»[133].

В декабре 1941 г. «на базе городского промышленного комбината Кзыл-Орды была размещена московская фабрика цветных металлов... 18 марта 1942 года на базу механического завода станции Жосалы был переведён завод № 7 Центрального Совета Осоавиахима СССР»[134]. Все предприятия в короткие сроки были включены в круглосуточную работу.

Сырьевая база Казахстана была максимально использована в оборонной промышленности. Например, Балхашский медеплавильный завод, Чимкентский свинцовый завод и другие промышленные предприятия стали максимально увеличивать темпы производства цветных металлов для изготовления броневого листа и стали. В этой связи увеличилась добыча таких полезных ископаемых, как молибден, вольфрам, ванадий, никель и др., интенсифицировалась разработка нефтяных и угольных месторождений[135].

Казахская ССР стала основным поставщиком марганцевой руды для заводов Урала. Почти перед самым началом войны на месте обнаружения молибдена был заложен рудник «Восточный Коунрад», который в начале ноября 1941 г. выдал первую партию молибдена. В годы войны в республике «было произведено 30% общесоюзной выплавки меди, 50% добычи медной руды, 60% добычи марганцевой руды, 70% добычи полиметаллической руды, 85% производства свинца в стране, сталей»[136].

Когда был оккупирован Донбасс (1941–1942 гг.), основной угольный бассейн союзного значения, снабжение народного хозяйства углём полностью было возложено на восточные районы. Казахстан оказался в числе основных

---

[133] Там же.

[134] Там же.

[135] Балакаев Т. Казахстан – арсенал фронта // Вестн. АН КазССР. 1970. № 5. С. 22.

[136] Вторая мировая война: Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией. Кн. первая: Общие проблемы. М., 1966. С. 98.

поставщиков угля на оборонные заводы. Возросла роль Карагандинского угольного бассейна. 24 августа 1942 г. Государственным комитетом обороны было принято специальное решение о неотложных мерах по увеличению добычи угля в Караганде. Большую помощь в агитации и пропаганде столь важной задачи оказала выездная редакция центральной газеты «Правда». Так, на шахтах Караганды она выпустила 230 номеров газеты «Всё для фронта».

Выездная редакция республиканской газеты «Социалистік Қазақстан» также проводила пропагандистскую работу на шахтах Караганды, нефтепромыслах Эмбы и на других промышленных объектах. На страницах этого печатного органа публиковались статьи видных учёных, например, будущий первый президент АН КазССР К.И. Сатпаев в своих статьях ставил проблему использования новых месторождений цветных металлов Центрального Казахстана, освоения новой технологии их производства, а также говорил о необходимости строительства шахт на Берчогуре, Ленгере, Кельтемашате и других месторождениях бурого угля[137]. В 1945 г. общесоюзная добыча угля по сравнению с довоенным 1940 г. составляла на Урале 214,5%, в Кузбассе – 137,4%, в Караганде – 179,3%[138].

Как отмечалось ранее, с эвакуацией промышленных предприятий в восточные районы страны потребовалась перестройка всей экономики этих районов. Необходимы были новые сырьевые ресурсы. Быстрыми темпами развернулось строительство химических заводов. При активном участии ученых-химиков научных центров Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии в 1943 г. было выпущено химической продукции для военных нужд больше, чем в довоенное время. Так, вдвое увеличилась выработка эфира для наркоза, в 1,5 раза – новокаина, в 7 раз – хлорэтана, в 5 раз – препаратов висмута[139].

В годы войны были открыты месторождения марганцевых руд, к северу от озера Балхаш найдены кварц и молибден; среди безводных хребтов Казахстана –

---

[137] Абильдаев К. Летопись боевых и трудовых подвигов // Вопр. истории Компартии Казахстана / сост. Н.Р. Джагфаров. Алма-Ата: Казахстан, 1986. Вып. 18. С. 188.

[138] Первухин М.Г. Перебазирование промышленности // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2: Трудовой подвиг народа / под общ. ред. П.Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. С. 23.

[139] Балакаев Т. Указ. соч. С. 23.

черные угольные породы, богатые ванадием; открыты источники редких металлов: лития, молибдена, ванадия; на лесистых склонах Уральских гор, на берегах озер обнаружены руды кобальта и ниобия, многочисленные месторождения алюминиевых руд. В казахских степях были открыты месторождения огнеупоров, кварцевых песков, глин, каолинов, графитов, так необходимых для черной и цветной металлургии.

С первого дня войны Казахстан стал одним из основных арсеналов фронта. Это потребовало увеличения его вклада в общесоюзную экономику как в тех отраслях, которые уже имелись, так и в тех, которые пришлось создавать заново. Самоотверженно работали угольщики Караганды. За четыре года они выдали на-гора 34 млн т угля, т.е. на 3 млн т больше, чем за все время существования бассейна. На 39% увеличилась добыча жидкого топлива на предприятиях Урало-Эмбинского нефтедобывающего района, почти вдвое возросла выработка электроэнергии. Республика сохранила за собой ведущую роль в производстве меди (35%), свинца (85%) и одновременно построила на базе разведанных месторождений предприятия по добыче, обогащению и выплавке металлов – Восточно-Коунрадский молибденовый, Джездинский марганцевый, Донской хромитовый рудники, Акчатауский молибдено-вольфрамовый, Текелийский полиметаллический комбинаты и др.

Благодаря самоотверженному труду Казахстан стал давать 60% союзной добычи молибдена, 65% металлического висмута, до 79% полиметаллических руд. Особый вклад в достижение результатов внесли рабочие, техники и инженеры Б. Аймуханов, Б. Исмагулов, В. Дементюк, А. Казакова, Д.А. Косых, Д.А. Кунаев, М.А. Лукьянова, А. Сафин, А.М. Сиразутдинова, Г. Хайдин, их ученики и последователи[140].

В суровые дни Сталинградской битвы было осуществлено строительство 40 сверхлимитных строек союзного значения и более 100 крупных предприятий. В 1942 г. начали свою работу 7 рудников и обогатительных фабрик, 12 шахт и 2 угольных разреза, 2 нефтепромысла. За 1942 г. Казахстан выдал 85%

[140] Балакаев Т. Указ. соч. С. 24.

общесоюзной выплавки свинца, 12,5% общесоюзной добычи угля, 60% добываемого в стране молибдена, около 1 млн т нефти[141].

Всего в 1941–1945 гг. было построено 460 заводов, фабрик, рудников, шахт и отдельных производств. В их число вошли и эвакуированные предприятия, в том числе металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, выпускавшие мины и снаряды, торпеды и бомбы, огнеметы, радиостанции и другие виды оружия и военной техники. Освоение производства, а потом и совершенствование образцов вооружения были в центре внимания конструкторов, инженеров и передовых рабочих предприятий И.А. Аристова, Г.А. Барикова, Н.К. Пышкина, П.Х. Резчика, Л.Я. Селеменевой, Я.И. Фофера, Н. Шмарина. Это способствовало росту количественных и качественных показателей производства.

Доля металлообработки и машиностроения в валовой продукции индустрии Казахстана выросла с 16% в 1940-м до 35% в 1945-м. В целом же промышленное производство республики увеличилось за военные годы на 37%, что на 2% выше прироста ее продукции за четыре предвоенных года. Казахстанские города – Алма-Ата, Караганда, Кустанай, Кокчетав, Семипалатинск, Петропавловск, Чимкент, Джамбул, Уральск, Павлодар, Кзыл-Орда, Актюбинск, Балхаш, Гурьев, Аягуз и др. – на базе эвакуированных предприятий в короткие сроки наладили выпуск военной и промышленной продукции, необходимой для фронта, для победы.

Из недавно рассекреченных документов из фондов Архива Президента Республики Казахстан можем почерпнуть сведения об эвакуации промышленных предприятий на территорию бывшей КазССР. Например, в «Списке предприятий, эвакуированных в КазССР…» отражены такие сведения, как наименование предприятий, наименование наркомата, в ведении которого находилось то или иное производство, место размещения (Приложение, табл. 1 и 2). Так, в Алма-Ату было эвакуировано 22 завода и фабрики; в Петропавловск – 7; в Чимкент – 8; в Кокшетау – 1; в Гурьев – 2; в Кустанай – 6; в Балхаш – 1; в Караганду – 4;

[141] Козыбаев М.К. Казахстан – ближайший тыл Сталинградского фронта // Вестн. Академии наук КазССР. 1983. № 2. С. 13.

в Уральск – 5; в Акчатаустрой – 1; в Семипалатинск – 8; в Кзыл-Орду – 3; в Джамбул – 2; в Павлодар – 2; в Лениногорск – 1; в Актюбинск –5; в Аягуз – 1.

По мнению академика М.К. Козыбаева, было три варианта размещения эвакуированных предприятий на территории Казахстана: одни размещались в здании строящегося предприятия, например: Алма-Атинского авторемонтного завода. Другие вливались в действующие родственные заводы и фабрики республики. Так, оборудование Харьковской табачной фабрики было частично размещено на Алма-Атинской фабрике, Харьковская швейная фабрика слилась с Алма-Атинской швейной фабрикой, Актюбинский завод ферросплавов получил дополнительное оборудование Запорожского ферросплавного завода. Существовал третий путь, когда часть перебазировавшихся предприятий из прифронтовой полосы прибывала с неполным оборудованием, тогда предприятия объединялись по профилю, создавая новые. Сооружение Кузнецкого и Актюбинского ферросплавных заводов было крупной победой военной экономики, обеспечивающей создание на Востоке новой базы металлургии[142].

Главную роль в мобилизации сырьевых ресурсов восточных районов страны на нужды обороны сыграли научные силы Казахской ССР. К началу войны в Казахском филиале АН СССР работало 276 научных и научно-технических сотрудников. К концу 1944 г. это число выросло до 700 человек. При этом 9 научных сотрудников филиала защитили докторские диссертации и 21 научный сотрудник – кандидатские. За годы войны в республике значительно расширилась научно-исследовательская работа.

Деятельность Казахского филиала АН СССР была подчинена задачам изучения и мобилизации богатейших природных ресурсов Казахстана на нужды обороны. «Я думаю, – отмечал в октябре 1942 г. председатель Президиума филиала К.И. Сатпаев, – что выражу мысли и чувства всех научных работников, всей советской интеллигенции Казахстана, если скажу, что каждый из нас

[142] Канаева Т.М. М. Козыбаев – исследователь истории Великой Отечественной войны // Вестн. СКГУ им. М. Козыбаева, 2002, № 3. М. Козыбаев – исследователь истории Великой Отечественной войны // Актуальность научного и исторического наследия академика Манаша Козыбаева: Материалы республиканской научно-практической конференции. Петропавловск. СКГУ. 2004. 12 нояб. С. 38.

работает и будет работать с максимальным напряжением всех творческих сил, будет со всей страстностью и упорством трудиться во благо родины для приближения победы»[143].

Казахский филиал организовывал многочисленные экспедиции: число экспедиционных отрядов филиала увеличилось с 32 в 1941 г. до 102 в 1944 г. Активно развивалась работа одного из крупных учреждений Казахского филиала – Института геологических наук. Изучение марганцевых месторождений, изучение и освоение железорудных месторождений, месторождений цветных, редких и рассеянных металлов, месторождений минерального топлива, изучение нерудного сырья, водных ресурсов Казахстана – таков круг проблем, которыми занимался этот институт. За одно только первое полугодие 1943 г. филиалы и базы выполнили 154 научные работы, значительная часть которых была внедрена в производство.

22 февраля 1943 г. уполномоченный Президиума Академии наук СССР по Казахстану и председатель Президиума Казахского филиала АН СССР К.И. Сатпаев, член Президиума Академии наук СССР академик И.Н. Мещанинов и секретарь бюро парторганизации КазФАН СССР Р.Д. Мухамеджанов направили официальное письмо на имя И.В. Сталина, в котором отмечался вклад учёных в строительство танковой колонны.

«Дорогой Иосиф Виссарионович! – говорилось в письме. – В грозные дни Великой Отечественной войны с немецкими захватчиками коллектив Казахского Филиала и Институтов Академии Наук СССР, находящихся в Алма-Ате, желая всеми силами помочь Красной Армии в быстрейшем разгроме ненавистного врага, собрали из своих личных сбережений на строительство танковой колонны «За передовую науку» пятьсот семнадцать тысяч семьсот рублей, в том числе наличными 354.186 рублей и 163.555 рублей облигациями. Мы прилагаем все силы и знания к тому, чтобы поставить неисчерпаемые природные богатства

[143] Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1941–1945 гг. Изд. 3-е, доп. М.; Л.: Наука, 1964. С. 128.

Казахстана на службу обороны и благо народов нашего Социалистического Отечества»[144].

Особенно успешной оказалась деятельность Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, созданная в Свердловске в августе 1941 г. Возглавил Комиссию президент Академии наук СССР В.Л. Комаров. Уральская комиссия четко определила круг важнейших тем, связанных с обороной страны, и разработала проект плана оборонных исследований по мобилизации ресурсов Урала. Руководил составлением плана академик В.Л. Комаров. При этом сложные задачи по составлению плана решались в сжатые сроки. В начале декабря 1941 г. академик И.П. Бардин доложил о проекте плана в Совнаркоме, и он был одобрен. План представлял собой внушительную и очень конкретную программу по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды фронта.

Комиссия академика В.Л. Комарова координировала деятельность почти 60 научных учреждений, как местных, так и эвакуированных из западных районов. В комиссии работали академики И.П. Бардин (заместитель), Э.В. Брицке, В.П. Волгин, В.С. Кулебакин, В.Н. Образцов, А.А. Скочинский, Л.Д. Шевяков и др. Свою деятельность комиссия начала с анализа важнейших отраслей хозяйства. На этой основе разрабатывался план мобилизации оборудования, сырьевых и людских ресурсов для целей обороны. Одновременно были срочно закончены ранее начатые изыскания по стратегическим ресурсам, обобщены накопленные научные данные и сделаны практические выводы. Комиссия способствовала тесному взаимодействию научных сил наркоматов, отраслевых исследовательских институтов и промышленных предприятий.

В дальнейшем деятельность Уральской комиссии распространилась на другие восточные и южные районы, и с апреля 1942 г. она получила официальное название – Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны.

В условиях военного времени для развития работ по мобилизации ресурсов Казахстана в Алма-Ату прибыли президент Академии наук СССР, председатель

[144] ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1745. Л. 15 (Архив академика К.И. Сатпаева).

Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны академик В.Л. Комаров, заместители председателя Комиссии вице-президент АН СССР академик А.А. Байков, член Президиума АН СССР академик Э.В. Брицке, ученый секретарь комиссии лауреат Сталинской премии В.М. Гальперин и группа научных работников.

В оценке Комиссии говорилось: «По своим природным богатствам Казахстан является поистине сокровищницей СССР. Здесь имеются крупные запасы каменного угля, меди, свинца, цинка, железных руд и хромитов, полиметаллических руд, нефти, вольфрама, молибдена, марганца. Казахстан богат запасами сырья для огнеупорной промышленности и рядом других нерудных ископаемых. Республика располагает огромными залежами химического сырья – фосфоритов, боритов, глауберовой соли, соды и др. Казахстан – родина ценных растений, являющихся сырьем для производства каучука, лекарств и других химических препаратов. Таков далеко не полный перечень естественных богатств Казахской республики»[145].

Применительно к Казахстану Комиссия разработала отдельный план, в котором было предусмотрено проведение исследовательских работ по черной и цветной металлургии, каменноугольной промышленности, транспорту, энергетике, химической промышленности, стройматериалам, водоснабжению. План работы Комиссии, согласованный с Госпланом и наркоматами СССР, был подписан 10 августа 1942 г. Председателем СНК республики Н. Ундасыновым и президентом АН СССР В.Л. Комаровым.

В Казахстан для осуществления поставленной задачи направлялись 8 специализированных бригад, состоявших из крупнейших ученых страны, отраслевых секретарей ЦК КП(б) Казахстана, ответственных работников СНК и Госплана республики. Среди них академики А.А. Байков, И.П. Бардин, А.А. Скочинский, В.А. Обручев, А.И. Заварицкий, Б.В. Бродский, Л.Д. Шевяков, В.Н. Образцов, Б.Е. Веденеев, Э.В. Брицке, А.Е. Порайкошиц, члены-кор-

[145] Все ресурсы Казахстана – на нужды обороны! // Казахстанская правда. 1942. 7 июня. № 133.

респонденты АН СССР Д.С. Белянкин, Д.В. Наливкин, В.И. Бейц, С.И. Вольфкович.

Составление сводного доклада по развитию народного хозяйства Казахстана было возложено на академика И.П. Бардина (руководитель), К.И. Сатпаева (зам. руководителя), Г.И. Абабкова, П.М. Дунаева, Д.А. Кунаева и др.[146]

В области черной металлургии Комиссия определила профиль и мощность большого металлургического завода. Бригада по цветной металлургии должна была разработать мероприятия по извлечению меди гидрометаллургическим путем из окисленных руд Центрального Казахстана, провести исследования по повышению выплавки свинца и извлечению сопутствующих металлов, по увеличению добычи никелевых руд, выплавки никеля, провести горнотехническую экспертизу по ведущимся на Алтае работам по расширению добычи полиметаллических руд, оказать техническую помощь по упорядочению технологического процесса обогащения молибденовых руд Восточного Коунрада.

Отсутствие марганца грозило остановить выплавку остро необходимой фронту стали. И тогда ученые, работавшие на Урале, в Сибири и Казахстане, провели срочную разведку всех возможных районов залегания марганцевых руд. Под руководством академика М.М. Карнаухова была разработана технология промышленного использования бедных марганцевых руд путем их обогащения. Уральские и сибирские заводы освоили на местных рудах производство ферромарганца и ферроникеля для изготовления броневой стали. На научной основе решена была и проблема получения феррохрома. Все это позволило быстро организовать массовую выплавку легированных сталей. Урал стал покрывать часть военных потребностей в специальных видах стали.

Для увеличения выплавки меди были проведены широкие поиски месторождений медных руд. Эти работы велись учеными на Урале, в Казахстане, Армении. Они позволили значительно пополнить сырьевые ресурсы меди,

[146] Козыбаев М. Из истории деятельности «Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны» // Изв. Академии Наук Казахской ССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1962. Вып. 1 (18). С. 63.

намного увеличить ее производство на Балхашском и Джезказганском комбинатах, уральских медеплавильных заводах. В Казахстане, в районе Балхаша, было открыто месторождение молибденовых руд. Научные разработки помогли быстро наладить здесь горно-металлургическое производство. Балхашский молибден пошел на оборонные заводы.

Требовался всесторонний анализ природных условий различных зон обширной территории СССР. Такой анализ был необходим для правильного и целесообразного размещения сельскохозяйственных культур, для выявления резервов пахотных площадей на востоке страны. Ученые развернули исследования географического расположения и свойств земельных массивов – прежде всего тех, которые можно было освоить в самое короткое время. К этим работам Академия наук СССР привлекла Институт почвоведения, Институт географии, Институт земледелия Казахстана. В исследованиях приняли участие академики А.А. Григорьев и Л.И. Прасолов, профессор И.П. Герасимов, многие научные сотрудники.

Вывод ученых был следующим: только в Казахстане можно вовлечь в производство до 32 млн га пахотных земель (в то время как фактически использовалось менее 4,5 млн га). Кроме детального подсчета пахотных ресурсов, была составлена подробная карта урожайности по административным районам. Она дала представление о качестве пахотных земель, о возможностях повышения урожайности по отдельным культурам. Это позволило Госплану вовлечь в оборот новые площади земель в Казахстане и спланировать для них агротехнические мероприятия.

Для производства автомобильных и авиационных шин, для изготовления резиновой обуви, для многих военных изделий требовался качественный каучук. В условиях войны получать его можно было только на Востоке. Исследованиями каучуконосов (в частности, кок-сагыза) занимались академик Л.И. Прасолов, члены-корреспонденты Академии наук Б.Л. Исаченко, А.П. Виноградов, Н.А. Максимов и др. Они подбирали подходящие почвы, разрабатывали агротехнические мероприятия для интродукции кок-сагыза в новых районах. В

Институте физиологии растений АН СССР вели биологические исследования, связанные с повышением продуктивности отечественных каучуконосов. В том же направлении работали сотрудники Института цитологии, здесь под руководством профессора М.С. Навашина удалось вывести новые устойчивые сорта кок-сагыза с большим выходом каучука.

В ряде районов Средней Азии были заложены промышленные плантации кок-сагыза и крым-сагыза. Именно они обеспечили основные потребности фронта и тыла в каучуке. Необходимо отметить, что в тематические планы Ученого совета заповедника «Боровое» также был включен вопрос о посадке каучуконосов. Так, профессор В.О. Таусон высказал мнение, что «в данное время можно только выписать семена каучуконосов и попытаться подготовить опытные участки для работ по посадке и выращиванию “таусагыза” и, м.б., других каучуконосов»[147].

В целях увеличения добычи угля в Казахской ССР Комиссия считала необходимым уточнить мощности шахтного фонда Карагандинского бассейна и разработать мероприятия по увеличению в ближайшие годы его производительности. При этом особое внимание уделялось увеличению добычи коксующихся углей. Наряду с этим ученые выделили проблемы развития угледобычи в южных, западных и северных районах Казахстана. В области энергетики ставилась задача исследования перспектив энергетической базы основных промышленных узлов Центрального, Восточного, Южного и Северо-Западного Казахстана. Особое внимание уделялось развитию железнодорожного и водного транспорта.

В 1942 и 1943 гг. комплексные бригады ученых вели большую исследовательскую работу в различных экономических районах республики. В Центральном Казахстане действовала бригада под руководством академика А.А. Скочинского. В ее состав входили академики В.Н. Образцов, Л.Д. Шевяков, члены-корреспонденты П.Д. Антипин, Д.М. Чижиков; профессора В.И. Геронтьев (горное дело), К.Л. Пожарицкий (геология), А.Е. Пробст (экономика),

[147] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Разд. I. Инв. № 21. Д. 0157. Л. 15.

В.И. Смирнов (металлургия цветных металлов), М.А. Стекольников (водоснабжение); научные работники М.И. Агашков (горное дело), Авдеев (обогащение полезных ископаемых), М.И. Бардин (водное хозяйство), И.Г. Гусев (металлургия), Н.П. Диев (металлургия цветных металлов), В.В. Михайлов (металлургия черных металлов), Н. Морек (транспорт), К.М. Чарквиани (горное дело), Богданов (обогащение полезных ископаемых). Бригада изучила работу Балхашского медеплавильного завода, предприятий Джезказгана, Карсакпая, Коунрада, обследовала районы добычи (отчасти и переработки) медных, железных, марганцевых и молибденовых руд. Ученые разработали мероприятия по усилению добычи карагандинских углей, их обогащения, замены кокса в черной и цветной металлургии.

В разработке мероприятий по развитию производительных сил Центрального Казахстана активное участие принимали партийные и советские руководители Карагандинской области, около 150 инженерно-технических работников, передовые горняки бассейна, профессора Московского, Днепропетровского горных институтов[148].

16 июня 1942 г. Карагандинский обком партии провел совещание с участием бригады Академии наук СССР и областного научно-технического комитета по оказанию помощи фронту. Совещание обсудило вопрос «О мобилизации ресурсов Центрального Казахстана на оборону». С содержательным докладом о стратегических металлах выступил академик А.А. Скочинский. О работе группы по углю доложили профессора А.Е. Пробст и В.И. Геронтьев. Они подняли вопрос об увеличении добычи коксующихся углей, о необходимости расширения фронта вскрышных работ, форсирования жилищного строительства, укрепления материально-технической базы шахт и дали характеристику отдельным перспективным районам месторождения. По водоснабжению важнейших промышленных узлов Центрального Казахстана выступил с содокладом профессор М.А. Стекольников.

[148] Козыбаев М. Указ. соч. С. 65.

Под руководством члена комплексной бригады АН СССР академика Н. Образцова группа ученых и железнодорожников проанализировала грузопотоки на Турксибе и Карагандинской магистрали. Творческий подход ученых и практиков к решению многих проблем транспорта позволил выявить новые резервы увеличения пропускной способности этих дорог и размещения промышленности в районах, экономически тяготеющих к ним.

Большую работу по изучению природных богатств Актюбинской области провела и другая бригада Комиссии АН СССР в составе доктора геолого-минералогических наук Г.А. Соколова, членов-корреспондентов Д.С. Белянкина, Д.Н. Наливкина. Она определила направление и содержание работ многочисленных геологических экспедиций Казахской ССР, Урала, УССР. В октябре 1942 г. бригада при содействии местных партийных и советских организаций провела итоговую научную конференцию по мобилизации природных ресурсов Актюбинской области на нужды обороны страны. Участники конференции говорили об имевшихся в области крупнейших запасах хромита, высококачественных никелевых руд, а также марганца. Новые месторождения были признаны значительной базой для развития оборонной промышленности Урала и Казахстана.

В октябре – ноябре бюро Комиссии АН СССР по ресурсам неоднократно заслушивало на своих заседаниях доклады о работе отдельных бригад в Казахстане. Так, например, бюро ознакомилось с докладом бригад Комиссии по углю (А.Е. Пробст и В.И. Геронтьев), по меди и молибдену (Д.И. Чижиков), по увеличению добычи вольфрама в Казахской ССР. 15–17 октября на заседании Президиума АН СССР академик И.П. Бардин выступил с сообщением о проводимых работах Комиссии Академии наук по ресурсам в Центральном Казахстане.

5 ноября 1942 г. Комиссия по мобилизации ресурсов рассмотрела итоги деятельности бригад по изучению природных богатств Актюбинской области и нерудному ископаемому сырью в Казахстане. Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов располагала также ценными материалами своих

многочисленных экспедиций, изучавших природные и экономические возможности Казахской ССР. Важно отметить, что по линии Казахского филиала АН СССР работало 260 экспедиционных отрядов[149]. Работа всех экспедиций проводилась по единому плану и под общим руководством Комиссии по мобилизации ресурсов Казахстана. Итоги поисково-разведочных работ были подведены в начале 1943 г. на республиканском совещании геологов с участием академика В.А. Обручева.

Деятельность Комиссии по комплексному исследованию природных и экономических ресурсов Казахской ССР позволила наметить пути повышения производственных мощностей таких важнейших ее индустриальных центров, как Карагандинский бассейн, рудников и заводов медной и полиметаллической промышленности, Актюбинского завода ферросплавов и обслуживающих его предприятий, нефтепромыслов Урало-Эмбенского района и др., выявила основу для создания в республике важнейших отраслей тяжелой индустрии – черной металлургии, химической промышленности, промышленных разработок огнеупоров, строительных материалов и др.

В сентябре 1942 г. ГКО разработал мероприятия по всемерному форсированию увеличения добычи нефти в ряде восточных районов страны. В них увеличение добычи нефти рассматривалось как важнейшая военно-хозяйственная и политическая задача, от успешного решения которой зависели удовлетворение первоочередных нужд народного хозяйства и боеспособность Красной Армии.

Еще в начале ноября 1942 г. академик И.П. Бардин докладывал правительству о работе Комиссии по республике. Предложения и рекомендации Комиссии легли в основу развития народного хозяйства республики в 1943 г. и на завершающем этапе войны. В осуществлении этой стратегической и политической задачи существенную помощь партийным организациям Казахстана оказала комиссия Академии наук в составе М.А. Капелюшникова, М.А. Гейсмана, В.Н. Батурина, В.С. Черноброва с участием работников ЦК КП(б)

[149] Козыбаев М. Указ. соч. С. 65.

Казахстана. Она представила Гурьевскому обкому партии свои выводы и практические предложения по вопросам геологии, строительства скважин, предупреждения аварий и осложнений в бурении, ремонта и ухода за оборудованием, эксплуатации скважин, укрепления механической и энергетической базы, усиления транспорта, очередности строительства дорог, организации связи и об устройстве промыслов.

Гурьевский обком партии вынес эти вопросы на обсуждение партийно-технических конференций нефтяных промыслов и предприятий Казнефтекомбината. ЦК КП(б) Казахстана 24 февраля 1943 г. одобрил предложения Комиссии АН СССР, сформулированные в документе под названием «Основные мероприятия по обеспечению решения ГКО по развертыванию добычи в Урало-Эмбенском районе», и выразил ученым благодарность[150].

В апреле 1943 г. правительство Казахской ССР обратилось к В.Л. Комарову с просьбой направить бригаду Комиссии на Чимкентский свинцовый завод. В июле 1943 г. бригада Академии наук СССР в составе докторов геолого-минералогических наук К.Л. Пожарицкого, М.П. Русакова, кандидата технических наук М.И. Агашкова прибыла в Чимкент для изучения состояния сырьевой базы по свинцу. К этой группе позднее присоединился академик А.А. Скочинский – заместитель председателя Комиссии АН СССР. Бригада 8 сентября 1943 г. представила правительству Казахской Республики свои выводы и предложения по рудной базе Чимкентского свинцового завода[151].

Значительную работу по мобилизации ресурсов на нужды обороны провела и химическая группа Комиссии. В ряде районов республики она разработала мероприятия по производству серной и сернистой кислоты, обосновала строительство фосфатного завода, оказала техническую помощь по вопросу о производстве кальцинированной и каустической соды на базе природного сульфата и содовых озер. В августе – сентябре 1943 г. бригада специалистов обследовала химические предприятия и месторождения сырья в Джамбуле,

[150] Козыбаев М. Указ соч. С. 66.

[151] Там же. С. 67.

Актюбинске, на Балхаше, Аральском море и представила свои выводы и предложения, способствовавшие дальнейшему развитию в республике химической промышленности.

В июне 1943 г. бюро Комиссии АН СССР направило большую бригаду ученых во главе с академиком И.П. Бардиным и доктором геолого-минералогических наук Г.А. Соколовым для определения перспектив развития Южно-Уральского комплекса Орск – Актюбинск. Она также разработала мероприятия по увеличению добычи угля и металлов в этом экономическом районе страны[152].

В работе Комиссии деятельное участие принимали ученые Казахской ССР – К.И. Сатпаев, А.А. Гапеев, М.П. Русаков, К.М. Мынбаев, М.И. Горяев, А. Бектуров и многие др. В содружестве с виднейшими учеными Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска и других городов страны они работали в области энергетики, металлургии, химии, горного дела.

Деятельность Комиссии Академии наук по мобилизации ресурсов восточных районов страны в Казахской ССР стала одной из ярчайших страниц истории советской интеллигенции. Разработка ею коренных проблем перестройки народного хозяйства республики оказала существенное влияние на превращение Казахстана, как и других восточных районов, в мощный арсенал страны. Советские ученые, подчинив все достижения научной и технической мысли нуждам обороны Родины, одержали выдающуюся победу. Расчет гитлеровцев на то, что в научно-техническом отношении СССР не сможет конкурировать с Германией, не оправдался.

Комиссия Академии наук оставила глубокий след и в научной жизни восточных районов. Ее деятельность стала замечательной школой для научных кадров Казахского филиала АН СССР. Одним из решающих факторов, способствовавших преобразованию в те суровые годы филиала в республиканскую Академию наук, являлась братская взаимопомощь ученых Советского Союза.

---

[152] Там же. С. 68.

2.3. Роль Республиканской Комиссии военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана по разработке военно-технических проблем

В первые месяцы Великой Отечественной войны Красная Армия испытывала дефицит современных видов вооружений и боеприпасов. В условиях чрезвычайной ситуации советские ученые существенно сократили сроки разработки и внедрения новых моделей вооружений. Расширенное заседание Президиума АН СССР от 23 июня 1941 г. было посвящено срочной научно-технической помощи армии. Научные силы страны получили задание «немедленно пересмотреть и перестроить тематику и методы исследовательской работы, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников в первую очередь на выполнение задач по укреплению военной мощи нашей социалистической Родины»[153].

Начался процесс качественного перевооружения и оснащения новыми видами вооружений Красной Армии. Война требовала скорейшего внедрения научных достижений в производство. Ученые разрабатывали новые виды боеприпасов, горючего, военной техники. Только в 1942 г. было внедрено около 50 важнейших оборонных работ, выполненных сотрудниками Академии наук СССР. Усилиями советских танкостроителей сравнительно быстро было преодолено преимущество противника в бронетанковой технике. Со второй половины 1942 г. неуклонно наращивался выпуск самолетов и авиадвигателей.

Около половины всех типов стрелкового оружия и новые образцы артиллерийских систем, которые состояли на вооружении в действующей армии в 1945 г., были созданы в период Великой Отечественной войны. К концу войны СССР превосходил Германию по объему среднегодового выпуска полевой артиллерии более чем в 2 раза, минометов – в 5 раз, противотанковых орудий – в 2,6 раза[154].

---

[153] Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. С. 59.

[154] Абсеметов М.О. Деятельность республиканской комиссии военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана в годы второй мировой войны // Современные проблемы науки и образования. URL: www.science-education.ru/121-17720. 2015. № 1.

Казахстан в годы войны стал одним из центров осуществления задач оборонного значения. Из Москвы, Ленинграда и западных регионов страны в Казахскую ССР были эвакуированы 22 научно-исследовательских института и 31 высшее учебное заведение[155]. Высока их роль в проведении военно-технической модернизации вооружений и оказания помощи оборонной промышленности. Эвакуированные ученые оперативно взялись за темы военного времени, связанные с созданием и усовершенствованием новых образцов вооружений. В стенах специализированных учреждений развернулось производство торпед, бомбометов, артиллерийских снарядов, авиабомб, зажигательных смесей и др.

В республике контролирующим органом по данному направлению стала Республиканская Комиссия военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана, возглавляемая секретарем по оборонной промышленности Ахметжаном Койшигуловым (1905–1983). Комиссия в своей работе была тесно связана с Народным Комиссариатом Обороны СССР, Академией наук СССР, Наркомвоенморфлотом, Военным Советом Средне-Азиатского военного округа, Главным артиллерийским управлением Красной Армии, Центральным научно-исследовательским полигоном стрелкового и минометного вооружения (НИПСМВО) ГАУ РККА и другими профильными организациями по созданию вооружения.

Серьезной базой в решении научно-технических проблем оборонной промышленности стала передислокация 14 октября 1941 г. из Москвы в Алма-Ату Московского авиационного института (МАИ) им. С. Орджоникидзе. Более 100 докторов, кандидатов наук и сотрудников института во главе с директором Михаилом Федоровичем Семичастновым выступили экспертами Республиканской Комиссии военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана.

Ученым правительство создало все жилищно-бытовые условия, институту предоставило здания и корпуса для проведения занятий со студентами. В целях проведения опытных испытаний были выделены помещения под лаборатории и мастерские.

---

[155] Бисенбаев А.К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Алма-Ата, 1984. С. 15.

С апреля 1942 г. учебно-производственные мастерские МАИ начали производить корпуса артиллерийских снарядов калибра 76 мм (до 10 тыс. в месяц), сварку корпусов зажигательных бомб и стабилизаторов мин. В Алма-Ате была закончена доводка и проведены первые лётные испытания вертолёта «Омега», созданного в ОКБ-3 МАИ под руководством И.П. Братухина. В последующие годы конструкторами этого бюро было создано несколько типов вертолётов различного назначения, вышедших в серийное производство.

Производственные базы эвакуированного института получали вторичное сырье из учебно-производственных мастерских, находящихся в Москве, где были организованы демонтаж и утилизация сбитых немецких самолетов. Расчётно-конструкторская бригада из преподавателей (доценты Н.Ф. Чехонин и Б.Н. Лоповок) и студентов (А.А. Лебедев, Л.С. Чернобровкин и др.) эвакуированного института разработала подмоторную раму для установки отечественных двигателей на трофейные самолёты. Работа проводилась по заданию авиаремонтной базы ГВФ № 405, находившейся под Алма-Атой. Ученые МАИ, специалисты по вооружению оказали научную и техническую помощь изобретателю легендарного автомата М.Т. Калашникову в создании пистолета-пулемёта.

За короткий срок своего пребывания в Алма-Ате (1941–1943 гг.) Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе выпустил 620 инженеров. Необходимо сказать, что в период 1941–1945 гг. авиапромышленностью в действующие части было направлено 125 655 самолётов, и в этом немалая заслуга выпускников МАИ[156].

Документы по военным изобретениям (рассекреченные недавно) из Архива Президента Республики Казахстан хранятся все еще в закрытых фондах, где сконцентрирована ценная информация об истории создания конкретных образцов и видов вооружений, рационализаторские предложения, фамилии и имена их авторов, переписка, отчетность о проведении работ и испытаний, результаты проведенных разработок.

---

[156] Абсеметов М.О. Указ. соч.

Материалы Республиканской Комиссии военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана объединены в фонде 708 (описи 4, 6.1, 7.1) АП РК. В целях более полного раскрытия обозначенной нами темы рассмотрим некоторые разработки и изобретения, часть из которых была принята на вооружение и успешно использовалась на фронтах Великой Отечественной войны, а часть отклонена ввиду их нецелесообразности, трудоемкости исполнения, неудачных испытаний и т.д.

Война стала серьезной проверкой на прочность для советского народа. Военная и научно-техническая мощь врага не испугала, а, наоборот, пробудила творческий потенциал советских людей. На призыв партии и правительства откликнулись сотни добровольцев-изобретателей. Впечатляет масштаб поступивших в Комиссию проектов и разработок. 25 июня 1942 г. на имя секретаря ЦК КП(б) Казахстана по оборонной промышленности А.К. Койшигулова поступило письмо с затерянной в пыльной степи железнодорожной станции Матай (420 км от Алма-Аты) от неизвестного старшего сержанта, бывшего командира среднего танка Михаила Калашникова.

В письме говорилось: «Находясь в отпуске после ранения и желая оказать активную помощь нашей Родине в деле быстрейшего разгрома немецких фашистов, вероломно напавших на нашу Родину, я за это время работал над изобретением нового образца пистолета-пулемета, который изготовил при содействии работников паровозного депо ст. Матай Турк[естано]-Сиб[ирской] железной дороги. Изготовленный образец пистолета-пулемета испытан в боевом отношении мною в присутствии работников, участвующих в изготовлении этого оружия; пистолет-пулемет имеет следующие боевые свойства и отличия от действующих видов оружия: 1). Убойная сила пистолета-пулемета до 600 м при стрельбе с патронами от пистолета ТТ или ППШ и ППД. 2). Автомат обладает скорострельностью 650 выстрелов в минуту. 3). Пистолет-пулемет, снабженный двумя обоймами вместимостью по 14 патронов каждый, а в боевых условиях снабжается диском вместимостью 100 патронов, или может применяться [при] действующей вместимости 71 патрон. 4). И, наконец, самое главное свойство

изготовленного образца состоит в том, что это оружие сконструировано на принципах наиболее простого взаимодействия частей, исключавших какие-либо задержки при его боевом применении, так как сконструированный механизм имеет исключительные особенности по сравнению со всеми видами автоматического оружия как отечественного, так и зарубежного. Подробное описание технических и боевых свойств изготовленного образца вместе со схемой при этом прилагаю.

Прошу предлагаемое мною изобретение пистолета-пулемета рассмотреть с тем, чтобы как можно быстрее ввести на вооружение и снабдить нашу Красную армию новым более совершенным боевым оружием для выполнения боевого приказа великого полководца и вождя нашей партии, наркома обороны т. Сталина, поставившего задачу по окончательному разгрому гитлеровских мерзавцев в текущем 1942 г.»[157]

В Алма-Ате на изобретение обратили особое внимание, хотя до его совершенства было ещё далеко. Требовалась научно-техническая экспертиза. Буквально на следующий после получения письма день, 26 июня 1942 г., состоялось заседание Республиканской Комиссии при ЦК КП(б) Казахстана по военным изобретениям. Комиссия, рассмотрев образец пистолета-пулемета Калашникова, одобрила его и решила командировать автора изобретения в г. Ташкент в артиллерийское управление Средне-Азиатского военного округа для усовершенствования, испытания и получения экспертного заключения. Также Комиссия выделила Калашникову на командировочные расходы 300 рублей[158].

Кем же был этот старший сержант, заинтересовавший Комиссию? Как отмечает архивист Е.В. Чиликова[159], уроженец Алтайского края М.Т. Калашников свою трудовую деятельность начал в 1937 г. учетчиком паровозного депо на станции Матай Туркестано-Сибирской железной дороги. Отсюда осенью 1938 г. Михаил Калашников был призван в Красную Армию в Киевский особый военный

[157] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 3.

[158] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702.

[159] Чиликова Е.В. «Я твердо и настойчиво буду испытывать новый образец...» // Документы Архива Президента Республики Казахстан о разработке М.Т. Калашниковым пистолета-пулемета. 1942–1943 гг. С. 97–98.

округ. Окончив курсы младших командиров, он получил специальность механика-водителя танка и направление в танковый полк, дислоцировавшийся в одном из городков Украины. Изобретенный им комбинированный счетчик моторесурса танка заинтересовал командующего округом генерала армии Г.К. Жукова. Он направил Калашникова для изготовления опытных образцов в Киевское танковое техническое училище, затем для сравнительных испытаний – в Москву, в распоряжение Главного артиллерийского управления Рабоче-крестьянской Красной Армии, а потом для доработки счетчика и запуска его в серийное производство – на один из ленинградских заводов[160].

Война прервала деятельность Калашникова-изобретателя. Он вернулся в армию, стал командиром танкового экипажа. В боях под Брянском получил тяжелое ранение, после госпиталя был отправлен в шестимесячный восстановительный отпуск домой.

По дороге в родную Курью, что на Алтае, он думал: «Имею ли я право ехать домой, когда могу внести посильный вклад в создание нового образца стрелкового автоматического оружия? То, что левая рука плохо слушается, еще не повод для отдыха, пусть по ранению. А если остановиться на железнодорожной станции Матай, в депо, где начинался мой рабочий путь? Там хорошие мастерские, добротные станки, есть необходимый инструмент, материалы. Наверное, остались и некоторые из тех рабочих, с кем рядом довелось в свое время трудиться. Так думалось мне в пути, пока поезд уносил меня в родные места. Состав шел уже по Казахстану. И чем ближе подходил он к станции Матай, тем больше крепла во мне уверенность сойти именно там…»[161]

На станции Матай Михаил Трофимович встретил не только старых друзей, но и свою будущую супругу Екатерину Даниловну Астахову, которая впоследствии, 16 июля 1942 г., родила сына Виктора.

Калашников с присущей ему энергией, не теряя времени, приступил к созданию нового стрелкового оружия. Благодаря матайским мастерам и умельцам

---

[160] Кошуба Г. С благословения Георгия Жукова // Красная звезда, 2009, 3 нояб.

[161] Калашников М.Т. Записки конструктора-оружейника. М.: Военное изд-во, 1992. С. 31.

он смог сконструировать и создать первый опытный образец пистолета-пулемета. По совету товарищей он со своим изобретением отправляется в Алма-Ату, чтобы продолжить работу. В этом городе ему удалось сделать серьезные шаги на пути создания легендарного автомата АК-47.

Спустя годы, будучи дважды Героем Социалистического Труда, прославленным генералом, доктором технических наук, академиком, М.Т. Калашников вспоминал: «Алма-Ата… Столица Казахстана в моем сердце занимает особое место. Здесь до призыва в армию мне посчастливилось часто бывать, когда я работал в третьем отделении политотдела железной дороги. Отсюда начался мой тернистый путь в конструирование стрелкового оружия…»[162]

Отправленный в командировку в Ташкент и Самарканд Михаил Калашников, не учившийся ранее в вузе, поражает специалистов своими познаниями в оружейном деле и настойчивостью. 15 июля 1942 г. командующий войсками Средне-Азиатского военного округа генерал-майор П.С. Курбаткин в письме А. Койшигулову особо отмечает: «…тов. Калашников проявил исключительную изобретательность, упорство в работе, вложил большую энергию при создании образца пистолета-пулемета, за что Военным Советом округа премирован денежной наградой в сумме 1000 рублей»[163].

Однако, по мнению специалистов по стрелковому оружию, до совершенства было еще далеко. В Алма-Ате доработку своего изобретения Михаил Калашников производил в учебно-производственных мастерских эвакуированного Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе под руководством заведующего кафедрой стрелково-пушечного вооружения самолетов военного инженера II ранга майора А.И. Казакова. В акте от 28 октября 1942 г. имеется запись, что на Алма-Атинском гарнизонном стрельбище «пистолет-пулемет системы Калашникова» прошел испытания[164].

---

[162] Калашников М., Калашникова Е. Калашников: траектория судьбы / сост. Н. Шкляев. М., 2004. С. 35.

[163] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 5.

[164] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 8.

31 декабря 1942 г. М. Калашников командируется в Москву с письмами в Совнарком СССР и Главное артиллерийское управление Красной Армии. На поездку правительство Казахстана выделяет ему две тысячи рублей[165].

Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Н. Скворцов обращается с просьбой к заместителю председателя Совнаркома СССР Л.П. Берия о содействии в ускорении рассмотрения указанного изобретения и его практической реализации. В письме также отмечалось, что «предлагаемый образец изготовлен в учебно-производственных мастерских Московского Авиационного Института г. Алма-Ата, под руководством инженера майора Казакова, с учетом сделанных замечаний специалистами при рассмотрении конструкции в Республиканской Комиссии по реализации военных изобретений и комиссии военных специалистов Средне-Азиатского Военного Округа. Пистолет-пулемет спроектирован под существующий патрон образца 1930 г., калибром 7,62 мм и секторный магазин. По сравнению с существующими образцами новое оружие отличалось малым весом и малыми габаритами, оно легко умещалось в кабине самолета, танке и бронемашине. Принцип автоматики обеспечивал хорошую кучность и меткость, так как затвор перед выстрелом располагался в крайне-переднем положении, что обеспечивало меньшее запыление и засорение подвижных частей автоматики»[166].

Ответственным за продвижение изобретения М. Калашникова в Москве был заместитель председател Совнаркома Казахстана Шарипов, который представил техническую документацию в комиссию Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной Армии (ГАУ КА). По результатам заседания экспертной комиссии Шарипов телеграфировал в Алма-Ату: «Изобретение Калашникова получило хорошую оценку. Передано на испытание. Калашников премирован»[167].

Действительно, пистолет-пулемет Калашникова глубоко заинтересовал московских специалистов. Начальник ГАУ КА генерал-полковник артиллерии Яковлев издал приказ от 19 января 1943 г. «О награждении старшего сержанта

[165] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 14.

[166] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 16.

[167] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 21–22.

Калашникова М.Т.». В нем указывалось: «За изобретение остроумного образца пистолета-пулемета и отличное его оформление премирую ст. сержанта тов. Калашникова М.Т. 5000 рублей»[168].

Заслуживает внимания письмо уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по КазССР И.П. Кузнецова от 3 сентября 1943 г. Первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Н.А. Скворцову. В нем констатируется примечательный факт: «Одно изобретение т. Калашникова (пулемет-пистолет) принято на вооружение Красной Армии. Сейчас он получил задание и работает над вторым изобретением – ручного пулемета»[169].

Руководство Казахстана наградило и премировало всех специалистов, которые принимали участие в создании данного оружия. По мнению Калашникова, к награде за разработку и изготовление опытного образца пистолета-пулемета были представлены добросовестные работники, но вместе с тем была допущена несправедливость в отношении отдельных людей.

В своем письме уполномоченному Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по КазССР И.П. Кузнецову он отмечает: «…однако более заслуживающие награды товарищи остались в стороне, как то: 1. В.И. Суслов – начальник инструментально-[из]мерительной лаборатории МАИ, где происходило изготовление последнего образца, на плечах которого лежала вся организационная работа и благодаря которому было обеспечено быстрое и качественное изготовление образца. 2. В.В. Кучинский – студент МАИ, принимавший самое активное участие в конструктивной разработке всех трех образцов пистолета-пулемета и вместе со мной руководивший работой до последнего дня изготовления образцов. 3. В.Н. Жданов – слесарь Карачаровского завода с любовью и личной инициативой относился к порученной работе, не считаясь со временем, участвовал в изготовлении последнего образца (с начала и до окончательной отделки)»[170].

---

[168] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 23.

[169] АПРК. Ф. 708. Оп. 7.1. Д. 276. Л. 139.

[170] АПРК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 475. Л. 11–11об.

Спустя годы, в своих мемуарах Михаил Тимофеевич вспоминал о героях этого письма как о людях, выросших в крупных специалистов, дружбу с которыми он поддерживал на протяжении всей своей жизни[171].

23 февраля 1943 г. под грифом «секретно» заместитель председателя Артиллерийского комитета ГАУ КА генерал-майор Сергиенко пишет письмо Первому секретарю Компартии Казахстана Скворцову о содействии М. Калашникову в изготовлении опытного образца ручного пулемета калибра 7–62 мм, одобренного Москвой[172].

21 мая 1943 г. старший сержант М. Калашников о ходе работы докладывает секретарю ЦК Компартии Казахстана по оборонной промышленности А. Койшигулову. В докладной записке говорится: «Ручной пулемет, в проекте утвержденный Главным Артиллерийским Управлением Красной Армии, я изготовляю в паровозном депо ст. Матай, сейчас для окончательной отстрелки требуется ствол от ручного пулемета системы Дегтярева «Д.П.», разрешение на получение которого я добиться в Алма-Ата не смог. Поэтому прошу Вашего содействия». Далее Калашников констатирует: «Будучи в Москве, мне выплачивали зарплату из расчета 900 рублей в месяц, здесь же в течение 3-х месяцев я работаю без зарплаты. Неоднократно ставил вопрос в Казвоенкомате, но ничего существенного добиться не смог»[173].

Калашников, несмотря на поддержку и контроль со стороны высшего руководства республики, с большим упорством и последовательностью, практически «с боем» решал вопросы, связанные с созданием и испытанием нового оружия. Наряду с крупными успехами и признанием на государственном уровне на молодого изобретателя обрушивается ряд житейских трудностей. Главными из них являлись проблемы с оплатой труда, а также явные препятствия в работе, вызываемые в какой-то мере банальной завистью или бюрократическими, административными проволочками.

---

[171] Калашников М., Калашникова Е. Калашников: траектория судьбы / сост. Н. Шкляев. М., 2004. 639 с.

[172] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 24.

[173] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 29.

М. Калашников в своем письме от 25 мая 1943 г. руководству Казахстана отмечает вопиющий факт противозаконного действия офицера НКВД: «Будучи в Главном артиллерийском управлении Красной армии в г. Москве, мне советовали, одновременно работая над ручным пулеметом, подумать насчет личного оружия, я так и сделал. В свободное время от основной работы изготовил макет принципа и для окончательного расчета и сравнительных стрельб я получил в облвоенкомате пистолет ТТ и разрешение на право ношения на основании отношения из Москвы. 23 мая 1943 г. я сделал в совершенно безопасном месте пробные стрельбы, о чем узнал через посредство других лиц начальник отделения НКВД ст. Матай т. Печенюк, который 31 мая с.г. вызвал меня в кабинет и предложил предъявить разрешение на право ношения [пистолета] и номер последнего. После чего, не обосновывая причем, забрал его себе и заявил: “Если ты будешь и пулемет испытывать в таком же месте, то и его постигнет эта же участь”… Поэтому, исходя из вышеизложенного в целях быстрейшей доработки опытного образца, прошу Вашего указания о немедленном возвращении мне пистолета ТТ № 1243, крайне мне необходимого. Вместо оказания помощи и создания должного авторитета в проводимой работе оборонного значения, выполняемой по заданию Артуправления РККА, т. Печенюк стал на путь явного срыва этого важнейшего мероприятия путем подрыва авторитета и зажима работы конструктора. Туркестано-Сибирская ж.д., ст. Матай, ул. Железно-дорожная, д. 53. кв. 15. Калашников»[174].

В дело оперативно вмешивается Койшигулов, который через руководство республиканской госбезопасности обязывает Печенюка вернуть оружие Калашникову и впредь не препятствовать проводимым испытаниям[175]. Под особый партийный контроль также берется вопрос об оплате труда молодого конструктора.

7 октября 1943 г. секретарь ЦК Компартии Казахстана по оборонной промышленности А. Койшигулов направляет письмо командующему Средне-

[174] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 25–25об.

[175] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 25–25об.

Азиатского военного округа генералу Курбаткину: «Предложенный образец ручного пулемета на винтовочный патрон калибра 7,62 мм конструкции Калашникова в основном изготовлением закончен, прошел предварительные испытания и по заключению специалистов и республиканской комиссии по военным изобретениям при ЦК КП(б) Казахстана одобрен как удовлетворяющий всем требованиям ГАУ РККА в отношении простоты устройства и легкости изготовления в промышленности. Для подробного доклада о проделанной работе по созданию нового типа ручного пулемета ЦК КП(б) Казахстана командирует к Вам автора тов. Калашникова с изготовленным образцом пулемета и просит Вас оказать содействие в быстрейшей реализации предложения т. Калашникова. О Вашем решении просим нас поставить в известность»[176].

Со своим вторым изобретением старший сержант М.Т. Калашников прибыл в Ташкент, а позже направлен в Москву. Он работал на Центральном научно-исследовательском полигоне стрелкового и минометного вооружения Главного артиллерийского управления РККА. Здесь его ждали большая общественная и научная деятельность и огромный успех на военно-конструкторском поприще.

Биограф конструктора Александр Ужанов в своей книге «Михаил Калашников» пишет: «На протяжении всей жизни у Михаила Тимофеевича самые добрые отношения с Казахстаном. Мудрено ли, Казахстан стал для него трамплином в большую жизнь. Где были и слава, и зависть, друзья и враги. Калашников называет Казахстан своей второй родиной. Он говорит, что сделал здесь два изобретения: пистолет-пулемет и своего сына Виктора. Когда Нурсултан Назарбаев был повторно избран на пост Президента Республики Казахстан, М.Т. Калашников направил в его адрес теплое приветствие, в котором были и такие строки: “С Казахстаном у меня связано самое значимое событие в жизни – создание своего первого пистолета-пулемета, давшего путевку в большую конструкторскую жизнь, о чем я никогда не забуду”»[177].

---

[176] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702. Л. 42.

[177] Ужанов А.Е. Михаил Калашников. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 36.

В 1944 г. М.Т. Калашников разработал опытный образец самозарядного карабина, который послужил прообразом его знаменитого автомата. В 1947 г. он усовершенствовал свой автомат и в том же году одержал блестящую победу в труднейших конкурсных испытаниях – так появилось официальное название АК-47 («Автомат Калашникова-47»)[178]. В 1949 г., после доработок, автомат Калашникова был принят на вооружение Советской армии, став одним из лучших видов послевоенного стрелкового оружия, получившего общемировое признание.

За создание эффективного стрелкового оружия в 1949 г. Михаил Тимофеевич Калашников был удостоен Сталинской премии первой степени, впоследствии стал дважды Героем Социалистического Труда (1958, 1976 гг.), лауреатом Ленинской премии (1964 г.), Героем Российской Федерации (2009 г.).

Рассмотрим ряд изобретений, рационализаторских предложений, проектов, разработки которых отложились в документах АП РК. В тот период перед изобретателями остро обозначилась задача разработки противотанковых средств. По этой проблеме параллельно проводились работы в Харькове, Краснодаре, Гурьеве, Сталинграде, Астрахани. Все целевые разработки курировал научный руководитель криогенной лаборатории Физико-технического института АН УССР Б.Г. Лазарев.

В состав группы входили старший научный сотрудник В.И. Хоткевич и сотрудники Н.С. Руденко, Я.С. Кан, Л.С. Кан, Б.И. Веркин, С.И. Пекар, В. Умрихин, П.И. Стрельников, которые занимались разработкой зажигательного средства борьбы с танками «Средство БВ-УФТИ» – Бутылочный воспламенитель «уничтожим фашистских тигров» (название немецких тяжелых танков).

В 1942 г. в Алма-Ате были сработаны два боеприпаса (тоже с огнем) – с использованием хромового ангидрида по аналогии с термитом железоалюминиевым, хорошо известным средством сильного локального разогрева свыше 2500 ^{0}С (по заказу ВМФ – накануне войны работы велись В.И. Хоткевичем). Расчет и исследования термита с хромовым ангидридом показали, что его калорийность значительно выше и развиваемая температура –

[178] Калашников М.Т. Указ. соч. С. 120.

выше 4 000 ^{0}С. В Институте новых видов боеприпасов В.И. Хоткевич и Б.Г. Лазарев проработали всю осень–зиму 1941/42 г. в Москве. На полигоне института были с большим успехом испытаны:

– 82-миллиметровые зажигательные мины;

– средство для прожигания кумулятивной огненной струей стальных листов. Оба боеприпаса были приняты, на них были получены авторские свидетельства.

Начальник Бюро по делам изобретательства НКО СССР военинженер I ранга Глухов 19 ноября 1942 г. направил телеграмму секретарю ЦК КП(б) КА. Койшигулову о возможности принятия на вооружение разработки Б.Г. Лазарева и В.И. Хоткевича: «…материал по работе над высококалорийными термитами… представил существенный интерес, изложенные в нем результаты исследования явились новыми и увеличивают сведения о термитах, могущих найти эффективное применение для военных целей. Проведенные в НИИ-6 НКБ т.т. Лазаревым и Хоткевичем дополнительные исследования предложенного ими высококалорийного термита выявили новые положительные качества этого термита, кроме того, испытания… в ряде боевых объектов показали большую его эффективность по сравнению с существующими штатными термитными составами… В настоящее время для подробной полигонной отработки предложение тт. Лазарева Б.Г. и Хоткевича В.И. передано в НКБ для совместного с физико-техническим институтом АН УССР решения вопроса о возможности принятия предложенного термита на вооружение. Проделанную к настоящему времени работу… следует оценить как весьма ценную»[179].

Этот термит в разных устройствах был предложен НКО и быстро востребован. Заместитель наркома обороны СССР генерал-полковник артиллерии Воронов распорядился передать в Главный артиллерийский комитет результаты испытаний в Казахстане зажигательных мин Б.Г. Лазарева и В.И. Хоткевича. В Сталинградской битве эти противотанковые мины применялись эффективно.

[179] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 691. Л. 101–101об.

В Алма-Ате в лаборатории академика Н.В. Цицина успешно прошли испытания бензино-термитные зажигательные смеси инженера А.Г. Соколова, получившие высокую оценку специалистов Наркомата обороны СССР.

В документах Архива Президента РК есть акт комиссии (в составе начальника Алма-Атинского гарнизона генерал-майора Стриженко, начальника МТО пехотно-стрелкового училища майора Васильева, начальника учебного отдела пехотно-стрелкового училища полковника Тайселя, военного инженера III ранга Алексеева, вице-президента Академии сельскохозяйственных наук академика Цицина, директора филиала Всесоюзного института механизации Бейлиса, инженера-химика лаборатории академика Цицина Соколова) о произведенных испытаниях термитных бутылок: «28 августа с.г. в лагерях пехотного училища было произведено первичное испытание термитных бутылок, разработанных инженером Соколовым в лаборатории академика Цицина. <...> В результате испытания комиссия пришла к следующим выводам: 1. Принятое лабораторией направление работ признать правильным. 2. Смесь не проплавляет брони танка насквозь и должна быть эффективна при попадании в уязвимые части танка (моторную группу, бензобаки и т.п.). 3. При горении смесь выделяет «ручьи» расплавленного железа, наваривающегося на поверхность брони и могущего, при удачном попадании, привести к заклиниванию башни. 4. Горючая смесь может быть счищена с танка лопатой для чего, однако, танкисту необходимо выйти из танка. 5. Загоревшуюся смесь потушить песком или землей не удается. 6. Конструкция запального приспособления должна быть изменена. В частности, следует использовать нормальные запалы, принятые в Красной Армии для бензиновых бутылок и, кроме того, снабдить бутылку тампоном для зажигания спичкой на случай отсутствия запальных трубок. 7. В дальнейших экспериментах по усовершенствованию конструкции принять непосредственное участие военинженеру III ранга Алексееву, после чего испытание продолжить. 8. В дальнейшем поставить работу по замене бензина»[180].

[180] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 692. Л. 3–3 об.

Согласно поручению ЦК КП(б) К (А. Койшигулов) следующие испытания, с учетом замечаний, выявленных при первых испытаниях, были проведены 9 ноября 1942 г. комиссией в составе инженеров Наркомата обороны А.В. Демина, К.С. Шпанько, К.С. Фарафонова. Был составлен акт, в котором отмечено: «Комиссия считает эффект бензотермитных бутылок несравненно более высоким, чем обычных бензиновых… представляет ценность для противотанковой обороны и заслуживает скорейшего внедрения …»[181]

Исследования в области военной акустики проводил в годы войны в Кзыл-Орде старший научный сотрудник, доцент Московского института им. Молотова В. Герман. Также им проводились совместные разработки со спецгруппой ученых филиала Всесоюзного института электрификации и механизации (ВИМЭ) и Казахского филиала Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина[182].

В сентябре – октябре 1942 г. в Алма-Ате инженеры Фарафонов, Демин, Шпанько разработали паросиловую установку на танке «КВ» (для средних и тяжелых танков). Предварительно они изучили дизельные установки на танках такого рода, принятые на вооружение Красной Армии в тот период, непосредственно понаблюдав их в действии на фронтах. «Массовое применение в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков танков с дизельными установками...показали ряд существенных недостатков в работе двигателей и дополнительных агрегатов. Эти обстоятельства заставили... искать новые силовые установки, исключающие существующие недостатки и отвечающие всем требованиям современных танков... натолкнули на мысль применения на средних и тяжелых танках паросиловой установки»[183].

Секретарь КП(б)К А. Койшигулов обратился к начальнику ГАБТУК генерал-лейтенанту Федоренко с просьбой о скорейшем финансировании

---

[181] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 691. Л. 102.

[182] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 692. Л. 4.

[183] Там же. Л. 6.

массового производства паросиловой установки, имевшей большое оборонное и народнохозяйственное значение[184].

4 мая 1942 г. Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе (директор – доцент М.Ф. Семичастнов) направил в Комиссию военных изобретений при ЦК КП(б) К материал инженера-механика Д.С. Ходакова по постройке коловратного двигателя с заключением профессора А.В. Квасникова и доцента Г.С. Скубачевского: «Инженер Ходаков предлагает построить коловратный двигатель с внешним сгоранием топлива в отдельной топке… Мысль о создании отдельной топки нередко привлекает к себе внимание изобретателей, так как в топке можно сжигать любое жидкое топливо и опасности детонации не существует …Работа над созданием отдельной топки с возможно более высокими тепловыми параметрами нужна, и результаты ее могут быть использованы в первую очередь в области газовых турбин…»[185] Также есть заключение комиссии о направлении изобретения в Главное Управление НКАП: «… Предложение о постройке коловратного двигателя с внешним сгоранием топлива в отдельной топке, представленное инженером Ходаковым. Предлагаемому предложению дается положительная оценка профессором МАИ т. Квасниковым и доцентом т. Скубачевским. Соответствующее заключение при сем прилагается. Комиссия… постановила: Предложенное изобретение инженера механика Ходакова Д.С. конструктивную схему коловратных двигателей направить на рассмотрение в 8-е Главное Управление НКАП»[186].

С весны 1942 г. на базе Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний Наркомата внутренних дел КазССР под руководством инженера-конструктора А.Н. Кимельфельда[187] развернулось производство опытной партии

---

[184] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 692. Л. 13.

[185] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 721. Л. 1–3.

[186] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 690. Л. 50–51.

[187] Кимельфельд Абрам Наумович (1909–?) – в 1939–1940 гг. начальник технического отдела Завода боеприпасов (г. Киев), в 1940–1941 гг. – главный инженер и заместитель начальника военного отдела Наркомата земледелия Украинской ССР. В 1941–1942 гг. выполнял специальное задание Наркомата боеприпасов СССР по внедрению собственного изобретения (г. Куйбышев), с марта 1942 г. налаживал массовое его производство в машинно-тракторной мастерской (г. Кустанай).

взрывателей «Казахстанец» (автоматический взрыватель двойного действия ВДДК-1).

В Архиве Президента РК сохранился документ под названием «К прот. № 164 п. 36 от 8.IV-42 г. Особая папка. Постановление Бюро Кустанайского областного комитета КП(б) Казахстана «О мероприятиях по организации производства универсальных взрывателей двойного действия конструкции Кимельфельда ВДДК-1». В нем говорится: «В целях быстрейшей организации производства по массовому выпуску изделий ВДДК-1 бюро обкома КП(б) Казахстана постановляет: 1. Обязать директора МТМ НКЗ тов. Кимельфельда: а) обеспечить размещение заказов на изготовление 15 гидравлических прессов и 4-х прессформ на заводах № 222, Кировском и "Калибр"; б) до 15 апреля закончить организацию инструментального цеха при МТМ на базе полученного с завода № 222 станкооборудования; в) организовать в МТМ технический отдел для обеспечения технического руководства подготовкой и ведением спецпроизводства; г) до 30 апреля закончить ремонт и приспособление помещений и территории под организацию спеццеха. 2. Просить НКЗ СССР ассигновать соответствующие средства на затраты, связанные с оплатой материалов, выделенных Госпланом СССР, а также оборудования и инструмента, заказанного на предприятиях Кустанайской и Челябинской областей в сумме 300 тысяч рублей во втором квартале 1942 года. 3. Просить СНК СССР обязать Наркомат Боеприпасов обеспечить поставку Кустанайской МТМ в требуемом количестве деталей №№ 2, 4, 7 изделия ВДДК-1, изготовляемых заводом № 42 в массовых количествах. 4. Обязать горсовет (т. Маякина) в декадный срок освободить жилые помещения на территории МТМ, предоставив проживающим в них жильцам потребную жилую площадь, а также обеспечить переселение контрольно-семенной станции из территории МТМ в другое помещение. 5. Обязать облторг (т. Тибий) организовать обслуживание коллектива работников МТМ НКЗ продуктовым магазином, находящимся в здании МТМ, для чего ежеквартально выделять магазину соответствующие фонды с 10 апреля с.г., а также организовать при МТМ НКЗ буфет для обслуживания рабочих, служащих и

ИТР предприятий. 6. Просить СНК КССР и НКЗ СССР утвердить директору МТМ НКЗ – инженеру Кимельфельду А.Н., изобретателю взрывателя ВДДК-1, – персональный оклад в размере 1500 рублей с 5 марта 1942 года»[188].

В ноябре 1942 г. Секретарь Компартии Казахстана А. Койшигулов докладывал об итогах производства и опытных испытаниях взрывателя заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Л.П. Берия и просило о быстрейшем принятии на вооружение Красной Армии: «На базе Кустанайской МТМ НКЗема КазССР по заданию НКО 761141 сс от 20 мая 1942 г. освоено производство автоматического взрывателя двойного действия ВДДК индекс 57-В-35. По заданию начальника ГВИ УКА нр 220 от 20 января 1942 г. взрыватель проходил полигонно-заводские испытания на заводе 42 НКБ СССР и показал положительные результаты. Затем по неожиданному заключению ИНЖКОМ ГВИУКА 3 апреля 1942 г. взрыватель был отклонен по причине опасности установки. 17 апреля с.г. командованием и саперами 151 ОСБ в присутствии секретаря ЦК КП(б)К т. Шаяхметова, Замнаркомвнутдел КазССР т. Богданова были проведены испытания ВДДК в полевых условиях, что показало высокую эффективность его применения. НКО установило выпуск опытных партий в количестве 20000 штук, что в настоящее время заканчивается в изготовлении. Принятая первая партия военпредом не может быть отправлена из-за отсутствия грузополучателя… Параллельно ВДДК инженером- конструктором Кимельфельдом по заданию НКО нр 761141 с от 20 мая с.г. отработана конструкция взрывателя нажимного действия при габаритах МВ-55 из пластмассы. ЦК КП(б)К и СНК КазССР просят личного Вашего вмешательства для быстрейшего разрешения вопроса принятия взрывателя ВДДК на вооружение Красной Армии, также установления программы выпуска на 1943 год по ВДДК и МВ-5, так как отсутствие точных указаний о дальнейшем производстве ставит под угрозу закрытия уже организованной базы»[189].

[188] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 690. Л. 60.

[189] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 692. Л. 60–61.

В конце ноября 1942 г. было принято решение бюро Кустанайского обкома КП(б) К об организации валового производства первой установочной партии взрывателей в количестве 12 000 штук[190].

На заседании Республиканской Комиссии по военным изобретениям в мае 1942 г. были рассмотрены три рацпредложения, представленные Добошинским, ст. гидротехником Джамбулского облводхоза: о ручной противотанковой тяжелой гранате ударного действия, реактивной шрапнели и фугасно-осколочной авиагранате[191]. Комиссия заключения на рассмотренные изобретения не дала, так как, по мнению преподавателя артиллерии капитана Ларионова, «для дачи заключения об эффективности применения предложенных изобретений необходимо получить дополнительные сведения»[192]. Комиссия постановила: «Поручить зав. Военным отделом ЦК КП(б)К т. Алексееву сообщить т. Добошинскому замечания, данные т. Ларионовым, и рекомендовать ему дополнить проект необходимыми материалами»[193].

Командирский сумеречно-солнечный график Б.А. Воронцова-Вельяминова был разработан в Институте астрономии и физики Казахского филиала АН СССР в 1942 г. «График предназначен для использования средним и высшим ком. и начсоставом… Цель графика – дать возможность при минимальной подготовке и с ничтожной затратой времени определить моменты восхода и захода солнца по гражданскому времени, конца вечерних и начала утренних гражданских сумерек, наступление и окончание полной ночной темноты, а также продолжительность ночи… Каждый командир в зависимости от своей задачи легко сможет определить по графику те моменты в ходе суточного освещения, какие ему нужны. График… дает нужные данные для всего Советского Союза и всей Европы»[194]. По настоятельной просьбе директора Института астрономии и физики академика В. Фесенкова график был направлен и апробирован в Авиашколе

[190] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 706. Л. 16.

[191] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 689.

[192] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 690. Л. 49.

[193] Там же..

[194] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 697. Л. 13.

штабных командиров (впоследствии по заключению, данному Авиашколой, график успешно применялся офицерами Красной Армии на фронте)[195].

Инженер В.Ф. Гордиенко (член Всесоюзного научного инженерно-технического общества сахарной, спиртовой и ликероводочной промышленности) обосновал предложение по увеличению скорости минометного огня в 2 раза, при условии дополнительной установки «одной трубы в миномете… и устройстве 2-х углублений в опорной плите… лишь с добавлением одного человека, обслуживающего миномет бойцов, мощность минометного огня возрастает в два раза, т.к. зарядка левой и правой труб обслуживается одновременно двумя номерами… При переходе на 2-х трубный миномет уменьшается потребность в деталях при производстве минометов для заданной силы огня»[196]. Обоснование и расчеты были отправлены в Наркомат НКВД КазССР в марте 1942 г. для дальнейшего решения вопроса[197].

Описание устройства многозарядной установки для прицельного танко-истребительного огня, разработанной членом Московской организации Союза писателей СССР Г.П. Штормом в январе 1942 г., было направлено для рассмотрения инспектору по изобретениям Средне-Азиатского военного округа[198].

В январе 1942 г. Ф.А. Мюльманом был разработан прибор по исследованию ран с целью определения точного месторасположения осколков и пуль. Заявление о данном изобретении было направлено в Семипалатинск для рассмотрения на областной комиссии по военным изобретениям[199]. К сожалению, был ли принят в производство или отклонен данный прибор, не известно.

В январе 1943 г. в Республиканскую Комиссию по военным изобретениям было направлено заключение инженеров НКО по таким разработкам, как многоствольный миномет, механический гранатомет, автомашина на лыжах и

---

[195] Там же. Л. 12, 16.

[196] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 698. Л. 2–3.

[197] Там же. Л. 1.

[198] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 700. Л. 3–4.

[199] Там же. Л. 5

гусеницах (автор – инженер Зевакин), полуавтоматическое приспособление для эвакуации поврежденных танков с поля боя (авторы – доцент ВИЭМ Я.М. Жук и инженер-механик Г.Н. Сорокин)[200].

В мае 1942 г. Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе направил в Комиссию военных изобретений при ЦК КП(б)К материал по предложению инженера Иоффе – ручная граната тёрочного действия. Доцент кафедры стрелково-пушечных установок института П. Гордон дал заключение на разработку, отметив её положительные и отрицательные стороны. «Ручная граната тёрочного действия… представляет собой гранату либо оборонительного, либо наступательного действий, в зависимости от того, какой осколочной лентой снарядят её на заводе… положительным свойством является отсутствие сложного воспламеняющего механизма… в принятых на вооружение в Красной Армии гранатах… В руках натренированного бойца граната безотказна в действии. Безопасность в обращении с запалом. Отрицательными свойствами являются …неудобство формы, невозможность произвольно определять тактическое применение гранаты... Существующие гранаты "подрываются" после того, как их бросают… необходимо воспламенять их в руках до броска»[201]. Было принято решение изготовить 15–20 гранат для производства окончательных испытаний, чтобы получить необходимые дополнительные боевые данные.

Разработка инфрапеленгаторов для ночной стрельбы по самолетам (установка слепящего действия – УСД) проводилась в Алма-Ате в начале 1942 г. руководителем спецлаборатории НИКФИ доцентом А.Н. Качеровичем и профессором В.Ф. Литвиновым. Лаборатория выполняла специальную оборонную работу по заданию Ленинградского фронта. Цель данной установки – «произвести массовое, кратковременное ослепление живой силы противника, не прибегая к средствам химической войны». В обосновании расписан принцип действия, приведено схематическое описание оборудования и результаты[202].

---

[200] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 691. Л. 70.

[201] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 701. Л. 1–3.

[202] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 704. Л. 5–7.

В докладной записке от 10 апреля 1942 г. на имя А. Койшегулова, А.Н. Качерович сетует на то, что работа продвигается медленно из-за нехватки специалистов и отсутствия необходимого оборудования[203]. В августе 1942 г. по решению Комиссии по реализации изобретений при ЦК КП(б)К от 21 июля 1942 г. А.Н. Качерович и В.Ф. Литвинов были командированы в Москву для дальнейшего продвижения работы, которая «представляет большой интерес с точки зрения внедрения в технику вооружения Красной Армии и требует быстрейшего продвижения»[204]. Но разработка не была внедрена в практику – по заключению НКО СССР (зам. Командующего по вооружению и МТО войск ПВО ТС, генерал-майор артиллерии А. Горохов), «…идея, положенная в основу этой работы, правильная и актуальна. К сожалению, она опоздала. Ряд крупных научно-исследовательских и производственных организаций Советского Союза ведут работу в этой области и имеют практический результат»[205].

Противогаз для эфирного ингаляционного наркоза был разработан доцентом, кандидатом медицинских наук М.Н. Русановым. Аппарат был проверен на 70 больных во время операций в госпитальной хирургической клинике Казахского мединститута им. В. Молотова и сделаны выводы: «…не вызывает никаких осложнений и создаёт хорошие условия для проведения операций под наркозом… основные физиологические функции организма не нарушаются. Как положительную особенность… необходимо отметить то, что сон у наркотизируемого наступает почти без возбуждения и не осложняется рвотой»[206]. По решению Комиссии по военным изобретения при ЦК КП(б)К от 18 апреля 1942 г., на основании отзывов представителей компетентных органов (зам. наркома здравоохранения КазССР, доктор медицинских наук, профессор Ермолаев, начальник особого отдела НКВД Каз. погранокруга, капитан Госбезопасности Шередеко, начальник кафедры военно-санитарной подготовки Каз. мединститута, кандидат медицинских наук Чудинов, завкафедрой

[203] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 705. Л. 1.

[204] Там же. Л. 9–10.

[205] Там же. Л. 12.

[206] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 713. Л. 4.

госпитальной хирургии профессор Зикеев, профессор госпитальной хирургии, доктор медицинских наук Трегубов) «решено командировать доцента, кандидата медицинских наук Русанова (автора конструкции) в гор. Москву в Медико-Санитарное управление снабжения РККА, вместе с опытным образцом противогаза. Комиссия рекомендует принять к освоению конструкцию и изготовлению пробной партии данной модели»[207].

Завкафедрой конструкции и проектирования самолётов доцент Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе Л.И. Сутугин стал автором усовершенствования воздушного тарана. Заключение завкафедрой бомбардировочного вооружения самолётов инженера-аэромеханика Хандожко: «Предложение… считаю вполне реальным и практически легко осуществимым. Полагаю целесообразным по указаниям и под руководством тов. Сутугина оборудовать один из самолётов и произвести практические испытания его усовершенствованного воздушного тарана по наземным целям в виде отдельно стоящих высоких деревьев, а затем и по буксируемым самолётом воздушным мишеням»[208]. Данное рацпредложение было направлено в отдел изобретений НКАП[209].

С декабря 1941 г. по март 1942 г. завкафедрой электротехники и авиационного оборудования профессором Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе С.А. Синицыным велись работы по электрическим замкам для бомбардировочного вооружения и электрических бомбосбрасывателей. Им были изучены конструкции электрооборудования немецких самолетов типов «Мессершмидт» и «Юнкерс», проведены экспериментальные испытания, разработаны основные методы расчёта и принципы электрооборудования, которые стали основой для бомбардировочного вооружения как для обычных боевых самолётов, так и пикирующих бомбардировщиков. В мае 1942 г. материалы по изобретению были направлены в Отдел изобретений НКАП и

---

[207] Там же. Л. 3.

[208] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 713. Л. 2.

[209] Там же. Л. 1.

Комиссию по военным изобретениям при ЦК КП(б)К для изготовления образцов с целью проведения испытаний[210].

Светофильтр А.В. Маркова был разработан в Астрономическом институте АН СССР. По заключению начальника военно-авиационного училища штабных командиров ВВС КА полковника Мячкина, аналогичная работа проводилась в Научно-испытательном институте военно-воздушных сил Красной Армии. Несмотря на данный факт, Комиссия по военным изобретениям при ЦК КП(б)К приняла решение: «Предоставленные документы с предложением т. Маркова направить в Научно-испытательный институт военно-воздушных сил Красной Армии»[211].

Работник Алма-Атинской киностудии изобретатель А. Никулин обратился с просьбой в Наркомат обороны СССР рассмотреть его изобретение – комбинированную зажигательную бомбу для сбрасывания с самолётов и для стрельбы из миномётов. Данное изобретение предназначено для обливания горючей жидкостью людей и предметов, находящихся на большом расстоянии от места падения бомбы; до загорания термита затрудняется процесс тушения известными способами. Автор сопроводил проект чертежами и специальным описанием. 25 мая 1942 г. руководство киностудии (начальник 1-го отдела Кузнецов) направило проект в Комиссию по реализации изобретений при ЦК КП(б)К[212].

Сотрудники Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе кандидат технических наук Липецкий и инженер Яковлев предложили применение взвешенной пыли (аэрозоли) для вывода из строя техники противника. Несмотря на то, что теоретически данное средство было разработано еще в годы Первой мировой войны, практического применения оно не получило. «Предложение… является… принципиально новым, поскольку предлагается непосредственный взрыв горючей взвешенной в воздухе пыли и вывод таким

[210] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 717. Л. 1–4.

[211] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 718. Л. 1.

[212] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 711. Л. 1–2.

образом из строя… живой силы противника и внешнее огневое воздействие на технику»[213]. Данное предложение было направлено для рассмотрения в Совнарком КазССР с предварительным заключением члена Президиума Академии наук БССР, лауреата Сталинской премии академика Н. Акулова[214].

Свою лепту во всенародное дело разгрома врага внес персональный пенсионер республиканского значения, бывший начальник кафедры Военной электротехнической академии им. Маршала Буденного, профессор Н. Яроцкий. Он разработал шрапнельно-зажигательные снаряды. Его опыты, проведенные в августе 1942 г., показали «необходимость изменения конструкции центральной трубки, наполненной порохом»[215]. Данной разработкой заинтересовалась Комиссия по военным изобретениям при ЦК КП(б)К. Н. Яроцкий также стал автором сверхдальнобойных снарядов. Автор обращался к Секретарю ЦК КП(б) К А. Койшигулову, Командующему войсками генерал-майору М. Попову с просьбой о предоставлении минимума материала и оборудования для опытов: «Я вношу новые принципы в конструкцию снарядов, не меняя совершенно современных артиллерийских орудий, что очень упрощает производство нового типа снарядов… Война продолжается… мои предложения, для проведения которых не требуется каких-либо больших затрат, могут принести пользу Красной Армии»[216]. Но, к сожалению, ни первое, ни второе изобретение, разработанные теоретически, в практику внедрить не удалось ввиду отсутствия необходимых материалов.

В июле 1942 г. в отдел изобретений Наркомвоенфлота СССР поступила заявка от эвакуированного из Москвы в Алма-Ату С.А. Гольдштейна на изобретенный зеркальный щит для подводной лодки. В объяснении автор описал принцип действия оборудования и технику применения: «Подводная лодка, опустившаяся в воду, видна с самолёта на расстоянии до 50 метров под водой. Дабы скрыть её, достаточно оставить на поверхности лодки ровную зеркальную

[213] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 710. Л. 13-14.

[214] Там же. Л. 12.

[215] АПРК. Ф. 708. Оп. 7.1. Д. 276. Л. 9.

[216] АПРК. Ф. 708. Оп. 7.1. Д. 276. Л. 13.

поверхность (зеркало), в которой отразится поверхность моря с её движением (зыбью), гребнями. Собой же они скрывают лодку окончательно. Тот же принцип может быть применим и на поверхности моря, и в отношении других судов для скрытия наших объектов от глаз с неприятельских судов»[217].

Некоторая часть рационализаторских предложений, изобретений и опытных образцов вооружения в силу своего несовершенства была отклонена, но они представляют ценность с точки зрения демонстрации огромного желания их авторов внести свой посильный вклад в дело обороны страны.

В документах из фондов Архива Президента Республики Казахстан отразилась история создания многих изобретений. Приведем некоторые примеры отклоненных заявок. В мае 1942 г. на заседании Республиканской Комиссии по военным изобретениям (протокол № 5) рассматривались такие предложения, как зажигательные цин-этиловые патроны преподавателя Явленской средней школы профессора А. Кульмана, газовые индикаторы с повышенной чувствительностью преподавателя Акмолинской средней школы № 1 А.Г. Гольдмана, запальная паста для ручного огнеметания доцента кафедры химии Казахстанского горно-металлургического института, кандидата сельскохозяйственных наук В.В. Бутова, производство зарядов для противотанковой смеси техника-химика из города Джамбула Г.И. Портнова, замена угольных мембран телефона техника 1-й дистанции Турксиба П.П. Устинова, авиамина рассеивающего действия П.С. Городецкого из Семипалатинска [218].

Комиссия, в составе которой были секретарь ЦК КП(б) Казахстана А. Койшигулов, зам. Председателя Совнаркома Ерофеев, зам. наркома внутренних дел КазССР Глина, зав. военным отделом ЦК КП(б)К Алексеев, на основании заключений специалистов в той или иной сфере деятельности по всем изобретениям постановила отклонить их принятие и внедрение в практику. Так, относительно применения зажигательных цин-этиловых патронов профессора А. Кульмана «по отзыву по предложению зав. каф. химии Московского

[217] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 699. Л. 4, 7.

[218] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 690.

Авиационного института в г. Алма-Ата проф. Ходакова дается отрицательная оценка …данное предложение считает совершенно беспочвенным»[219].

На газовые индикаторы с повышенной чувствительностью А. Гольдмана военный инженер III ранга Алексеев представил своё заключение в военный отдел ЦК КП(б) Казахстана до заседания Комиссии – 24 апреля 1942 г. «Тов. Гольдман все свои соображения построил теоретически, не приводя никаких экспериментальных данных. Предложение… неприемлемо в силу того, что им не указан состав предлагаемого индикатора и к тому же Красная Армия имеет портативные, чувствительные индикаторы»[220]. Таким образом, Комиссия постановила «предложение т. Гольдман считать неприемлемым в силу того, что им не указан состав предлагаемого индикатора»[221].

Инженер Алексеев дал также обоснованное заключение по предложению доцента В. Бутова на запальную пасту для ручного огнеметания. «Запальная паста… не является новой в области запалов для воспламеняющихся горючих жидкостей… на снабжении Красной Армии имеются портативные запалы… В настоящее время использование… неприемлемо по следующим мотивам: хранение… на алюминиевой фольге – громоздко и неудобно, необходима особая тара, к тому же снабжение бутылок требует дефицитных материалов: резиновых колец, алюминиевой фольги; непродолжительность хранения пасты 2–3 суток не может обеспечить бесперебойное снабжение воинских частей в нужное время; использование запальной пасты в ручном огнеметании (зажигательные бутылки) требует бутылок из тонкого стекла…»[222] На основании данного заключения Комиссия постановила отклонить рассматриваемое предложение[223].

На «предложение техника 1-й дистанции связи Турксиба т. Устинова П.П. по замене угольных мембран телефонов ЦБ и МБ, изготовленных из целлулоида или бумаги, промасленной лаком и покрытой угольным кирпичом,

---

[219] Там же. Л. 48.

[220] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 695. Л. 3об.

[221] Тм же. Л. 49.

[222] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 695. Л. 4.

[223] Там же. Д. 690. Л. 49.

представленное областной комиссией по военным изобретениям при Семипалатинском обкоме КП(б)К от 2.12.41 г. № В/195»[224], Центральный научно-исследовательский институт связи дал отрицательный отзыв (по заключению зам. уполнаркомсвязи СССР по КазССР т. Балфанбаевой № 83 с от 09.02.42 г.), в котором зафиксировано, что внедрение мембран «рекомендовать нельзя как для коммерческой, так и особенно для полевой армейской связи»[225]. На основании данного заключения Комиссия постановила отклонить предложение П. Устинова, «как не удовлетворяющее требованиям эксплуатации при испытаниях в лаборатории НИИ НК связи»[226].

Авиамина рассеивающего действия П. Городецкого тоже была отклонена[227] на основании отрицательной оценки специалистов Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе – руководителя кафедры стрелково-пушечного вооружения военного инженера II ранга А.И. Казакова и руководителя кафедры бомбардировочного вооружения самолётов инженера-аэромеханика П.П. Хандожко, представленной ими 24 апреля 1942 г. в Республиканскую Комиссию по военным изобретениям. «По сравнению с существующими бомбами, "мина" т. Городецкого весьма сложна в производстве и неудобна в эксплуатации, как с точки зрения загрузки её на самолёт, а также при транспортировке… не увеличивает боевого эффекта по сравнению с существующими авиабомбами, не улучшает способа тактического применения, принятого в ВВС РККА, а поэтому интереса не представляет»[228].

Относительно предложения по производству зарядов для зажигательных бутылок техника-химика Г.И. Портнова, эвакуированного из Украины (г. Киев) в г. Джамбул, в фондах Архива Президента РК сохранилась большая переписка: письма изобретателя в Комиссию по военным изобретениям, объяснительные записки, несколько заключений-отзывов военных специалистов и др.[229] Так, в

[224] Там же. Л. 51.

[225] Там же.

[226] Там же.

[227] Там же. Л. 50.

[228] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 707. Л. 10.

[229] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 712.

одном из писем в Комиссию Г. Портнов писал: «Последнее время я работал технoруком Киевской артели "Химтруд", которая вырабатывала лакокрасочную продукцию. В июне 1941 года, когда гитлеровская Германия вероломно напала на нашу священную Родину, профиль нашей артели был изменен и в июле месяце мы приступили вырабатывать продукцию по заданию Химотдела Юго-Западного фронта – заряды к бензогранатам для поджога танков…»[230]

К сожалению, изобретение Г. Портнова было отклонено Комиссией ввиду того, что «для производства зарядов требуются остродефицитные материалы: бертолетова соль, красный фосфор и т.д.»[231] По заключению военного инженера Алексеева, «в настоящее время Красная Армия пользуется запалами для зажигательных бутылок, изготовленными из недефицитных материалов, причём оболочка запалов герметична и не требует особых материалов для своей упаковки при транспортировке»[232].

На основании заключения старшего преподавателя кафедры стрелково-пушечного вооружения Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе Ерусланова (апрель 1942 г.) Комиссия по военным изобретениям отклонила предложение изобретателя Стрижевского о многоствольном артиллерийском орудии. В частности, в заключении отмечено: «Идея многоствольного артиллерийского орудия – не нова. Подобные орудия существовали ещё в эпоху гладкоствольных и заряжающихся с дула орудий в виде так называемых пушек XVII и XVIII веков. Эти орудия не получили распространения как в силу технического несовершенства, так и явного преимущества нормальных орудий, благодаря лёгкости и подвижности последних… предложение гр. Стрижевского является возвратом к прошлому и принципиально не содержит в себе ничего такого, что свидетельствовало бы о превосходстве его многоствольного орудия перед современными артиллерийскими системами в отношении своих технических и тактических свойств»[233].

---

[230] Там же. Л. 11.

[231] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 690. Л. 49.

[232] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 701. Л. 9.

[233] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 695. Л. 24.

В августе 1942 г. Председатель Комиссии по реализации изобретений А. Койшегулов обратился в Академию наук СССР, а именно к директору Института физических проблем академику П.Л. Капице, с просьбой дать рецензию на новое взрывчатое вещество «Родамит», изобретенное инженером-химиком Г. Андреевым[234]. В ответе академик П.Л. Капица сообщил, что «идеи, описываемые в статье инж. Андреева, хорошо известны не только теоретически, но и соответствующими организациями произведена в этом направлении серия экспериментальных работ. Работы эти значительно опередили развиваемые инж. Андреевым идеи». Соответственно изобретение было отклонено.

Необходимо отметить, что определённая работа по рассмотрению предложений о разработке военного оборудования проводилась областными комиссиями по военным изобретениям. Так, в январе 1942 г. в Управление НКВД г. Петропавловска поступило заявление И. Боруля, эвакуированного из Киева в Петропавловск, об устройстве «плавающего автомобиля», в котором описывается предложение «о дооборудовании грузовика стальной будкой для придания ему плавучести»[235]. Назначение данного изобретения – форсирование большого водного пространства. Предложение было рассмотрено на заседании областной Комиссии по военным изобретениям, где было принято решение о его нецелесообразности, так как отсутствовали расчёты и конструктивные данные о переоборудовании автомобиля. Затем было дано заключение Наркомата среднего машиностроения СССР, в котором также отмечались отрицательные стороны изобретения: «Предполагаемое громоздкое дооборудование стандартного грузовика значительно снижает его эксплуатационные и ходовые качества… Конструктивное решение задачи придания плавучести автомобилю не соответствует современному уровню техники. Поэтому предложение использовано быть не может»[236].

Изобретение «Реконструкция зажигательной бомбы» работника Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ)

[234] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 693. Л. 1.

[235] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 694. Л. 2.

[236] Там же. Л. 2 об.

Казахстаннефтекомбината г. Гурьева В. Бельковского было рассмотрено Комиссией по военным изобретениям при Гурьевском обкоме КП(б)К[237]. Предложение был направлено в Республиканскую Комиссию в августе 1942 г. с заключением завкафедрой бомбардировочного вооружения самолётов Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе, инженера-аэромеханика Хандожко. В заключении констатировался тот факт, что «из представленных тов. Бельковским схемы и описания зажигательной бомбы его системы не видно, что бомба эта будет более совершенной, чем находящиеся на вооружении РККА»[238]. Далее описываются отрицательные стороны изобретения, нерациональность его использования (например, предлагаемый изобретателем принцип подвижности очага, который не будет успевать зажигать цель, и др.). «Предложение… практического интереса не представляет»[239]. Соответственно, изобретение не было принято Республиканской Комиссией.

В мае 1942 г. в Республиканскую Комиссию по военным изобретениям было направлено предложение Э. Вейцеля по изобретению автоматической многоствольной пушки с заключением старшего преподавателя кафедры стрелково-пушечного вооружения Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе Ерусланова[240]. В частности, в заключении было отмечено, что «идея сочетания многоствольности орудий с принципом автоматики заслуживает внимания, но требует серьёзного исследования и глубокой разработки ряда кардинальных вопросов (о системе автоматики, принципе подачи и питания, подборе снаряда)... на данном отрезке времени реализовано быть не может, в силу большой сложности задачи»[241]. Данное изобретение было отклонено Комиссией.

В январе 1942 г. Секретарь ЦК КП(б)К Досымов направил для рассмотрения в Алма-Атинское военное пехотное училище предложение инженера Добровольского «Ручной миномёт 3-кратного действия». В заключении

---

[237] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 701. Л. 20.

[238] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 696. Л. 23.

[239] Там же. Л. 24.

[240] Там же. Л. 12.

[241] Там же. Л. 13.

начальника училища полковник Филатова и военного комиссара училища Мартынова отражены результаты рассмотренного изобретения: «На вооружении Красной Армии имеются системы миномётов по конструкции проще, а по действию эффективнее. Трехствольный миномёт с разными размерами стволов вряд ли даст какие-либо преимущества перед тремя отдельно взятыми миномётами. Конструкция должна быть обслуживаема не менее как тремя заряжающими, а это уже минус. Замена амортизаторов какой-то пружиной, да ещё на подвижной тележке, во всех случаях будет отражаться на наводке…»[242] В итоге был вынесен вердикт, что модель должна быть пересмотрена и основательно доработана автором.

В апреле 1942 г. в Научно-технический совет при Госплане КазССР, в Комиссию сельского хозяйства, поступило предложение В. Казакова о задернении (покрытии) аэродромов. Автор подробно расписал экспериментальные работы, проведённые им в течение ряда лет на Алма-Атинском гражданском аэродроме, попытался раскрыть преимущества данного вида покрытия[243]. «Из всех видов аэродромных покрытий наиболее широкое распространение получило дерновое покрытие, создаваемое травосмесью из многолетних трав. Дерновое покрытие обладает определёнными экономическими и техническими преимуществами перед другими покрытиями… является самым дешёвым из всех других… стоимость задернения одного гектара… обходится в 1000–1200 рублей, стоимость же одного гектара бетонного покрытия… 600 000 рублей, стоимость одного гектара асфальто-бетонного покрытия 500 000 рублей»[244]. Но в заключении начальника авиаучилища штабных командиров ВВС Красной Армии полковника Мячкина, рассмотревшего данное предложение, отмечены отрицательные стороны предложения В. Казакова: «Всё, что говорит т. Казаков о полезности задернения аэродромов – правильно, но т. Казаков ни одним словом не обмолвился, как это сделать вообще, а тем более в засушливых районах юго-

[242] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 700. Л. 4.

[243] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 701. Л. 5–7.

[244] Там же. Л. 6.

восточной части СССР (КССР, ТССР, ТаджССР, УзбССР, КирССР), т.е. в районах, где осадков выпадает так мало, что произрастание всех злаков и культур возможно только при условии полива… это трудное и слишком дорогое дело, ибо арыков по лётному полю провести нельзя, а поливать из автоводоналивщиков сотни гектаров почти невозможно»[245]. Данное предложение было отклонено, так как выращивание дернового покрова требует много времени – «аэродромы нужны в данную минуту, а не через год или два»[246].

Относительно изобретения В. Каушанского «Винтовочный снаряд зажигательного действия» в июне 1942 г. было дано заключение руководителя кафедры стрелково-пушечного вооружения Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе военного инженера II ранга А.И. Казакова: «Мысль В. Каушанского об использовании импульса выпущенной из ствола винтовки пули для сообщения зажигательному снаряду поступательного действия исходит из неверного представления о сущности явлений, связанных с выстрелом и движением снаряда-пули»[247]. Далее описаны недостатки предложения изобретателя, вплоть до опасности его применения: «Произойдёт не заклинение пули в сердечнике снаряда, как предполагает автор предложения, а полное разрушение снаряда и разрыв ствола винтовки вследствие реакции большой массы пороховых газов… возможен накал капсюля и воспламенение жидкости в момент самого выстрела»[248]. Принято решение о неприемлемости данного изобретения.

В ноябре 1942 г. Республиканской Комиссией по военным изобретениям в Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе был направлен материал для рассмотрения по предложениям инженеров А. Гинзбурга, В. Добрунова, П. Штыкова. Заключения специалистов института поступили в Комиссию в январе 1943 г.[249] Так, по предложению А. Гинзбурга и В. Добрунова

---

[245] Там же. Л. 3–4.

[246] Там же. Л. 4

[247] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 703. Л. 18.

[248] Там же..

[249] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 708. Л. 94.

«Воздушная торпеда» доцент, кандидат технических наук Фридлендер констатировал следующее: «Предложение… не представляет никакого – ни технического, ни тактического интереса… Авторы… предлагают использовать автопилот типа СПЕРРИ… дают схему, относящуюся к самому началу развития автопилотостроения. Внесённые ими добавления ничего оригинального не содержат. Поражение цели на расстояниях, указанных авторами, абсолютно невозможно»[250]. На следующие два изобретения Добрунова – «Предохранительный щит винтовки» и «Велосипед на лыжах» – заключение дал инженер-майор Казаков. По первому предложению эксперт отметил, что « винтовка и автомат являются личным оружием бойца... и должно быть лёгким и удобным»[251]. Своё обоснование он закончил весьма категорично: «Предложение никакого интереса не представляет и возникло вследствие незнания боевых условий»[252]. По второму предложению Добрунова инженер Казаков также дал отрицательное заключение: «Практическое применение в боевых условиях велосипеда на лыжах никакого эффекта в передвижении войск не даёт. Боец охотнее согласится иметь в своём распоряжении простую пару лыж. Применять велосипед для перевозки грузов не целесообразно… Использовать как средство связи невыгодно, так как применение велосипеда ограничивается условиями местности. Велосипед на лыжах имеет чисто спортивный интерес»[253].

На предложение инженера Штыкова «Самолёт таран» заключение представили инженер Казаков и руководитель кафедры конструкции самолётов Сутугин. По мнению экспертов, предложение тоже не представляет практического интереса вследствие того, что «тов. Штыков даёт выводы… без каких-либо прикидочных расчётов и обоснований …По сравнению с существующими истребителями предлагаемый проект никаких преимуществ не имеет. При равной мощности моторов горизонтальная скорость «Самолёта тарана» по сравнению с существующими моделями будет значительно ниже»[254].

---

[250] Там же. Л. 91.

[251] Там же. Л. 93а.

[252] Там же.

[253] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 708. Л. 93.

[254] Там же. Л. 92.

Таким образом, все четыре предложения на основании заключений специалистов были отклонены Комиссией.

Материалы по изобретению профессора Алма-Атинского горно-металлургического института Е.Д. Шлыгина «Танкосжигатель» были направлены Комиссией по рационализации и изобретательству Алма-Атинского военного пехотного училища, где первоначально были рассмотрены, в Комиссию по рационализации и изобретательству Средне-Азиатского военного округа в декабре 1941 г.: «Препровождаю три чертежа, план и описание изобретения “Танкосжигатель”. Председатель Комиссии, начальник учебного отдела, полковник Даниелян»[255]. Ответ автору изобретения был дан только в мае 1942 г. Председателем Комиссии по реализации военных изобретений А. Койшигуловым: «Ваше изобретение… рассмотрено специальной комиссией в г. Ташкенте по предложению САВО, и комиссия, рассмотрев практическое применение Вашего изобретения, отклонила, ввиду невозможности и нецелесообразности применения такового»[256].

На заседании Республиканской Комиссии по военным изобретениям в сентябре 1942 г. было рассмотрено предложение электромеханика эвакогоспиталя ВЦСПС № 4113 (г. Алма-Ата) П. Станиславского об использовании водорода или гремучего газа для снаряжения авиабомб[257]. По заключению завкафедрой бомбардировочного вооружения самолётов Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе, инженера-аэромеханика П.П. Хандожко, «применение водорода или гремучего газа для снаряжения авиабомб не заслуживает внимания, т.к. для получения от гремучего газа того же разрывного эффекта, какой даётся тротилом или мелинитом, потребуется придавать авиабомбам чрезмерно большие и поэтому практически неприемлемые габариты»[258]. Комиссия отклонила данное предложение.

---

[255] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 722. Л. 2.

[256] Там же. Л. 12.

[257] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 718. Л. 1.

[258] Там же.

В августе 1942 г. Республиканской Комиссией были рассмотрены три предложения воентехника I ранга Юкова: «Ротный миномёт», «Самозарядный миномёт», «Самоходный наплавной мост»[259]. По итогам рассмотрения изобретений Комиссия вынесла следующее постановление: «С первыми двумя предложениями… как представляющими интерес, направить тов. Юкова в гор. Ташкент Командующему САВО генерал-майору тов. Курбаткину для реализации. Третье предложение, ввиду отсутствия на месте специалиста, направить в САВО для определения его целесообразности использования на вооружении»[260].

К сожалению, мы не располагаем другими документами, по которым можно было бы проследить дальнейшую судьбу данных изобретений. Есть лишь заключение на самозарядный миномёт, представленное начальником ОСК завода им. Ворошилова Панова и инженера-конструктора того же завода Александрова, в котором дана его отрицательная оценка изобретения: «Автор предложения… недостаточно знаком с опытными тактико-техническими требованиями на миномёты и с конструкциями существующих миномётов. В результате этого… им допущены серьёзные ошибки… эскизный проект на 37 мм не пригоден для изготовления опытного образца и тем более для принятия миномёта на вооружение»[261].

На основании приведенных архивных документов можно сделать вывод о том, что авторами изобретений были не только специалисты в области вооружения, но и простые граждане, у которых была общая цель – победа над врагом. Понятно, что не все проекты были приняты на вооружение Красной Армии, значительная их часть отклонялась вследствие отсутствия новаций, сложности реализации, однако все заявки свидетельствуют о напряженной творческой работе в казахстанском тылу.

Республиканская Комиссия по военным изобретениям при ЦК КП(б) Казахстана достойно выполнила возложенную на него задачу – скрупулёзно

---

[259] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 723.

[260] Там же. Л. 3.

[261] Там же. Л. 9.

рассматривала каждый поступивший проект, направляла в соответствующие инстанции для получения экспертных заключений высококвалифицированных специалистов в области военного дела.

Неоценим вклад ученых, испытателей, научных учреждений, т.е. всего научного потенциала бывшего СССР, и, в частности, той его части, которая была эвакуирована в Казахскую ССР. Неоспорим тот факт, что все проекты представляют интерес с точки зрения истории развития военной промышленности в период Великой Отечественной войны.

Глава 3. Научная и образовательная деятельность эвакуированных учёных и учреждений

3.1. Эвакуация, размещение научных и культурных сил России и Украины в Казахской ССР

Советский Союз к началу Великой Отечественной войны добился определенных успехов в развитии науки. Несмотря на репрессии и гонения на науку, страна обладала солидной материальной базой. К началу войны в стране имелось 1821 научное учреждение, в которых насчитывалось свыше 98 тыс. научных работников.

В начале июля 1941 г. председатель Совета по эвакуации при Совнаркоме СССР Н.М. Шверник на встрече с группой ученых отметил, что развитие науки в военное время приобретает особо важное значение. Поэтому необходимо обеспечить скорейшее перемещение научных учреждений и ученых в глубокий тыл, где им будут созданы условия для работы. Без сильной научной и конструкторской базы на востоке страны было невозможно развернуть в короткий срок производство вооружений и промышленного оборудования. Уполномоченным от правительства по эвакуации научных институтов и вузов стал председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы (ВКВШ) профессор С.В. Кафтанов, в Академии наук за эту работу отвечал ее вице-президент О.Ю. Шмидт[262].

Эвакуация научных учреждений проводилась поэтапно. Первый этап (июль –август 1941 г.) – вывозились институты Украины, Белоруссии и некоторых центральных районов РСФСР. Места размещения были разные. Из Киева в Уфу направлялись 13 академических институтов. В Белоруссии находилось 26 вузов, но только из 6 учебных заведений удалось вывезти оборудование и другие материальные ценности.

[262] Пархоменко А.А., Федоров А.С. Сражающаяся наука. М.: Знание, 1990. С. 42.

Самым крупным центром сосредоточения академических учреждений стала Казань. Здесь обосновалось 33 научных учреждения, в которых трудились 1884 научных сотрудника, в их числе 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР[263]. Часть институтов и лабораторий АН БССР переехала в Казань. В июле началась эвакуация из Москвы учреждений Академии наук. Первые 11 институтов и лабораторий выехали в Казань 22 июля.

Второй этап эвакуации начался поздней осенью 1941 г. (октябрь – ноябрь), когда сильно осложнилась военная ситуация на подступах к столице. Эвакуации подлежали академические и отраслевые институты, вузы. Московский университет был направлен в Ашхабад, Московский авиационный институт – в Алма-Ату, Первый медицинский институт – в Уфу, МЭИ – в Лениногорск. Всего до декабря из 64 московских вузов на восток выехали 59.

Урал также стал одним из основных центров сосредоточения академических учреждений. Базой для них послужили располагавшиеся в Свердловске Уральская комплексная экспедиция и Уральский филиал Академии наук. Сюда были были эвакуированы Институт металлургии и Лаборатория кристаллографии АН СССР.

В Свердловск из Казани также перевелся Институт горного дела АН СССР. Эвакуация этих учреждений на Урал приблизила их к месторождениям полезных ископаемых, здесь же находились некоторые наркоматы и отраслевые научно-исследовательские институты, с которыми данные учреждения были связаны общими научными темами. В декабре 1941 г. в Свердловск для руководства геологическими учреждениями прибыли Бюро отделения геолого-географических наук, а также 216 научных сотрудников, 17 академиков и 8 членов-корреспондентов. Впоследствии число их возросло до 35. Там же находился президент Академии наук В.Л. Комаров[264].

Третий этап эвакуации – это труднейшие месяцы (февраль – июль) 1942 г., который был связан с Ленинградом, к тому времени уже находившимся в блокаде.

---

[263] Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1966. С. 16.

[264] Там же. С. 17.

В это время местом эвакуации академических учреждений и научных сил из центра стали Средняя Азия и Казахстан. Во Фрунзе (столица Кыргызстана) разместились 5 институтов биологического профиля: 235 сотрудников, 2 академика и 4 члена-корреспондента АН СССР.

В Ташкенте сосредоточились научные учреждения Академии наук СССР, которые в годы войны сыграли существенную роль в развитии производительных сил Узбекистана. Здесь были широко представлены такие отрасли советской науки, как геология, минералогия, почвоведение, астрономия , метеорология, сейсмология, гидроэнергетика, электротехника, химия, медицина, экономика, литературоведение и востоковедение.

В городах Средней Азии были размещены гуманитарные учреждения Академии наук СССР, насчитывавшие 735 научных сотрудников, 13 академиков и 30 членов-корреспондентов[265]. Алма-Ата приняла несколько институтов Академии наук: экономики, географии, истории, философии. В фондах Государственного архива Кокчетавской (ныне – Акмолинской) области (ГАКО) сохранился документ, находившийся ранее под грифом «секретно», – «План эвакуации институтов Академии наук СССР» от 13 октября 1941 г., где отражены сведения о запланированных местах размещения эвакуированных академических учреждений (приложение, табл. 3).

При эвакуации академические и другие НИИ сохранили свои научные коллективы. Несмотря на все бытовые трудности, с которыми пришлось столкнуться на местах, академические и научные учреждения в короткие сроки определили круг научных тем, главной целью и задачами которых были разработка и решение крупных оборонных проблем на основе научных изысканий, как теоретических, так и экспериментальных. К осени 1941 г. по согласованию с правительственными органами были намечены основные направления научной работы в военных условиях. При этом поддержкой пользовались те исследования, которые обещали принести пользу немедленно или в ближайшее время. Работы, рассчитанные на много лет, исключались из плана.

[265] Левшин Б.В. Указ. соч. С. 17.

Со всей определенностью высказался на этот счет академик А.А. Байков: «Научная работа сейчас, если она не может дать результат, который будет полезен фронту, не может иметь никакого значения и не представляет никакого интереса… Все должны работать на фронт и для фронта, у всех должна быть только одна цель – уничтожить навсегда отвратительный и гнусный гитлеризм»[266].

Какие же направления научной деятельности получили в этот период приоритет? Тематика научных исследований была сосредоточена на трех ведущих направлениях. Первое – это разработка проблем, имеющих непосредственное оборонное значение. Здесь научные исследования должны были вестись в области поиска, конструирования и создания эффективных средств вооружения. Второе важное направление – научная помощь промышленности в совершенствовании технологических процессов, в организации имевших первостепенное оборонное значение производств. И, наконец, третье, приоритетное направление научной деятельности – максимальная мобилизация сырьевых ресурсов страны, замена дефицитных материалов местным сырьем и создание новых видов стратегических материалов, для чего создавались межотраслевые комиссии и комитеты.

Нелегко было организовать работу научных учреждений по этим направлениям деятельности. Такого опыта у советской науки не было. Но не было и возможности действовать иначе. Только работа по наиболее актуальной для военного времени тематике, только концентрация на ней всех научных сил создавали возможности эффективного использования науки для скорейшей помощи фронту и тылу.

Основная трудность состояла в том, что большинство научных учреждений ранее не соприкасалось напрямую с военными проблемами. В таких условиях первоочередной задачей была максимальная увязка научно-исследовательских работ с запросами оборонных и промышленных наркоматов, что и позволило бы избежать случайных тем, не отвечающих требованиям военного времени. Научные учреждения установили прямые связи с рядом главных управлений

[266] Пархоменко А.А., Федоров А.С. Указ. соч. С. 50.

Наркомата обороны – военно-воздушных сил, артиллерии, минометным, автобронетанковым, связи, военно-инженерным и др. То же самое было сделано относительно управлений Наркомата Военно-морского флота.

В соответствии с этим в план первоочередных исследований было включено 200 тем, непосредственно связанных с вопросами военного производства, обеспечения армии и флота новыми боевыми средствами. План был всесторонне рассмотрен ГКО и затем утвержден Центральным Комитетом партии[267].

Первый сводный план работы Академии наук СССР в условиях войны был составлен в августе – сентябре 1941 г. План обсуждался в конце сентября Научно-техническим советом Государственного комитета обороны. В представленном плане уделено внимание первоочередным научно-техническим мерам по увеличению производства в решающих отраслях промышленности. Многие проблемы зависели от быстрого и успешного освоения сырьевых, технологических и энергетических ресурсов. Решить эти задачи без помощи науки было бы трудно.

Актуальными в первые месяцы войны стали вопросы организации науки. Линия фронта все дальше отодвигалась на восток, поэтому масштабы эвакуации все более возрастали. Поддерживать связи между научными учреждениями становилось все сложнее, а иногда они и вовсе прерывались. Суровые условия войны и массовой эвакуации требовали иных методов управления наукой, иных форм ее организации. Чтобы вести затянувшуюся войну и форсировать рост военного производства, требовалось эффективно использовать весь научный потенциал страны.

Встал вопрос о срочной консолидации научных сил, средств и действий. Принимается решение: для сосредоточения всей полноты власти и управления в области науки назначить специального уполномоченного ГКО и наделить его большими правами. Уполномоченным ГКО по науке был назначен профессор С.В. Кафтанов – председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы. В

[267] Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1941–1945 гг. Изд. 3-е, доп. М.; Л.: Наука, 1964. С. 35.

то же время для усиления партийного руководства работой научных учреждений организуется отдел науки ЦК ВКП(б).

В своей разносторонней работе профессор С.В. Кафтанов и его помощники опирались на специально созданный Научно-технический совет (НТС). Он появился в июле 1941 г. как орган коллективного решения наиболее сложных задач оборонного значения. Созданию НТС предшествовало одно важное обстоятельство. Еще в первые дни войны группа видных ученых-химиков обратилась в правительство с большим письмом. Его авторы считали необходимым объединить для помощи фронту все научные силы страны. К широким работам на оборону, отмечали авторы письма, надо привлечь не только ученых Академии наук, но и тех, кто трудится в вузах и других учебных заведениях, в научных институтах наркоматов и ведомств. А для координации работы этого многочисленного отряда научной интеллигенции, для установления связей с заводами, КБ и наркоматами необходимо создать при ГКО специальный орган.

Среди тех, кто подписал это письмо в правительство, были выдающиеся ученые и видные организаторы советской науки А.Н. Бах, Н.Д. Зелинский, С.С. Наметкин, А.Н. Фрумкин, С.И. Вольфкович и др. Надо отметить, что неслучайно определяющее значение для создания новых взрывчатых веществ имели исследования химиков во главе с Н.Д. Зелинским[268].

В тяжелые годы войны в Казахскую ССР из Москвы, Ленинграда и Киева был эвакуирован цвет советской науки – маститые ученые и академики. В Казахстане эвакуированные академические учреждения размещались согласно постановлению Центрального Комитета КП(б) Казахстана № 125 «О размещении институтов Академии наук СССР», принятому в ноябре 1941 г. В постановлении руководства Казахской ССР четко указывалась важность создания нормальных условий для прибывших ученых и их семей, «учитывая необходимость сохранения основных научных сил… придавая исключительное значение… продолжению научно-исследовательской деятельности, а также в целях

[268] Князев Г.А., Кольцов А.В. Указ. соч. С. 3.

эффективного использования кадров академиков, профессоров и научных сотрудников»[269].

В условиях эвакуации академических учреждений на новые места дислокации остро встал вопрос о выделении соответствующих помещений для них. Так, в конце 1941 г. председатель Президиума Казахского филиала Академии наук СССР И.Ф. Григорьев направил официальное письмо Секретарю ЦК КП(б) Казахстана М. Абдыкалыкову с убедительной просьбой выделить дополнительные помещения для научно-исследовательских учреждений, а также жилые помещения для их сотрудников. Чтобы полнее понять проблемы военного времени, приведем текст письма полностью.

В нем говорится: «Казахский Филиал Академии наук Союза ССР имеет обширную программу работ на 1942 г., направленных на укрепление экономики и обороноспособности нашей Родины. В Филиал приглашены высококвалифицированные специалисты, в том числе академик М.М. Завадовский – разработавший метод ускорения воспроизводства стада с/х животных в 1,5 раза. Однако, нормальному развертыванию научно-исследовательских работ мешает чрезвычайная стесненность КазФАН в отношении лабораторных помещений, которая вызвана размещением в основном здании Филиала 7 эвакуированных учреждений: Института Географии, Института Экономики, Института Истории, Института Философии, Института Астрономии, Института Цитологии. Кроме того одна из аудиторий занята под общежитие сотрудников эвакуированных Институтов.

В результате создавшейся обстановки Институт истории, языка и литературы КазФАН стеснен в две небольших комнаты. Сектор, имеющий в своем составе 5 лабораторий, стеснен в 3 комнаты. Весьма важная работа лаборатории акад. М.М. Завадовского вообще находится под угрозой срыва из-за отсутствия помещения. В совхозах и колхозах республики начался уже окот овец, но лаборатория до сих пор работы не развернула. Сектор физиологии и биохимии растений не может развернуть работу в полном объеме.

[269] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 3. Св. 1. Ед. хр. 2. Л. 56.

Президиум Казахского Филиала Академии Наук СССР в целях создания нормальных условий для плодотворного выполнения намеченного на 1942 г. плана работ Филиала просит Вас: 1. Предоставить для перечисленных эвакуированных учреждений, которые размещены в здании КазФАН, – другие помещения; 2. Предоставить для научных сотрудников эвакуированных учреждений, которые проживают в служебном здании Филиала, – общежитие или номера в гостинице»[270].

Республика стала настоящим вторым домом для огромного числа эвакуированных научных, учебных заведений, учреждений культуры, театров, промышленных производств из Москвы, Ленинграда, Ростова, ряда других городов РСФСР, Украинской и Белорусской ССР[271].

Так, Московский авиационный институт, эвакуированный в 1942 г., согласно постановлению № 4 Исполкома Алма-Атинского городского совета депутатов трудящихся и Бюро горкома КП(б)К от 5 февраля 1942 г. был размещён в здании, занимаемом ранее факультетами филологии и журналистики КазГУ, находящемся по ул. Алма-Атинской, 13[272].

Пунктами размещения институтов истории, философии, экономики Академии наук СССР и их сотрудников были определены следующие города республики:

«а) Институт истории и философии Академии наук оставить в гор. Алма-Ата, в составе академиков: Б.Д. Грекова, Е.В. Тарле, Н.С. Державина; членов-корреспондентов Академии наук: А.М. Панкратовой, Удальцова, С.В. Бахрушина; доктора исторических наук: А.Ф. Миллера; кандидатов исторических наук: А.П. Кучкина, Д.А. Баевского, Рубинштейн, С.Д. Петропавловского, П.К. Алифиренко, Ленчнер, сталинского докторанта А.В. Мишулина, Е.И. Веденееву (специалиста по истории Казахстана);

---

[270] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 617. Л. 36–37.

[271] Ботанов А.Г. Здесь тыл был фронтом / Алматы 1941–1945 гг. Тыловая хроника в документах: Материалы круглого стола. 2015. 22 апр. Акимат города Алматы, Управление по развитию языков, архивов и документации города Алматы, Центральный государственный архив города Алматы. Алматы. 2015. С. 12.

[272] ЦГА г. Алматы. Ф. 174. Оп. 15. Д. 550. Л. 306.

б) Институт философии оставить в г. Алма-Ата в следующем составе: профессоров В.Ф. Берестнева, Б.Э. Быховского, Белецкого, Ф.М. Путинцева, Э. Кольмана, М.А. Леонова, А.А. Максимова и научного сотрудника Н.П. Васильева;

в) Группу экономистов оставить в г. Алма-Ата в следующем составе: профессоров Е.Л. Грановского, Д.И. Черномордика, Блюмина, Ф.И. Михалевского, В.И. Кац;

3.Принять предложение т. Бузурбаева о размещении остальных научных сотрудников Институтов истории и экономики Академии наук СССР по областям (список прилагается)» (приложение, табл. 4, 5).

Ценные сведения об эвакуированных ученых дополняет документ под названием «Список научных сотрудников, находящихся в Казахстане» (приложение, табл. 6).

Из «Списка научных сотрудников Академии наук СССР и их семей, находящихся в г. Алма-Ата или прибывающих в г. Алма-Ата», можно почерпнуть следующие сведения: какие институты были эвакуированы, фамилии сотрудников, занимаемые или должности, ученые степени, количество иждивенцев и др.

Чтобы представить полную картину перемещения научных сил Москвы в Алма-Ату, обратим внимание на следующие факты. Из Института философии было эвакуировано 7 профессоров, докторов наук (во главе с директором Берестеневым) и 1 научный сотрудник (иждивенцы – 22 чел.); Институт физиологии – 15 сотрудников, из них 1 академик, директор института (Л.С. Штерн), 3 доктора наук, 6 кандидатов наук, 2 профессора, 1 научный сотрудник, 1 бухгалтер (иждивенцы – 17 чел.); Институт биофизики – академик, директор лаборатории биофизики П.П. Лазарев (иждивенцы – 3 чел.); Лаборатория цитологии – 8 сотрудников: 4 доктора наук (зав. лабораторией М.С. Навашин), 2 кандидата наук, 2 научных сотрудника (иждивенцы – 4 чел); Институт истории – 10 сотрудников: 1 член-корр. АН СССР, зам. директора (А.М. Панкратова), 3 доктора наук, 6 кандидатов наук (иждивенцы – 27 чел.);

лаборатория белка – 4 сотрудника: 1 академик, директор лаборатории (С.С. Петров), 1 кандидат наук, 1 научный сотрудник (иждивенцы – 3 чел.); Институт экономики – 23 сотрудника: 1 член-корр. АН СССР, 5 докторов наук, 7 кандидатов наук (среди них – директор института А.А. Арутюнян), 3 профессора, 2 аспиранта, 4 научных сотрудника, 1 гл. бухгалтер (иждивенцы – 30 чел.); Институт географии – 44 сотрудника: 1 академик (директор института – А.А. Григорьев), 4 доктора наук, 17 кандидатов наук, 2 профессора, 18 научных сотрудников, 1 гл. бухгалтер, 1 сталинский стипендиат (иждивенцы – 66 чел.); Палеонтологический институт – 2 кандидата наук (иждивенец – 1 чел.); Фундаментальная библиотека – 2 сотрудника (иждивенец – 1 чел.)[273].

Кзыл-Орда приняла вузы, эвакуированные из Москвы, Киева, Харькова, Крыма. Были эвакуированы профессорско-преподавательский состав Украинского объединённого университета (Киевского и Харьковского), Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства, Крымский медицинский институт[274]. Черкасский сельскохозяйственный институт направлен в г. Казалинск, Военная ветеринарная академия – в г. Аральск[275].

Согласно постановлению Совета народных комиссаров КазССР № 24 от 12 января 1942 г. «О размещении объединённых Киевского и Харьковского государственных университетов в гор. Кзыл-Орда» было принято решение: «1. Временно закрепить за Киевским и Харьковским объединёнными государственными университетами недостроенное 3-этажное здание общежития Кзыл-Ординского педагогического института. 2. Предложить исполкому Кзыл-Ординского областного Совета депутатов трудящихся оказать необходимую помощь… университетам в возобновлении ими учебной и научной деятельности. 3. Обязать Народный Комиссариат Просвещения КазССР тов. Сембаева разработать конкретные мероприятия по восстановлению работы университетами.

[273] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 484. Л. 7–10.

[274] Абдрахманов Е. Ударная помощь тыла // Казахстанская правда. 2016. 13 мая. С. 19.

[275] Там же.

Председатель СНК КазССР Н. Ундасынов. Управляющий делами СНК КазССР Н. Кузембаев»[276].

В документе «Решение Исполкома Кзыл-Ординского Областного Совета депутатов трудящихся № 5 от 19 февраля 1942 г. “Об улучшении условий работы эвакуированных в Кзыл-Ординскую область вузов”» названы причины, вследствие которых работа эвакуированных вузов функционирует не в полную силу.

В частности, в документе указывается: «1. Эвакуированные, согласно постановления Правительства, вузы: Харьковский госуниверситет им. А.М. Горького и Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства им. В.М. Молотова… разместились на базе пединститута, сельскохозяйственного техникума и возобновили учебный процесс в декабре 1941 года. 2. Нормальная работа… тормозится наличием ряда трудностей, основными из которых являются: а) не-достаточность площади предоставленных вузами помещений; б) необеспеченность вузов топливом и электроэнергией; в) неудовлетворительные жилищно-бытовые условия профессорско-преподавательского состава и студенчества; г) недостаточность учебного оборудования, острый недостаток учебной и научной литературы, бумаги, тетрадей, реактивов, химикалий и материалов для лабораторных занятий; д) неудовлетворительная организация снабжения и общественного питания студенчества и профессорско-преподавательского состава»[277]. Далее Кзыл-Ординский Исполком принимает решение: руководителям местных организаций и вузов в кратчайшие сроки обеспечить эвакуированные вузы нормальными условиями работы для максимального использования научных сил в сельском хозяйстве, промышленности, социально-культурном строительстве Кзыл-Ординской области[278].

[276] ЦГА РК. Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 113. Л. 58.

[277] ЦГА РК. Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 113. Л. 159.

[278] Там же. Л. 161.

Крымскому медицинскому институту им. И.В. Сталина по решению Исполкома Кзыл-Ординского горсовета депутатов трудящихся (№ 23 от 23 сентября 1943 г.) предоставляются помещения под общежития студентов. В решении исполкома четко сказано: «1. Представить Крымскому мединституту для общежития студентов… здание школы им. Сталина (ул. Ленина), состоящей из пяти комнат. Обязать зав. горОНО тов. Грищенко не позже 29 сентября оформить и по акту передать вышеуказанное помещение… 2. Директору обувной фабрики тов. Сафронову временно предоставить Крыммединституту под общежитие студентов три комнаты не позднее 29/IX-43 г. 3. Директору фельдшерской школы тов. Бекмухановой не позднее 29/IX разместить на территории фельдшерской школы 100 человек студентов Крыммединститута. 4. Зав. Горжилуправлением не позднее I/X-1943 г. разместить по углам в городе 200 чел. студентов Крыммединститута»[279].

Заслуживает внимания документ от 30 декабря 1943 г. «О награждении научных работников и студентов объединённого Украинского государственного университета почётными грамотами». В нем отмечены успехи вуза в условиях эвакуации в Кзыл-Орде, который за два года «дал стране два выпуска высококвалифицированных специалистов для Красной Армии, промышленности и народного просвещения»[280].

Научные работники университета подготовили и прочитали свыше 600 докладов и лекций на различные темы (самые активные лекторы – профессор Шлепаков, доценты Первомайский, Ношик, Бойко, Эпштейн, Ленгавка)[281]. Были отмечены заслуги профессоров и доцентов университета, среди которых – «заслуженный деятель науки профессор Нагорный, старейший учёный Украины, создавший свою школу советских физиологов… доктор биологических наук профессор Уманский, выполнил работу по прикладной зоологии, имеющую

[279] ЦГА РК. Ф. Р-1109. Оп. 3. Д. 124. Л. 163.

[280] ЦГА РК. Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 254. Л. 2об.

[281] Там же. Л. 2об., 3.

весьма большое значение для улучшения породности скота, профессор Семёнов-Зусер написал “Историю древнего Казахстана”»[282].

В целом учёные университета выполнили более 60 научно-исследовательских работ на актуальные темы в условиях военного времени. 29 наиболее выдающихся научных работников и студентов были награждены почётными грамотами Исполкома Кзыл-Ординского областного Совета депутатов трудящихся. По итогам трёхлетней работы университета и в связи с его реэвакуацией Исполком Кзыл-Ординского областного Совета депутатов трудящихся принимает постановление (№ 254/143 от 8 апреля 1944 г.) «О представлении к награде почётными грамотами Верховного Совета КазССР и ценными подарками научных работников, студентов и сотрудников объединённого Украинского государственного университета». В частности, было отмечено, что «в университете работают три заслуженных деятеля науки (профессора Н.П. Барабашев, А.В. Нагорный, А.А. Астряб), имена которых известны всему миру»[283]. Так, профессор Н.П. Барабашев опубликовал 105 научных работ по астрономии в советской и зарубежной печати. «Он сконструировал и построил ряд астрономических приборов, которые являются единственными во всём мире»[284].

Утверждалось, что силами научных работников университета было подготовлено и прочитано около 1000 докладов и лекций. К наградам были представлены 25 научных работников, студентов и сотрудников университета.

В первые годы Великой Отечественной войны в г. Кустанае (ныне – Костанай) в Кустанайском учительском институте (не считая эвакуированных вузов аграрного профиля), работало 11 эвакуированных профессоров и доцентов ряда вузов РСФСР (Москва, Ленинград, Новороссийск и др.: Л.А. Белякова, Н.В. Быстролетов, В.К. Иванова, П. Ким), Белорусской ССР (Минск: Х.К. Матлин), Украинской ССР (Киев, Харьков: П.Г. Куликовский, А.И. Михайлюк) и др.[285]

---

[282] ЦГА РК. Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 254. Л. 2 об.

[283] ЦГА РК. Ф. Р-1109. Оп. 3. Д. 105. Л. 166.

[284] Там же.

[285] Лёгкий Д. Учитель и война. Кустанайский государственный учительский институт. 1943 год // Печатный двор (Костанайская областная информационно-рекламная газета). 2010. Октябрь. С. 6.

В 1943 г. в Кустанай был эвакуирован Азово-Черноморский институт механизации сельского хозяйства. Для его размещения, согласно решению Исполнительного комитета Кустанайского горсовета депутатов трудящихся от 21 июля 1943 г., было предоставлено помещение Кустанайского учительского института: «Передать Азовско-Черноморскому Институту механизации сельского хозяйства помещение площадью 440 кв. м (пять больших комнат и четыре малых), занимаемое Учительским институтом, находящееся на углу улиц Ленина и Калинина, и двор, прилегающий к зданию со стороны улицы Тарана… Обязать Горжилуправление т. Мадиевскую ускорить переселение жильцов из здания, предоставленного Учительскому институту»[286]. Следует отметить, что эвакуированный институт был первым высшим учебным заведением агроинженерного профиля в РСФСР.

В Кустанай был эвакуирован Новороссийский институт цитрусовых культур, который также был размещён в учебном корпусе учительского института[287]. Благодаря эвакуированному профессорско-преподавательскому составу в Кустанае значительно повысился уровень научно-исследовательской и педагогической работы.

На курорт Боровое в Акмолинской области прибыла группа старейших ученых АН СССР и их семьи во главе с академиком В.И. Вернадским. Именно в Боровом академик разработал теорию ноосферы. Выдающиеся ученые А.Е. Фаворский, Н.Д. Зелинский, А.Н. Крылов, Л.И. Мандельштам, находясь в глубоком тылу, успешно продолжали работать и руководить научными коллективами. В сороковые годы в лаборатории Карагандинского лагеря работал над своими открытиями и репрессированный академик А.Л. Чижевский.

Документы из Архива Президента Республики Казахстан (фонд 708) и государственного архива г. Кокшетау (фонд 759) содержат сведения об известных ученых, корифеях советской науки, эвакуированных на курорт Боровое из Москвы и Ленинграда.

---

[286] Лёгкий Д. Указ. соч. С. 6.

[287] Там же.

Руководство Казахской ССР, понимая высокую ответственность, связанную с пребыванием в республике научной элиты во главе с академиком В.И. Вернадским, координировало свои действия с центральными органами власти, решало финансовые вопросы, поручило местным органам государственной власти принять конкретные меры по созданию условий работы и быта для ученых и членов их семей. Традиционное казахское гостеприимство служило немаловажным фактором в обустройстве приехавших. По окончании войны, в период реаэвакуации российские академики поблагодарят сердечно за бескорыстную помощь и казахское хлебосольство.

Бюро ЦК КП(б) Казахстана приняло специальное постановление «О размещении и снабжении академиков, членов их семей и детей научных работников Академии наук СССР, эвакуированных в КазССР» № 39 от 2 августа 1941 г. (под грифом «Строго секретно»), где размещению «на курорте “Боровое” в Щучинском р-не Акмолинской обл.»[288] подлежало «800 человек академиков, членов их семей и детей научных работников АН СССР»[289].

В постановлении указывалось: «…2. Обязать Наркомздрав Каз ССР (т. Чесноков), директора курорта «Боровое» (т. Орлова), Акмолинский КП(б)К (т. Купаев) и Щучинский райком партии (т. Мартынов) под их личную ответственность обеспечить наилучшие условия для размещения в «Боровом» указанного контингента. 3. Поручить секретарю Акмолинского обкома КП(б)К т. Купаеву периодически лично выезжать на курорт «Боровое» с целью проверки и создания на месте необходимых условий для пребывания на курорте «Боровое» академиков, членов их семей и детей научных работников… 4. Принять предложение зампредседателя СНК КазССР т. Орехова о зачислении на обслуживание детским санаторием в «Боровом» всех детей эвакуированных научных работников АН СССР, сохранив госбюджетные ассигнования по указанному санаторию. 5. Обязать Наркомторг КазССР обеспечить бесперебойное снабжение… продовольственными и промышленными товарами из

[288] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[289] Там же.

централизованных фондов. Возложить лично на наркома Торговли Каз ССР т. Белого персональную ответственность за состояние снабжения указанного контингента. 6. Поручить секретарю ЦК КП(б) К т. Шаяхметову совместно с тт. Ореховым и Белым немедленно составить расширенный ассортимент и нормы снабжения этого контингента, предусмотрев повышенные нормы для снабжения самих академиков… 8. Обязать Наркомпрос КазССР (т. Тажибаев) с 1 сентября с.г. организовать в «Боровом» специальную школу для обучения всех детей эвакуированных научных работников АН СССР, выделить для этого необходимые средства и заблаговременно командировать на место ответственного представителя. 9. Пригласить из «Борового» в г. Алма-Ата для руководящего участия в работе научных учреждений КазССР президента Академии наук СССР академика В.Л. Комарова, академиков А.Н. Баха, В.А. Обручева и Н.В. Гамалея. Поручить т. Орехову обеспечивать в г. Алма-Ата для указанных академиков соответствующие жилищно-бытовые условия и организовать их переезд из «Борового» в г. Алма-Ата»[290].

В фондах Архива Российской академии наук сохранились сведения об учёных, эвакуированных на курорт «Боровое». В перечне прибывших (Приложение, табл. 7) – почетные члены Академии наук СССР: учёный-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель конца XIX в. и первой половины XX в. В.И. Вернадский, химик-органик Н.Д. Зелинский, биохимик А.Н. Бах, зоогеограф Л.С. Берг, первая в мире женщина-академик, биохимик и физиолог Л.С. Штерн, соратник В.И. Ленина, автор революционных песен энергетик Г.М. Кржижановский, математик, один из основателей советского кораблестроения, физик А.Н. Крылов, физики Л.И. Мандельштам и Н.Д. Папалекси, микробиолог Н.Ф. Гамалея, химик-органик М.А. Ильинский (умер в Боровом 18 ноября 1941 г.); члены-корреспонденты: микробиолог Г.Д. Белоновский, электротехник В.П. Вологдин, ботаник-физиолог, эколог растений Л.А. Иванов, медик-хирург, онколог Н.Н. Петров, физик-химик Д.Л. Талмуд, филолог, востоковед-иранист А.А. Фрейман, заслуженный деятель науки,

[290] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.

главный диетолог страны М.И. Певзнер; академики: востоковеды-индологи В.М. Алексеев, А.П. Баранников и Ф.И. Щербатской (умер в Боровом 18 марта 1942 г.), зоолог, гидробиолог С.А. Зернов, математик С.Н. Бернштейн, геолог, палеонтолог А.А. Борисяк, геофизик, механик Л.С. Лейбензон, славист-филолог Б.М. Ляпунов (умер в Боровом 22 февраля 1943 г.), один из основателей русского славяноведения, историк русской литературы А.С. Орлов, экономисты С.Г. Струмилин и П.П. Маслов, историки А.И. Тюменев и Ф.А. Ротштейн, ботаник А.А. Рихтер, химик-органик А.Е. Фаворский, зоолог, морфолог И.И. Шмальгаузен, М.Н. Римский-Корсаков (сын выдающегося русского композитора Н.А. Римского-Корсакова), а также гражданская жена Максима Горького актриса М.Ф. Андреева и многие др.[291]

По данным на 18 сентября 1941 г. в Боровом проживали 23 академика и члена-корреспондента (с членами семей и иждивенцами), 5 научных работников (с членами семей и иждивенцами) (приложение, табл. 7).

4 октября 1941 г. у вице-президента Академии наук СССР академика О.Ю. Шмидта состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о состоянии детских учреждений АН СССР и условиях жизни академиков на курорте Боровое. В частности, было отмечено, что «академики, члены-корреспонденты АН СССР и их семьи остаются в Боровом на срок по их усмотрению. Признать целесообразной организацию для академиков пансиона в Боровом с оплатой 400, 490, 600 руб. в месяц за человека. Уполномочить врача Е.З. Орлову на организацию обслуживания академиков, их семей и детей сотрудников АН СССР и представительствования во всех учреждениях от имени Президиума Академии Наук СССР»[292].

Рассмотрим предпосылки эвакуации ученых в Казахскую ССР на курорт Боровое. 24 июня 1941 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) при правительстве был создан специальный орган – Совет по эвакуации. Руководство

---

[291] Архив Российской академии наук (далее – АРАН) Ф. 2. Оп. 1 (1942). Д. 75. Оп. 1 (1944). Д. 293. Оп. 1-а (1943). Д. 14. Ф. 4. Оп. 1 (1941–1942). Д. 6. Оп. 1 (1943). Д. 14. Оп. 1 (1944). Д. 10. Ф. 494. Оп. 1 (1941). Д. 2, 5. Оп. 1 (1942). Д. 2, 7, 18. Оп. 1 (1943). Д. 5. Оп. 1 (1944). Д. 4.

[292] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 1. Св. 1. Ед. хр. 5. Л. 21, 21 об.

страны наделило этот орган широкими полномочиями, которые реализовывались специальными уполномоченными. Совет разрабатывал планы перебазирования людей и промышленных предприятий с указанием пунктов размещения, сроков, порядка и очередности, организовывал обслуживание эвакуированных в пути[293].

Одной из важных задач Совета стал вывоз в глубокий тыл ученых и научных учреждений с целью сохранения научного потенциала страны и материальных ценностей. 2 июля 1941 г. уполномоченным Совета по эвакуации по Академии наук был назначен вице-президент Академии наук СССР О.Ю. Шмидт[294].

Переезд Академии наук начался 22 июля и проходил в три этапа. Первоначально планировалось вывезти учреждения академии в Томск, а затем в Казань. Но в ходе эвакуации выяснилось, что разместить все исследовательские учреждения и научных работников академии в одном городе, в который уже было передислоцировано много крупных промышленных предприятий, почти невозможно, поэтому учреждения Академии наук разместились в Свердловске, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе и других городах. Всего было эвакуировано 85 научных учреждений Академии наук СССР[295]. Несколько институтов Академии наук СССР, ряд научных учреждений Украинской ССР и учебных заведений страны перебазировались в Казахскую ССР, из них более 20 крупных научно-исследовательских институтов. В числе прибывших ученых много известных имен, часть которых поселилась в Алма-Ате, другая – на курорте Боровое в Акмолинской области.

В конце июня 1941 г., с объявлением в стране военной мобилизации, основной контингент лечившихся выехал из санатория, а 1 октября по решению Наркомата здравоохранения КазССР курорт был закрыт. Большое количество помещений курорта освобождалось для размещения эвакуированных из Москвы и Ленинграда ученых и их семей, а также детских учреждений Академии наук

---

[293] Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с. С. 350.

[294] Левшин Б.В. Указ. соч. С. 28.

[295] Комков Г.Д., Карпенко О.М., Левшин Б.В. Академия Наук СССР – штаб советской науки. М.: Наука, 1968. С. 76.

СССР. В статье А. Ляховецкого «Советские учёные в дни войны», опубликованной в газете «Казахстанская правда» 15 ноября 1942 г., описывается курорт Боровое: «Близ города Щучинска, среди густых сосновых лесов и озер с причудливыми скалистыми берегами, раскинулся курорт «Боровое». Он известен далеко за пределами Советского Союза. Этот богатейший уголок справедливо называют «Сибирской Швейцарией». Здесь на берегу озера Боровое живут и работают сейчас крупнейшие советские учёные – московские и ленинградские академики, члены-корреспонденты Академии наук СССР…»[296]

Признанный «Сибирской Швейцарией» или «Жемчужиной Евразии» курорт Боровое, расположенный в двухстах километрах от столицы Казахстана – Астаны, еще в далеком 1938 г. на всемирном конкурсе в Нью-Йорке получил статус одного из красивейших бальнеологических курортов мира[297].

Учёных очаровала девственная природа Борового – это хрустальный воздух, напоенный разнотравьем, живописные гранитные скалы, хвойные леса, танцующие березы и зеркальные озера. «Когда мы любуемся жемчужиной природы Казахстана – Боровым, – пишет исследователь У. Шарипов, – то вспоминаем, что здесь жил великий учёный современности Владимир Иванович Вернадский. Он видел, как видим мы теперь, эти синие горы, сосновый бор и зеркальные озёра, и он, так глубоко постигший величие космоса, он, мысливший планетарными масштабами, изумлялся этому поистине райскому уголку посреди бескрайних степей»[298].

Архивные источники свидельствуют, что курорт «Боровое» стал одной из баз Академии наук СССР в годы войны. Здесь был организован «дом отдыха академиков на условиях полного пансиона»[299]. Академик П.Я. Кочина в своих «Воспоминаниях» с восхищением описывает курорт Боровое: «Курорт Боровое

---

[296] Ляховецкий А. Советские учёные в дни войны // Казахстанская правда. 1942. 15 нояб.

[297] Панорама советских курортов, экспонируемых на международной выставке в Нью-Йорке. Снимки видов Сочи, Кисловодска и Борового // Медиц. раб., Москва, 1939, №45; Фотосписок панорамы курорта Боровое в павильоне СССР на выставке в Нью-Йорке // Иллюстрированная газета. М., 1939, № 7. 10 апр. С. 9.

[298] Шарипов У.Х. Великое видится на расстоянии… // Казахстанская правда. 1988. 22 марта.

[299] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 1. Св. 1. Ед. хр. 5. Л. 15.

сразу же очаровал нас: это живописнейший уголок в бесконечной степи Казахстана, состоящий из озёр и гор, берёз и сосен…»[300] Пелагея Яковлевна Кочина в своих мемуарах пишет о своих встречах с академиками А.Н. Крыловым, А.С. Орловым, Б.М. Ляпуновым, Л.С. Бергом, Г.М. Кржижановским и другими, а также с известной актрисой М.Ф. Андреевой. Она отмечает: «Академиков вместе с семьями собралось около 150 человек. Каждый из них продолжал работать и старался найти темы, связанные с местом своего временного пребывания и полезные для процветания курорта Боровое»[301].

Первыми в Боровое начали приезжать московские ученые. Им, как и другим подлежащим эвакуации по брони, трудно было расстаться с привычной обстановкой, налаженным бытом, лабораториями, библиотеками. Академик В.И. Вернадский, например, не хотел даже думать об отъезде. Не верил, что к столице может подойти враг. Вице-президенту Академии наук О.Ю. Шмидту пришлось потратить немало усилий, чтобы все-таки уговорить его ехать[302].

16 июля 1941 г. В.И. Вернадский выехал в Боровое в отдельном мягком вагоне, прицепленном к поезду, в котором отправляли на курорт детей сотрудников академии. Ученый оставил следующую запись в своих дневниках (17 июля 1941 г., станция Буй): «Вчера выехали. Едем в совершенно исключительных условиях, в купе мягкого вагона, Наташа (Н.Е. Вернадская – супруга В.И. Вернадского. – *М. А*.) и я – внизу, Аня (А.Д. Шаховская – личный секретарь В.И. Вернадского. – *М.А*.) и Прасковья Кирилловна Казакова (домработница семьи Вернадских. – *М.А*.) – наверху…»[303] Вместе с ними «из академиков и членов-корреспондентов едут с семьями: Зелинский, Борисяк, Мандельштам, Струмилин, Лейбензон, Гамалея»[304].

Вслед за москвичами начали приезжать ученые из Ленинграда. Их особенно нелегко было эвакуировать, так как в начале сентября 1941 г. враг замкнул кольцо

---

[300] Кочина А.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. С. 127.

[301] Там же. С. 129.

[302] Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. С. 34.

[303] Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. С. 16.

[304] Там же. С. 17.

блокады. К этому времени лишь очень небольшая группа ленинградских ученых была вывезена из города. Из дневников В.И. Вернадского (запись от 1 сентября 1941 г.): «Вчера приехали несколько человек из Ленинграда. Кажется, из академиков никого нет, член-корреспондент Л.А. Иванов. Половина эвакуируемых осталась, так как боялись опоздать из-за нераспорядительности академического аппарата. Поехали по Савеловской дороге, Николаевская (дореволюционное название железной дороги Петербург–Москва. – *М.А.*) почти отрезана…»[305] В течение октября – ноября удалось переправить через кольцо блокады на «большую землю» еще группу деятелей науки[306].

Курорт Боровое своей первозданной красотой поразил эвакуированных ученых. В августе 1941 г. в одном из писем В.И. Вернадский делился своими первыми впечатлениями: «Здесь очень красивые и интересные места. Никогда не думал, что судьба даст мне возможность поехать так далеко вглубь Сибири и реально увидеть то огромное изменение, которое произошло здесь за советское время»[307]. М.Ф. Андреева в письме от 8 июня 1942 г. восхищалась: «Казахстан – изумительное явление! Природа здесь удивительная, правда, с очень резкими колебаниями. Солнце сейчас печет по-африкански, сразу зацвели цветы…»[308]

Многие ученые оставили свои письменные свидетельства не только о красотах природы, но и об условиях жизни в Боровом. Например, в феврале 1942 г. академик А.Е. Фаворский сообщал заведующему своей лаборатории М.Ф. Шостаковскому: «Дорогой Михаил Федорович! <…> Что касается моего пребывания в Боровом, то я и моя многочисленная семья живем здесь в тепле и довольстве. Отрицательная сторона здешнего житья-бытья – отсутствие возможности принять непосредственное участие в общей нашей работе»[309].

22 сентября 1942 г. академик В.И. Вернадский писал управляющему делами Академии наук СССР И.В. Зубову: «Я считаю, что, учитывая обстоятельства

---

[305] Там же. С. 45.

[306] Левшин Б.В. Указ. соч. С. 344.

[307] Мочалов И.И. Указ. соч. С. 348.

[308] Андреева М.Ф. М.: Искусство, 1963. С. 437.

[309] Шостаковский М.Ф. Алекс. Евгр. Фаворский. М.: АН СССР, 1948. С. 81.

войны, наше положение здесь исключительно хорошее. Ведь все жалобы, которые здесь приходится слышать, мне представляются в условиях войны невозможными требованиями»[310]. Позже В.И. Вернадский записывает в дневнике: «Я здесь уже второй год и нахожу, учитывая военное время, наше положение прекрасным»[311].

В сентябре 1941 г. в Боровое из Севастополя был эвакуирован Институт физических методов лечения им. И.М. Сеченова. «Когда началась Великая Отечественная война, – пишет журналист Н. Дубовицкий, – многие медицинские работники Института ушли на фронт, оставшиеся работали в госпиталях, а когда враг приблизился к Крыму, решено было Институт эвакуировать вглубь страны. 11 сентября 1941 г. в числе последних гражданских учреждений выехали из Севастополя. С собой везли медицинское оборудование, аптеку, лабораторное имущество, научную библиотеку. Через Керченский пролив переправились без потерь. В пути узнали место конечного назначения: Казахстан, Боровое. 7 октября эвакуированные сотрудники с семьями прибыли на станцию Курорт – Боровое. Четыре товарных вагона с оборудованием и сопровождающими их сотрудниками встретили 21 октября»[312].

Институт физических методов лечения был известен с дореволюционных времён. Его основателем был известный доктор медицины А.Е. Щербак. В годы советской власти институту было присвоено имя И.М. Сеченова. А.Е. Щербак продолжал работать директором института, позже его сменил известный ученый, депутат Верховного Совета Крымской АССР профессор А.Е. Нильсен. Перед войной директором стал кандидат медицинских наук Эпштейн-Коллонтай.

Согласно распоряжению Совнаркома Казахской ССР № 962 от 17 сентября 1941 г. административные здания Госкурорта Боровое и весь его жилой фонд предназначались Сеченовскому институту. Но ко времени его прибытия в пункт назначения там уже находились эвакуированные академики с семьями. Поэтому работникам института были предоставлены оставшиеся незанятыми помещения

[310] Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. С. 347.

[311] Вернадский В.И. Дневники. С. 277.

[312] Дубовицкий Н. В годы войны (к 45-летию Победы) // Луч (Щучинская районная газета (Акмолинская область). 1990. 8 мая. С. 3.

дачного типа, часть из которых не была рассчитана для проживания в суровом климате зимнего Борового, поэтому в срочном порядке начали ремонтировать и утеплять дачные домики.

Сразу же по прибытии в Боровое сотрудники института провели профосмотр школьников в местной школе-десятилетке, а также были организованы курсы по лабораторной технике для среднего медперсонала. 1 ноября был открыт поликлинический отдел института для приёма больных по основным специальностям, начали работу лаборатория клинических исследований, аптека, рентгенологическое отделение, оборудован кабинет лечебной физкультуры, гидротерапевтическое отделение. С 1 декабря 1941 г. при институте были открыты курсы медицинских сестёр – первый набор насчитывал 35 слушательниц.

По инициативе сотрудников института был организован курс лекций для местного населения, основными лекторами были академики Н.Д. Зелинский, Н.Ф. Гамалея, А.С. Орлов, Б.М. Ляпунов, профессор М.И. Певзнер, заместитель директора института по науке А.Е. Нильсен[313]. 15 ноября в читальном зале библиотеки состоялась первая научная конференция, в работе которой приняли участие заслуженный деятель науки профессор М.И. Певзнер, академик Н.Д. Зелинский.

В госпитале института лечились раненые из близлежащих эвакогоспиталей – с повреждением периферических нервов конечностей, с трофическими, долго не заживающими ранами, с резкими болями, не поддающимися лечению обычными методами.

Несмотря на трудности в условиях эвакуации, на отдалённость от научных и культурных центров, коллектив института планомерно занимался научно-исследовательской деятельностью. В составе института в Боровое был эвакуирован 181 сотрудник: 7 – старших научных, 13 – младших; 31 врач (доценты Б.В. Лихтерман, И.Я. Брук и др.).

---

[313] Там же.

В Боровом привлекали к работе в институте и в клиническом госпитале профессора-диетолога М.И. Певзнера, 5 научных сотрудников из эвакуированного Центрального института курортологии г. Москвы – профессора Я.О. Баржанского, ассистентку Московского мединститута Б.М. Курцер, профессора Богоявленского, доцента Равич-Щербо, а также хирурга-онколога Н.Н. Петрова, эвакуированного из блокадного Ленинграда[314].

Дочь заместителя директора Сеченовского института П.П. Изотова – Н.П. Лунякова – вспоминает: «Наш эшелон с эвакуированными из Севастополя медленно двигался на восток… Место нашего назначения Казахстан, позднее стало известно – Боровое… В составе нашего поезда научные и медицинские работники института, медицинское оборудование. Из окна вагона я впервые увидела необъятные просторы нашей Родины. Высокие горы, широкие реки, густые леса и безводные сухие степи. Ехали мы долгих полтора месяца и прибыли на станцию Курорт-Боровое в октябре 1941 года»[315]. Далее Н.П. Лунякова отмечает, что эвакуированные работники института с семьями жили в небольших домиках дачного типа. Рядом находились здания института и госпитали для тяжелораненых. «Первая зима ошеломила нас всех своими морозами, буранами и сильным ветром, после которого валились деревья. Снег белый, пушистый, а на нём – следы каких-то загадочных зверей»[316]. Н.П. Лунякова подружилась с местным жителем Демкешем Самаевым, который часто помогал их семье. Известно, что он был призван в ряды Красной Армии в октябре 1944 г. и погиб на фронте.

20 сентября 1941 года академики В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, Л.И. Мандельштам, А.А. Борисяк и Н.Ф. Гамалея направили телеграмму с выражением благодарности за «прием и первое устройство» на имя заведующего курортами Казахстана С.И. Замятина[317]. Правительство Казахской ССР приложило немало

---

[314] Дубовицкий Н. В годы войны (к 45-летию Победы) // Луч (Щучинская районная газета (Акмолинская область). 1990. 8 мая. С. 3.

[315] Память сердца // Луч (Щучинская районная газета (Акмолинская область). 1988. 28 июля. С. 3.

[316] Память сердца // Луч (Щучинская районная газета (Акмолинская область). 1988. 28 июля. С. 3.

[317] Вернадский В.И. Дневники. С. 113.

сил в устройстве и жизнеобеспечении эвакуированных академиков и ученых, которые получили необходимые условия для продолжения научной работы. Многие из прибывших ученых в целях оказания помощи местной науке приняли участие в изучении природных ресурсов, истории и культуры Казахстана.

В Казахстан перебазировались и центральные киностудии СССР. Алма-Ата стала военной киностолицей Советского Союза – сюда были эвакуированы киностудии «Мосфильм» и «Ленфильм». В столицу Казахстана «Ленфильм» прибыл в августе, а «Мосфильм» – в сентябре 1941 г. Именно в Алма-Ате такие выдающиеся режиссёры, как С. Эйзенштейн, И. Пырьев, Г. Александров, братья Сергей и Георгий Васильевы, снимали свои знаменитые фильмы. Сюда были эвакуированы композитор С. Прокофьев, балерина Г. Уланова, писатели А. Толстой, К. Паустовский, М. Зощенко, легенды советского кинематографа – актёры Н. Крючков, Н. Черкасов, М. Жаров, Б. Чирков, Б. Блинов, С. Столяров, Л. Орлова, М. Ладынина, В. Марецкая, Л. Целиковская, Я. Жеймо и др.[318]

В Алма-Ате было создано 80% фильмов военного времени, снятых на съёмочных площадках Центральной объединённой киностудии (ЦОКС), в числе которых известные фильмы, гордость советской кинематографии: «Она защищает Родину», «Жди меня», «Актриса», «Антоша Рыбкин», «Воздушный извозчик», «Оборона Царицына», «Во имя Родины», «Парень из нашего города», первая серия фильма «Иван Грозный»[319].

3.2. Ученый совет Государственного заповедника «Боровое» как центр организации научной работы эвакуированных ученых АН СССР

Деятельность эвакуированных в Боровое учёных нашла своё отражение в публикациях – в мемуарах самих учёных, воспоминаниях работников курорта,

[318] Переверзева И.В. Роль Казахстана в сохранении человеческого капитала в годы Великой Отечественной войны / Алматы, 1941–1945 гг. Тыловая хроника в документах: Материалы круглого стола. 22 апреля 2015. Акимат города Алматы, Управление по развитию языков, архивов и документации города Алматы, Центральный государственный архив города Алматы / Алматы, 2015. С. 19; Коренчук В.Д. ЦОКС и ВГИК в Алма-Ата. Там же. С. 39.

[319] Коренчук В.Д. ЦОКС и ВГИК в Алма-Ата. Там же. С. 39.

местных жителей, на страницах периодической печати и т.д. Так, в научной биографии академика В.И. Вернадского, написанной исследователем И. Мочаловым, есть раздел, посвящённый пребыванию учёного на курорте Боровое[320]. Курорт Боровое, расположенный у Синих гор (Кокшетау), крупнейший генетик Р.Л. Берг, дочь выдающегося зоолога и географа Л.С. Берга, называла «Олимпом», где в годы войны, по ее словам, собрался «цвет нации». В книге «Суховей» глава под названием «Год на Олимпе» посвящена эвакуированным академикам[321].

О пребывании в Боровом академика А.Е. Фаворского рассказывает в своей книге его дочь Т.А. Фаворская[322]. О Боровом с теплотой пишет Герой Социалистического Труда, один из организаторов Сибирского отделения АН СССР, крупный специалист по гидродинамике академик П.Я. Кочина[323]. Надо отметить труд ученого-биолога О.И. Шмальгаузен об отце, известном эволюционисте И.И. Шмальгаузене, где есть описание его жизни и деятельности в Боровом в годы войны[324]. Очень много материала о личностях ученых, об их быте и жизни содержат дневники академика В.И. Вернадского[325].

Подробности жизни и деятельности эвакуированных ученых можно найти в воспоминаниях лечащего врача курорта Боровое С.Г. Бражникова (1947 г.)[326], в документальном очерке С.А. Пааль (Шкрыль) «В Боровом, в годы войны» (1971 г.)[327] и одноименной работе П.Д. Шкрыля (супруг С.А. Пааль) (1984 г.)[328], где есть описание жизни и быта эвакуированных ученых, их деятельности и биографические данные.

---

[320] Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. 488 с.

[321] Берг Р.Л. Суховей.Воспоминания генетика. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с.

[322] Фаворская Т.А. Алексей Евграфович Фаворский. 1860–1945. Л.: Наука, 1980. 252 с.

[323] Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 303 с.

[324] Шмальгаузен О.И. Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963). М.: Наука, 1988. 256.

[325] Вернадский В.И. Дневники.

[326] Воспоминания С.Г. Бражникова, врача курорта «Боровое» об академиках, проживавших в дни Великой Отечественной войны в Боровом: Рукопись. 1947 // Акмолинский областной историко-краеведческий музей. Документальный фонд. ГИК 20878–20890. Л. 1–57.

[327] Пааль С.А. В Боровом, в годы войны: Рукопись, 1971 // Там же. Л. 1–40.

[328] Шкрыль П. В Боровом, в годы войны: Рукопись. 1985 г. // Там же. Л. 1–257.

Врач курортного управления в Боровом Сергей Георгиевич Бражников оставил замечательные воспоминания об академиках в 1947 г. «Мне, пишущему эти строки, рядовому врачу, – делился Сергей Георгиевич, – выпала честь обслуживать группу видных академиков, как их самих, так и членов их семейств, эвакуированных в июле–августе 1941 г. из Москвы и Ленинграда – в пансионате для академиков при курорте «Боровое» Кокчетавской обл. на протяжении 1943 г. и большей части 1944 г. Светлой памяти отошедших в иной мир академиков – Л.И. Мандельштама, А.Н. Крылова, А.Е. Фаворского, В.И. Вернадского, Б.М. Ляпунова, С.А. Зернова и А.С. Орлова – посвящаю свои скромные воспоминания»[329].

Рукопись с воспоминаниями врача С. Бражникова сохранилась у академика Л.И. Мандельштама. 16 апреля 1972 г. его сын Сергей Леонидович эту рукопись отправил в Кокчетавский обком КП Казахстана, заведующей областным партийным архивом Сальме Андреевне Шкрыль (урожденной Пааль).

По справедливому замечанию П.Д. Шкрыля, о жизни и деятельности корифеев советской науки в годы войны в казахстанской глубинке не проведено ни одного исследования. По его словам, «кое-какие моменты пребывания ученых в Боровом нашли отражение в статьях и публикациях в связи с юбилейными датами отдельных деятелей науки, затронуты в некоторых книгах. Но все они носят отрывочный, неполный характер»[330].

Основные сведения о научной деятельности академической группы учёных Академии наук СССР в период их пребывания в эвакуации на курорте «Боровое» Акмолинской области в качестве членов Учёного совета Государственного заповедника «Боровое» извлечены из протоколов, отчётов, тематических планов, документов и материалов Ученого Совета, сохранившихся в архиве Госзаповедника. Многие документы в научный оборот вводятся впервые.

Государственный заповедник «Боровое», где разместились ученые АН СССР и научные медицинские организации, был образован постановлением

---

[329] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 1.

[330] Шкрыль П. Указ. соч. Л. 1

ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1935 г., подписанным М.И. Калининым, и включен в сеть заповедников союзного значения. В 1938 г., несмотря на тяжелое экономическое положение в стране, постановлением СНК КазССР и ЦК КП(б) Казахстана подтверждается его существование. Общая площадь была установлена в 95 тыс. га, значительная часть ее – гористая местность, центр Кокчетавской гряды.

Перед коллективом заповедника ставилась задача охраны природных богатств, находящихся на его территории, а также сохранения и всестороннего изучения существующих лесных массивов и девственных степей, геологического и почвенного покрова, озер и водных источников. В должностные обязанности научных сотрудников Госзаповедника «Боровое» входило решение вопросов охраны природы, изучения и улучшения флоры и фауны в целях восстановления утраченных видов и обогащения новыми формами, а также изучения климатических и бальнеологических факторов[331].

Государственный заповедник «Боровое» был создан в обжитом санаторно-курортном районе, где имелось около десятка отдельных населенных пунктов. Поэтому его территория была разделена на охранную зону и зону полной заповедности.

Штат заповедника состоял из 23 человек, в том числе 5 научных сотрудников. Научную работу возглавил профессор Омского института сельского хозяйства и лесоводства Петр Людовикович Драверт (1879–1945), ученик академика В.И. Вернадского. В 1926–1928 гг. он руководил Кокчетавской минералогической экспедицией, а в 1930 г. опубликовал работу «К минералогии курорта Боровое и его окрестностей». В 1940 г. в Омске под его руководством вышел сборник научно-популярных статей «Государственный заповедник и курорт Боровое»[332].

---

[331] Труды Государственного заповедника «Боровое». Алма-Ата, 1948. С. 7–8.

[332] Государственный заповедник и курорт Боровое: сб. ст. / под ред. проф. П.Л. Драверта. Омск: Омское областное гос. изд-во, 1940. 115 с.

На складе музея заповедника сохранилась минералогическая коллекция Госзаповедника «Боровое», собранная профессором П.Л. Дравертом в 1939 г. Опись составила ученый-геолог А.А. Усова, которая провела минералогическую квалификацию, указала названия минералов и месторождений[333].

В акте от 1 сентября 1943 г. говорится: «Мы, нижеподписавшиеся, начальник Боровского геологического отряда Усова Александра Антоновна, ст. коллектор Стефанова Александра Павловна и рабочий Лейбензон Татьяна Леонидовна составили настоящий акт в том, что был принят со склада музея Госзаповедника коллекционный материал, собранный проф. П.Л. Дравертом в 1939 г., в пяти открытых ящиках. Из них два были заполнены доверху, три же были неполными. Один из ящиков имел номер «2», остальные не нумерованы. При разборе коллекции было обнаружено следующее: образцы плохо завернуты в газетную бумагу, большинство образцов не имеет этикеток, многие образцы вывалились из обертки или не завернуты вовсе. Многие разновидности имеют дубликаты. При разборе коллекции было сделано определение и описание геологических образцов с составлением описания их по прилагаемым к акту пяти описям. Подписи: А. Усова, ст. коллектор А. Стефанова, рабочий Т. Лейбензон»[334].

Коллекция ценных и редких минералов, собранная П.Л. Дравертом, оказалась уникальной. Академик В.И. Вернадский, получив Сталинскую премию, купил у Петра Людовиковича часть коллекции минералов и фрагменты метеоритов, а затем передал Академии наук СССР.

Прежде чем приступить к анализу деятельности Ученого совета курорта Боровое, рассмотрим состав прибывших ученых. Так, 16 сентября 1941 г. администрация курорта составила список академиков и членов-корреспондентов, проживавших в Боровом. К этому времени там находились почетные академики Н.Ф. Гамалея и М.А. Ильинский, академики А.П. Баранников, А.Н. Бах, С.Н. Бернштейн, А.А. Борисяк, В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, Б.М. Ляпунов, Л.И.

---

[333] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел XIII. Инв. № 2. Д. 0057. Л. 1–13.

[334] Там же. Л. 1.

Мандельштам, П.П. Маслов, А.С. Орлов, А.А. Рихтер, С.Г. Струмилин, А.И. Тюменев, А.Е. Фаворский, Л.С. Штерн, Ф.И. Щербатской, члены-корреспонденты Л.С. Берг, В.П. Вологдин, Л.А. Иванов, Л.С. Лейбензон, В.Н. Сукачев. Приехали также профессор М.И. Певзнер, доктор исторических наук Е.А. Мороховец и другие научные сотрудники. В Боровое также прибыли доктора биологических наук А.Н. Воронихин, Н.Я. Кузнецов и В.О. Таусон, П.Ю. Шмидт[335]. Число ученых, находившихся в Боровом, не было постоянным. Позже приедут академики А.А. Фрейман и И.И. Шмальгаузен, а также жена М. Горького М.Ф. Андреева. В осажденном Ленинграде находились до ноября академик В.М. Алексеев и до декабря академик С.А. Зернов. Летом 1942 г. прибыли в Боровое академики Г.М. Кржижановский и А.П. Крылов[336].

Несколько позже состав ученых, проживавших в пансионате, стал почти постоянным. На Щучинской районной партийной конференции, которая проходила 19–20 декабря 1942 г., секретарь парторганизации здравницы Б.В. Слуцкая в своем выступлении сообщит, что на курорте Боровое уже находится 16 академиков, 5 членов-корреспондентов и ряд других научных сотрудников[337].

Направляя академиков и членов-корреспондентов в глубокий тыл, Президиум АН СССР полагал, что они там в спокойной обстановке будут отдыхать, получат передышку от напряженного умственного труда. И когда группа ученых обратилась в Президиум с просьбой о выделении средств на проведение научно-исследовательских работ в Боровом, вице-президент Академии наук О.Ю. Шмидт так и ответил: «Пребывание академиков и членов-корреспондентов в Боровом является временным и имеет целью обеспечить им отдых и восстановление сил, и поэтому не должно быть связано с выполнением каких-либо работ»[338].

Однако ученые не согласились с таким решением, так как они настроились на работу и считали своим долгом внести свой вклад в борьбу за освобождение

---

[335] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 3. Св. 1. Ед. хр. 2. Л. 24, 24 об., 25, 25 об.

[336] Там же. Ф. 759. Оп. 3. Св. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.

[337] Там же. Ф. 759. Оп. 1. Св. 1. Ед. хр. 5. Л. 109, 110.

[338] Мочалов И.И. Указ. соч. С. 363.

страны от захватчиков. В результате Президиум Академии наук поддержал финансирование их научных планов.

Обосновавшись на курорте, академики и научные сотрудники АН СССР образовали Распределительное бюро академического коллектива. Создание этого бюро было вызвано острой необходимостью, и действовало оно до их отъезда из эвакуации. В обязанности членов бюро входило решение всех культурных, бытовых и прочих вопросов. Председателями и активными членами бюро в разное время были академик Н.Ф. Гамалея, директор Московского дома ученых актриса М.Ф. Андреева, академики С.Н. Бернштейн и С.А. Зернов, члены-корреспонденты Л.С. Берг и В.П. Вологдин. Они повседневно заботились об устройстве академической группе нормальной и, насколько можно в условиях войны, благополучной жизни в эвакуации.

24 июля 1941 г. приехавшие из Москвы ученые по инициативе академика А.А. Борисяка образовали в Боровом Казахстанскую группу академиков. В дневниках академика В.И. Вернадского сохранилась следующая запись, сделанная им 25 июля 1941 г.: «Вчера утром образовали Казахскую группу академиков по инициативе А.А. Борисяка. По моему предложению – председателем Н.Ф. Гамалея, секретарем – С.Г. Струмилин. Последний должен послать телеграмму Шмидту об утверждении группы»[339]. Вице-президент Академии наук О.Ю. Шмидт с удовлетворением воспринял эту новость[340].

Корифей отечественной науки академик В.И. Вернадский в своих дневниковых записях с заботой и тревогой называет трудности и проблемы, с которыми столккнулась на первых этапах работы Казахстанская группа академиков под председательством Н.Ф. Гамалеи[341].

На курорте Боровое развернул свою деятельность и Центральный научно-исследовательский институт физических методов лечения и медицинской климатологии им. И.М. Сеченова. Эвакуированный из Севастополя институт проводил изучение климатических и бальнеологических факторов курорта и

[339] Вернадский В.И. Указ. соч. С. 22.

[340] Мочалов И.И. Указ. соч. С. 346.

[341] Вернадский В.И. Дневники. С. 114.

многое сделал для практической медицины. Известно также, что в Боровом институт начал работу в зданиях санатория, где разместили хирургический блок, лечебно-диагностические кабинеты, исследовательские лаборатории. В другом помещении санатория находился эвакогоспиталь, куда поступали раненые с поражением головы, периферических нервов, мягких тканей. К сожалению, в экстремальных условиях эвакуации института была утрачена значительная часть лечебной и исследовательской аппаратуры, научной литературы. Но, несмотря на слабую материальную базу и нехватку специальной литературы, сотрудники продолжали свою деятельность. (В 1943 г. институт передислоцировали в г. Кисловодск, а в конце 1944 г. перевели в Крым – в г. Ялту.)

Директор заповедника Джамбул Кунаков часто консультировался с маститыми учеными. В.И. Вернадский в своих дневниках писал: «Вчера вечером состоялось импровизированное заседание. Директор заповедника Боровое казах Джамбул Кунакович Кунаков, свободно говорящий по-русски, обратился к академикам с просьбой помочь в тематике заповедника. Кунаков – зоолог. Изложил ясно и хорошо»[342].

Академик заостряет свое внимание на проблемах заповедника (запись от 10 августа 1941 г.): «Выяснились основные вопросы и для меня. Собственно, основные идеи заповедника отходят на второй план – в действительности должна быть поставлена проблема: вопрос об исследовании и инвентаризации природы заповедника и охраны его от разрушения. Но заповедник советский – одновременно и акклиматизационный. Здесь частью восстановлена прошлая фауна, например, введена и хорошо развилась местная белка и т.п. Возможно, это и правильный путь, т.к. природа обладает организованностью – равновесие. Тематика должна быть пересмотрена с точки зрения войны. Из предложений новых – витамины (шиповник), поиски каучуков (предложил Таусон, который глубоко интересуется углеводородами в растениях и оригинальный и глубокий микробиолог-химик)»[343].

---

[342] Там же. С. 36.

[343] Вернадский В.И. Дневники. С. 36.

Приезд в Боровое специалистов лесного хозяйства оказался полезен местным лесничим. Среди эвакуированных ученых были известный советский ботаник, специалист по физиологии растений академик АН СССР и ВАСХНИЛ Андрей Александрович Рихтер, лесовод и геоботаник академик АН СССР Владимир Николаевич Сукачев, специалист по лесной физиологии, основатель советской дендрофизиологии член-корреспондент АН СССР профессор Леонид Александрович Иванов. Он был известен тем, что разработал теоретические основы нового для того времени производственного мероприятия – подсочки хвойных. Сотрудники заповедника в полной мере получали от приезжих ученых ценные консультации и практические советы по сохранению реликтовых растений.

Как уже отмечалось, в подсобном помещении лесхоза Госзаповедника «Боровое», называемом архивом, чудом сохранилась часть документов и материалов, характеризующих деятельность Учёного совета в период пребывания эвакуированных ученых на курорте Боровое (октябрь 1941 – конец 1944 г.). Это: 1) тематические планы на 1942, 1943, 1944 гг.; 2) протоколы заседаний Ученого совета за 1941, 1942, 1943, 1944 гг.; 3) отчеты научных работников за 1941, 1942, 1943 гг. Надо отметить, что некоторые документы архива госзаповедника плохо читаются: текст порой неразборчив, иногда размыт, частично утерян. Но тем не менее имеющийся материал, на наш взгляд, позволяет составить общее представление о научной деятельности эвакуированных ученых на курорте Боровое.

В протоколах Ученого совета за 1941 г. зафиксированы события, отразившие научно-исследовательскую деятельность членов Совета по изучению флоры и фауны Госзаповедника «Боровое» до начала Великой Отечественной войны, в которую, исходя из требований военного времени, были внесены коррективы по дальнейшей работе заповедника.

Важно отметить, что разработка довоенной тематики, с некоторыми изменениями и дополнениями, была продолжена и в военные годы. Обратимся к протоколу от 28 апреля 1941 г., в нем есть сведения о плане научно-

исследовательских работ на 1941 г., целевом обосновании (установке) тем и смете расходов. К примеру, тема «Ихтиофауна озер заповедника» была начата в 1939 г., за нее взялся академик Л.С. Берг и занимался ею в течение 1941–1943 гг. В 1941 г. на работы по этой теме, целью которых было«изучение состава фауны рыб заповедника, обогащение ее новыми видами ценных полезных рыб и выявление методов наиболее продуктивного использования этой фауны»[344], было выделено 8000 руб.

Во время нахождения академической группы в Боровом заседания Ученого совета госзаповедника регулярно проводились под председательством Н.Ф. Гамалеи. Их систематически посещали Л.С. Берг, А.А. Рихтер, Л.А. Иванов, довольно часто – В.И. Вернадский, А.С. Орлов, И.И. Шмальгаузен. Бывали на заседаниях также П.П. Маслов, В.О. Таусон, М.Н. Римский-Корсаков и др.

В работе Ученого совета и Распорядительного бюро Госзаповедника «Боровое» принимали участие как постоянные его члены, так и приглашенные ученые АН СССР. Чтобы лучше понять организацию научной и общественной жизни в Боровом, дадим краткую информацию об активных ее членах из числа эвакуированных ученых.

В первую очередь следует отметить таких выдающихся академиков, как Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), Николай Фёдорович Гамалея (1859–1949), Лев Семенович Берг (1876–1950), Александр Сергеевич Орлов (1871–1947). Их научной работе в Казахстане, в связи с ее значительностью, посвящены отдельные разделы диссертации.

Подробнее остановимся на деятельности других членов Учёного совета заповедника «Боровое», ярких представителей советской науки.

В Боровом короткое время трудился Станислав Густавович Струмилин (1877–1974) – деятель революционного движения, соратник Ленина, выдающийся советский экономист, плановик, статистик и историк народного хозяйства, общественный деятель, академик АН СССР (1931 г.). Он долгие годы находился в составе Президиума Совета по изучению производительных сил (СОПС), был

[344] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел IV. Инв. № 3. Д. 0113. Л. 2.

председателем Комиссии по истории техники и естествознания АН СССР, автором одного из методов построения индекса производительности, названного индексом Струмилина. Под руководством учёного была разработана первая в мире система материальных балансов. Его перу принадлежит более 700 научных трудов[345].

16 июля 1941 г. С.Г. Струмилин вместе с большим числом академиков и детей сотрудников Академии наук СССР отбыл из Москвы в Казахстан. На курорте Боровое его с женой, дочерью и внучкой разместили в 11-м корпусе.

Станислав Густавович активно включился в работу Казахстанской группы академиков. Его избрали секретарем Ученого совета Госзаповедника «Боровое». На этой должности ему пришлось побыть только два месяца. 9 сентября Президент Академии наук СССР В.Л. Комаров телеграфировал ему в Боровое: «Прошу Вас немедленно приехать в Свердловск для руководящего участия в работах Комиссии»[346] (Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны. – *М.А.*). Академик С.Г. Струмилин, несмотря на почтенный возраст, с большой самоотдачей работал в Комиссии. 10 апреля 1942 г., как одному из авторов, за исследование «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» ему была присуждена Сталинская премия.

На протяжении всей жизни С.Г. Струмилин подчеркивал особую роль науки. На вопрос: «Что такое наука?» он ответил: «Это прежде всего процесс овладения истиной»[347]. Отмечая важность публикации научных работ, он писал: «Плоды науки всегда появляются уже в овеществленном виде, в виде рукописей и книг, астрономических фотоснимков небосвода… инженерных проектов… и экономических расчетов их эффективности, всеобъемлющих материалов

---

[345] Станислав Густавович Струмилин. АН СССР: Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. экономики. Вып. 4. Вступ. ст. Л.Е. Минца. М.: Наука, 1968. С. 6–20.

[346] Люди науки на Урале в дни войны: Дневник академика Л.Д. Шевякова (1941–1943) // Исторический архив. 1961. № 1. С. 35.

[347] Струмилин С.Г. Избранные произведения. М.: Наука, 1964. Т. 4. С. 232.

статистических переписей и все охватывающих перспективных планов народнохозяйственного развития»[348].

11 ноября 1945 г. в «Казахстанской правде» вышла статья академика, заместителя председателя Совета баз и филиалов Академии наук СССР С.Г. Струмилина под названием «Детище возрожденного народа». В ней говорилось о решении Правительства преобразовать Казахский филиал Академии наук СССР в Академию наук Казахской ССР.

Станислав Густавович отмечает: «Это знаменательное событие в жизни казахского народа могло произойти лишь в результате общего огромного подъема культуры и науки в республике… За 25 лет советской власти, вместе со сказочным ростом всего народного хозяйства росла и развивалась наука в Казахстане. Наряду со средними и высшими учебными заведениями были созданы научно-исследовательские учреждения. Для координации научно-исследовательских работ и всестороннего изучения производительных сил республики в 1932 г. в Казахстане была создана база Академии наук Союза ССР, преобразованная в 1938 г. в филиал Академии наук СССР»[349].

Далее ученый пишет о формировании национального научного кадрового состава. К началу войны казахстанские ученые провели ценнейшие работы по открытию новых месторождений полезных ископаемых, по изучению флоры и фауны республики, по созданию и усовершенствованию новых пород животных, по сбору богатых археологических материалов и т.д. В годы Великой Отечественной войны Казахский филиал Академии наук СССР, возглавляемый крупнейшим ученым-геологом К.И. Сатпаевым, не только расширил свою деятельность в области геологии, химии, биологии, сельского хозяйства и социально-экономических наук, но и создал новые институты и секторы: физики, астрономии, горного дела, металлургии, медицины, энергетики, искусства. В настоящее время Казахстан движется бурными темпами в экономическом и культурном развитии в мировом масштабе. И поэтому вполне пророчески звучат

[348] Струмилин С.Г. Избранные произведения. М.: Наука, 1964. Т. 4. С. 235–236.

[349] Струмилин С.Г. Детище возрожденного народа // Казахстанская правда. 1945. 11 нояб.

слова академика С.Г. Струмилина, сказанные более полувека назад, о том, что «создание Академии наук Казахской ССР послужит дальнейшему развитию науки и культуры казахского народа»[350].

За выдающиеся заслуги в области теории и практики планирования и долголетнюю научно-организаторскую деятельность академик был награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, медалями, а также удостоен звания лауреата Ленинской премии (1958 г.) и Героя Социалистического Труда (1967)[351].

Другой выдающийся ученый, эвакуированный в Боровое, Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944) – геолог и палеонтолог, академик АН СССР (1929 г.), лауреат Сталинской премии (1943 г.). Алексей Алексеевич является создателем советской научной школы палеонтологии позвоночных, организатором и первым директором Палеонтологического института АН СССР (с 1930 г.). В честь академика А.А. Борисяка названы острова в архипелаге Земля Франца-Иосифа. Палеонтологическому институту Российской академии наук присвоено имя А.А. Борисяка[352].

В Боровое из Москвы Борисяк прибыл с больной супругой Александрой Николаевной и сиделкой. Их разместили в 11-м корпусе санатория. Вдали от центра и своей лаборатории Алексей Алексеевич, несмотря на свое слабое здоровье (у него был туберкулез легких, почек и позвоночника), продолжал активно работать, участвовать в научной и общественной жизни курорта. 24 июля 1941 г. В.И. Вернадский в своих дневниковых записках отметит: «Вчера утром образовали Казахскую группу академиков по инициативе А.А. Борисяка …»[353]. Борясь с болезнью, академик пишет статьи: «Владимир Ковалевский и его наследие»[354], «Новый представитель халиокотериев из третичных отложений

---

[350] Струмилин С.Г. Избранные произведения. М.: Наука, 1964. Т. 4.

[351] Станислав Густавович Струмилин. Указ. соч.. С. 6–20.

[352] Геккер Р.Ф. Алексей Алексеевич Борисяк // Труды Палеонтологического института. Т. 20: Памяти академика А.А. Борисяка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–20.

[353] Вернадский В.И. Указ. соч. С. 17, 22.

[354] Борисяк А.А. Владимир Ковалевский и его наследие // Природа. 1942. № 7–8. С. 124–128.

Казахстана»[355] и др. Следующие научные работы он напишет уже в г. Фрунзе, столице Киргизии. В 1943 г. А.А. Борисяк получил Сталинскую премию в размере 100 000 рублей, которую передал в Фонд обороны. А.А. Борисяк умер 25 февраля 1944 г. в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище..

В Боровом был и Сергей Алексеевич Зернов (1871–1945) – выдающийся гидробиолог, зоолог, академик АН СССР (1931 г.), основоположник русской гидробиологической науки, создавший её экологическое направление, выдающийся общественный деятель. Он одним из первых опубликовал работы по планктону. В 1931–1942 гг. он был директором Зоологического института АН СССР. Автор фундаментального труда «Общая гидробиология»[356].

С.А. Зернов проявил себя крупным ученым и организатором, «всегда создавал только новое, прокладывал новые пути в той области науки, которой он отдал 50 лет своей кипучей научной деятельности, организовывал и строил новые научные учреждения. Теснейшим образом с ним, как инициатором и организатором, связана первая в нашей стране и первая в мире пресноводная гидробиологическая станция, первый в Советском Союзе рыбохозяйственный институт, первая университетская кафедра гидробиологии, первое гидробиологическое общество; им написана первая в нашей стране классическая монография по морской фауне, составлен первый университетский курс по гидробиологии»[357].

В Боровое С.А. Зернов был эвакуирован в конце 1941 г. Вместе с ним прибыли жена Виктория Петровна с семилетней внучкой Викторией и дочь Екатерина Сергеевна (впоследствии известный художник). Их поселили в 11-м корпусе. Войдя в состав Ученого совета госзаповедника, академик взялся за выполнение научно-исследовательской работы по теме «Типология планктона озер Боровского заповедника». В библиотеке курорта С.А. Зернов организовал

---

[355] Борисяк А.А. Новый представитель халиокотериев из третичных отложений Казахстана // Труды Палеонтологического института. 1946. Т. 13. Вып. 3, 134 с.

[356] Вернадский В.И. Дневники. С. 68–69.

[357] Зенкович Л.А., Муравейский С.Д. Памяти Сергея Александровича Зернова // Зоологический журнал, 1945. Т. 24, вып. 4.

гидробиологическую лабораторию, где проводил небольшие опыты по исследованию планктона озер заповедника[358].

Опыты, проводимые академиком С.А. Зерновым, были необходимы для успешного заселения озер Борового и Большого Чебачьего более ценными породами рыб. Для дальнейшей рыбохозяйственной оценки озер надо было выяснить типы озерных водоемов, их планктона, дать оценку продуктивности озер[359]. Данная работа проводилась строго по плану. В отчете, представленном в заповедник 26 декабря 1941 г., указывается, что академик изучает зимнее питание промысловых рыб. Несмотря на изнурительную сердечную болезнь, в тяжелых условиях первой зимы в эвакуации он вел интенсивную исследовательскую работу, даже рубил лед, собирал биологический материал на озерах[360].

В июне 1943 г. С.А. Зернов и младший научный сотрудник заповедника Ольга Ивановна Шмальгаузен, дочь академика И.И. Шмальгаузена, сообщили Ученому совету заповедника: «С 1 января по июнь включительно мы продолжали работу по теме "Типология планктона озер Боровского заповедника". Кроме 18 озер, наблюдения за которыми ведутся с конца 1941 г., мы обследовали еще ряд новых водоемов, главным образом 6 водоемов Боровской лесной дачи. Кроме того, были взяты пробы из сульфатного озера Ораз-Сор и некоторых временных весенних водоемов и из болот. Всего за отчетный период было сделано 101 посещение озер за 58 выездов. Текущие наблюдения заполнили пробел в весенних наблюдениях прошлого года из-за поездки С.А. Зернова в Свердловск на сессию АН СССР в мае 1942 года»[361].

Академик переработал в Боровом свой капитальный труд «Общая гидробиология». Впервые эта книга вышла из печати в 1934 г. и стала заметным событием в советской и мировой науке. Позже в переработанном и расширенном варианте она была напечатана уже после смерти автора, в 1949 г. Этот труд является первым учебником по гидробиологии на русском языке. Давая оценку

---

[358] Пааль С.А. Указ. соч. Л. 24.

[359] Там же. Л. 26.

[360] Архив Госзаповедника Боровое. Инв. № 29. Научный фонд. Раздел III. Л. 1.

[361] Там же. Инв. № 40. Научный фонд. Раздел III. Л. 20, 21.

этой книге, академики Е.Н. Павловский и Л.С. Берг указывали, что «книг, подобных этому труду С.А. Зернова по оригинальности плана, новизне и свежести поданных фактов, нет ни в нашей, ни в зарубежной литературе. Учебник общей гидробиологии С.А. Зернова сыграл большую роль в подготовке кадров советских гидробиологов»[362].

Сергей Алексеевич обладал незаурядными организаторскими способностями. Наряду с исследовательской работой в Боровом он с успехом исполнял обязанности председателя Распределительного бюро академической группы. Лечащий врач ученых С.Г. Бражников отмечал: «Сергей Алексеевич, живя в Боровом, в течение нескольких лет состоял председателем местного академического бюро по бытовым вопросам и на этом выборном посту стяжал уважение всех, кто приходил в контакт с ним по разнообразным вопросам быта академиков и их семей. Доминирующей чертой его характера была исключительная простота решений и действий, строгая объективность и пунктуальность. Интересы всего коллектива он очень близко принимал к сердцу и, будучи очень эмоциональным по натуре, слишком непосредственно, а порой и страстно, переживал всегда естественные в таких делах неполадки и ляпсусы, что, видимо, давалось ему нелегко. Он был настойчив, входил в детали вопроса, сам непосредственно участвовал в выполнении того-другого, и все это делал горячо, порой шумно, как настоящий сангвиник и очень деятельный человек. Кое-кто считал его ворчуном и формалистом, но я знаю, что Сергей Алексеевич был очень далек от этого, наоборот, он был отзывчив и добр, но старался, как это бывает у истинно скромных и добрых людей, казаться строгим и неуступчивым, что, я знаю, не всегда ему удавалось. В таких случаях он первый же посмеивался над собой, и если бы вы видели, какая чудесная «зерновская» усмешка освещала его, казалось, всегда озабоченное и строгое лицо. А скромен и беспритязателен он был необыкновенно, выделяясь этим даже среди вообще скромных людей – академиков Боровского пансионата»[363].

---

[362] Мазурмович Б.Н. Сергей Алексеевич Зернов (1871–1945) // Выдающиеся отечественные зоологи. М.: Гос. учпедгиз, 1960. С. 281.

[363] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 34.

За научные, педагогические и организаторские заслуги академик награжден орденом Ленина. Сергей Алексеевич Зернов умер 22 февраля 1945 г.

Пребывание в Боровом оставило след в жизни Сергея Натановича Бернштейна (1880–1968) – известного советского математика, академика АН СССР (1929) и АН УССР (1925 г.). В 1920–1933 гг. он – профессор Харьковского госуниверситета. С 1933 по 1941 г. – профессор Ленинградского политехнического института и Ленинградского государственного университета. С 1935 г. работал в Математическом институте АН СССР. С 1939 – ответственный редактор «Известий АН СССР, серия математическая». Автор более 250 научных работ, посвящённых теории дифференциальных уравнений, теории приближения функций и теории вероятностей. Иностранный член Парижской академии (1955)[364].

22 июля 1941 г. академик прибыл из Ленинграда. Его с женой Любовью Георгиевной и невестку Лидию Петровну Давыдову устроили в 11-м корпусе курорта Боровое. Сергей Натанович находился в гуще общественно-политической жизни курорта. Избранный председателем Распределительного бюро, он часто выступал на совещаниях академиков и членов-корреспондентов по вопросу организации научного труда и быта ученых[365].

В условиях военного времени С.Н. Бернштейн не прекращал совместную работу с Математическим институтом АН СССР. В апреле 1942 г. им было подготовлено пособие по определению местонахождения судна по радиопеленгам, ускорявшее штурманские расчеты в десять раз. В 1943 г. в авиачасти дальнего действия поступили созданные им новые штурманские таблицы исключительной точности и простоты, что означало: меньше риска, меньше столкновений с заградительной авиацией противника, более высокая эффективность дальних бомбардировочных рейсов, существенная экономия авиационного топлива. В связи с этим 27 ноября 1943 г. в письме Штаба дальней авиации Президиуму АН СССР отмечалось: «Расчёты всех дальних полётов,

[364] Вернадский В.В. Дневники. С. 79.

[365] Там же. С. 305.

производимые штурманами дальней авиации по этим таблицам, значительно повысили точность самолётовождения. Нам неизвестны ни в одной стране мира таблицы, равные этим по своей простоте и оригинальности»[366].

Сергей Натанович, который разрабатывал многие вопросы теории вероятностей и приближенных методов вычисления, в эвакуации продолжил свои ранее начатые научные исследования. Ученый часто встречался с академиком В.И. Вернадским, рассуждал с ним о математике и симметрии в связи с вопросом о пространстве, о физическом пространстве, о понятии кристаллического пространства[367]

13 мая 1942 г. щучинская районная газета сообщала, что «среди проживающих в Боровом академиков трое получили Сталинские премии 1942 г. Это академики Зелинский, Бернштейн, Мандельштам». Далее говорилось, что Н.Д. Зелинский удостоен премии за научные работы по органической химии, С.Н. Бернштейн – за важные открытия в области математики, а академик Л.И. Мандельштам (совместно с Н.Д. Папалекси) – за работы в области нелинейных колебаний и распространения радиоволн[368].

В 1942 г. С.Н. Бернштейну присуждена Сталинская премия первой степени. За научные достижения академик С.Н. Бернштейн награждён двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Валентин Петрович Вологдин (1881–1953) – выдающийся деятель отечественной радиотехники и электромашиностроения, ученый-электротехник, один из авторов высокочастотной закалки, член-корреспондент АН СССР (1939 г.) также был в Боровом. В отечественном речном и морском судостроении с его именем связан переход от постройки судов с клепаными корпусами к сварным. Его идеи и научное наследие служат основой для подготовки молодых специалистов по сварному судостроению[369].

---

[366] Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. С. 118.

[367] Вернадский В.В. Дневники. С. 226.

[368] Социалистический труд. 1942. 13 мая.

[369] Бельчук Г.А., Мацкевич В.Д. Научная и инженерная деятельность Виктора Петровича Вологдина и его роль в развитии сварки в отечественном судостроении // Труды Ленинградского кораблестроительного института.

В начале войны из осаждённого Ленинграда лаборатория В.П. Вологдина была эвакуирована в Челябинск, а сам ученый отправлен в Боровое вместе с женой Марией Петровной, сыном Всеволодом (аспирантом) и дочерью Марией. Их разместили в академическом 11-м корпусе санатория. Валентин Петрович вспоминал: «Я люблю первые дни пребывания на новом месте, когда далеко отстоят заботы о предстоящем отъезде, лаборатория и работа кажутся такими далёкими и всецело наслаждаешься близостью семьи... Я посещал с удовольствием обитателей Борового, с которыми вел беседы на самые разнообразные темы… До сих пор я был чужд миру учёных, встречался с некоторыми из них лишь в Тиберде (климатический курорт в Ставропольском крае), во время отдыха, где круг моих знакомых был сравнительно ограничен и диктовался личными симпатиями, тогда как в Боровом я имел разговоры почти со всеми»[370].

Валентин Петрович в Боровом находился короткое время, но с первых дней пребывания здесь принял активное участие в общественной работе академического коллектива. Будучи членом Распределительного бюро, занимался бытовыми проблемами эвакуированных ученых.

19 октября 1941 г. В.П. Вологдин прибыл в Челябинск. На Уральском Кировском заводе (Танкограде) в короткий срок организовал лабораторию высокочастотной техники, результаты научных исследований вверенного ему коллектива немедленно внедрял в оборонную промышленность. В августе 1942 г. под его руководством был сдан новый высокочастотный цех, где проводилась закалка шлицевых валов и других деталей мощных танков, отправляемых на фронт. Находясь глубоко в тылу, советские конструкторы разрабатывали танки «КВ», «ИС» и самоходные стальные крепости «СУ-122», «СУ-152» – в противовес гитлеровским «тиграм» и «пантерам». Под руководством Валентина Петровича коллектив лаборатории впервые в отечественном танкостроении

Вып. 19. Сварка в судостроении: Сборник посвящен памяти доктора технических наук профессора Виктора Петровича Вологдина. Л.: Госсоюзиздат суд. пром. 1956. С. 5–14.

[370] Рогинский В.Ю. Валентин Петрович Вологдин. Л.: Наука, 1981. С. 173.

внедрил на заводе промышленную поверхностную закалку важнейших деталей танков и орудийных установок токами высокой частоты. Тысячи танков с деталями, закаленными этим методом, участвовали в битвах под Сталинградом, Орлом, Киевом[371].

В грозные военные годы открытия и разработки В.П. Вологдина были признаны даже в фашистской Германии. Его монография «Поверхностная закалка индукционным способом» была переведена на немецкий язык, и под грифом особой секретности метод Вологдина рекомендовался для промышленного внедрения.

Валентин Петрович, загруженный работой в Челябинске, все же находил время посещать Боровое, где находилась его семья. Его родные тоже не сидели без дела. Жена Мария Фёдоровна контролировала работу столовой и кухни пансионата академиков, дочь Мария Валентиновна преподавала в младших классах средней школы.

Открытия и изобретения В.П. Вологдина защищены более чем 120 авторскими свидетельствами и патентами, полученными в СССР и за рубежом. Им опубликовано свыше 180 научных работ – статей и монографий по актуальным проблемам радиотехники и другим вопросам. Среди них «Высоковольтные ртутные выпрямители», «Генераторы высокой частоты» и «Поверхностная индукционная закалка»[372].

Советское правительство высоко оценило деятельность В.П. Вологдина в области развития электросварки. В 1943 г. в день своего шестидесятилетия В.П. Вологдин был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Его дважды награждали Сталинской премией (1943, 1952 гг.). 23 апреля 1953 г.Владимир Петрович умер в Ленинграде

Серьезное значение для Борового имело пребывание здесь Владимира Николаевича Сукачева (1880–1967) – выдающегося ученого-биолога, лесоведа и

[371] Комаров Л.С. и др. Летопись Челябинского тракторного. М.: Профиздат, 1972. С. 334.

[372] Головин Г.И. Первый лауреат золотой медали А.С. Попова // Вестн. АН СССР. 1948. № 8. С. 78.

географа, основоположника биогеоценологии, который разрабатывал вопросы фитоценологии, академика АН СССР (1943 г.).[373]

В Боровое учёный был эвакуирован из Ленинграда – вместе с женой, дочерью и внучкой. В.Н. Сукачев входил в состав Ученого совета заповедника. Научная деятельность ученого в Казахстане, как он отмечает, была посвящена лесным деревьям Госзаповедника «Боровое»: «Выехав из Ленинграда… я поставил задачей ознакомиться с типами кокчетавских лесов, расположенных в районе заповедника и курорта «Боровое»[374].

Тема исследования ученого значилась как «Типы лесов Борового». В отчёте о научной деятельности заповедника за 1941 г. отмечено: «Сукачев В.Н. работал сентябрь и первые числа октября… ознакомился с лесами кокчетавского горного массива»[375]. Администрация заповедника предоставила ему гужевой транспорт, и ученый смог побывать в окрестностях озера Боровое, на склонах гор Буйлюк-тау и Кокше (Синюха), в разных квадратах Боровской и Зеленоборской природных зон, а также посетил озера Котуркульское, Большое и Малое Чебачье[376].

За короткое время пребывания в Боровом учёный выполнил большой объём работы: представил краткий предварительный отчёт об исследованиях, проведённых им в заповеднике. По теме «Типы лесов» им установлены и описаны четыре группы боров, сделано общее описание растительности заповедника, подробно изучена имеющаяся литература и даны предварительные заключения о причинах плохого роста молодняка. Но вскоре, во второй половине октября 1941 г., Президиум Академии наук СССР отозвал В.Н. Сукачева в Свердловск, где он занимался работами, связанными с оборонной тематикой[377].

По просьбе членов Учёного совета заповедника В.Н. Сукачёв написал «Отзыв о работах по изучению леса в Госзаповеднике “Боровое”», в котором дал

---

[373] Академик В.Н. Сукачев // Вестн. АН СССР. 1967. № 4–85. С. 25.

[374] Сукачев В.Н. Кокчетавские горные леса. М.: Землевладение^ Изд. Московского общества испытателей природы. 1948. Т. 11. С. 20.

[375] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. №18. Научный фонд. Раздел I, л. 2.

[376] Там же. Л. 3.

[377] Там же.

рецензии на исследования П.Л. Драверта, С.С. Голубинского за 1939 г., Б.М. Зусмановича о естественном возобновлении леса, на отчёты В.И. Баранова, А.А. Юницкого и В.Н. Пономарёва по вопросу об усыхании сосны и на отчёт В.М. Куцкова «Инвентаризация растительного покрова заповедника “Боровое”».

Тема изучения лесов Борового не покидала ученого. Позднее В.Н. Сукачев написал и опубликовал в «Трудах Госзаповедника “Боровое”» в 1948 г. «Очерк лесной растительности заповедника «Боровое». Время написания «Очерка» не обозначено, но в предисловии говорится, что работы, помещенные в первом выпуске «Трудов», выполнены или завершены в годы Великой Отечественной войны и что «публикуемая работа академика В.Н. Сукачева, представляя значительный интерес сама по себе, закладывает основу для дальнейших детальных и углубленных исследований лесов Борового»[378].

Академик В.Н. Сукачев впервые в 1942 г. ввел понятие «биогеоценоз». В 1944 г. В.Н. Сукачев организовал Институт леса и древесины Сибирского отделения АН СССР (Красноярск), которым руководил до 1959 г. (ныне Институт леса им. В.Н. Сукачева Сибирского отделения Российской академии наук). В 1955–1967 гг. он – президент Московского общества испытателей природы, член-учредитель (1915 г.) Всероссийского ботанического общества и с 1946 г. его президент (с 1964 г. – почётный президент), член Польской академии наук (1959 г.), член-корреспондент Чехословацкой земледельческой академии (1927 г.). За большую научную, научно-организационную и педагогическую деятельность В.Н. Сукачёв был награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Умер В.Н. Сукачев на 87-м году жизни, февраля 1967 г.[379]

Среди прибывших в Боровое был Леонид Александрович Иванов (1871–1962) – крупнейший ботаник, основатель советской дендрофизиологии, глава советской лесной физиологии, член-корреспондент АН СССР (1922 г.). Им

[378] Труды Госзаповедника «Боровое». Алма-Ата, 1948. С. 3.

[379] Академик В.Н. Сукачев // Вестн. АН СССР. 1967. № 4–85. С. 25.

разработаны теоретические основы производственной технологии – подсочки хвойных, которые изложены в работе «Биологические основы использования хвойных СССР в терпентиновом производстве» (1934 г.). Л.А. Иванов – автор фундаментальных трудов по анатомии и физиологии древесных растений[380].

Л.А. Иванов вместе с женой Софьей Александровной и сестрой прибыл из осажденного Ленинграда на курорт Боровое 31 августа 1941 г. Их поселили в 11-м корпусе, рядом с которым росли сосны, находились лес и озеро – благодатный материал для изучения местной флоры. Он активно включается в работу заповедника, избирается в состав Ученого совета заповедника. Ведет беседы с В.И. Вернадским о планетной жизни.

26 января 1942 г. Леонид Александрович представил в Учёный совет заповедника теоретическое обоснование разрабатываемых тем: «Исследование водного режима сосны и березы в лесах Борового» и «Динамика отавности и урожайности ковыльных ассоциаций степей заповедника»[381]. Будучи постоянным членом Ученого совета заповедника, Иванов регулярно участвовал в его заседаниях, в обсуждении выносимых на заседания вопросов. Так, 16 мая 1942 г. он информировал членов Ученого совета о ходе работ по выполнению взятых им научным темам[382].

В Боровом Л.А. Иванов при практической помощи Института физиологии растений АН СССР организовал научные занятия при лесной опытной станции заповедника. В течение двух лет он проводил исследования изменения влажности древесины сосны и березы, а также обширные наблюдения над транспирацией этих двух пород. В ходе изысканий была подготовлена солидная работа о водном режиме дерева. Учёный в 1941–1943 гг. публикует книги «Сравнительное испытание полевых методов изменения фотосинтеза» и «О водном режиме древесных пород в условиях Северного Казахстана (Боровое)»[383].

---

[380] Коссович Н.Л. Основные направления научной деятельности Л.А. Иванова // Проблемы экологии и физиологии лесных растений. Л., 1963. С. 13–31.

[381] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 16: Материалы. Раздел I. Л. 6–7.

[382] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 3: Материалы. Раздел IV. Л. 1– 2.

[383] Косович Н.Л. Полвека непрерывного творческого труда профессора Л.А. Иванова в Лесотехнической

В Боровом жизнь вносила свои коррективы и в личные судьбы ученых. Так, Леонид Александрович в конце 1942 г. разводится с женой и женится на дочери академика Н.Ф. Гамалеи – Марии Николаевне. Врач по профессии, она после войны работала в Академии медицинских наук СССР[384].

За высокие достижения в науке Л.А. Иванов награжден советским правительством двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Пребывание в Боровом активно использовал для научной работы Петр Юльевич Шмидт (1872–1949) – выдающийся русский зоолог и ихтиолог, внесший огромный вклад в изучение ихтиофауны рыб северной части Тихого океана и дальневосточных морей России, профессор ихтиологии ЛГУ, с 1930 г. – ученый секретарь Тихоокеанской комиссии АН СССР. Автор фундаментальных сводок ихтиофауны Дальнего Востока и более 400 научных публикаций, в том числе монографий «Рыбы восточных морей Российской империи» (1904), «Рыбы Тихого океана» (1948), «Рыбы Охотского моря» (1950)[385].

Ученого постигла трагическая судьба, но, несмотря на все жизненные потрясения, он занимался наукой. В.И. Вернадский пишет о нем: «В 1938 году был арестован; в 1939 году он, как японский шпион был приговорен к 10 летнему тюремному наказанию. Он “во всем сознался” (опасность избиения) и развил в своих показаниях так, что ясно было, что это “сознание” в фантастическом преступлении. После приговора (уже при Берии) он получил право иметь защитника, после речи защитника прокурор присоединился к защитнику. Он пострадал в семейной жизни – кажется, умерла его жена. Он связан с Академией как секретарь Тихоокеанской комиссии» [386].

Ему в тюрьме выбили зубы, но не сломили дух. По воспоминанию П.В. Ушакова, после длительных и изнурительных допросов Петр Юльевич подписал протокол с признанием в совершении шпионажа в пользу Японии и Германии

Академии им. С.М. Кирова // Труды Академии им. Кирова. 1948. № 64. С. 34.

[384] Вернадский В.И. Дневники. С. 368.

[385] Световидов А.Н. Памяти Петра Юльевича Шмидта (1872–1949) // Изв. ТИНРО. Т. 35. Владивосток, 1951. С. 209–210.

[386] Вернадский В.И. Дневники. С. 258.

(находился в научных командировках в Токио и Берлине, на этом строилось обвинение), а также в том, что он является и итальянским шпионом, поскольку его дочь живет в Италии. Абсурдность признаний, в конце концов, привела следствие в тупик, и его после годичного заключения освободили[387].

П.Ю. Шмидт в Боровое прибыл 3 августа 1942 г. Изъявил желание участвовать в работе Ученого совета госзаповедника. В частности, он занимался вопросами разведения балхашского сазана в условиях озёр Борового. Читал лекции перед боровской аудиторией о Тихом океане, рассказывал о знаменитой Камчатской экспедиции и т.д. Умер Петр Юльевич 25 ноября 1949 г., после последней экспедиции на Тихий океан.

Нашел себе пищу для научных занятий в Боровом и Николай Николаевич Воронихин (1882–1956) – видный советский ботаник-миколог, фитопатолог и альголог, доктор биологических наук, профессор, лауреат премии им. В.Л. Комарова (1952 г.). Одним из первых в стране он комплексно изучал водоросли. Основные его труды были посвящены грибам и грибным болезням сельскохозяйственных культур. За доблестный труд он был награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалями[388].

В Боровом Николай Николаевич стал заниматься изучением водорослей озёр для определения качества водоёмов и с целью рыбохозяйственной оценки качества озёр (бонитировка). Учёный провел альгологическое обследование окрестных водоемов и собрал обширный материал. Им было взято свыше 750 образцов различных водорослей. Их обработка заняла все последние годы его жизни, а завершена была уже после реэвакуации и ухода на пенсию. Рукопись «Водоросли Боровского Государственного заповедника» – это объёмный научный труд, в котором свыше 1000 страниц машинописного текста и 1070 оригинальных рисунков[389].

---

[387] Ушаков П.В. Из воспоминаний о прошлом // Отечественные зоологи: Труды Зоологического института РАН. М., 2002. Т. 292. С. 98–139.

[388] Голлербах М.М. Памяти Н.Н. Воронихина // Ботанический журнал. М., 1956. Вып. 4 (8). С. 1230–1234.

[389] Шкрыль П. Указ. соч. Л. 43.

В Боровом был Петр Павлович Маслов (1867–1946) – старейший деятель революционного движения, известный русский и советский экономист, политический деятель, академик АН СССР (1929 г.), специалист в области экономики сельского хозяйства[390].

В Боровое академик П.П. Маслов прибыл со второй женой Ларисой Евгеньевной и сыном Сергеем. Петр Павлович участвовал в общественных и политических мероприятиях курорта. Он посещал заседания Ученого совета государственного заповедника, выступал перед академиками и другими жителями Борового на различные темы. В частности, он выступил с докладом о дворянине-землевладельце, писателе Н. Гарине (Михайловском), финансировавшем марксистскую газету «Самарский вестник», где печатался П.П. Маслов[391].

Каждая лекция ученых обычно утверждалась в партийной группе. Так получилось, что лекцию академика А.С. Орлова «Слово о полку Игореве» не успели согласовать, а в столовой академического корпуса собралось много народа. П.П. Маслов все же предложил начинать выступление, и лекция прошла с успехом, что привело в замешательство партийных руководителей. Бывший критик Ленина, в прошлом меньшевик П.П. Маслов порядком раздражал партактив, его не очень волновали какие-то условности. «…Он – фигура нужная, – отмечал В.И. Вернадский, – но “одиозная” в партийных кругах…»[392]

Старейшина советских академиков Вернадский часто вел беседы с Петром Павловичем, его поражало неординарное мышление русского революционера, иногда они спорили о будущем атома. «Петр Павлович Маслов, – пишет Вернадский, – очень он мне нравится как человек… Рассказывал он о том, что в 1930 г. был арестован по делу Громана. Оговорил его сын М.И. Туган-Барановского, который был посажен в тюрьму в качестве шпиона. Он решительно возражал и говорит, что, значит, надо было “умереть с голоду”, но не признавать вины. Туган-Барановский, по-видимому, взял назад все обвинительные показания,

[390] Фигуровская Н.К. Забытый академик (Петр Павлович Маслов) // Проблемы современной экономики. 2011. Вып. 4. С. 426–432.

[391] Вернадский В.И. Дневники. С. 175.

[392] Там же. С. 128.

так как П.П. Маслова на следующий день вызвали и сказали, что снимают все обвинения»[393].

П.П. Маслов в последние годы жизни находился вдали от политики, занимался наукой, проблемами политэкономии социализма. Умер Петр Павлович Маслов в Москве 4 июня 1946 г.

В Боровом работал в период войны Владимир Оттонович Таусон (1894–1964) – известный советский микробиолог и физиолог растений, доктор биологических наук, один из основоположников биоэнергетики, профессор. Он исследовал геологическую деятельность микроорганизмов и их роль в разрушении природных нефтей, проводил исследования биоэнергетических процессов микроорганизмов, создав специальный раздел биологии – биоэнергетику.

С 1938 г. до самой своей смерти В.О. Таусон руководил лабораторией биоэнергетики в Институте физиологии растений АН СССР. Кроме научно-исследовательской работы ученый вел педагогическую деятельность, будучи профессором Московского университета. За научные труды награжден орденом «Знак Почета» и медалями[394].

В Боровом Владимир Оттонович участвовал в заседаниях Ученого совета заповедника. Исходя из условий военного времени, утвердил тему для исследования тау-сагыза – каучуконоса, необходимого для производства каучука. В область его научных интересов входили проблемы, близкие к идеям В.И. Вернадского, в частности роль микроогранизмов при формировании горных пород, биоэнергетика[395]. Умер Владимир Таусон 28 октября 1946 г. в Москве. Похоронен на Введенском кладбище.

Был эвакуирован в Боровое Андрей Александрович Рихтер (1871–1947) – видный советский ботаник, специалист по физиологии растений, академик АН СССР (1932 г.) и ВАСХНИЛ. В 1934–1938 гг. – директор Института физиологии

[393] Там же. С. 189–190.

[394] Прокофьев А.А. Владимир Оттонович Таусон. (Некролог) // Микробиология. М., 1947. Т. 16, вып. 2. С. 32.

[395] Вернадский В.И. Дневники. С. 27–28.

растений им. К.А. Тимирязева АН СССР. Он занимался изучением фитосинтеза, устойчивости растений к неблагоприятным условиям среды.

Совет Министров СССР, отмечая заслуги академика А.А. Рихтера перед наукой, постановлением от 31 мая 1947 г. присвоил имя А.А. Рихтера лаборатории фотосинтеза Академии наук СССР и установил четыре стипендии. За достижения в науке награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Ранее он был награжден орденом Св. Станислава 3 степени (1904) и медалью «В память 300-летия царствования Дома Романовых»[396].

В июле 1941 г., академик Рихтер с женой (третьей) Татьяной Абрамовной Красносельской-Максимовой прибыл в Боровое. Им дали комнату в 11-м академическом корпусе. Ученый продолжал возглавлять лабораторию фотосинтеза при Отделении биологических наук АН СССР, организованную в 1939 г. Под его руководством сотрудниками лаборатории проводились исследования по соотношению фотосинтеза и процессов роста и развития растений.

А.А. Рихтер и его супруга Т.А. Красносельская-Максимова, по профессии биолог, сотрудница Института физиологии растений АН СССР, решили участвовать в работе Ученого совета госзаповедника.

В тематическом плане заповедника на 1942 г. указывается важность исследований ученого: «Предложенная академиком Рихтером тема «Биологические пути обогащения почв связанным азотом» вытекает из условий войны. Ввиду возникающего неизбежно дефицита в производстве минеральных азотных удобрений и вырастающей отсюда нужды – заменить их биологическим методом обогащения почвы азотом»[397].

16 июля 1942 г., на заседании Учёного совета заповедника А.А. Рихтер предложил включить в план научной работы на 1943 г. тему «Лекарственные

---

[396] Костицын В.И. Рихтер Андрей Александрович // Костицын В.И. Ректоры Пермского университета. 1916–2006. 2-е изд., перераб. и доп. Пермь: Перм. ун-т. 2006. С. 66–76.

[397] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 16. Материалы. Раздел I. Л. 6, 7.

растения и культура их в условиях Борового»[398]. 30 октября на заседании Ученого совета, под председательством Н.Ф. Гамалеи при участии В.И. Вернадского, С.А. Зернова, И.И. Шмальгаузена, Л.С. Берга, Л.А. Иванова и др., Андрей Александрович доложил свой план организации питомника лекарственных растений в Боровом. Члены совета поддержали эту идею единогласно. Работы по устройству питомника было предложено начать весной 1943 г.[399]

Татьяна Абрамовна Красносельская-Максимова (1884–1950) – советский учёный, биолог, специалист по физиологии растений, переводчик книги «Происхождение видов» Дарвина. С 1925 г. – сотрудник Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (затем Всесоюзный институт растениеводства). В 20-х гг. – жена академика АН СССР Н.А. Максимова, после его ареста и ссылки в 1933 году вышла замуж за А.А. Рихтера[400]. Арестовывалась органами НКВД СССР. В 1935 г. была выслана из Ленинграда в Саратов. В 1940 году работала профессором Московского педагогического института. Была верной соратницей Николая Вавилова. По поводу издания в СССР книг Дарвина известны письма Вавилова к Красносельской-Максимовой. В протоколах Ученого совета Госзаповедника «Боровое» имеются сведения об ее научной деятельности[401].

Нашел применение своим знаниям в Боровом Михаил Николаевич Римский-Корсаков (1873–1951) – выдающийся специалист по лесной энтомологии, зоолог, доктор биологических наук, почетный президент Всесоюзного энтомологического общества, заслуженный деятель науки РСФСР (1945). Сын великого русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова, его мать – известная пианистка, композитор, музыковед Надежда Николаевна Римская-Корсакова. Награжден двумя орденами Ленина и медалью[402].

---

[398] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 4. Материалы. Раздел IV. Л. 24.

[399] Там же. Л. 25.

[400] Вернадский В.И. Дневники. С. 27.

[401] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 16. Материалы. Раздел I. Л. 16.

[402] Мазурмович Б.Н. Михаил Николаевич Римский-Корсаков (1873–1951) // Выдающиеся отечественные зоологи. М.: Учпедгиз, 1960. С. 294–298.

М.Н. Римский-Корсаков с начала войны находился в Ленинграде, пережил тяжелую блокадную зиму. Весной 1942 г. из блокадного города отбыл в Казань. По просьбе своей дочери, Ольги Михайловны, он отправился в Боровое, где она проживала вместе с семьей академика А.Е. Фаворского.

На новом месте Михаил Николаевич в должности старшего научного сотрудника госзаповедника изучал вредителей местной флоры. Результатом его исследований стала работа «Паразиты вредителей лиственных насаждений Борового и меры воспособления их полезной деятельности» (1943). М.Н. Римский-Корсаков посещал заседания и принимал участие в работе Ученого совета заповедника, на общих собраниях выступал с воспоминаниями об отце и музыкальных традициях своей семьи[403].

Красивая чарующая природа, насыщенный хвоей воздух Борового, абсолютная тишина и хорошие бытовые условия располагали эвакуированных ученых к научным и творческим изысканиям, размышлениям. В 1943 г. М.Н. Римский-Корсаков начал записывать свои воспоминания начиная с раннего детства и до 1895 г. Эти записи он считал ценными.

Михаил Николаевич пишет: «Сегодня 3 марта 1943 г. Мне 69 лет. Уже несколько времени тому назад я начал думать о том, чтобы написать свои воспоминания, которые отражали бы факты и настроения в моей жизни, касающиеся занятий зоологией, и рисовали бы тех лиц, с которыми мне приходилось общаться в течение моей деятельности. Быть может то, что я сообщу здесь, пригодится кому-нибудь при составлении истории развития зоологических знаний в России. Само собой разумеется, очень многое, что, быть может, было бы интересно и ценно, испарилось из моей памяти. В настоящий момент восстановить что-либо при помощи знакомых, бывших свидетелями различных событий, или при помощи каких-нибудь книг или статей, не представляется возможным. В силу этого в написанное могли вкрасться различные ошибки и неточности. Но ничего не поделаешь. Хотелось бы все-таки сделать эту работу,

[403] Пааль С.А. Указ. соч. Л. 29.

чтобы были сохранены некоторые вещи, которые, вероятно, никем не были записаны, и свидетели которых уже умерли»[404].

Михаил Николаевич Римский-Корсаков прожил яркую и насыщенную жизнь. 11 марта 1951 г. сердце русского интеллигента остановилось.

В Боровом в период войны находилась Александра Антоновна Усова (1886–1952) – ученый-геолог, петрограф, сестра известного русского сибирского геолога академика Михаила Антоновича Усова. Выпускница Томского университета (1922 г.), специалист по геологии и полезным ископаемым Сибири и Средней Азии. В 1945 г. работала старшим научным сотрудником Института геологии Казахского филиала АН СССР[405]. На курорт она прибыла с матерью Анной Григорьевной и жила в одноэтажном теплом доме под номером 37. В Боровом и его окрестностях при непосредственном участии академика В.И. Вернадского она проводила геологические исследования[406].

А.А. Усова принимает деятельное участие по организации геологического отдела при музее заповедника «Боровое». 29 июня 1942 г. К.И. Сатпаев в письме академику В.А. Обручеву пишет: «Мы решили организовать геологическое отделение при музее Боровского заповедника по линии Республиканского краеведческого общества, находящегося в ведении Казахского филиала АН СССР. Согласие Александры Антоновны Усовой на работу получено, и во второй половине июня месяца она зачислена в штат КазФАНа в качестве старшего научного сотрудника, работающего по совместительству с месячным окладом в 400 р.»[407]. Результатом геологических исследований А.А. Усовой стали не только ее отчеты и сообщения на Ученом совете, но и публикация ее статьи «Месторождения мирабилита, белых глин и чистых кварцевых песков района западнее Борового» (1944) в научном журнале[408].

---

[404] Римский-Корсаков М.Н. Зоологические воспоминания // Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии С.И. Фокина // Историко-биологические исследования. СПб., 2009. Т. 1, № 1. С. 120–121.

[405] Вернадский В.И. Дневники. С. 183.

[406] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 16. Материалы. Раздел I. Л. 17.

[407] Академик К.И. Сатпаев: из писем и заметок. Алматы: Атамұра, 1998. С. 18.

[408] Усова А.А. Месторождения мирабилита, белых глин и чистых кварцевых песков района западнее

В Боровом в эвакуации жили также и другие ученые. Ольга Ивановна Шмальгаузен (1911–2008) – старейший сотрудник Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории экспериментальной эмбриологии им. Д.П. Филатова, дочь академика И.И. Шмальгаузена, написала книгу о своем отце «Иван Иванович Шмальгаузен»[409]. Принимала активное участие в работе Ученого совета, изучала планктон водоемов, находящихся на территории Государственного заповедника «Боровое», с целью выяснить возможности разведения в них рыб[410].

Борис Владимирович Образцов (1903–1975) – биолог, кандидат биологических наук, сын академика В.Н. Образцова. В эвакуации он работал старшим научным сотрудником, позже – заведующим научной частью Госзаповедника «Боровое», изучал вопросы орнитологии. Он участвовал в заседаниях Ученого совета, где выступал с научными сообщениями, подготовил рукопись «К вопросу исследования запасов пролётных птиц заповедника “Боровое”, а также составил «Отчёт о выполнении плана научно-исследовательских работ по заповеднику “Боровое” за 1941 год» [411].

Владимир Вячеславович Тищенко (1892–1964) – специалист по химии угля, кандидат химических наук, он доводился племянником академику А.Е. Фаворскому. Сестра академика Елизавета Евграфовна была женой известного советского химика академика Вячеслава Евгеньевича Тищенко. С ним Алексей Евграфович проработал бок о бок более пятидесяти лет. Зимой, в начале 1941 г. умерла Елизавета Евграфовна, а вслед за ней, 25 февраля 1941 г., и Вячеслав Евгеньевич. А.Е. Фаворский тяжело переживал кончину близких людей. Отправляясь в Боровое, Фаворские забрали с собой и десятилетнего внука академика Тищенко, Андрюшу, сына Владимира Вячеславовича. Сам В.В. Тищенко прибыл из Ленинграда в Боровое в начале 1942 г. Его вывезли из осажденного города по ледовой «дороге жизни». Рассказывая об ужасах блокады

Борового // Изв. АН СССР. Сер. геологическая. № 2. С. 115–118.

[409] Шмальгаузен О.И. Иван Иванович Шмальгаузен. М.: Наука, 1988. 256 с.

[410] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 16. Материалы. Раздел I. Л. 17.

[411] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 16. Материалы. Раздел I. Л. 25.

и радостно глядя на здорового и веселого сына, он горячо благодарил Алексея Евграфовича и его жену Марию Маркеловну. Вскоре в комнате одного из домов соседних с 29-й дачей, где жили Фаворские, В.В. Тищенко поселился с Андрюшей и устроился работать в заповедник[412]. На втором году пребывания ученых в эвакуации Владимир Вячеславович был утвержден заведующим научной частью Госзаповедника «Боровое». Им подготовлены подробные отчеты о научно-исследовательских работах за 1938–1942 гг. (рукопись 1942 г.) и отчет за 1943 г. (рукопись 1944 г.)[413].

Сергей Викторович Покровский (1874–1945) – зоолог, энтомолог, закончил Московский университет, работал сотрудником Зоологического музея МГУ, подготовил и издал серию научно-популярных книг. В частности, его «Календари природы» были настолько популярны, что издавались в течение полувека – с 1911 по 1958 г. В годы войны в Боровом он работал научным сотрудником, заведующим научной частью заповедника. Как писал о нем Вернадский: «это хороший натуралист – издатель и составитель дореволюционного календаря природы, беллетрист. Он и его жена верующие…»[414].

В архивных фондах Госзаповедника «Боровое» хранятся рукописи исследовании С.В. Покровского: «Материалы к изучению состава фауны вредителей и повреждений лесных пород заповедника «Боровое», «Вредные насекомые Борового: малярийный и др. кровососущие комары» (1942), «Первичные вредители лиственных насаждений в лесах заповедника «Боровое» (1943)[415].

Леонид Васильевич Комлев (1904–1979) – видный деятель в области радиохимии и геохимии, основатель радиогеохимических и геохронологических исследований, один из основателей Музея радиоактивных минералов и руд,

---

[412] Вернадский В.И. Дневники. С. 173.

[413] Труды Государственного заповедника «Боровое» / Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. Алма-Ата, 1948. С. 93.

[414] Вернадский В.И. Дневники. С. 177–178.

[415] Труды Государственного заповедника «Боровое» // Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. Алма-Ата, 1948. С. 89.

доктор химических наук, лауреат Государственной премии[416]. В Боровое прибыл в начале сентября 1941 г. по приглашению В.В. Вернадского. Ученый-геохимик обследовал интенсивность радиоактивности геологических элементов, отложении ила, источников воды в разных пунктах территории Борового. 18 сентября 1942 г. выступил с докладом на Ученом совете заповедника. Академик В.И. Вернадский, в прениях по докладу Комлева, предложил «в будущем провести работу по изучению радиоактивности воздуха в Боровом»[417].

Елена Вадимовна Палей-Ренгартен (1904–1983) – химик-аналитик, специалист по гидрохимии минеральных вод. С 30-х гг. она работала в Центральном научно-исследовательском институте курортологии, позже в Лаборатории геохимических проблем им. В.И. Вернадского. В Боровое Елена Вадимовна прибыла вместе с Л.В. Комлевым 1 сентября 1941 г., по приглашению академика В.И. Вернадского. В их задачу входило исследование радиоактивности в окрестностях курорта Боровое[418]. Как ученый-химик она участвовала в работе Ученого совета заповедника. На заседании Ученого совета от 18 сентября 1942 г., ученые дружно поддержали желание Е.В. Палей-Ренгартен приступить к работе по рационализации добычи соли на озере Балхаш[419].

Евгения Леонгардовна Лимберг (1913–1983), племянница профессора Николая Яковлевича Кузнецова, во время эвакуации работала научным сотрудником заповедника «Боровое». Е.Л. Лимберг на основе своих наблюдений подготовила научную статью «Материалы к познанию взаимоотношения леса и степи в условиях заповедника «Боровое». Позже эта статья была опубликована в трудах госзаповедника в 1948 г.

Эта научная работа вызвала дискуссию. Редакционная коллегия писала: «В настоящей статье автор на основании численных соотношений степных и лесных

---

[416] Вернадский В.И. Дневники. С. 226.

[417] Протокол заседания Ученого совета Госзаповедника «Боровое» от 13.VII.1942 г.: Рукопись // Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0131. Л. 22–23.

[418] Вернадский В.И. Дневники, с. 264, 338.

[419] Протокол заседания Ученого совета Госзаповедника «Боровое» от 13.VII.1942г. Рукопись // Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0131. Л. 22–23.

видов растений, произрастающих в лесу и на поляне близ опушки леса, приходит к заключению, что степь наступает на лес. Дирекция заповедника считает это мнение автора ошибочным и не может согласиться с его конечным выводом. Фактические наблюдения на месте со всей убедительностью показывают прекрасное естественное облесение лесных полян Золотоборской лесной дачи березой, осиной и сосной. Как показали наши наблюдения, естественному возобновлению леса весьма препятствуют еще полностью не изжитое, ежегодное кошение лесных полян до самой опушки леса. Не исключено, что недооценка этого фактора и привела автора статьи к ошибочному выводу. Тем не менее, придавая большое значение настоящей работе, как содержащей значительный тщательно собранный автором фактический материал для решения указанного вопроса, дирекция нашла необходимым опубликовать ее в «Трудах заповедника»[420].

В работе Ученого совета заповедника активно участвовал Джамбул Кунакович Кунаков – зоолог, уроженец Борового, который работал в государственном заповеднике с конца 30-х гг. до окончания войны, вначале в должности научного сотрудника, директора заповедника, а позже – научного сотрудника. Результаты его научных исследований опубликованы в статьях: «Животный мир заповедника «Боровое» (1939)[421], «Результат акклиматизации белки-телеутки на территории Госзаповедника “Боровое” (1939), «Методы борьбы с волком в условиях заповедника “Боровое”» (предварительный отчет, рукопись, 1942 г.)[422].

Как директор заповедника, Кунаков оставил о себе хорошие впечатления у В.И. Вернадского, академик называл его «представителем новой советской

[420] Труды Государственного заповедника «Боровое» / Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. С. 41.

[421] Кунаков Д. Животный мир заповедника Боровое // Государственный заповедник и курорт Боровое: сб. ст. / под ред. проф. П.Л. Драверта. Омск, 1940. С. 51–59.

[422] Труды Государственного заповедника «Боровое» / Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. С. 86.

казахской цивилизации»[423]. 10 августа 1941 г. академик писал: «Вчера вечером состоялось импровизированное заседание. Директор заповедника Боровое казах Джамбул Кунакович Кунаков, свободно говорящий по-русски, обратился к академикам с просьбой помочь в тематике заповедника. Кунаков – зоолог. Изложил ясно и хорошо»[424]. 16 октября 1941 г. В.И. Вернадский ходатайствует за Д. Кунакова: «Подписал обращение к начальству заповедника в Боровом в Алма-Ате об оставлении директором заповедника Д.К. Кунакова. Он просил их о переводе в Алма-Ату – его просьбу уважили. Этого он не ожидал, а также, когда оказалась возможность развития заповедника благодаря академикам, он хочет теперь остаться директором»[425].

Учёный совет госзаповедника усилиями академиков превратился в настоящий научный центр, вокруг которого объединились многие эвакуированные в Боровое учёные. На заседаниях Ученого совета шел обмен мнениями по разным научным проблемам, затрагивались вопросы финансирования, представлялись записки о ходе выполнения порученных им тем, обсуждались отчёты учёных.

2 сентября 1941 г., под председательством Н.Ф. Гамалеи и при секретаре Л.С. Берге на очередном заседании Ученого совета госзаповедника был поднят серьезный вопрос о конкретном участии ученых в научных исследованиях. В протоколе отражено, что академики рассмотрели вопрос об обращении в Совет Народных Комиссаров Казахской ССР с предложением о том, чтобы академическая группа в Боровом взяла на себя исследование некоторых проблем, касающихся заповедника в Боровом, имеющих актуальное народнохозяйственное значение[426].

На совместном заседании Ученого совета заповедника с членами академической группы присутствовали В.И. Вернадский, А.С. Орлов, П.П. Маслов, А.А. Рихтер, Л.С. Берг, Л.А. Иванов, В.О. Таусон, Б.В. Образцов, Д.К.

[423] Вернадский В.И. Дневники. С. 122.

[424] Там же. С. 36.

[425] Вернадский В.И. Дневники. С. 123.

[426] Архив Госзаповедника «Боровое». Инв. № 16. Материалы. Раздел I. Л. 29.

Кунаков, А.В. Винокуров и др.[427] Были заслушаны доклад профессора В.О. Таусона по обоснованию его темы «О введении в культуру на территории заповедника таусагыза и др. каучуконосов» и план работ по этой теме на 1941 и 1942 гг., сообщения Л.С. Берга по теме «Изучение климата Борового», А.В. Винокурова о работе метеостанции заповедника, В.Н. Пономарева о докладе профессора Сукачева и его плане научно-исследовательских работ по изучению лесов Борового на 1942 г., директора заповедника Джамбула Кунакова о дополнительном утверждении темы по изучению лесов Борового.

Академики решили ввести в состав Ученого совета заповедника с правом решающего голоса всех исполнителей научных тем и с совещательным голосом – членов академической группы и Центрального научно-исследовательского института физических методов лечения и медицинской климатологии им. И.М. Сеченова, интересующихся работой заповедника. Почетным председателем совета был избран академик Н.Ф. Гамалея. Также было принято решение – в дальнейшем заседания расширенного Ученого совета сделать открытыми и широко оповещать о дне заседания.

Следующее совместное заседание Ученого совета заповедника «Боровое» с группой членов Академии наук СССР состоялось 9 октября 1941 г. под председательством Н.Ф. Гамалеи. Присутствовали: член-корреспондент АН СССР Л.С. Берг, академик В.И. Вернадский, профессор Т.А. Красносельская, директор заповедника « Боровое» Джамбул Кунаков, старший научный сотрудник Б.В. Образцов, старший научный сотрудник С.В. Покровский, профессора В.О. Таусон, Н.Ф. Рихтер.

Директор заповедника Д. Кунаков доложил Ученому совету о результате своей поездки в Алма-Ату, поставив участников совещания в известность о том, что Республиканское Управление полностью утвердило тематический план научных работ на 1942 г., куда были внесены темы, предложенные членами академической группы. Далее он сообщил академикам об утверждении текущих тем на остающийся период текущего года, с предоставлением заповеднику права

[427] ЦГА РК. Ф. Р-283. Оп. 1. Д. 178. Л. 12.

не только комбинировать отпущенные средства, но и несколько увеличить их в случае необходимости. Утвержденные дополнительные темы могут быть начаты. Причем исполнители по темам «обязаны представить краткие планы намечаемых работ и их распределение в календарном порядке»[428].

Л.С. Берг сообщил «о своих переговорах с представителем Рыбтреста, который взял на себя доставку партий живого сазана с оз. Балхаш для пересадки его в одно из озер заповедника[429] для разведения и акклиматизации. В.И. Вернадский рассказал о «возможности списаться с профессором Субботиным о практической возможности проделать в Боровом анализ радиоактивных свойств минералов»[430]. Академик также с благодарностью сообщает о средствах, выделенных на разработку его исследований: «На заседании 9 октября Кунаков сообщил, что по темам, выдвинутым мной: 1) Радиоактивность в пределах Курорта и 2) Полезные ископаемые Курорта – Республиканское Управление Заповедниками утвердило на 1941 г. – 1500 руб. и на 1942 г. – 2000 руб.»[431]

В целях достижения большей эффективности работы академик А.А. Рихтер и профессор Т.А. Красносельская предложили «договориться с микробиологической лабораторией курорта или института им. Сеченова о предоставлении хотя бы небольшого угла для микробиологических анализов почв»[432]. Профессор В.О. Таусон высказал мнение, что «в данное время можно только выписать семена каучуконосов и попытаться подготовить опытные участки для работ по посадке и выращиванию «таусагыза» и, м.б., других каучуконосов»[433].

Старший научный сотрудник Борис Владимирович Образцов (сын академика В.Н. Образцова) доложил заседанию о предоставлении курортом двух

---

[428] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0135. Л. 13.

[429] Там же. Л. 14.

[430] Там же.

[431] Вернадский В.И. Дневники. С. 122.

[432] Там же.

[433] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0129. Л. 15.

комнат в библиотеке-читальне для размещения научной библиотеки и музейных экспонатов заповедника[434].

На заседании Ученого совета академики пересмотрели и скорректировали некоторые планы и научные программы, где «в связи с военным временем ряд тем был снят и заменен другими темами и другими исполнителями» (из отчета о научной деятельности госзаповедника за 1941 г.)[435].

Вдали от академических центров ученые самостоятельно предлагали порядок приоритетности тематики научных работ, определяли круг своих научных интересов. Практически продолжили то, чем занимались до войны, с учетом местных условий и требований. В первую очередь в исследовательские работы включились те ученые, кому по роду деятельности были наиболее близки проблемы природы курорта.

Так, член-корреспондент Л.С. Берг начал изучать климат Борового еще до войны. Он взял на себя труд проанализировать и обобщить материалы, собранные в течение многих лет местной метеорологической станцией. Поскольку санаторий специализировался на лечении туберкулезных больных, точные сведения о климатических условиях района здесь особенно были нужны.

В дневниках В.И. Вернадского (в «Хронологии 1941 г.») есть запись от 11 октября 1941 г., где неутомимый восьмидесятилетний академик с группой ученых предлагает образовать Музей естественной истории курорта Боровое. Вернадский пишет: «8 октября 1941 г. утром я подписал составленный Л.С. Бергом текст обращения к директору Заповедника Боровое Джамбулу Кунаковичу Кунакову, молодому казаху… интересующийся наукой, представитель новой советской казахской цивилизации. В бумаге, мной поданной, мы обращались к нему с выражением желания об образовании Музея естественной истории Борового в курорте Боровое»[436].

---

[434] Там же.

[435] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел I. Инв. № 14. Д. 0122. Л. 1.

[436] Вернадский В.И. Дневники. С. 122.

Музей естественной истории, созданный по инициативе В.И. Вернадского, стал поистине центром научных знаний на курорте Боровое. Музейное дело в его жизни занимало важное место. Ему была хорошо знакома постановка музейной работы в нашей стране и за рубежом. Когда-то в молодости, в 1902 г., его поразил Немецкий музей в Мюнхене. Более 20 лет Вернадский проработал в минералогических кабинетах Санкт-Петербургского и Московского университетов. Благодаря его подвижнической деятельности в области музейного строительства были открыты минералогические кабинеты и музеи науки и техники как в России, так и в Украине.

Богатый музейный опыт Вернадского пригодился и в эвакуации. Основой Музея естественной истории казахстанского курорта Боровое стала коллекция минералов сибирского геолога П.Л. Драверта.

Говоря о Музее, важно отметить особое внимание патриарха советской геологии Владимира Афанасьевича Обручева (1863–1956) к открытию при нем геологического отдела. Так, в письме Канышу Сатпаеву от 21 мая 1942 г. В.А. Обручев пишет: «Я узнал, что в Боровом, где в настоящее время проживает несколько академиков и научных сотрудников, при заповеднике имеется музей с зоологическим и ботаническим отделениями и отсутствует геологическое. Между тем на складе имеется коллекция проф. Драверта, которую было бы желательно разобрать и приготовить для выставки… Населению этого живописного и геологически интересного района, несомненно, было бы полезно видеть в музее образцы пород и минералов края… Недавно в «Казахстанской правде» было напечатано воззвание к населению о сборе горного хрусталя. В гранитах Кокчетавского массива этот минерал встречается… Было бы желательно, чтобы Казфилиал АН или СНК Казахстана выделил некоторые средства для организации в музее курорта геологического отдела из коллекции Драверта и новых сборов по окрестностям. Научный сотрудник-геолог – в Боровом в настоящее время имеется в лице Александры Антоновны Усовой, сестры покойного академика М.А. Усова. Она много лет работала в Сибири в разных местах, последние годы в институте «Нигризолото», откуда ушла, оставшись при эвакуации из Москвы с больной

матерью в Боровом… Она и сообщила мне о музее в Боровом и предлагает заняться устройством геологического отдела… Печатные труды А.А. Усовой мне хорошо известны, и я могу вполне рекомендовать ее для этой работы. Очень прошу поддержать это предложение, используя пребывание в Боровом А.А. Усовой и присутствие там же академика В.И. Вернадского, который как крупный минералог сможет оказать первый всякую помощь при определении минералов в затруднительных случаях… В.И. Вернадский предполагает остаться в Боровом до времени возврата в Москву, что случится, вероятно, не ранее осени или зимы, судя по общему положению дел»[437].

Ученый-геолог А.А. Усова приняла активное участие в организации геологического отдела музея. 2 июля 1942 г. Казахский филиал Академии наук СССР принял решение отпустить А. Усовой денежные средства на проведение краеведческих и геологических работ в размере 400 руб. в месяц[438].

В музее часто собирались ученые, где перед ними выступал академик В.И. Вернадский. В документах заповедника сохранился календарный план работ данного отдела за период с 15 июля по 31 декабря 1942 г., где отражены основные виды деятельности, а также смета на оборудование (приложение, табл. 10).

Основным вопросом на заседании Учёного совета от 8 декабря 1943 г. было сообщение В.В. Тищенко о проекте и смете по дальнейшему развитию музея. Было принято постановление об утверждении проекта и рабочего плана музейной работы, а также сметы на его оформление[439]. Позже заведующий научной частью заповедника Б.А. Белослюдов справедливо отмечал: «Заповедник имеет свой научно-исследовательский музей, который из года в год растет, все пополняясь новыми и новыми экспонатами. При нем же находится хранилище научных коллекции: зоологических, ботанических, геологических и других»[440]. Деятельную помощь Музею естественной истории оказали и эвакуированные ученые. В условиях суровой войны они пополняли коллекции, на общественных

[437] Академик К.И. Сатпаев: из писем и заметок. С. 114.

[438] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 9.

[439] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 9.

[440] Там же. Л. 10.

началах вели научную музейную работу. Примечательно то, что Музей естественной истории курорта Боровое, открытый в условиях военного времени по инициативе академика В.И. Вернадского, спустя 75 лет продолжает свою работу.

В протоколе заседания Ученого совета от 29 декабря 1941 г. имеются сведения о разработке научных тем: «Берг «О зоологических и климатологических работах заповедника»; Кунаков «Белка-телеутка», «Методы истребления волков»; Мороз «О новых видах птиц в заповеднике»; Кременецкой «Интродукция промысловых млекопитающих птиц и рыб» и др.»[441]

Лев Семенович Берг на заседаниях ставил конкретные задачи и ратовал за «дальнейшее систематическое изучение фауны Борового. Климатология – организация метеорологической станции у заповедника, которая провела в 1939–1940 гг. работы по изучению развития местных курортов – Наркомздрав. После войн количество туберкулеза повышается. Условия Борового исключительно надо привести в порядок…. Нужно отследить изменения климата и их причины. Проведя бактериологические исследования озера Майбалык, полнее использовать его минералы, пить воду. Наметить вопросы, подлежащие исследованию, где определить новые места для лечения»[442]. Ученый изучал также ихтиофауну озер заповедника и пути ее обогащения[443].

В деятельности Ученого совета, помимо научных докладов, практиковались отчеты и отзывы о проделанной работе. К примеру, 30 декабря 1941 г. Л.С. Берг написал «Отзыв о зоологических работах, проведенных заповедником за последнее время».

В своем отзыве Берг анализирует работу ученых и дает их краткую характеристику: «1) Отчёт Ж.К. Кунакова и П.О. Мороза о фауне млекопитающих и птиц заповедника содержит ряд новых данных о распределении белки-телеутки и о нахождении новых для данного места видов птиц. Приводятся также

[441] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0135. Л. 16.

[442] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0129. Л. 17.

[443] Там же. Л. 1.

соображения о борьбе с волками. 2) Отчёт о гидробиологических исследованиях летом 1941 г. т. Хусаиновой. Излагает результаты работ главным образом на озере в Боровом, а кроме того на некоторых мелких озёрах, расположенных к северу от Большого Чебачьего. Сообщаются данные о составе фауны озера Борового и его продуктивности. Отчёт имеет важность с точки зрения рыбохозяйственной оценки оз. Борового. Недостатком отчёта является малая продолжительность наблюдений. 3) Отчёт С. Кременецкой по теме «Интродукция охотничье-промысловых млекопитающих, птиц и рыб» за 1939 г. Приведены данные о размерах рыб из оз. Борового и Б. Чебачьего, но так как не указан способ измерения, то этими материалами нельзя воспользоваться. Сведения о весе могут пригодиться, но следует указывать время лова, орудия лова (ибо в разные орудия попадаются особи разных размеров). Приведены вариационные ряды, но не вычислены средние.

Отзыв о гидрологических работах. Отчёт Д.М. Сухова «Изучение водного режима заповедника (озера, реки, ключи, грунтовые воды) за 1939, 1940 и 1941 гг.». Отчёт заключает ряд ценных наблюдений над колебаниями уровня озёр, температурой поверхности воды, вскрытия и замерзания озёр, над толщиной ледяного покрова. Сообщаются также общие физико-географические данные об озёрах.

Отзыв о микроклиматических работах О.И. Садомцевой 1939 и 1940 гг. С 10.X.1939 г. при заповеднике организована метеостанция. Проведена снегомерная съёмка. Сделаны определения глубины промерзания почвы. Проложены по нескольким маршрутам линии микроклиматической съёмки. Все эти наблюдения представляют ценность. Относительно микроклиматической съёмки надо отметить, что наблюдения по самописцам на опорной станции не были обработаны (во всяком случае, они не приведены в отчете), почему «сообщаемые в отчете микроклиматические наблюдения не могут быть ни с чем сравниваемы, тем более что точное время производства этих наблюдений не указано»[444].

[444] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел IV. Инв. № 3. Д. 0113. Л. 1–2.

С конца отчетного года в работу Ученого совета госзаповедника «Боровое» включились академики и сотрудники Академии наук СССР и Центрального научно-исследовательского института физических методов лечения и медицинской климатологии им. И.М. Сеченова: ихтиолог и климатолог Л.С. Берг (взял руководство над темой «Изучение климата Борового» с 20 октября 1941 г., «Ихтиофауна заповедника» – совместно с академиком С.А. Зерновым), ботаник, физиолог растений академик АН СССР А.А. Рихтер («Биологические пути обогащения почвы Борового связанным азотом». Из-за утверждения темы в октябре приступить к выполнению её в отчётном году не смог), эпидемиолог почётный академик Н.Ф. Гамалея («Влияние природных условий на успешность лечения туберкулёза» – начал работу с ноября), гидробиолог академик С.А. Зернов («Ихтиофауна заповедника» (совместно с членом-корреспондентом Л.С. Бергом) – работа начата с ноября), лесовод, геоботаник академик АН СССР В.Н. Сукачев («Типы лесов Борового» – работал в сентябре и первых числах октября), биохимик профессор В.О. Таусон («Введение в культуру каучуконосов» – ввиду позднего утверждения темы к работе не приступал), старший научный сотрудник Б.В. Образцов («Использование запасов пролётных птиц» – приступил к работе с 1 октября 1941 г.) и др.

Б.В. Образцов также принялся за разрабатку и изучение темы «Зоологические съёмки Борового». Не имея высоких научных званий, он к своей работе подошел со всей ответственностью. Им был сформулирован краткий перечень планируемых работ: «1) Установление количества промысловых зверей и птиц и распределение их по территории... 2) Учёт и выявление биоценозов, тесным образом связанных с проведением дальнейших биотехнических мероприятий (акклиматизация, реакклиматизация, количественное увеличение ценных видов и т.п.)»[445].

Учёный предложил методику работы для количественного и качественного учета: 1) млекопитающих (косули, белки, зайца русака и беляка, корсака, лисицы, белого хоря, горностая, сурка, волка) по: а) следам; б) гайнам белки; в) колониям,

[445] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0129. Л. 2.

норам, логовищам; г) лежкам; д) рёву; 2) промысловых птиц (тетерки-косача, белых и серых куропаток) – а) на току; б) на лунках; в) на кормёжках. Также было предложено изучить видовой и количественный учёт пролётной водоплавающей птицы и выяснить возможности её промысла.

Б.В. Образцов подготовил календарный план на IV квартал: «1) Выяснение видового состава водоплавающей птицы – с II/X по I/XI. 2) Учёт по следу млекопитающих – с I/XI по I/XII. 3) Учёт по следу на лежках и гайнах – с I/XII по I/I-42 г.»[446] Им также была представлена краткая информация по теме «Использование запасов пролётных птиц», которая являлась актуальной именно «в условиях военного времени и в первый период по окончании войны для получения дополнительных пищевых ресурсов»[447].

По справедливому утверждению учёного, в мирное время «заповедник не должен ставить вопросов какого-либо промысла дичи и зверя на своей территории»[448]. Б.В. Образцов использовал в отчёте свои личные наблюдения и данные сотрудника заповедника П.О. Мороза за 1939, 1940 гг. на озерах Боровое и Чебачье.

По его наблюдениям, «первые признаки осеннего пролёта начинают проявляться уже в середине и в конце августа… виды Podiceps (поганка большая, поганка красношейная, поганка черношейная – виды водоплавающих птиц. – *М.А.*) и гагары начинают переходить с мелких озёр, мест своих гнездований, на крупные открытые водоёмы, несколько позже к ним присоединяется чернеть и начинают появляться всё в большем и большем числе… виды так называемых благородных уток – кряквы, чирки, шилохвост и т.д. К 10–15 сентября пролёт уже ярко выражен, стаями идёт гусь, чернеть, лысуха, гоголь, турпан. К октябрю появляются первые лебеди. Разгар пролёта падает на конец сентября и начало октября»[449].

---

[446] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0135. Л. 1–2.

[447] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 30. Д. 0128. Л. 1.

[448] Там же.

[449] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 30. Д. 0128. Л. 2–3.

В заключение своего отчета Б.В. Образцов делает выводы, необходимые для организации личного промысла в условиях военного времени: «1) Концентрация большинства наиболее ценных в пищевом отношении видов происходит на мелких степных озёрах… 2) Сроки промысла – сентябрь и до середины октября. 3) Промысел на больших озёрах малоценных видов в более поздний период (в конце октября) может быть только ружейным, что нежелательно в центре Заповедника, а кроме того, он не будет рентабельным, т.к. требует дефицитных сейчас боеприпасов (главным образом, свинец)… 6) При хорошем пролёте и хорошей организации промысла количество добытой птицы, при 3–4 ловушках, может достичь 6–8000»[450]. По мнению Б.В. Образцова, рассматриваемый вопрос представлял научный и практический интерес, поэтому был включён в тему зоологических съёмок 1942 г.

Глубокому анализу и решению насущных проблем посвящен «Отчёт о выполнении научно-исследовательских работ по Боровскому заповеднику за 1941 год»[451]. В отчете открыто указаны причины недостатков в организации научного труда: «Четыре раза сменялось руководство научной частью заповедника, что, конечно, не могло не отразиться на успешности работы…»[452]

Первоначально Республиканским управлением заповедниками было утверждено 9 научных тем по изучению курорта Боровое. Исполнителями были гидрометеоролог старший научный сотрудник Д.М. Сухов, энтомолог С.В. Покровский, климатолог О.И. Садомцева, лесовод Б.М. Зусманович, ботаник А.Н. Плотников, лесовод-ботаник Петров, ихтиолог Н.З. Хусаинова, зоолог Дж. Кунаков. Но в связи с экстремальными условиями военного времени некоторые темы были сняты с разработки или заменены другими. Были назначены другие исполнители из числа эвакуированных на курорт Боровое в июле–сентябре 1941 г. известных учёных, академиков АН СССР, которые почти сразу же приступили к разработке новых научно-исследовательских тем.

---

[450] Там же. Л. 4.

[451] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 28. Д. 0111.

[452] Там же. Л. 19.

В связи со сжатыми сроками по выполнению тем разработка почти всех тем была перенесена на следующий год. Также были продолжены работы над темами «Методика борьбы с хищниками (волками)» (автор Дж. Кунаков приступил к выполнению темы с ноября 1941 г.) и «Динамика отавности» (первоначально разработкой данной темы занимались доцент А.Н. Плотников и лаборант П.О. Мороз. Ими осуществлялось наблюдение на опытных площадках в различных степных ассоциациях в течение летнего сезона 1941 г. Затем весь собранный материал был передан И.Н. Оловянниковой).

В 1941 г. учеными были полностью завершены только две темы: «Вредные насекомые сосновых и берёзовых насаждений заповедника» (С.В. Покровский – «работа закончена, но отчёт не оформлен ввиду серьёзной болезни исполнителя»)[453], «Возможности использования пролётной водоплавающей дичи» (Б.В. Образцов – «работа представляет собой краткие наблюдения осеннего пролёта водоплавающей дичи и данные о возможности её заготовки»)[454]. Тема Д.М. Сухова «Гидрологический режим крупных озёр Борового», работавшего над нею до 1 августа 1941 г., из-за болезни исполнителя была законсервирована. Представлен краткий предварительный отчёт по выполненному объёму[455].

Несмотря на жесткие условия военного времени и нещуточный возраст академиков, заседания Ученого совета заповедника проходили строго по плану и регулярно. В скорректированном тематическом плане на 1942 г. подробно расписана смета по той или иной разрабатываемой теме, виды работ и выделенные средства на их выполнение (приложение, табл. 8).

Тематический план сопровождался объяснительной запиской, в которой, в частности, отмечалось, что «составление тематического плана на 1942 г. обуславливалось двумя обстоятельствами переживаемого момента: 1). Значительным сокращением сметы Научной части и 2). Необходимостью перестроить работу Заповедника в соответствии с требованиями времени»[456].

---

[453] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 5. Д. 0142. Л. 19.

[454] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0017. Л. 19.

[455] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 28. Д. 0111. Л. 19–20.

[456] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0129. Л. 7–8.

Из-за сокращения сметных расходов на техническое оснащение во второй половине августа 1941 г. (отсутствие необходимого лабораторного оборудования и инструментов, которые не мог своевременно получить заповедник и без которого проводить ряд важных наблюдений по этим темам было невозможно) были законсервированы три темы: «Гидрологический режим крупных озер Заповедника», «Микроклимат лесной зоны Заповедника», «Ценангиумабтистис, его биология и меры борьбы с ним». Кроме того, «ввиду болезненного состояния исполнителей были сняты темы: «Акклиматизация белки-телеутки», «Естественное лесовозобновление в условиях Заповедника», которые должны были закончиться в 1940 году»[457].

Таким образом, в тематическом плане 1942 г. остались следующие работы: «Наблюдения метеорологической станции Заповедника», входящие в состав темы «Микроклимат», «Ихтиофауна заповедника», «Динамика отавности» и «Вредные насекомые». Актуальность названных тем очевидна, так как изучение климата и способов повышения кормовых ресурсов страны, а также возможности улучшения питания населения имело первостепенное значение.

В работе по теме «Вредные насекомые», запланированной в 1942 г., предполагалось вести исследования малярийного комара и групп саранчовых на территории заповедника. Эта работа имела особую важность с точки зрения предотвращения малярии и повышения бдительности в отношении вредителей кормовых ресурсов. Следует отметить, что эвакуация из Москвы и Ленинграда в Боровое большого числа известных деятелей науки создала для заповедника уникальную возможность привлечения к его работе лучших научных сил.

Как уже отмечалось выше, дирекция заповедника «Боровое» наладила контакт с представителями академической группы и были достигнуты договоренности о темах и формах их участия в научно-исследовательских работах. В результате обсуждения были включены дополнительные темы, имеющие большой теоретический и практический интерес. Одни из них соответствовали основному тематическому плану, другие предстояло

[457] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 14. Д. 0122. Л. 8.

разрабатывать впервые. Над «Изучением климата Борового» активно работал выдающийся климатолог Л.С. Берг. Профессор расширил и углубил имеющиеся ранее наработки заповедника по метеорологическим и гидрологическим наблюдениям, сохраняя преемственность.

Предложенная профессором В.О. Таусоном работа «Введение в культуру каучуконосов» являлась по сути расширением темы «Интродукция хозяйственно-ценных растений» и была ее подтемой. Она касалась не только древесных растений, но и впервые ставила перед заповедником задачу выращивания каучуконосов, что имело огромное значение для оборонной промышленности.

Тема «Биологические пути обогащения почвы связанным азотом», предложенная академиком А.А. Рихтером, также диктовалась условиями военного времени. В связи с неизбежным сокращением производства минеральных азотных удобрений предлагалось заменить их биологическим методом обогащения почвы азотом. Ученый определил, что почвы заповедника «Боровое» подходили для выявления биологических азотособирающих компонентов.

Тема «Влияние природных условий Борового на успешность лечения туберкулеза», предложенная почетным академиком Н.Ф. Гамалея, должна была с позиции науки доказать полезное влияние климата Борового на лечение туберкулеза и выяснить возможность повышения его терапевтического воздействия. Решение этих проблем в полной мере отвечало требованиям времени. Ликвидация и профилактика массовых заразных заболеваний в условиях продолжающейся войны являлась важнейшей задачей и требовала безотлагательного решения.

Охотоведческая тема, касающаяся методов борьбы с волками, использования запасов промысловой пролетной птицы, также стала одним из направлений научно-практической работы заповедника. Ученые выясняли размеры ущерба, причиняемого волками, помогали решать проблемы развития животноводства и искали возможность увеличения пищевых ресурсов страны.

Важность выполняемых научных работ можно определить и по обоснованию указанных расходов по статье «Прочие расходы». Рассматриваемые виды работ, хотя и имели вспомогательный характер, считались необходимым подспорьем в исследовании главных научных тем (приложение, табл. 8).

Член-корреспондент Академии наук СССР Леонид Александрович Иванов так обосновывает тему «Исследование водного режима сосны и березы в лесах Борового»: «Динамика отавности и урожайности ковыльных ассоциаций Заповедника». «Среди довольно многочисленных исследований, произведенных в Боровом, совершенно отсутствуют физиологические исследования и, в частности, исследования над жизнью главных лесообразователей лесов Борового – сосны и березы. Эти породы образуют здесь лесной массив в своеобразных условиях горностепного ландшафта, среди степей, далеко за пределами лесной области. В этих условиях наибольшее значение для жизни леса имеет вода, и потому исследование водного режима этих пород представляет особый интерес. Значение этой темы усиливается еще тем, что самое существование леса подвергается серьезной опасности, вследствие наблюдающегося усыхания его»[458]. Далее описывается методика исследования влажности в стволе деревьев.

Предлагая тему «динамика отавности и урожайности ковыльных ассоциаций Борового», Л.А. Иванов указывает на ее особую значимость в научно-прикладном отношении в связи с рациональным использованием степей Казахстана как кормовой базы для развития животноводства. Ее разработку он считает нужным продолжить и в 1942 г., так как еще «необходимы химические анализы питательности наиболее распространенных в пробах растений, без чего вся работа значительно проиграла бы в своем практическом применении»[459].

Обоснование темы «Лекарственные и полезные растения Борового, их запасы и характер местопроизрастания (местообитания)» принадлежит И.Н. Оловянниковой. По ее мнению, «изучение местной флоры, выявление растений, дающих ценное сырье, является важной задачей сегодняшнего дня. В условиях

[458] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0129. Л. 15.

[459] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 14. Д. 0122. Л. 15.

Борового, где имеются всесоюзные здравницы, выявление запасов лекарственного сырья и витаминозных растений имеет особо важное значение»[460].

Академическая группа предложила создать питомник, в котором должны вестись работы на семенном материале местных растений. Для этого необходимо изучить видовой состав лекарственных, витаминозных и других полезных растений, их запасы, изучить их экологию и условия их произрастания – почвы, потребность во влаге, солнечном освещении и т.д.

И.Н. Оловянникова подчеркнула важность этой работы: «Выявление же полезных растений, их запасов в Боровом явится небольшим, но ценным вкладом в дело изучения природных ресурсов и возможности их использования для удовлетворения нужд фронта и промышленности нашей страны»[461].

В 1942 г. продолжилось изучение «Климата курорта “Борового”» известным климатологом, президентом Географического общества СССР профессором Л.С. Бергом были написаны разделы: температура, осадки, давление. В первой половине 1943 г. ученый запланировал подытожить данные по ветру, облачности, влажности местности и завершить тему. Таким образом, Л.С. Берг провел комплексное изучение климата Борового, систематизировал данные за предыдущие годы и сделал научные выводы и рекомендации по климату курорта Боровое, которые и ныне представляют практическую ценность, полезны специалистам и исследователям.

На втором году пребывания ученых в эвакуации заведующим научной частью заповедника на короткое время стал кандидат химических наук Владимир Вячеславович Тищенко, племянник академика А.Е. Фаворского.

С мая до конца 1942 г. было проведено 11 заседаний, на которых обсуждались важнейшие научные вопросы.

16 мая 1942 г. на заседании Ученого совета была заслушана информация научной части заповедника о ходе работы по порученным ученым темам и сообщения их исполнителей: Н.Ф. Гамалеи, С.А. Зернова, Л.С. Берга, Л.А.

---

[460] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 14. Д. 0122. Л. 15.

[461] Там же. Л. 17.

Иванова, С.К. Покровского. Такой контроль проводился регулярно. Обратимся к протоколу заседаний Ученого совета. В нём, в частности, отмечается, что был заслушан доклад заведующего научной частью Б.В. Образцова о выполнении тематического плана, утвержденного Республиканским управлением на 1942 г., включающего 7 научно-исследовательских тем. Все темы обеспечены исполнителями, «однако, – сообщает докладчик, – проф. Сукачев («Типология лесов Борового») и Поплавская («Динамика отавности») в настоящее время находятся в Свердловске и обязались прибыть в Заповедник к началу полевых работ в начале июня этого года»[462].

Техническое наблюдение на опытных площадках, заложенных доцентом Плотниковым в различных степных ассоциациях, было возложено на лаборанта П.О. Мороз, которая вела их в течение всего летнего сезона 1941 г. Весь собранный ею материал был передан И.Н. Оловянниковой.

На одном из заседаний член-корреспондент Академии наук Л.С. Берг акцентировал внимание на том, что ведет работы по двум темам: «Климат Борового» и «Ихтиофауна озер Борового и пути к обогащению видового состава рыб». Вторым исполнителем являлся С.А. Зернов, работающий над изучением планктона озер Борового. Л.С. Берг отметил, что выполнение работ по теме «Климат Борового» «тормозится тем, что Гидрометуправление до сих пор задерживает пересылку проверенного ручного материала по мет. наблюдениям и необходимости получения большого запаса бумаги для сопроводительной обработки и вычислений»[463].

Стоит отметить, что к исследованиям ученого по ихтиофауне огромный интерес проявили зарубежные учёные, что свидетельствовало о том, что обмен научной информацией с зарубежными исследователями не прекращался и во время войны. Республиканская пресса писала: «Из Нью-Йорка, Калифорнии,

[462] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 1.

[463] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 14. Д. 0122. Л. 1, 2.

Вашингтона просят члена-корреспондента Академии наук Берга выслать книгу «Системы рыб»[464].

Почетный академик Н.Ф. Гамалея, исследующий «Лечебные факторы Борового», сообщал, что «в основном работа его уже находится в стадии завершения по части использования собранного исполнителем литературного и документального материалов, на основании которых уже можно дать оценку Борового, как выдающегося курорта по его положительному влиянию на больной организм, в силу обилия солнечных дней в году»[465].

Член-корреспондент, профессор Л.А. Иванов рассказал, что ведет исследования «Водного режима сосны», пользуясь методом взвешивания поперечных срезов стволов в сыром и высушенном виде[466].

Зоолог С.В. Покровский разработал подтему «Кровососущие и малярийные комары в фауне Борового» для включения ее в тему «Вредные насекомые Борового». Центральное место в его работе занимают изучение распространения в Боровом малярийного комара и мероприятия по борьбе с ним[467]. Доклады и сообщения, выносимые на обсуждение членами Ученого совета, по ним высказывались замечания или слова поддержки и одобрения, как правило, подчеркивалась важность изыскания способов более активного использования природных ресурсов на территории заповедника (сбор лекарственных и витаминозных растений, поиск полезных ископаемых).

Ученый совет внимательно заслушивал не только тех, кто осуществлял исследования по утвержденному тематическому плану заповедника, но и других членов академической группы. Так, 15 июня 1942 г. на заседании совета выступил академик А.С. Орлов (1871–1947), известный специалист по древнерусской литературе. Он рассказал о своей работе по изучению казахского языка и казахского героического эпоса. Александр Сергеевич зачитал письмо, полученное от Казахского филиала Академии наук СССР, касающееся изучения им местного

[464] Ляховецкий А. Указ. соч.

[465] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 2.

[466] Там же.

[467] Там же.

фольклора, и попросил совет проявлять интерес к его трудам, рецензировать их и изъявил желание присутствовать на заседаниях. Совет принял сообщение к сведению и признал «необходимым заслушать доклады отдельных академиков о проводимых ими работах и помочь ученым в их осуществлении»[468].

Наряду с заседаниями Ученого совета по воскресным дням в читальном зале библиотеки и в столовой курорта проводились общие собрания, где наряду с учеными присутствовали отдыхающие и больные. На этих встречах академики читали лекции и доклады по своим научным направлениям.

Об этих инициативах академик В.И. Вернадский пишет в своих дневниках (запись от 25 ноября 1941 г.): «…появилось решение среди академической группы организовать научные доклады – об этом на днях со мной переговорил Л.С. Берг и даже предложил мне тему – о геологических оболочках и геосферах, и я согласился – я отделываю сейчас ионосферу…»[469] Далее – запись от 26 ноября: «Вчера утром с Аней (А.Д. Шаховской) занимался обработкой научного доклада в Боровом “О геологических оболочках и геосферах Земли”. Надо будет написать текст»[470].

31 ноября 1941 г. А.С. Орловым была прочитана лекция о «Слове о полку Игореве». Читаем у Вернадского: «Вчера была лекция Орлова «О “Слове о полку Игореве”, удачная, имевшая успех... Маленькая столовая была переполнена...»[471].

Тематика лекций включалась в план работы научной части госзаповедника и утверждалась на Ученом совете. Например, в 1942 г. были утверждены и прочитаны лекции на следующие темы: «1) 15/VI-42 г. – «Природные богатства Борового и охрана их». (Заострить внимание всего коллектива и всех детей относительно нарушений правил заповедника). Лекцию проводит зав. научной частью т. Кунаков. 2). 21/VI-42 г. «Малярийный комар, как распространитель болезни. Очаги комаров в условиях Борового и меры борьбы с ними». Лекцию среди детей и коллектива детсанатория читает Покровский С.В. 3). 26/VI-42 г.

[468] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 7, 8.

[469] Вернадский В.И. Дневники. 2010. С. 74.

[470] Там же. С. 75.

[471] Там же. С. 78.

«Леса Борового и роль общественности по охране их». Сообщение чл.-корреспондента Академии наук Иванова и Зусмановича. Организация лекции через п/совет. 4). 30/VI-42 г. «Лечебные факторы курорта Борового» (Почетный академик Гамалея)»[472].

13 января 1942 г. организатор лекции М.Ф. Андреева сообщала академику А.М. Деборину: «…наладившиеся по воскресным дням лекции в читальном зале здешней библиотеки, проводимые нами совместно с работниками Сеченовского института. Эти последние ведутся нами по типу, принятому комитетом по агитации и пропаганде науки Академии наук. Здесь мы кооптировали ещё Льва Семеновича Берга, чудесного лектора, умного и чрезвычайно эрудированного ученого»[473]. В письме М.Ф. Андреева характеризовала лекторов: «На днях выступит В.И. Вернадский. Это, должно быть, будет интересно. А Гамалея так читал картинно о вызывающих сыпной тиф вшах, что после его лекции все уходили почесываясь»[474].

Кандидат медицинских наук Ю.М. Эпштейн-Коллонтай, директор Центрального научно-исследовательского института им. И.М. Сеченова, эвакуированного в октябре 1941 г. в Боровое, в своей статье «Лекции советских учёных», опубликованной в щучинской газете «Социалистический труд», отмечал: «В госкурорте Боровое в течение декабря месяца силами коллектива членов Академии наук СССР и научных сотрудников Центрального научно-исследовательского института им. Сеченова проведено несколько публичных лекций в целях популяризации достижений советской науки и новейших работ наших ученых. Академик А.С. Орлов прочел лекцию на тему: “Слово о полку Игореве”, академик Л.С. Берг на тему: “Великая северная экспедиция Беринга”, академик Н.Ф. Гамалея прочел лекцию о сыпном тифе. На ближайшие выходные дни намечены лекции академиков Вернадского, Ляпунова, Зелинского, Маслова, Баранникова, заслуженного деятеля науки профессора Певзнера, Нильсена и др.

---

[472] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 5.

[473] Андреева М.Ф. М.: Искусство, 1963. С. 434.

[474] Там же. С. 435.

Лекции эти весьма популярны среди населения и собирают всегда полную аудиторию, с интересом слушающую советских ученых»[475].

Помимо лекций и научных бесед, устраивались творческие вечера, проводились выставки картин ученых и их домочадцев. Всем запомнилось яркое выступление пламенного революционера, академика, ученого-энергетика, Героя Социалистического Труда Глеба Максимилиановича Кржижановского, его воспоминания о Ленине и об истории создания революционных песен «Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны» и др.В ноябре 1942 г. в Боровом была организована художественная выставка, где свои картины, натюрморты, рисунки демонстрировали академик А.С. Орлов, а также члены семей ученых – Раиса Львовна Берг, Нина Евгеньевна Зелинская, Екатерина Сергеевна Зернова и др.

16 января 1942 г. В.И. Вернадский сделал следующую запись в своем дневнике: «Окончательно отделывал свою речь «О геологических оболочках Земли как планеты». Аня (А.Д. Шаховская) будет читать»[476]. 18 января 1942 г. В.И. Вернадский выступил перед академиками, научными работниками и всеми желающими. Вступительное слово сказал академик, а лекцию прочитала его секретарь А.Д. Шаховская, которая прошла с большим успехом. После доклада развернулись оживленные прения[477]. Из дневников В.И. Вернадского (19 января 1942 г.): «Вчера сделал доклад… над этим докладом я работал с большим удовольствием и творческим настроением. Лично я им доволен. Аня прочла очень хорошо. Маленькая аудитория библиотеки была переполнена…»[478]

Очередное заседание Ученого совета состоялось 2 июля 1942 г., на котором были заслушаны доклады профессора Л.А. Иванова о выполнении темы «Водный режим сосны и березы в лесах Борового»; С.В. Покровского «Места выплода малярийного комара на территории Борового». В частности, Л.А. Иванов «ознакомил с методикой работы и показал, как можно, пользуясь сосной, установить степень влажности не только ствола в целом, но и в отдельных его

[475] Эпштейн-Коллонтай Ю.М. Лекции советских учёных // Социалистический труд, 1941 г. 31 дек.

[476] Вернадский В.И. Дневники. С. 184.

[477] Шкрыль П. Указ. соч. Л. 145.

[478] Вернадский В.И. Дневники. С. 185.

частях. Сравнив между собой полученные данные для сосны и березы, докладчик останавливается на объяснении факта повышения влажности с высотой, обеднением ствола механическими элементами в более молодых зонах роста»[479].

С.В. Покровский сделал заявление о том, что он имел в виду ознакомить Совет более широко с ходом и результатами проделанной им работы, которую можно было бы озаглавить «Малярийные и другие кровососущие комары и проведенные до сих пор меры по борьбе с ними в условиях Борового»[480]. Остановившись на роли кровососущих комаров как переносчиков паразитарных инфекций, опасных для человека, домашних птиц и животных, докладчик отметил, что малярийный комар в Боровом есть, рассказал присутствовавшим об исследовании на территории заповедника анафелогенных водоёмов и способе уничтожения личинок нефтеванием.

Было принято решение «перенести на 9/VII обсуждение широких мероприятий по ликвидации малярийных комаров и для этого собраться с представителями медицинских курортных учреждений, заинтересованных в оздоровлении местности»[481].

Ученый совет интересовался не только работой, которая велась эвакуированными учеными. Он также внимательно следил за деятельностью всего коллектива заповедника, за обстановкой на его территории, планировал перспективную и текущую работу. 9 июля 1942 г. обсуждался в очередной раз вопрос «О постановке регулярной борьбы с малярией на территории Борового». В прениях участвовали С.А. Зернов, А.А. Рихтер, Л.С. Берг, Л.А. Иванов, директор института им. Сеченова Ю.М. Эпштейн-Коллонтай.

Ученый совет постановил «благодарить заповедник за проявленную им энергию в борьбе с малярийным комаром, а также те учреждения, которые оказывали содействие в этой борьбе, и довести до сведения Республиканского Управления о необходимости серьезных санитарных противомалярийных

---

[479] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 8.

[480] Там же. Л. 8–9.

[481] Там же. Л. 9.

мероприятий в заповеднике на будущее время. Тождественное заявление от имени Ученого совета направить Каз. Нар. Ком. здравоохранения ввиду важности оборонного значения Борового, как пункта эвакуации сюда с фронта представителей Красной Армии»[482].

Условия для научной работы в Боровом были, конечно, нелегкими и несовершенными. Отсутствовала на первых порах даже нужная научная литература, не было под рукой справочников, лабораторного оборудования и временами даже обыкновенной писчей бумаги. Вот что писал 8 октября 1941 г. академик В.И. Вернадский профессору Б.Л. Личкову, жившему в Самарканде: «Сейчас моя книга разрослась и, очевидно, вышла из пределов «Проблем биогеохимии». Имею всего один экземпляр рукописи, а нет бумаги, чтобы переписать. Нельзя ли достать бумаги в Самарканде и прислать мне наложенным платежом? Здесь есть даже решение Казахского правительства о выдаче нам бумаги, но до сих пор оно не исполняется»[483].

А в объяснительной записке к отчету о выполнении научно-исследовательских работ по заповеднику за второй квартал 1942 г. указывается: «Выполнение плана по теме “Климат Борового” задерживается… Отсутствие бумаги делает невозможным выполнение вычислительных работ и грозит полным срывом этой утвержденной РУЗЗ темы. Поэтому приходится настаивать на безотлагательной присылке потребного количества бумаги (хотя бы стопы), чтобы дать возможность члену-корреспонденту Л.С. Бергу выполнить порученную ему тему»[484].

О том, какие трудности приходилось преодолевать из-за отсутствия бумаги, говорит и такой пример. Академик В.М. Алексеев, оторванный от Института востоковедения и научной библиотеки, с трудом доставал бумагу, а на картотеку,

---

[482] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 11.

[483] Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1940–1944. М.: Наука, 1980. С. 71.

[484] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 34. Д. 0127. Л. 28.

которую он составлял в ходе научных занятий, ему приходилось обрезать поля у роскошных иллюстрированных изданий[485].

Со временем «бумажный голод» был устранен. Но вначале приходилось в срочном порядке принимать безотлагательные неординарные меры. Однажды секретарь обкома партии приехал в Боровое, чтобы узнать, в каких условиях живут ученые. Академик Л. Мандельштам сказал ему, что он и его семья не испытывают ни в чем нужды, но вот только нет у него писчей бумаги, нужной для работы. Секретарь обкома распорядился, чтобы бумага, предназначенная для однодневного тиража газеты, была отправлена академикам[486].

13 февраля 1942 г. академик В.И. Вернадский записал в своем дневнике: «Вчера и третьего дня, наконец, получили бумагу из Казани... Другую пачку бумаги и ленту для пишущей машинки привез инженер из Курортологического института. Вчера у меня были он и директор института Пономарев. Они прикомандированы к Сеченовскому Севастопольскому институту. С ними разговор о необходимости исследования радиоактивности Борового»[487].

На каждом заседании Ученого совета обсуждались вопросы о научной значимости и практическом применении результатов того или иного исследования. Так, 16 июля 1942 г. состоялось обсуждение проекта тематического плана на 1943 г. В докладе по данному вопросу С.В. Покровский ознакомил присутствовавших с перечнем намеченных на 1943 г. научно-исследовательских тем и предполагаемой сметой на их выполнение. Всего планировалось 7 научно-исследовательских тем (приложение, табл. 9).

На заседании Ученого совета 18 сентября 1942 г. под председательством Н.Ф. Гамалеи присутствовали Л.С. Берг, В.И. Вернадский, С.А. Зернов, А.Г. Зимин, Л.А. Иванов, А.А. Усова, О.И. Шмальгаузен, С.В. Покровский.

На повестке дня стоял доклад ученика В.И. Вернадского, видного деятеля в области радиохимии и геохимии доктора химических наук Л.В. Комлева «О

---

[485] Азиатский музей. Ленинградское отделение Института востоковедения. М.: Наука, 1972. С. 115.

[486] Академик Л.И. Мандельштам. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1979. С. 219.

[487] Вернадский В.И. Дневники. С. 200–201.

результатах геологических обследований заповедника». Академик В.И. Вернадский выступил содокладчиком.

Обследование проходило в течение двух недель. Результатом этой работы явилась составленная исследователем интересная коллекция гранитов, продемонстрированная докладчиком во время выступления. Главным предметом изысканий Комлева стала (кроме произведенных им сборов и классификации здешних гранитов) интенсивность радиоактивности геологических элементов, отложений ила, воды источников в разных пунктах территории Борового.

Проведя соответствующие измерения, докладчик приходит к выводу, что, вопреки мнению Ирлова, автора цитированной им работы, радиоактивность не так велика, как можно было определить в тех точках, которые удалось изучить. Во всяком случае, по мнению т. Комлева, необходимо самое широкое обследование и изучение территории Борового в будущем, так как вся эта местность очень богата полезными ископаемыми, а присутствие в разных местах молибденовых включений делает ее особенно интересной с точки зрения потребностей военного времени.

В.И. Вернадский подчеркнул важность намеченных докладчиком геологических изысканий и со своей стороны настаивал в будущем провести работу по изучению радиоактивности воздуха в Боровом. В итоге заседание Ученого совета Госзаповедника «Боровое» постановило: «Признать [необходимость] скорейшего осуществления в будущем намеченных докладчиком и Вернадским изысканий»[488].

Заседания расширенного Ученого совета были открытыми, о времени их проведения широко оповещали. В архиве заповедника сохранилась одна из таких повесток. В ней говорится: «В пятницу, 4 декабря 1942 года состоится заседание Ученого совета заповедника, в помещении столовой 11-го корпуса (2 этаж) в 4 часа дня, на которое Вы приглашаетесь. – Почетный председатель совета Н.Ф.

[488] Архив Госзаповедника «Боровое». Протоколы заседаний Ученого Совета Госзаповедника «Боровое» за 1942 год. С. 22–23. Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 25–26.

Гамалея, Ученый секретарь С.В. Покровский»[489]. О том, что повестку читали, на ней расписались С.А. Зернов, А.А. Рихтер, И.И. Шмальгаузен, Л.А. Иванов, Л.С. Берг и другие ученые.

Заседания совета неслучайно проводились в столовой 11-го корпуса – там жило большинство ученых, эвакуированных в Боровое. Все они находились уже в преклонном возрасте и добираться до конторы заповедника, которая помещалась не на территории санатория, а на противоположном краю поселка, им было трудно. И заседания начинались, когда заканчивался их послеобеденный отдых.

17 декабря 1942 г. состоялось итоговое заседание Ученого совета, на котором заведующий научной частью В.В. Тищенко выступил с докладом о пересмотре тематического плана на 1943 г., утвержденного ранее, в связи с перераспределением сметных расходов на выполнение научных исследований.

Рассматривая отчеты научных работников госзаповедника «Боровое» за 1942 г., необходимо отметить, что практически все исследования, запланированные в тематическом плане, выполнялись с учетом сметных расходов. Исключение составляли темы, работы по которым продолжались в следующем году (например, «Климат курорта “Боровое”» члена-корреспондента Л.С. Берга).

В отчете за подписью Л.С. Берга и С.А. Зернова отражены научные обоснования и характеристика тем на 1943 г.: 1) «Климат курорта «Боровое». В 1942 г. были обработаны разделы: температура, осадки, давление. В первой половине 1943 г. будут обработаны: ветер, облачность, влажность, и тема будет закончена. Познание климата Борового необходимо для разных сторон народного хозяйства: для соображений о постановке курортного и санаторного дела, для целей обороны, для сельского и лесного хозяйства. До сих пор не существовало ни одной работы по климату этого важного курорта, основанной на критически разработанном материале. Мы располагаем теперь проверенными материалами за 10 лет наблюдений, на основании которого я надеюсь дать картину климата Борового, которая будет пригодна для практических надобностей. Потребность в

[489] Там же. Л. 27.

такой работе для многих учреждений очевидна: в районе Борового расположен ряд военных и детских санаторий, госпиталей для раненых, амбулаторий и т.д.

2) Исследования по биологии промысловых рыб озер курорта «Боровое». Эти работы были начаты в 1942 г.; в 1943 г. их предположено закончить. Мною выдвинут проект заселения озер Борового и Б. Чебачьего более ценными породами рыб – в первую очередь сазаном из оз. Балхаш. Попытка осуществить такую пересадку осенью 1942 г. не удалась из-за неблагоприятных климатических условий. Предполагается сделать это весной 1943 г. Вместе с тем желательно продолжить наблюдения над образом жизни здешних промысловых рыб – чебака и окуня. Это даст возможность усовершенствовать теперешний промысел и, вместе с тем, составить более правильное представление о той обстановке, которая ожидает вновь пересаживаемых рыб. Для дальнейшей рыбохозяйственной оценки озер необходимо выяснение типов озерных водоемов. Изучением планктона водоемов с этой целью будет заниматься академик С.А. Зернов, начавший эту работу в 1941 г. (его подтема: «Типология планктона озер Боровского заповедника»). Изучение водорослей здешних озер будет произведено профессором Н.Н. Воронихиным, известным альгологом Ботанического института Академии Наук. Эта работа тоже необходима для бонитировки водоемов»[490].

В 1942 г. в рамках темы «Организация геологического отдела Боровского музея и развитие краеведческих работ по геологии» проведено геологическое исследование района Кокшетау с параллельным сбором образцов как полезных ископаемых, так и горных пород. «Из исследованных полезных ископаемых, – как писалось в отчете, – заслуживают внимание месторождения мирабилита, чистых кварцевых песков, белых глин высокого технологического качества (требующих проведения специальных химических анализов и технологических испытаний); обращают внимание вновь зарегистрированный выход горного хрусталя, молибденита, вольфрамита, требующих поисковых разведок, а также прослои железных руд (с лимонитом и железистых кварцитов) среди пород

[490] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0112. Л. 1.

метаморфической толщи, мощность и постоянство которых также требуется проследить»[491].

Также выполнена следующая работа: 1) впервые закартировано свыше 50 проявлений, выходов и разработок полезных ископаемых района; 2) составлены две параллельные коллекции полезных ископаемых района Кокшетау; 3) подсчитаны ориентировочные запасы двух месторождений современного тростникового торфа на южном и северо-восточном берегу озера Б. Чебачьего; 4) проведен осмотр сульфатного озера Ораз-Сор (в декабре) с оценкой вопросов возможности промышленного их использования (отчет составила старший научный сотрудник госзаповедника геолог А. Усова).

В объяснительной записке и.о. зав. научной частью Госзаповедника «Боровое» С. Покровского зафиксированы темы, выполненные в 1942 г. согласно утвержденному годовому тематическому плану. Так, исследование «Типологии лесов Борового» было поручено по договору члену-корреспонденту Академии наук профессору В.Н. Сукачеву. Тема «Пищевые и лекарственные растения Заповедника», а также тема «Динамика отавности и урожайности ковыльных степей Борового» – профессору Поплавской, которые, однако, к началу полевых работ по не зависящим от них обстоятельствам не могли приехать. Поэтому первые две из названных тем во II квартале не выполнялись. Третья тема Ученым советом была поручена младшему научному сотруднику Заповедника геоботанику И.Н. Оловянниковой. Работы по данной подтеме она вела, руководствуясь инструкцией и по плану бывшего руководителя темы доцента Омского сельхозинститута Н.А. Плотникова, который не мог следить за начатой работой в условиях военного времени. Полевые работы по теме выполнены Оловянниковой на 75%, так как она была отвлечена на посевную кампанию.

Работы по теме «Ихтиофауна озер Борового и пути ее обогащения» выполнялись фактически двумя лицами – членом-корреспондентом Академии наук СССР Л.С. Бергом и членом Академии наук С.А. Зерновым.

---

[491] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 19. Д. 0144. Л. 7–8.

Из них первый вел работы по изучению биологии и видового состава рыб озер Заповедника, второй занимался изучением планктона, являющегося важным составным элементом в питании рыб. И та, и другая работы шли согласно намеченному плану. Работы по темам – «Водный режим сосны и березы», «Вредные насекомые Борового» и «Лечебные факторы Борового» – были выполнены полностью согласно намеченному плану. Выполнение плана по теме «Климат Борового» задерживалось несвоевременной присылкой проверенного метеорологического материала Главным управлением Гидрометслужбы. В данное время все материалы имеются налицо, но отсутствие бумаги делает невозможным выполнение вычислительных работ и грозит полным срывом этой утвержденной РУЗЗ темы»[492].

Каждый из учёных, находившихся в Боровом, трудился не жалея сил. Многие из них, забывая о своем возрасте, напряжённо работали, считали себя мобилизованными войной и отдавали знания и опыт приближению победы. Об этом свидетельствует письмо, направленное 12 февраля 1943 г. председателем Распределительного бюро академиком С.Н. Бернштейном. Оно было адресовано Председателю Правительства Казахской ССР Н.Д. Ундасынову.

В нем говорилось: «Вследствие выраженного Вами на заседании в Боровом, в начале декабря 1942 г. пожелания Бюро академического коллектива сообщает о работах, произведенных нашим коллективом и имеющих своей задачей изучение производительных сил Казахской ССР или содействие народному образованию республики.

1. Почётный академик Н.Ф. Гамалея изучал Боровое с точки зрения курортологии и санитарной медицины, вёл экспериментальную исследовательскую работу по туберкулезу, сдал в печать «Лечебные факторы Борового» объемом 10 печатных листов. Напечатал книгу «Грипп и борьба с ним (Изд. Академии наук, 1942), печатает 2-е издание книги «Учебник медицинской микробиологии», занят составлением книги «Руководство по микробиологии» (40 печатн. листов).

[492] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0112. Л. 9.

2. Чл.-корр. Г.Д. Белоновский вёл в Сеченовском институте (ныне в Боровом) работы по изучению металлотерапии при туберкулезе морских свинок. Кроме того, читал лекции по иммунитету и эпидемиологии врачам Сеченовского института и военной противотуберкулезной санатории.

3. Под руководством акад. В.И. Вернадского сотрудником Радиевого института Академии наук СССР Л. Комлевым велось изучение радиоактивности вод Борового курорта и заповедника.

4. Чл.-корр. Л.С. Берг заканчивает обработку данных по климату курорта Боровое. Эта работа, предпринятая по поручению здешнего заповедника, имеет возможность (так в тексте. – *М.А.*) для многочисленных курортных, санаторных и госпитальных организаций, расположенных в районе Борового.

5. Акад. С.А. Зернов совместно с чл.-корр. Л.С. Бергом и проф. Н.Н. Воронихиным заняты изучением продуктивности озер Борового заповедника с целью заселения их более ценными породами рыб. Для этого изучается биология рыб, типология озер; особое внимание обращено на изучение планктонных организмов, обитающих в озерах и могущих служить предметом питания рыб, и на химический состав воды водоемов. Весной 1943 г. предположено переселить сазана из оз. Балхаш в Боровские озёра, дабы заменить этой ценной рыбой здешних малоценных рыб – чебака и окуня.

6. Чл.-корр. Л.А. Иванов изучал по поручению заповедника водообмен местных лесных пород – сосны и березы. Работа имеет важность в связи с наблюдаемым за последние годы усыханием лесов Сев. Казахстана.

7. Акад. А.А. Рихтер изучал на огороде курорта вопрос о повышении урожайности картофеля в связи с применением посадки верхушек по методу акад. Лысенко. Применение микроудобрений в ничтожных количествах повысило урожай от верхушек на 20%. Помимо этого акад. Рихтер составил проект питомника лекарственных растений в Боровом. Занимался изучением зимнего покоя древесных растений в Боровом.

8. Чл.-корр. Л.С. Лейбензон вёл консультацию с трестом Каззолото. Напечатал руководство для высших учебных заведений «Краткий курс теории упругости», 1942, 304 страницы.

9. Проф. В.В. Тищенко занимался вопросами технического использования природных ресурсов Борового: пневого осмола, берёзового дёгтя, соснового масла, сульфатов озёр (для стекольного производства), глауберовой соли (для медицинских целей).

10. Геолог А.А. Усова производила геологическое обследование района Борового заповедника и специально поиски полезных ископаемых, причём обнаружила в нижнепалеозойской толще прослой железистых кварцев типа криворожских. Составила на основании своих работ статью «Описание месторождений мирабилита, белых глин и чистых кварцевых песков гос. заповедника Боровое».

11. Акад. И.И. Шмальгаузен сдал в печать университетский курс «Основы дарвинизма» (36 печ. листов).

12. Академ. А.С. Орлов перевел с казахского на русский язык книгу казахских сказок и несколько казахских былин. Написал статью «Казахский героический эпос и отношение его к эпосу русскому» (6 печ. листов). Кроме того, составил казахский русский словарь (так в тексте. – *М.А.*) в 5000 основных казахских слов с параллелями из узбекского и с указанием арабских и персидских заимствований.

Кроме того, проживающие в Боровом академики вели много других исследований, частью оборонного, частью общеприкладного, частью теоретического характера, но о них выше не упомянуто, т.к. работы эти непосредственного отношения к Казахстану не имеют»[493].

Война и эвакуация не изменили планы и приоритеты советских ученых. Академия наук СССР провела ряд торжественных собраний и научных конференций, посвященных памяти великих ученых, а также юбилейным датам в истории мировой и отечественной культуры и науки.

---

[493] ЦГА РК. Ф. 137. Оп. 8. Д. 554. Л. 85, 85 об.

В «Кратком очерке истории Академии наук СССР» отмечается: «В январские дни 1943 года, когда шла битва на Волге, Академия наук СССР отметила 300-летие со дня рождения Исаака Ньютона. В разных местах Советского Союза, где тогда находились отдельные ее учреждения или группы сотрудников, прошли собрания с научными докладами, посвященными Ньютону. Даже в далеком Боровом, в Северном Казахстане, было устроено торжественное собрание, на котором выступали академики А.Н. Крылов и Л.И. Мандельштам»[494]. 16 января 1943 г. на курорте Боровое состоялось торжественное собрание академической группы, посвященное 300-летию со дня рождения великого английского ученого Исаака Ньютона. С докладом об оптических работах И. Ньютона выступил академик Л.И. Мандельштам. По общему мнению, доклад произвёл огромное впечатление на слушателей[495].

В 1943 г. было проведено пять заседаний Ученого совета: 20 апреля, 18 июня, 29 июля, 12 октября, 8 декабря. Тематический план был составлен в июле, а подкорректирован (с учетом сметных расходов) в декабре 1942 г. Он включает в себя обоснование расходов по тематике на 1943 г. (в приложении, табл. 10-11).

В объяснительной записке к тематическому плану 1943 г. отмечено, что вследствие отсутствия исполнителей количество тем сокращено. «В истекшем летнем сезоне не принимал участие в работах Заповедника член-корреспондент Академии наук А.Н. Сукачев, так как был занят по оборонной тематике Академии наук СССР. В откомандировании его для работы в Заповеднике Президиумом Академии наук было отказано. На летний сезон 1943 г. до настоящего времени согласия на проведение темы «Типология лесов Борового» – ст. члена-корреспондента Академии наук Сукачева – еще не получено, поэтому выполнение этой темы стоит под вопросом. Ввиду отказа члена-корреспондента Иванова Л.А. работать по теме заповедника, т.к. в текущем году он будет работать над темой Института физиологии растений Академии наук, где вопросы, выдвинутые по теме заповедника «Влияние зимних засух на древесные породы культур в

[494] Князев Г.А., Кольцов А.В. Указ. соч. С. 126–137.

[495] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0136. Л. 4.

питомнике заповедника», которую он должен был выполнить, найдут частичное отражение, эта тема за отсутствием другого исполнителя, снимается.

По этой же причине снимаются темы: «Методика лесокультурных работ на грубокислотных почвах заповедника», «Выращивание культурного материала применительно к грубокислотным почвам заповедника». Ввиду огромного практического значения для лесных площадей заповедника познания вредителей леса и мер борьбы с ними на 1943 г. ставится дополнительная тема – «Паразиты вредителей лесных пород – наездники и тахины и воспособление их естественному размножению», к выполнению этой темы привлекается, находящийся в настоящее время в курорте «Боровое» известный энтомолог, профессор Лесотехнической Академии им. Кирова М.Н. Римский-Корсаков. Тема «Лекарственные растения и способы их культуры в условиях заповедника» за отсутствием опытного специалиста-практика и рабочей силы заменяется темой «Лекарственные и полезные растения Борового, их запасы и характер местопроизрастания», которая является предварительным этапом изучения способов культуры лекарственных растений в условиях заповедника. Запланированные средства на проведение научно-исследовательской работы в 1943 г. в сумме 26040 руб. остаются без изменения»[496].

Также была разработана программа работ по теме «Геолого-экономическое описание полезных ископаемых района Борового» на 1943 г., в которой должны найти отражение «геология и геоморфология района, генезис месторождения, освоенность их разведочными эксплуатационными работами, степень выработанности и дальнейшие перспективы»[497]. Работа подразделялась на три этапа: подготовительный, полевой и камеральный. Далее расписывался каждый этап и виды деятельности. Старшим научным сотрудником А. Усовой был составлен календарный план работ (приложение, табл. 12).

В тематический план включены следующие темы: 1) «Ихтиофауна озер Борового и пути ее обогащения» (подтемы «Наблюдения над перевозимым в

[496] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0135. Л. 3–4.

[497] Там же. Инв. № 18. Д. 0141. Л. 3, 5.

Боровое сазаном и другими рыбами», «Типология планктона озер Заповедника и прилегающих районов») (член-корреспондент Л.С. Берг, академик С. Зернов) (начала разрабатываться в 1942 г.).

«Выдвинут проект заселения озера Борового и Б. Чебачьего более ценными породами рыб – в первую очередь сазаном из озера Балхаш. Попытка осуществить такую пересадку осенью 1942 г. не удалась из-за неблагоприятных климатических условий. Предполагается сделать это весной 1943 г. Вместе с этим желательно продолжить наблюдения над образом жизни здешних промысловых рыб – чебака и окуня. Это даст возможность усовершенствовать теперешний промысел и вместе с тем составить более правильное представление о той обстановке, которая ожидает вновь пересаживаемых рыб. …необходимо выяснение типов озерных водоемов, изучение планктона водоемов»[498]. 2) «Паразиты вредителей лесных пород – наездники и тахины и воспособление их естественному размножению» (разработана программа работ) (профессор М.Н. Римский-Корсаков). 3) «Количественный учет промысловой фауны заповедника и меры к ее увеличению» («по примерному количеству того или иного вида можно судить об увеличении или уменьшении численности популяции этого вида и принять те или иные меры к ее увеличению» (Б.В. Образцов)[499].

В работе заседания Ученого совета 20 апреля 1943 г. приняли участие Гамалея, Берг, Билинг, Зернов, Оловянникова, Усова, Покровский, Тищенко. Одним из основных вопросов были сообщения руководителей тем о планах и условиях полевых работ по выполнению утвержденной Республиканским управлением тематики. Так, член-корреспондент Академии наук СССР Л.С. Берг сообщил, что «намеченная тема по обработке материалов по изучению климата Борового по наблюдениям мет. станции Заповедника до 1942 г. им закончена и суммы, отпущенные на тему по смете, уже израсходованы. Однако докладчик считает весьма важным изыскать дополнительно еще 500 рублей на переписку и подготовку к печати уже обработанных материалов. Кроме того, следует считать

[498] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 19. Д. 0144. Л. 8–9.

[499] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 18. Д. 0141. Л. 10.

весьма … желательным присоединить к уже обработанным материалам также и материалы по обработке данных 1942 г., на что потребуется еще 1000 рублей»[500].

Выполняющий тему «Ихтиология озер Борового» Л.С. Берг говорил о необходимых мероприятиях, связанных с перевозкой балхашского сазана в озера Борового, и о том, что проф. П.Ю. Шмидт вызвался помочь в осуществлении этой доставки[501].

По данному вопросу заседание постановило: «Принять все меры к выполнению названной задачи, имеющей важное акклиматизационное и производственное значение для всего района. Повторно обратиться к Рыбтресту, наркому рыбной промышленности и начальнику Турксиба с просьбой скорейшего ответа на посланные им запросы, что ввиду ранней весны является особенно безотлагательным»[502].

На заседании Ученого совета остро стояли вопросы выезда и обеспеченности гужевым транспортом. По заявлению академика С.А. Зернова, «для изучения планктона озер Борового требуется не менее двух поездок в неделю. При этом академик Зернов обращает внимание Ученого совета, что за последнее время обслуживание Заповедником этих работ производится крайне неудовлетворительно. Из намеченных в апреле шести поездок могли состояться только две, и самый характер обслуживания следует признать крайне неудовлетворительным (плохое состояние упряжек, повозок и лошадей). С.А. Зернов ставит в известность, что если характер обслуживания научной работы не изменится к лучшему, то работы по выполнению намеченной темы окажутся сорванными»[503].

Профессор М.Н. Римский-Корсаков сообщил, что «для выполнения намеченных наблюдений и работ по обеим энтомологическим темам – «Вредители лиственных пород заповедника» и «Изучение биологических врагов

---

[500] Там же. Раздел IV. Инв. № 5. Д. 0142. Л. 1.

[501] Там же.

[502] Там же. Протоколы заседаний Учёного совета Госзаповедника Боровое за 1943 год. Л. 25.

[503] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 5. Д. 0142. Протоколы заседаний Ученого Совета Госзаповедника Боровое за 1943 год. Л. 2.

этих вредителей с целью их использования для возможных мер биологической борьбы с вредителями» – потребуется минимум две поездки в неделю»[504].

Оловянникова попросила утвердить одну поездку в неделю, для работ по выявлению запасов лекарственных растений на территории заповедника. Образцов посчитал, что на работы по изучению промысловых животных на территории (обзор колоний сурка и прочие) ему необходимо не менее десяти конедней до конца мая. Усова проинформировала собравшихся, что «Геолого-экономическое описание полезных ископаемых района» может быть сделано при соблюдении двух обязательных условий: 1) наличии полного состава техперсонала – коллектора, геолога и рабочего и 2) и обеспечении транспортом не менее двух раз в неделю[505].

Исходя из этих проблем, Ученый совет обратился к директору заповедника со следующим заявлением: «Ученый Совет считает нужным обратить внимание дирекции на то, что наступивший период полевых работ может быть обеспеченным в смысле выполнения намеченных научно-исследовательских тем только при условии закрепления за научной частью двух лошадей с соответствующей упряжью, двумя повозками и кучером… Несоблюдение этого необходимого условия должно привести к ухудшению качества работ по намеченным темам или даже полному срыву»[506].

По вопросу выполнения темы «Типология лесов Борового» Ученый совет, учитывая научно-практическую важность темы, обратился с просьбой к завкафедрой биологических наук Уральского лесотехнического института в Свердловске академику АН СССР Владимиру Николаевичу Сукачеву приехать на летний период в Боровое, обещать выделить ему хорошую лошадь, ходока и кучера[507].

Несмотря на трудности военного времени, В.Н. Сукачеву удалось завершить научную работу под названием «Очерк лесной растительности

[504] Там же. Л. 26.

[505] Там же.

[506] Там же.

[507] Там же

заповедника “Боровое”, опубликованную после войны в «Трудах Государственного заповедника «Боровое» (1948)[508]. В.Н. Сукачев вспоминал: «В сентябре и первых числах октября 1941 года я имел возможность несколько ознакомиться с лесами данного массива. Это ознакомление было пока сугубо ориентировочным, так как ни время, ни средства, бывшие в моем распоряжении, не позволили сколько-нибудь углубиться в изучение природы этих лесов и условий их существования. Очень полезными оказались для меня совместные поездки, одна в лес с Л.А. Ивановым, а другая с Л.С. Бергом – в степную часть заповедника. В исследованиях принимала участие также Г.И. Поплавская»[509].

В данной работе В.Н. Сукачев делает экскурс в историю изучения кокчетавских лесов с середины XIX в., в частности, подробно останавливается на описании лесного массива курорта Боровое. «Леса территории заповедника, – отмечает он, – вместе с окружающими их другими лесами, произрастающими также главным образом на гранитах, являясь крайне своеобразным массивом среди степей Северного Казахстана, имеют исключительную большую народнохозяйственную ценность»[510].

Описывая сосновые леса Борового, он выделяет шесть типов сосняков: каменистые боры, мертвопокровно-лишайниковые боры, мшисто-травяные более сухие боры, кустарниковые боры, мшисто-травяные более влажные боры, сфагновые сосняки[511]. Его волновала проблема взаимоотношения леса и степи по периферии всего кокчетавского лесного массива, являющегося островом в степи. Этот труд ученого по праву стал серьезным вкладом в изучение лесов заповедника «Боровое».

Вопросы, которые обсуждались на заседании Ученого Совета Госзаповедника «Боровое» 18 июня 1943 г., касались усиления режима заповедности, «в виду присутствия на территории Заповедника не только

---

[508] Труды Государственного заповедника «Боровое» / Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. Алма-Ата, 1948. Вып. 1. С. 14–40.

[509] Там же. С. 16.

[510] Там же.

[511] Там же. С. 23.

крупного курорта, имеющего всесоюзное значение, с многочисленным населением и подсобными хозяйствами, но и целого ряда других учреждений (военный санаторий, дома отдыха, госпитали и пр.), имеющиеся также подсобные хозяйства, посевы, огороды, выпасы скота и сенокосы, которые они получают от Заповедника во временное пользование, но пользуются ими далеко не рационально и часто не строго придерживаются границ, отведенных для них участков. Особенно произвольное использование отмечается по отношению к пастьбе скота (около 4000 голов), вследствие чего выпасы, прогон и кормление скота сплошь и рядом происходят в самых неожиданных местах, захватывая широко разные участки территории Заповедника и затрудняя контроль над ними и охрану природы в границах Заповедника»[512].

Б.В. Образцов остановился на вопросе о борьбе с браконьерством и более активном участии в деле охраны природы – «совершенно необходимо добиться, чтобы наблюдатели в Заповеднике не были фактически только лесниками, но и были бы в действительности наблюдателями, как это имеет место в других заповедниках, обязанными вести дело охраны природы, борьбу с браконьерством, фенологические наблюдения и оказывать помощь в работе научных сотрудников и считать это не менее обязательным делом, чем наблюдать за отпуском дров, [вести] перечет деревьев и санитарный уход за лесом»[513].

Главным вопросом заседания Учёного совета 29 июля 1943 г. было рассмотрение проекта тематического плана на 1944 г. (доклад В.В. Тищенко). В результате обсуждения проект Тематического плана 1944 г. и проект сметы по его реализации были утверждены и направлены в Казахское Республиканское управление заповедниками[514].

12 октября проведено обсуждение доклада геоботаника И.Н. Оловянниковой о проделанной работе по теме «Лекарственные растения Борового, их запасы и условия их произрастания». Л.С. Бергом были заданы

[512] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 5. Д. 0142. Протоколы заседаний Ученого Совета Госзаповедника Боровое за 1943 год. Л. 3.

[513] Там же. Л. 4.

[514] Там же. Л. 5.

вопросы, касающиеся распространения и оценки лекарственного значения некоторых видов растений. Учёный совет постановил «признать выполнение работы вполне хорошим и результаты обследования заслуживающими большого интереса со стороны их практического значения»[515].

На заседании также был представлен отчёт С.В. Покровского по теме «Вредные насекомые Борового», в котором, в частности, отмечалось: «В текущем году предметом обследования были вредители лиственных насаждений и, главным образом, вредители березы. Выявление вредителей и размеров повреждений именно этой лесообразующей породы Заповедника диктовалось тем обстоятельством, что за ряд последних лет именно эта порода подвергалась массовой инвазии со стороны разнообразных вредителей, образовавших ряд устойчивых очагов, где листва березы была уничтожаема вредными насекомыми частью на 100 процентов»[516]. Учёный остановился на методике и ходе обследования берёзовых насаждений, так подытожив своё выступление выводами: «Следует разработать ряд мер по привлечению насекомоядных птиц в березовые кварталы для предотвращения инвазий»[517].

Ещё одним важным вопросом на заседании было сообщение В.В. Тищенко о просьбе районной краеведческой организации г. Щучинска «по переводу законсервированного областного краеведческого музея в Щучинск, чтобы Заповедник принял участие в организации означенного музея и передал ему во временное пользование имеющиеся в распоряжении заповедника экспонаты»[518]. После обсуждения данного вопроса членами Учёного совета было принято постановление о возможности передачи во временное пользование Щучинскому музею (при наличии соответствующего помещения) дубликатов или экспонатов, «которые не являются характеризующими природу собственно Заповедника – вроде костей мамонта, найденных за пределами его территории»[519].

---

[515] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 5. Д. 0142. Л. 12.

[516] Там же. Л. 13.

[517] Там же. Л. 12.

[518] Там же.

[519] Там же. Л. 13.

В 1943 г. профессор М.Н. Римский-Корсаков составил программу работы «Учёт паразитов вредителей лиственных и хвойных пород в хозяйстве заповедника»[520]. В конце того же года учёный представил обширный отчёт о проведённой им работе – «Паразиты вредителей лиственных насаждений Борового и меры воспособления их полезной деятельности» (с рисунками)[521]. «Согласно намеченному Учёным советом Заповедника плану энтомологических работ на 1943 год, на мою долю выпало выяснение роли паразитических насекомых в деле борьбы с вредителями лиственных насаждений в Заповеднике и возможных мер воспособления их полезной истребительной деятельности… Моя работа проводилась как бы по подтеме общей темы по вредителям лиственных насаждений Борового, каковая тема была поручена С.В. Покровскому»[522].

Далее ученый описал методику обследования берёзовых насаждений и виды паразитов-вредителей (наездники, пилильщики, тахины и др.): «В течение всего лета проводился количественный учёт повреждённых листьев, систематически проводимый на определённых участках леса. Повреждения по характеру классифицировались на ряд групп и подсчитывались, что позволяло учесть количественные колебания в различные вегетативные периоды. Эти наблюдения позволили установить энтомологический состав населения лиственных деревьев и установить их видовой состав»[523]. Отчёт проиллюстрирован таблицей с 14 рисунками насекомых (выполненными с натуры Е.Л. Лимберг)[524].

Заведующий научной частью заповедника В.В. Тищенко составил годовой отчёт за 1943 г. по научно-исследовательской работе. В нём отмечалось, что по плану «должны были прорабатываться 7 тем, из них переходящих с 1942 г. 5 тем и новые 2 темы. В качестве переходящих, по проблеме «Ихтиофауна озёр Борового» значились две темы: 1. «Наблюдение над перевезённым (с озера

[520] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 19. Д. 0144. Л. 1–4.

[521] Там же. Л. 1–22.

[522] Там же. Л. 1.

[523] Там же.

[524] Там же. Л. 22.

Балхаш) сазаном»; 2. «Типология планктона озёр Борового»[525]. К сожалению, по первой теме работа не была проведена, так как своевременно не была осуществлена перевозка объекта наблюдения – сазана[526]. По второй теме, проводимой академиком С.А. Зерновым и научными сотрудниками О.И. и В.И. Шмальгаузенами, работа «была закончена в истекшем году в начале сентября месяца, вследствие отъезда» последних в Москву[527].

14 января 1944 г. академик С.А. Зернов представил отчёт по работе (совместно с научным сотрудником Ольгой Ивановной Шмальгаузен) в Боровском заповеднике за 1943 г. (дополнение к отчёту за январь–июнь 1943 г. «С 1-го января, текущего 1943 г., по июнь месяц включительно мы продолжали работу по теме “Типология планктона озёр Боровского заповедника Акмолинской области”. Кроме 18 озёр (Боровое, Щучье, Кыстав-Куль, Котуркуль, Большое Чебачье, Теке-Куль, Ак-Куль, Чебак-Кала, Джайнак, Кара-Куль, Малое Чебачье, Клак-Сор, Май-Балык, Южный Балпаш, Улькон-Сор, Майли-Сор, Балпаш и Гнилое Болото), наблюдения над которыми ведутся с конца 41 г., мы обследовали ещё ряд новых водоёмов, главным образом, водоёмов Боровской Лесной Дачи: озёра Горное, Лебяжье, Светлое, Зеркальное, Большое Карасье, Малое Карасье. Кроме того, были взяты пробы из сульфатного озера Ораз-Сор и некоторых временных весенних водоёмов и из болот. Всего за отчётный период было сделано 101 посещение озёр за 58 выездов… По составу солей и планктонному населению Боровские озёра уже сейчас можно разбить не менее как на 5 типов»[528]).

Далее учёный констатирует: «За период: июль–октябрь 1943 г. было сделано 11 посещений на указанные в предыдущем отчёте 24 озера… Всего с октября 1941 г. по октябрь 1943 г. нами было собрано 430 банок с образцами планктона, которые размещены в 10 ящиках… Имеются дневники всех видов и составлены предварительные сводные таблицы годичных колебаний состава

[525] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 40. Д. 0143. Л. 1–4.

[526] Там же. Л. 1.

[527] Там же.

[528] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 40. Д. 0143. Л. 17, 17об.

планктона для ряда озёр. Однако окончательные определения требуют ещё большой работы... Пока мы считаем установленным, что на площади заповедника в 93000 га в 24 исследованных озерах имеется 4 типа и 7 классов планктонных биоценозов, не учитывая отдельно годичных смен. Такое разнообразие является совершенно исключительным… в Боровом обязательно должна быть устроена гидробиологическая станция. По собранным материалам для печатания в докладах Академии наук СССР была представлена статья: С.А. Зернов и О.И. Шмальгаузен «О пределах жизни при отрицательных температурах в незамерзающей воде в природных условиях». Статья существенно изменяет взгляды, имевшиеся до сих пор в науке по этому вопросу»[529].

В отчёте за 1943 г. также была проанализирована работа по теме «Климат Борового» (академик Л.С. Берг), составленная на основе материала, собранного в течение 12 лет наблюдений и отображённого в 139 таблицах, «заключающих в себе более 50000 цифровых данных… Результаты настоящей работы имеют большое значение не только для характеристики Борового как лечебного санитарного пункта, но вместе с тем представляют большой практический интерес для лесного хозяйства и полеводства»[530].

Отчёт по теме «Лекарственные, дикорастущие растения заповедника и условия их произрастания» состоял из двух частей. Первая часть, которую выполняла И.Н. Оловянникова («Лекарственные и витаминозные растения заповедника «Боровое» – 13 стр.[531]), – это предварительный отчёт, окончательный вариант его не был представлен ввиду того, что «исполнитель выехал в Москву в конце сентября по вызову Московского университета». Цель данной работы – выяснение запасов лекарственных и витаминозных растений – потенциального сырья для получения различных медицинских и аптечных препаратов[532].

В результате разработки второй части темы, – «Условия произрастания лекарственных растений» – выполненной В.В. Тищенко, «были выяснены типы

[529] Там же. Инв. № 35. Д. 0147. Л. 1, 1об.

[530] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 40. Д. 0143. Л. 2.

[531] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел I. Инв. № 19. Д. 0144. Л. 1–4.

[532] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 40. Д. 0143. Л. 3.

почв, на которых произрастают лекарственные растения, и общие условия их произрастания. Эти наблюдения могут быть приняты как основа для культивирования местных лекарственных растений (тип почвы, механический состав, экспозиция). Кроме того, обследование показало, что степной район располагает почвами, которые вполне пригодны для земледелия…»[533]

В годовом отчёте были названы причины, по которым научная работа несколько тормозилась: «…1) отсутствие химической лаборатории, которую организовать местными средствами невозможно; 2) отсутствие транспортных средств в заповеднике в начале 1943 г. … 3) снабжение литературой, которой было совершенно недостаточно, т.к., несмотря на принятые меры, выписать необходимую литературу для библиотеки заповедника не удалось. Отсутствие бумаги и канцелярских принадлежностей… также не способствовало работе Научной части»[534].

По тематическому плану на 1944 г. (проект его и проект сметы расходов были рассмотрены на заседании Ученого совета 29 июля 1943 г. (доклад В.В. Тищенко), утверждены и направлены в Республиканское управление заповедниками) было обозначено семь научно-исследовательских тем: 1) Типология планктона озёр Борового; 2) Вредные насекомые лесов Борового с двумя подтемами – а) Изучение лесов лиственных пород, б) Паразиты вредителей лиственных пород и использование их для биологической борьбы с лесными вредителями; 3) Гидрологические наблюдения над озёрами Борового; 4) Естественное возобновление лесов Борового; 5) Ценангиумабиэтис и борьба с ним; 6) Исследование взаимоотношения леса и степи на территории Боровского заповедника; 7) Сравнительное изучение почв северного и южного склонов сопок Золотоборского района.

Республиканское управление заповедниками (начальник Д. Саранцева) утвердило пять научных тем как наиболее значимых на тот момент. В соответствии с утверждённым планом управление запросило «представить… по

---

[533] Там же.

[534] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 19. Д. 0144. Л. 1–4.

каждой теме и биотехническим мероприятиям программу, методику и календарный план работ с указанием уточнённого общего расхода по каждой теме и биотехническим мероприятиям и исполнителей их»[535].

В 1944 г. было проведено четыре заседания Учёного совета – 14 апреля, 25 августа, 24 ноября, 28 декабря.

На заседании, состоявшемся 14 апреля, остро обсуждался вопрос о научных отчётах по той или иной исследуемой теме. Не всеми разработчиками была представлена отчётная документация (Оловянникова, Покровский, Усова). В принятом постановлении предписывалось: «Всем сотрудникам, не приславшим отчеты, послать официальные обращения от заповедника»[536].

На данном заседании в своем отчёте о работе заповедника по хозяйственной и научной части Шаповалова заявила: «Подготовка к посевной прошла удовлетворительно. Скот обеспечен кормами, инвентарь отремонтирован, раб. сила расставлена. Отношение районных организаций к заповеднику вызывает удивительно непрерывное требование фуража, лошадей. Вместо помощи – ревизии и комиссии. Санкции Алма-Ата на ревизии не получено. Ревизия потребует много времени и людей, что грозит сорвать посевную кампанию»[537]. Такое отношение со стороны районных властей очень возмутило членов Учёного совета, соответственно было принято решение обратиться в Совнарком КазССР с просьбой защитить заповедник от чрезмерного контроля районными организациями. В обращении говорилось: «Нет поддержки заповеднику от местных организаций… Всякие ревизии Заповедника… Доведите до сведения райисполкома. Начальнику республ. Управления Заповедника Саранцевой …»[538] Но, к сожалению, не все распоряжения Республиканского Управления заповедниками выполнялись районными властями. Всё это мешало нормальному функционированию заповедника, особенно его научной работе.

---

[535] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 21. Д. 0157. Л. 1, 5.

[536] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 5. Д. 0142. Л. 1–2.

[537] Там же. Л. 3.

[538] Там же. Л. 4.

25 августа 1944 г. состоялось судьбоносное для Учёного совета заповедника последнее заседание ученых АН СССР. «В связи с реэвакуацией, – говорилось в протоколе заседания, – из состава Ученого совета Госзаповедника «Боровое» выбыли тт. Берг, Зернов, Гамалея, зав. научной частью кандидат химических наук т. Тищенко, ст. научный сотрудник профессор т. Римский-Корсаков, младший научный сотрудник ученый-биолог т. Лимберг. Таким образом, работа Ученого совета временно приостановилась»[539].

Но жизнь не стояла на месте – Учёный совет Госзаповедника «Боровое» продолжил свою деятельность в другом составе. Во второй половине 1944 г., после отъезда последней группы сотрудников АН СССР из Борового, было проведено два заседания Учёного совета – 24 ноября и 28 декабря. В частности, в протоколе заседания от 24 ноября было зафиксировано, что в следующие научные темы на основе отзывов рецензентов внесены изменения и дополнения: «CenangiumabictisRehm в лесах Госзаповедника «Боровое» (разработчик и исполнитель – Юрре, рецензент Юновидов); «Почвенные условия и естественное возобновление в лесах Госзаповедника «Боровое» (разработчик и исполнитель – Юрре, рецензенты Золотарёв, Седлак); «Взаимоотношения леса и степи в условиях Госзаповедника «Боровое» (разработчик и исполнитель – Лимберг, рецензент Юрре)[540].

28 декабря состоялось итоговое заседание Учёного совета за 1944 г. Одним из главных вопросов заседания было обсуждение тематического плана научно-производственных работ в 1945 г. Основная тема – «Организация заповедного хозяйства». Подтемы: 1) Лесокультурный план. 2) Рубки ухода за лесом»[541].

После обсуждения было принято постановление одобрить список тем, основательно доработав тематический план. Также были заслушаны отчёты по ряду научно-исследовательских работ. Например, на работе В.В. Тищенко «Сравнительное изучение почв северных и южных склонов сопок Золотоборской

---

[539] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 6. Д. 0152. Л. 20.

[540] Там же. Л. 25.

[541] Там же. Л. 27.

дачи» (рецензент т. Персин). Учёный совет постановил: «Работу т. Тищенко В.В. считать ценной, как первую попытку в условиях заповедника по выяснению причин отсутствия леса на некоторых южных склонах Золотоборской дачи. Вместе с тем считать эту работу не законченной ввиду отсутствия анализов водного режима почв и их химизма»[542]. Еще одним важным вопросом стало обсуждение принципа заповедности в связи с важностью сохранения лесов курорта Боровое в лечебных целях. Было принято решение «создать комиссию из представителей заповедника и госкурорта Боровое, которой поручалось в месячный срок представить Ученому совету план мероприятий по сохранению природных богатств заповедника «Боровое»[543].

В целом Учёный совет как совещательный орган госзаповедника выполнял свое предназначение в любых условиях, будь то военное или мирное время, исходя из поставленных перед ним задач – «содействовать производству заповедности путем рассмотрения как научных работ с точки зрения ценности для производства, так и отдельных докладов производственного характера. Выносить по ним свое конкретное мнение»[544].

Журналист А. Ляховецкий, видевший напряженную жизнь в Боровом, особо отмечает: «Ученые – пламенные патриоты своей Родины делают все для того, чтобы помочь советскому народу разгромить фашистские полчища, вернуться к счастливой и радостной жизни …Знаменитые учёные, оторванные от налаженного ритма столичных городов – Москвы, Ленинграда, привычных рабочих и бытовых условий, оказались в суровых климатических условиях Северного Казахстана, но продолжали свою научную работу в новых условиях. Несмотря на тяжёлые военные годы, при острой нехватке товаров и продуктов первой необходимости, канцелярских принадлежностей (элементарно – не хватало писчей бумаги, чернил, карандашей – учёным приходилось записывать результаты своих наблюдений, отчёты, делать какие-то математические расчёты

[542] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 6. Д. 0152. Л. 28.

[543] Там же.

[544] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 617. Л. 28.

на каких-то обрывках, клочках, оборотных листах и т.д.), местные власти создавали для них более или менее приемлемые условия для нормальной жизни и работы, для создания их выдающихся работ в той или иной научной отрасли, или сфере народного хозяйства. За короткий срок в Боровом была создана научная библиотека. Чтобы ученые могли пользоваться богатейшими библиотеками страны и быть в курсе новостей мировой науки, с ноября месяца 1943 года начал курсировать книжно-журнальный вагон Москва – Боровое»[545].

Документы Учёного совета заповедника и воспоминания ученых дают важнейшие сведения о характере деятельности и быта советских учёных в эвакуации. Персонал заповедника выполнил главную задачу – сохранил жизни выдающихся ученых и создал условия для их работы. Сами же они, несмотря на возраст и слабое здоровье, вносили существенный вклад в достижение победы над врагом и решали важнейшие научно-технические проблемы оборонного значения[546]. Ценной и полезной оказалась работа ученых по изучению проблем госзаповедника, его природных и рекреационных ресурсов.

Ученый совет заповедника «Боровое» в период войны стал одним из мозговых центров АН СССР, объединившим цвет советской науки. Академики, находясь в Боровом, не прекращали руководить институтами и лабораториями, выполняли научные работы оборонного значения, а также выезжали в научные институты и на промышленные предприятия Сибири для консультации и непосредственного участия в работе. «Не будет преувеличением сказать, – справедливо отмечал исследователь А. Таланов, – что эта группа “науки и техники”… заложила благодатные зерна, из которых вырос ныне широко известный Сибирский филиал Академии наук»[547].

---

[545] Там же.

[546] Пархоменко А.А., Федоров А.С. Указ соч. С. 53.

[547] Таланов А. Большая судьба. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1967. С. 205

3.3. Деятельность группы ученых по программе Академии наук СССР в Государственном заповеднике «Боровое»

Надо отметить, что не все эвакуированные ученые работали по плану Ученого совета госзаповедника. Здесь также продолжились работы, начатые еще в предвоенные годы, а значит, и связь академиков со своими научными коллективами не прерывалась. Поэтому так важно дать описание их деятельности в эвакуации в Боровом.

Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943) – русский учёный-славист, академик АН СССР (1923 г.), профессор, специалист в области сравнительной грамматики славянских языков, истории праславянского языка, этимологии. Был эвакуирован 22 июня 1941 г. из Ленинграда в Боровое с супругой Еленой Константиновной и приемной дочерью Ниной Борисовной, получил комнату в 11-м корпусе. Он в совершенстве знал все славянские языки, хорошо ориентировался в индоевропейских языках. В эвакуации закончил работу над своей объемной монографией о древних связях западных и славянских языков. Как ученый-славист был известен не только в СССР, он состоял членом Польской, Болгарской и Чешской академий наук. Умер 22 февраля 1943 г. в Боровом на 81-м году жизни[548]. Как отмечал лечащий врач С.Г. Бражников в своих воспоминаниях, «он трудился и творил так же просто и скромно, как и жил, но существом своим, всей научной своей субстанцией, так сказать, он был русским человеком, достойным отпрыском целой плеяды русских деловых людей, прославивших нашу дорогую Родину»[549].

Николай Дмитриевич Зелинский (1861–1953) – выдающийся советский химик-органик, академик АН СССР (1929 г.), трижды лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда (1945 г.), один из основоположников органического катализа и нефтехимии. В годы Первой мировой войны предложил использовать для адсорбции ядовитых газов активированный уголь.

[548] Вернадский В.И. Дневники. С. 224.

[549] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 44.

Изобретенный Зелинским противогаз оказался намного лучше всех известных средств защиты. Автор более 500 работ по различным вопросам органической химии. В биологии и медицине учёный разработал методы синтеза аминокислот и эфиров, способ мягкого гидролиза белков, исследовал химическую природу гормонов группы андростерона. Основатель известной школы советских химиков, представителями которой являются А.А. Баландин, А.Ф. Верещагин, В.А. Казанский, А.Н. Несмеянов, Ю.А. Арбузов, Р.Я. Левина, Н.И. Шуйкина и др.[550]

Академик Н.Д. Зелинский был эвакуирован в Боровое во второй половине июля 1941 г. по решению советского правительства совместно с другими ведущими учеными. С ним были эвакуированы члены семьи: жена Нина Евгеньевна, двое сыновей и няня (получили жилье в 11-м корпусе санатория).

В годы войны к Н.Д. Зелинскому в Боровое наведывались многие его ученики, приезжали военные химики. И академик помогал им советом и делом. Николая Дмитриевича огорчало отсутствие возможности непосредственно руководить работами своих учеников, поэтому он неоднократно обращался в Президиум Академии с просьбой разрешить ему вернуться в Москву[551].

Несмотря на восьмидесятилетний возраст, Н.Д. Зелинский активно работал и руководил научной лабораторией из глубокого тыла. Ему удалось улучшить качество бензина путем риформинга – ароматизации нефти. Созданное им топливо дало возможность резко увеличить мощность моторов и скорость самолетов. Самолет стал взлетать с меньшего разбега, подниматься на большую высоту со значительным грузом. Эти достижения оказали в годы Великой Отечественной войны неоценимую помощь авиации.

Н.Д. Зелинский с семьей возвратился из Борового в Москву в августе 1943 г. Он впоследствии писал: «И особенно остро, до боли в сердце почувствовал я, насколько дорога Москва, когда над ней нависла опасность вторжения гитлеровских полчищ… Я покинул столицу в тот трагический момент

---

[550] Балезин С.А., Бесков С.Д. Выдающиеся русские ученые химики. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1972. С. 200–210.

[551] Пааль С.А. Указ. соч. Л. 12.

по настоянию правительства и уехал в эвакуацию вопреки желанию. С радостью, которую трудно выразить словами, я вернулся в 1943 году в Москву, в лаборатории, которые застал нетронутыми, вернулся к своим ученикам и помощникам, ощущая сильный прилив творческих сил и страстную жажду творить во имя полного и быстрого разгрома врага. Я горжусь тем, что принимал участие в борьбе против немецких захватчиков и в прошлую войну, когда изобрел противогаз, спасший жизни десяткам тысяч русских воинов»[552].

За научные изыскания по органической химии, в частности, химии нефти и каталитических превращений углеводородов, а также за педагогическую деятельность по подготовке новых поколений химиков академик Н.Д. Зелинский трижды был удостоен Сталинской премии , ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он был награждён четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Известен такой факт: 12 апреля 1961 г., в день исторического полета Юрия Гагарина в космос, академик А.Н. Туполев на вечере в МГУ, посвященном 100-летию Н.Д. Зелинского, сказал: «Если сегодня мы с такой радостью узнали, что советский человек был в космосе и вернулся, то в этом есть заслуга и Николая Дмитриевича»[553].

Алексей Евграфович Фаворский (1860–1945) – выдающийся советский химик-органик, академик (1929 г.), Герой Социалистического Труда (1945 г.) вошел в историю химии как создатель производственных способов получения ароматических веществ, синтетического каучука и пластических масс. Он открыл способ получения простых виниловых эфиров, который лег потом в основу производства целого ряда продуктов, нашедших широкое применение в оборонной промышленности, а также изготовлении синтетических смол. Из них вырабатываются лаки, пленки, клеящие вещества, искусственный шелк и

[552] Баландин А.Н., Зелинская Н.Е., Зелинский А.Н. Жизнь и научная деятельность Н.Д. Зелинского / Н.Д. Зелинский. Избранные труды. М.: Наука, 1968. С. 635.

[553] Зелинский А.Н. Акад. Н.Д. Зелинский. М.: Наука, 1981. С. 67.

различные пластические массы. Прозрачные пластмассы нашли широкое применение в годы войны (прозрачная броня для лётчиков и танкистов)[554].

А.Е. Фаворский изучил химические свойства и превращения ацетилена, разработал важнейший метод получения виниловых эфиров. Новые соединения на основе ацетилена нашли широкое применение в оборонной отрасли промышленности. Ученый предложил оригинальные способы получения изопренового синтетического каучука на основе угля и воды.

В Институте органической химии ученики академика А.Е. Фаворского – профессора И.Н. Назаров и М.Ф. Шостаковский – во время войны создали новый рецепт клеев, нашедший широкое применение в оборонной промышленности, в частности в самолетостроении. Другой его ученик – академик С.В. Лебедев – разработал способ получения синтетического каучука. А.Е. Фаворский является автором химической реакции, получившей название «синтез Фаворского», который вошёл в учебник химии, и за эту работу в 1941 г. учёный был удостоен Сталинской премии первой степени[555].

Великая Отечественная война застала А.Е. Фаворского за работой над проблемами производства пластмасс и каучука. Он одним из первых заявил через печать о борьбе с фашизмом. «Мне 81 год, – писал Алексей Евграфович. – Вся моя жизнь прошла в работе по развитию науки на пользу человеческого прогресса. В последние годы я работаю с особенным подъемом… В этом отношении я не являюсь исключением в Советском Союзе… Поэтому вполне понятно то негодование, тот гнев нашего великого советского народа по адресу коварного врага, пытающегося нанести удар нашему дальнейшему прогрессу, врага, напавшего с намерением поработить наш народ, лишить нас нашей родины. Наш народ в течение всей своей истории неоднократно давал сокрушительные отпоры врагам, посягавшим на русскую землю и нашу свободу. Перед его гневом

[554] Рассказы о русском первенстве. М.: Молодая гвардия, 1950. С. 83–84.

[555] Кафтанов С. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М: Госполитиздат, 1945. С. 74.

не устоят кровожадные банды фашистского фюрера. Фашизм будет сокрушен!»[556].

Академик вместе со своим многочисленным семейством (жена, дочери, сын и др.) прибыл из Ленинграда в Боровое 22 июля 1941 г. Их разместили на отдельной даче № 29, в ней было пять комнат и большие сени, по обе стороны дома находились открытые террасы.

Дочь Фаворского, Татьяна Алексеевна, вспоминает: «Боровое – … курорт, расположенный в одном из живописных уголков Казахстана: холмы, гранитные скалы, часто причудливой формы, вокруг березовые и сосновые леса… Два озера – Чебачье и Боровское, особенно красиво последнее, гора Синюха, самая высокая из окрестных гор, и скала «Сфинкс», действительно напоминающая древнеегипетских сфинксов, – достопримечательности Боровского заповедника… Правительство Казахстана очень щедро по тем временам снабжало эвакуированных академиков: всегда было мясо, масло, сахар, мука, крупы, раз в месяц выдавали фанерный ящичек с витаминизированными конфетами-горошком, овощи получали с курортного огорода, картофель впоследствии сажали сами, молоко привозили с молочной фермы. Но ни великолепная природа, ни здоровый климат, ни заботливо предоставленная возможность жить и работать ни на минуту не заглушали гнетущее чувство тревоги за судьбу страны, людей, сражавшихся на фронтах войны, родных и близких, оставшихся в блокированном Ленинграде. Все находились в напряженном ожидании вестей – по радио, из писем, газет»[557].

Даже находясь в глубоком тылу, А.Е. Фаворский руководил своей лабораторией при Институте органической химии. Именно в это время была разработана присадка, небольшая добавка которой к машинным минеральным маслам позволяла переводить их в класс зимних авиационных масел с хорошей вязкостью. Способ получения присадок был очень прост и весьма доступен из-за наличия в необходимом объеме сырья. Им служили отходы производства

[556] Шостаковский М.Ф. Академик Алексей Евграфович Фаворский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 79–80.

[557] Фаворская Т.А. Алексей Евграфович Фаворский. 1860–1945. Л.: Наука, 1980. С. 99–101.

синтетического каучука. Изменяя количество добавки, можно было получать зимние и летние сорта масел[558].

Присадка, созданная учеными под руководством академика А.Е. Фаворского, была значительно эффективнее известной американской присадки «паратон». В августе 1942 г. вышло решение правительства о промышленном производстве новой присадки на одном из заводов в Свердловске[559].

Осенью 1944 г. А.Е. Фаворский вместе с семьей возвратился в родной Ленинградский университет. В книге «Алексей Евграфович Фаворский», написанной его дочерью Т.А. Фаворской, говорится с теплотой о тех памятных днях. «Три года прожили академики в Боровом, – пишет Татьяна Алексеевна, – окруженные вниманием правительства Казахстана и правления курорта. В последний год их жизни в Боровом туда приезжал Председатель Совета Министров Казахстана Ундасынов посмотреть, как устроены академики, заходил и к Фаворским, беседовал с Алексеем Евграфовичем, разговаривал с детьми»[560].

А.Е. Фаворский был талантливым и плодовитым ученым. Список научных трудов академика насчитывает 152 названия, им подготовлено 5 учебников органической химии и получено более 12 авторских свидетельств. За выдающиеся научные достижения в области органической химии, укреплении обороноспособности страны, подготовку высококвалифицированных кадров химиков А.Е. Фаворскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он был награжден Сталинской премией первой степени, четырьмя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Алексей Евграфович скончался 8 августа 1945 года. Его похоронили рядом с могилой отца в Ленинграде на Волковском кладбище.

На Боровском кладбище похоронен Михаил Александрович Ильинский (1856–1941) – выдающийся химик-органик и технолог, доктор химических наук

---

[558] Пааль С.А. Указ. соч. Л. 8.

[559] Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983. С. 302.

[560] Фаворская Т.А. Указ. работа. С. 110–111.

(1934 г.), специалист в области синтетических красителей, заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1934), почётный академик АН СССР (1935 г.). В 1875 г. за участие в студенческом движении он был исключён из Петербургского технологического института. Позже уехал в Германию, где учился и окончил Берлинскую высшую техническую школу (1882 г.). В 1899–1914 гг. работал в крупной химической фирме в Германии. В Первую мировую войну за отказ принять германское подданство был сослан в г. Мюнстер. В 1916 г. нелегально выехал в Россию, где стал ведущим специалистом в Главном управлении анилиновой промышленности. Основоположник применения органических реагентов в аналитической химии, организатор промышленного производства ряда красителей[561].

В Боровое М.А. Ильинский приехал уже нездоровым. Вместе с женой и сестрой его поместили в 11-м корпусе. Вскоре жена начала работать в Котуркульской сельхозшколе. За пять дней до смерти М.А. Ильинскому исполнилось 85 лет. (Похоронен он в Боровом, так же как и его сестра).

Алексей Николаевич Крылов (1863–1945) – выдающийся русский ученый-математик, механик и кораблестроитель, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда. В 1916 г. стал академиком Петербургской АН. Основоположник современной теории корабля. Он автор оригинальных трудов по различным проблемам математики, физики и астрономии, теоретической механики и т.д. А.Н. Крылов участвовал в проектировании и постройке первых русских линкоров, занимался решением основных технических вопросов военного и гражданского судостроения в СССР[562].

В нем всегда присутствовал высокий непокоренный дух русских моряков, как в труде, так и в жизни. В 1937-м, когда спецслужбы донимали его вопросами в анкетах типа «служил ли в царской армии…» и т.п., он без всякого страха

---

[561] Вернадский В.И. Дневники. С. 70.

[562] Лучининов С.Т. А.Н. Крылов. Выдающийся кораблестроитель, математик и педагог / под ред. проф. И.Я. Депмана. М.: Учпедгиз, 1959. С. 154–163.

уверенно размашисто писал поперек листа: «Полный адмирал флота Его императорского величества государя императора Николая Александровича!»[563].

Академик А.Н. Крылов был эвакуирован из Ленинграда сначала в Казань, а летом 1942 г., после перенесённого инсульта, – в Боровое. Лечащий врач академиков С.Г. Бражников отмечал: «Алексея Николаевича частенько можно было встретить на площадке или в коридоре этого 3-го этажа, то одного, то беседующего с кем-нибудь (чаще всего с академиком Н.Д. Зелинским или Л.С. Лейбензоном…). Жил Алексей Николаевич в Боровом тихо, размеренно, спокойно, продолжая свои работы, в частности, переводя труды Ньютона, которого он особенно чтил и любил… К моему счастью и удовлетворению, мне не пришлось, как лечащему врачу, много заниматься Алексеем Николаевичем, все время он чувствовал себя в «Боровом» отлично, был подвижен, аккуратен и достаточно времени гулял на воздухе, вызывая этим у многих удивление… Неизгладимым остался в моей памяти скромно, но торжественно отмеченный день чествования 80-летия А.Н. Крылова всем коллективом академиков и их семей. В этот день (15 августа 1943) его приветствовали от имени Академии наук и всех собравшихся специально избранная группа академиков – Зелинский, Фаворский, Вернадский, Мандельштам и Зернов, были сказаны речи и зачитаны прочувственные адреса, а также несколько приветственных телеграмм от Правительства, Академии наук, научных обществ, благодарных учеников Алексея Николаевича, из военных академий… Алексей Николаевич держал себя, как всегда, скромно, просто, всё в меру, благодарил всех присутствующих также просто и естественно, как это было свойственно ему, истинному мудрецу, человеку прямой и глубокой правды…»[564].

А.Н. Крылов принимал активное участие в мероприятиях, которые проводила академическая группа, сам выступал с докладами. Так, доклад «Исторический очерк развития русского флота» говорит о глубокой эрудиции учёного в области истории и его постоянной готовности «по памяти» сообщить

---

[563] Огонек. 1991, № 26.

[564] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 46.

аудитории интересующие ее документальные сведения. Этот доклад был им прочитан в 1943 г. Ни перенесённая им тяжёлая болезнь, ни отсутствие каких-либо справочных материалов, ни весьма короткий срок подготовки к докладу не отразились на научной глубине этой работы[565].

В 1942–1943 гг. ученый опубликовал несколько исследований: по компасному делу, «Теорию корабля», «О боковой качке корабля», «Галилей как основатель механики», «Мысли и материалы о преподавании механики в высших технических учебных заведениях СССР», «Ньютон и его значение в мировой науке» [566].

Академик А.Н. Крылов вернулся из Борового сначала в Москву, затем в Ленинград осенью 1943 г. Его проводы отражены в записках врача С.Г. Бражникова: «При отъезде его мы все тепло и просто распрощались с Алексеем Николаевичем, который благодарил нас, медработников в пансионате, за оказанное ему внимание и помощь, а мы, конечно, от всей души пожелали ему благополучной дороги, здоровья и многих ещё лет жизни. Я проводил Алексея Николаевича до дверки машины, на которой его отвозили на станцию железной дороги, сохранив навсегда в душе моей четкий и выразительный образ этого беспритязательного, поистине выдающегося человека и ученого»[567].

На прощание А.Н. Крылов написал письмо председателю СНК Казахской ССР Н.Д. Ундасынову: «Мне хочется выразить Вам глубокую благодарность за ту заботу, которую я чувствовал во время моего пребывания в Казахстане»[568]. Академик А.Н. Крылов умер 26 октября 1945 г. Похоронен в Ленинграде на Волковом кладбище, рядом с могилами Д.И. Менделеева, И.П. Павлова и других великих деятелей науки и культуры.

Леонид Исаакович Мандельштам (1879–1944) – крупнейший советский физик, один из основателей научной школы радиофизики в СССР, академик АН

---

[565] Ханович И.Г. Академик Алексей Николаевич Крылов. Л.: Наука, Ленигр. отд-ние, 1967. С. 201.

[566] Академик А.Н. Крылов. Ньютон и его значение в мировой науке (1643–1943).М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. С. 3–39.

[567] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 27.

[568] ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 11. Ед. хр. 7. Л. 178.

СССР (1929 г.). Его научная и педагогическая деятельность определила направление развития ряда разделов физики. Научные труды ученого относятся главным образом к оптике, радиофизике, теории нелинейных колебаний, квантовой механике, истории и методологии физики[569].

Академик Л.И. Мандельштам был эвакуирован из Москвы 16 июля 1941 г. Семью ученого разместили на небольшой даче № 33. Его супруга Лидия Соломоновна была первой русской женщиной, получившей диплом архитектора в 1906 г. в Париже, а затем она окончила в Страсбурге медицинский институт по специальности «хирург-уролог». Человек редких душевных качеств, она сыграла важную роль в жизни Леонида Исааковича.

В щучинской районной газете «Социалистический труд» 13 мая 1942 г. была опубликована информация «Лауреаты Сталинской премии в Боровом». Лауреатом премии первой степени стал и Л.И. Мандельштам вместе со своим другом академиком Н.Д. Папалекси за научные работы в области теории нелинейных электромагнитных колебаний и распространения радиоволн.

Задачи линейной теории колебаний и волн интересовали Л.И. Мандельштама до конца жизни. Две работы Леонида Исааковича, выполненные в Боровом – «Некоторые вопросы, связанные с возбуждением и распространением электромагнитных волн в трубах» и «Излучение через отверстие в резонаторе», – вышли в свет благодаря появлению в радиотехнике полых резонаторов и волноводов[570].

Л.И. Мандельштам тесно сотрудничал с учёными, которые приезжали в Боровое, – Н.Д. Папалекси, И.Е. Таммом, С.М. Рытовым, а также сыном Сергеем, тоже физиком. В Боровом он много и плодотворно трудился, поддерживая творческим вдохновением свое физическое состояние. В сентябре – октябре 1942 г. совместно со своими коллегами и учениками работал над монографией, посвященной параметрическому генерированию переменных токов. Эта

[569] Папалекси Н.Д. Леонид Исаакович Мандельштам. (Краткий очерк жизни и научной деятельности) // Мандельштам Л.И. Полн. собр. тр. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 7–32.

[570] Там же. С. 41.

монография подводила итог огромной теоретической и практической работы в области параметрической генерации, которой было отдано почти 20 лет.

Трудности военного времени не мешали научным встречам Л.И. Мандельштама в Боровом. Здесь он с увлечением обсуждал с Н.Д. Папалекси проблемы применения радиолокации в астрономии. С приехавшим к нему в октябре 1942 г. И.Е. Таммом он делился своими мыслями по вопросам физической теории, особенно по основам квантовой механики. Летом 1943 г. с участием С.М. Рытова он составил планы следующих монографий: «О природе белого света», «Об отражении волн и направляющем действии проводников», «О принципе суперпозиции», «О почти периодических процессах», «О размерностях». Также академик набросал план десяти научных работ[571].

Леонид Исаакович даже приступил к их осуществлению. Среди них – замечательный доклад об оптических работах Исаака Ньютона, с которым он выступил в Боровом на собрании академической группы 16 января 1943 г., в связи с 300-летием со дня рождения великого английского ученого. Лечащий врач ученых С.Г. Бражников вспоминал: «Когда Леонид Исаакович закончил свой доклад, в аудитории несколько длительных мгновений стояла проникновенная тишина, все сидевшие и стоявшие слушатели были как бы зачарованные, точно еще продолжали вслушиваться в только что сказанные слова, а затем буквально грянул в среде этих сдержанных и даже несколько чопорных людей единодушный гром рукоплесканий»[572].

После коренного перелома в Великой Отечественной войне, т.е. Сталинградского сражения, Леонид Исаакович решил вернуться в Москву. В сентябре 1943 г. он принял участие в сессии Академии наук СССР и больше в Боровое не возвращался. До конца жизни он занимался научными исследованиями, готовил новые курсы лекций, руководил работой своих учеников и сотрудников. За выдающиеся заслуги в области науки и подготовки кадров Л.И. Мандельштам был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

---

[571] Там же. С. 56–57.

[572] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 25.

Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963) – выдающийся советский ученый-зоолог, крупнейший теоретик в области эволюционного учения, академик АН СССР (1935 г.) и АН УССР (1922 г.). С его именем связана целая эпоха в развитии естествознания XX столетия и современного научного мировоззрения. Ученый заложил основы биологической кибернетики и синтетической теории эволюции. Им написано около 350 научных работ по вопросам эволюционной морфологии, о закономерностях роста животных, о факторах и закономерностях эволюционного процесса и ряд монографий, имеющих общебиологическое значение[573].

Иван Иванович родился в г. Киеве в семье известного ботаника-флориста, члена-корреспондента Петербургской академии наук, директора Киевского ботанического сада, профессора Ивана Федоровича Шмальгаузена. Большое влияние на него оказал его учитель Алексей Николаевич Северцов – крупнейший русский морфолог-эволюционист, создатель выдающейся морфологической школы. Символично, что с 1936 по 1948 г. И. Шмальгаузен был директором Института эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова АН СССР, а также одновременно с 1938 по 1948 г. заведовал кафедрой дарвинизма Московского университета[574].

В Боровое И.И. Шмальгаузен приехал в конце 1941 г. Семья ученого расположилась на отдельной даче № 43. О своих первых впечатлениях академик пишет в письме Б.С. Матвееву от 22 октября 1941 г.: «Здесь мы устроились как будто неплохо – нам дали две комнаты в отдельном домике. Это очень приятно, хотя нужно принять меры к утеплению домика… Местность очень живописная. Мы – в лесу на берегу озера «Борового» диаметром 8 км. С другой стороны, за небольшим холмиком, озеро «Чебачье», еще значительно большее… Берега напоминают финляндские. Горы – из гранитных глыб… В общем, живем мы тихо и почти спокойно. С волнением лишь слушаем ежедневно сообщения по радио»[575].

---

[573] Иван Иванович Шмальгаузен. Киев: Наукова думка, 1984. С. 3.

[574] Мазурмович Б.Н. Указ. соч. С. 366–371.

[575] Шмальгаузен О.И. Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963). М.: Наука, 1988. С. 110–111.

Находясь глубоко в тылу, учёный занимался исследованиями в области эволюционной теории Чарльза Дарвина, подготовил пособие для студентов «Проблемы дарвинизма», изданное в 1946 г. В это же время Иван Иванович работал над монографией «Факторы эволюции». В ней рассматривались основные проблемы теории эволюции – изменение тех механизмов, которые лежат в основе процессов развития, а также им была выдвинута теория в области факторов эволюции – теория стабилизирующего отбора, которая объясняла ряд проблем преобразования в процессе эволюции ненаследственных изменений в наследственные[576].

В Боровом Шмальгаузен часто встречался и беседовал с Владимиром Ивановичем Вернадским. Их волновала сложившаяся ситуация в теоретической биологии, не в последнюю очередь под впечатлением ареста Н.И. Вавилова. И. И. Шмальгаузен участвовал в дискуссиях генетиков и эволюционистов с представителями «мичуринской биологии», выступал с критикой лженаучных взглядов Т.Д. Лысенко и его сторонников по важным вопросам эволюционной теории и генетики, внутривидовой борьбы, проблемам целесообразности, наследования приобретенных признаков и др.[577] В начале февраля 1942 г. академик похоронил свою мать, Луизу Людвиговну, на местном кладбище.

Позднее, вспоминая о периоде своей жизни в Боровом, И. Шмальгаузен писал: «В начале октября 1941 г., когда район военных действий быстро приближался к Москве и грозил сорвать всякую возможность научной работы, я был вынужден оставить Москву. Мне было предложено вместе с семьей переехать на курорт Боровое (Сев. Казахстан)… Здесь была создана совершенно обеспечивающая и спокойная обстановка для работы научных работников. При отсутствии оборудования, лабораторий возможна была, конечно, лишь обработка заранее подготовленного материала. Однако здесь же была создана и библиотечная точка, периодически снабжавшаяся книгами по нашим заказам из центральных библиотек Москвы. В результате многие из нас сделали во время эвакуации значительно больше в смысле оформления своих работ, чем могли бы

[576] Левшин Б.В. Указ. соч. С. 129.

[577] Шмальгаузен И.И. Вопросы дарвинизма: Неопубликованные работы. М.: Наука, 1990. С. 3–8.

сделать в нормальное время в Москве при наличии многочисленных административных, педагогических и общественных обязанностей, обычно отвлекающих наше внимание и отнимающих немало времени от чисто исследовательской работы. Я могу сказать со спокойной совестью, что эти годы жизни на востоке не прошли для меня бесследно. Мы не можем не отметить нашей глубокой благодарности нашему правительству за исключительное внимание, оказанное ученым нашей страны в годы наиболее тяжелых испытаний»[578].

За научные заслуги И.И. Шмальгаузен был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Международным признанием стало избрание ученого почетным членом Естественноисторической Академии наук в Галле (Германия) и почетным членом Академии зоологии в Агре (Индия). Иван Иванович Шмальгаузен умер 7 октября 1963 г. в Москве. В 1981 г. Институту зоологии АН УССР было присвоено имя И.И. Шмальгаузена.

Николай Яковлевич Кузнецов (1873–1948) – выдающийся советский энтомолог, доктор биологических наук, профессор. В области физиологии насекомых его по праву считают основоположником этой науки и крупнейшим специалистом с мировым именем. Н.Я. Кузнецов является автором капитального труда «Основы физиологии насекомых».

Ученый приехал в Боровое с супругой Евдокией Гавриловной и племянницей Евгенией Леонгардовной Лимберг. Здесь Н. Кузнецов продолжил свои исследования по физиологии насекомых и чешуекрылым.

Как справедливо отмечал академик Е.Н. Павловский, научно-исследовательская и педагогическая деятельность Н.Я. Кузнецова отличается необычайной многосторонностью, широтой взглядов и глубиной мышления. За многолетнюю плодотворную научную и педагогическую деятельность Н.Я. Кузнецов получил заслуженную награду – орден Трудового Красного Знамени. Николай Яковлевич Кузнецов умер в Ленинграде 8 апреля 1948 г.[579]

---

[578] Шмальгаузен О.И. Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963). М.: Наука, 1988. С. 114–115.

[579] Мазурмович Б.Н. Выдающиеся отечественные зоологи. М.: Учпедгиз, 1960. С. 283–288.

Георгий Дмитриевич Белоновский (1875–1950) – известный микробиолог, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1929 г.). Выпускник Военно-медицинской академии (1899 г.), ученик С.С. Боткина. Профессор (1929 г.) основатель (1917 г.) кафедры бактериологии и иммунологии Института усовершенствования врачей в Ленинграде, автор свыше 100 научных работ по различным вопросам микробиологии, эпидемиологии. Автор классического труда «Динамика иммунитета» (1944). На протяжении всей своей жизни занимался изучением иммунитета и решением проблем борьбы с инфекционными заболеваниями. Г.Д. Белоновский являлся одним из новаторов специфической профилактики туберкулеза и использования молочнокислых микробов в целях бактериотерапии[580].

В Боровом ученый вел научно-исследовательскую и лекционную работу в медицинских учреждениях курорта, в том числе и эвакуированных, где оказывал их коллективам практическую помощь. В институте им. Сеченова занимался изучением металлотерапии при туберкулезе морских свинок. Ученый-микробиолог находил время для чтения лекций по иммунитету и эпидемиологии врачам Сеченовского института и Военного противотуберкулезного санатория, а также принимал участие в бактериологическом обследовании раненых и больных, прибывших на лечение с фронта.

Георгий Дмитриевич часто общался с В.И. Вернадским и беседовал на различные темы. 22 сентября 1942 г. академик Вернадский в своем дневнике пишет: «Сегодня интересный разговор с Г.Д. Белоновским. Он был арестован в 1938 и выпущен в 1939 – был в одиночном заключении. Это одно из бесчисленных злодеяний Ежова. Он был ассистентом у Г.В. Хлопина – специалист по бактериологии. Его били. Обвиняли, что он хотел отравить Красную Армию»[581]. Его арест был связан с «делом микробиологов», которое затронуло большую часть этих специалистов в масштабе всей страны. После освобождения был восстановлен в должности профессора Ленинградского

[580] Вернадский В.И. Дневники. С. 272–273.

[581] Там же. С. 272.

государственного института для усовершенствования врачей. Начиная 1938 г. и до конца жизни, в течение 30 лет, возглавлял кафедру бактериологии и эпидемиологии вышеназванного института.

Георгий Дмитриевич Белоновский в своей знаменитой книге «Динамика иммунитета», подготовленной в Боровом и изданной Академией наук СССР в 1944 г., писал, обращаясь к медицинским работникам: «Предлагаемый труд имеет целью вкратце познакомить врачей, во-первых, с главными реакциями иммунитета и с динамикой этого учения, во-вторых, с тем, как эти реакции, в ходе моей более чем сорокалетней научной деятельности, протекшей как в наших (главным образом, в Институте усовершенствования врачей в Ленинграде), так и в заграничных лабораториях, преломлялись в моем сознании, и, в-третьих, с теми перспективами в возможности лечения различных заболеваний, которые открывает даваемое здесь толкование реакции иммунитета»[582].

25 июля 1950 г. Г.Д. Белоновский умер в Ленинграде и похоронен на Большеохтинском кладбище.

Лев Константинович Богуш – хирург, академик АМН СССР. Прибыл в Боровое с фронта в ноябре 1943 г., работал в Сосновском туберкулезном санатории. Л. Богуш был не только хорошим врачом, но и педагогом. Боровчане его запомнили добрым, отзывчивым человеком и специалистом высшей категории. Похоронен на академическом участке Боровского кладбища[583].

В Боровом в эвакуации был и Глеб Максимилианович Кржижановский (1872–1959) – старейший деятель революционного движения, друг и соратник В.И. Ленина, выдающийся ученый-энергетик и видный государственный деятель, один из создателей первых планов электрификации и индустриализации СССР, председатель Комиссии ГОЭЛРО и первый председатель Госплана, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда (1957)[584].

---

[582] Белоновский Г.Д. Динамика иммунитета. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1944. С. 3.

[583] Из устных воспоминаний его ученика – доктора медицинских наук, профессора А.К. Байгенжина, ныне директора Президентской поликлиники Республики Казахстан.

[584] Пааль С.А. Указ. соч. Л. 30.

На общем собрании Академии наук СССР в Свердловске в мае 1942 г. Г.М. Кржижановский предложил объединить, скоординировать и направить деятельность научно-исследовательских учреждений по комплексному и рациональному исследованию ресурсов Поволжья. Это предложение привело к созданию в июне 1942 г. Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны страны[585].

Будучи председателем энергетической секции Комиссии, Г. Кржижановский отдал много сил работе по мобилизации энергетических ресурсов Урала, Сибири и Казахстана.

В Боровое на отдых Глеб Максимилианович приехал из Казани вместе с женой, Зинаидой Павловной Невзоровой. Их разместили в главном академическом корпусе санатория. В Боровом академик был бодр, энергичен, жизнерадостен и активно участвовал в общественных и политических мероприятиях академического коллектива. Его воспоминания о В.И. Ленине и революционных событиях были востребованными у боровской аудитории[586].

Летом 1942 г. на курорт Боровое приехала П.Я. Кочина (впоследствии академик), чтобы поовидать своих дочерей и племянницу, находившихся в детском комбинате Академии наук. Она вспоминает: «В доме, где жили академики, мы чаще всего заходили к Глебу Максимилиановичу и Зинаиде Павловне Кржижановским. Чрезвычайно живой и общительный, Глеб Максимилианович любил ходить на прогулку со всей нашей компанией, причем обгонял и детей и взрослых (а было ему 70 лет). При нас он сочинил стихотворение о красотах Борового и вручил мне им самим написанный экземпляр. Вот оно:

БОРОВОЕ

Среди степей бескрайних и пустынных,

Где в солнечных лучах купается простор,

[585] Левшин Б.В. Указ. соч. С. 53.

[586] Шәріпов Ө. Інжу аймак (Заповедный край). Өркен, 1988. 26 наурыз.

Зеркалит гладь озер в низинах
И чертит в небесах Синюха свой узор.
Здесь в старине седой натешилась
природа:
Гранита серого порой причудлив вид –
Деянья сказочно-могучего народа
Он как бы в образах бесчисленных
хранит...
Вот крепостей и замков с башнями руины,
Вот пирамида к небу вознеслась,
А вот – загадка сфинкса-исполина
Из недр озерных гордо поднялась...
Там – каменное сердце Ок-Джет-Песа
Гигант орёл извечно стережёт,
И в окруженьях сумрачного леса
Немало чудищ каменных ползет.
В манящих далях Ясная поляна;
Убор красавиц гор пленительно раскрыт;
В них памятник рабочему-титану
На скальной осыпи милльоны лет стоит.
Чебачье озеро за синью Борового
В крутые берега заливами вросло,
За ним степной простор задумчиво-
суровый.
Для ветра буйного привольное русло.
Играет солнышко на зыби Борового,
В ней то лазурь небес, то Балтики свинец,
Разбег шумливых волн в гранитный
сброс закован,
С востока – гравия желтеющий венец.

Лесная рать на кручи дерзко рвётся,
На них неустанно свои отряды шлет,
С напором вражьих бурь в боях
несчетных бьётся,
На голом камне крепнет и растет... [587]

Кржижановские, отдохнувшие и полные надежд на скорейшую победу, выехали в Казань осенью 1942 г. Легендарный революционер и выдающийся ученый-организатор прожил яркую и созидательную жизнь, сердце его остановилось 31 марта 1959 г.

В эвакуации на курорте Боровое находились сотрудники Ленинградского института востоковедения АН СССР. Это китаевед академик Василий Михайлович Алексеев (1881–1951), индологи – академики Фёдор Ипполитович Щербатской (1866–1942) и Алексей Петрович Баранников (1890–1952), иранист член-корреспондент Александр Арнольдович Фрейман (1879–1978). Подготовка к эвакуации института началась в июле 1942 г. В декабре 1942 г. основной состав института перебазировался в Ташкент (Узбекистан).

Война внесла свои негативные коррективы. Во время блокады Ленинграда были утрачены многие ценные коллекции по китаеведению. В частности, похищена часть архива репрессированного востоковеда Н.И. Конрада. Вместе с личными вещами из квартиры эвакуированного В.М. Алексеева пропали его научные материалы и рукописи лекции. Были утеряны либо уничтожены так и не вышедшие в свет многие труды советских китаеведов. Всему мировому китаеведению был нанесен непоправимый урон. Гибли не только рукописи и научные труды, гибли и люди науки. Так, в лагере смерти Бухенвальде погиб известный востоковед, профессор Коллеж де Франс А. Масперо, но потери советских ученых-востоковедов были колоссальными и сравнимы с потерями в политических репрессиях 30-х гг.[588]

---

[587] Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. 303 с.

[588] Дацышен В.Г. История русского китаеведения. 1917–1945. М.: Весь мир, 2015. С. 288.

В.М. Алексеев – признанный глава советского китаеведения, один из крупнейших знатоков китайского языка и литературы, академик АН СССР (1929). Василий Михайлович является автором работ по истории китайской литературы, этнографии, китайской культуре и письменности, китайскому театру и фольклору, а также переводчиком китайской классической литературы и др.

В Боровое академик приехал с женой и двумя дочерьми 7 декабря 1941 г. Сын находился на фронте. Директор курорта Е.З. Орлова разместила их в корпусе № 11, в небольшой комнате. Жена Наталья Михайловна (1890–1973), будучи востоковедом, помогала мужу. В 1958 г. она опубликует полное описание архива Василия Михайловича. Старшая дочь, Любовь Васильевна (р. 1921), работала медсестрой в военном госпитале. Младшая дочь, Марианна Васильевна (р. 1927), была помощницей родителей. Спустя годы она опубликует серию статей об отце и его научном наследии, подготовит к печати и издаст четыре монографии В.М. Алексеева[589].

В.М. Алексеев, находясь в эвакуации, писал: «Кормимся мы неплохо, хотя и без всяких, что называется, разносолов. Гуляем отлично»[590]. Из всех лишений, которые принесла война, учёный жаловался только на отсутствие специальной литературы. Из-за того, что при эвакуации лимит багажа составлял 10 кг, он смог взять с собой 1 словарь и 2 антологии китайской литературы. Находясь вдали от института и библиотек, с трудом доставая бумагу, он продолжал свои исследования. В своих письмах (март 1942 г.) Василий Михайлович отмечал: «Пишу здесь бесконечные переводы, не имея возможности ни о чём справится: у меня с собой только одна книга плюс словарь!... я закончу (в первом этапе и без комментария, для которого нет ни справочников, ни бумаги) «Мастеров китайской художественной прозы в худом переводе»… Весь мой план на этот год я выполню – если будет бумага»[591].

---

[589] Вернадский В.И. Дневники. С. 86, 128.

[590] Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М.: Восточная литература, 2004. Вып. 3. С. 216.

[591] Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 290.

3 июня 1942 г. ученый-китаевед писал: «Я упорно сижу над китайскими мандарино-поэтами, изводящими меня подлою виртуозностью своих льстивых виршей… Работаю сильно замедленными темпами»[592].

В условиях военного времени в 1942 г. В.М. Алексеев завершил переводы трёх эссе китайского философа Ван Ян-мина: «Надпись на храме в честь Сна», «Надпись у Зала культа классиков-канонов», «Обращение к похоронным пунктам». И только после прорыва блокады Ленинграда, в мае 1943 г., в Боровое прибыли книги из его личной библиотеки. По данному поводу В.М. Алексеев не без самоиронии заметил: «Целый транспорт моих книг меня обеспечивает работой как переводчика, полукомментатора и полуучёного, профессора китайского языка…»[593]

Советское правительство не прекращало закупать в Китае книги для научной работы В.М. Алексеева. В 1944 г. академик регулярно отправлял рецензии на китайские исследования в «Известия АН СССР». Исследователь К. Харбсмайер справедливо отмечал, что В.М. Алексеев в 1941–1944 гг. «в исключительно тяжелейших условиях эвакуации в Боровом работал над двухтомной антологией переводов из шедевров китайской прозы, а также тремя внушительными томами соответствующих исследований…»[594]

Академик во время эвакуации в Боровом осуществлял научное руководство аспирантами. Защиты диссертаций на соискание учёных степеней не прерывались даже в военное время. Например, известен такой факт, когда молодой китаевед Н.Т. Федоренко перед войной поступил в аспирантуру к В.М. Алексееву. Весной 1943 г. он, будучи уже дипломатом (работал в Полпредстве СССР в Чунцине), привёз свою научную работу в Боровое на проверку. Алексеев вспоминал: «Федоренко… со своей диссертацией сидел над моей душой, торопил и нервничал. А я покорно гнул спину и разбирал его диссертацию…»[595] Чуть позже

---

[592] Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Восточная литература, 2004. Вып. 3. С. 231.

[593] Дацышен В.Г. Указ. раб. С. 290.

[594] Харбсмайер К. Василий Михайлович Алексеев и российское китаеведение //" Архив российской китаистики / сост. А.И. Кобзев. М.: Наука. Восточная литература, 2013. С. 508.

[595] Дацышен В.Г. Указ. раб. С. 298.

диссертация Н.Т. Федоренко была успешно защищена. Вопреки правилам защиты ему была присуждена учёная степень доктора филологических наук, минуя степень кандидата[596].

В эвакуации В.М. Алексеев, помимо научной работы, активно участвовал в общественной жизни курорта Боровое. Однако когда он пытался рассказать о бедственном положении блокадного Ленинграда, старейшие академики В.И. Вернадский и Н.Д. Зелинский, опасаясь преследований, отговорили его от этой затеи[597]. Ученый-китаевед часто выступал на заседаниях Ученого совета госзаповедника и перед населением поселка. 24 июня 1943 г. Василий Михайлович писал из Борового: «На днях сделал доклад здесь, в общем собрании (в воскресном) «Китай и агрессоры», пользуясь материалами переводов. Возражал, конечно, идол Маслов, упрекнувший меня в отсутствии социальной базы и разными другими митинговщинами…»[598]

Близился коренной перелом в войне, советские войска готовились к прорыву блокады Ленинграда. Уже в 1943 г. встал вопрос о восстановлении кафедры китаеведения в Ленинградском университете. В.М. Алексеев писал из Борового: «Сегодня получил телеграмму от "ректора университета Вознесенского", требующего моего согласия на включение в штат завкафом. Я отвечаю: нет, 1938-й год мною не изжит и изжит не будет»[599].

Эта категоричность ответа была связана с гонениями, нападками, доносами на него в частности и на советских китаеведов в целом. Но к лету, в июне 1944 г., академик все же откликнулся на предложение ректора: «Сегодня составил проект состава китайской кафедры в востфаке: я, Штейн, Эйдлин, Смыкалов, Думан, Петров, Монзелер, Кочетова (из Эрмитажа)…»[600].

---

[596] Там же. С. 299.

[597] Вернадский В.И. Дневники. С. 128–129.

[598] Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М.: Восточная литература, 2004. Вып. 3. С. 303.

[599] Там же. С. 324.

[600] Там же. С. 338.

30 августа 1944 г. В.М. Алексеев вернулся в Ленинград. 6 сентября 1944 г. в «Журнале текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР» было отмечено: «Академику В.М. Алексееву выдали все принадлежавшие ему лично и находившиеся на временном хранении в ИВ научные материалы (1 полуторатонная машина верхом)»[601].

В.М. Алексеев возглавил вновь образованную кафедру китайской филологии при восстановленном Восточном факультете Ленинградского государственного университета. За научные достижения в годы войны академик был удостоен ордена Ленина.

Говоря о деятельности китаеведов в эвакуации, нельзя не отметить историка Н.В. Кюнера, который жил в Алма-Ате и изучал восточные рукописи и ксилографы в Центральном историческом архиве Казахской ССР и Государственной публичной библиотеке им. А.С. Пушкина[602]. В 1943 г. Н.В. Кюнер подготовил «Перевод писем местных владетелей Центральной Азии китайскому двору», а в 1945 г. завершил работу над «Библиографией китайской и маньчжурской литературы о народах Казахстана» и «Маньчжурскими архивными документами по истории казахского народа»[603].

Фёдор Ипполитович Щербатской (1866–1942) – выдающийся советский индолог, тибетолог, основатель русской школы буддологии, академик АН СССР (1918 г.), родился в польском городе Кельце. В ноябре 1918 г. он возглавил в Ленинграде Институт буддийской культуры. В 1920 г. институт вместе с другими востоковедными учреждениями Академии наук был реорганизован в Институт востоковедения. Фёдор Ипполитович до конца своей жизни заведовал индо-тибетским кабинетом. Заслуги академика Ф.И. Щербатского высоко оценила

---

[601] Болдырев А.Н. Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР. Предисловие и публикация И.К. Павловой // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944) / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2011. С. 24.

[602] Жуковская И.В., Решетов А.М. Фонды востоковедов в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН // Страны и народы Востока / под общ. ред. акад. РАН М.Н. Боголюбова. М.: Вост. лит., Вып. 33. 2010. С. 229.

[603] Вопросы истории стран Азии. М.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 92.

мировая наука. Его избрали почетным членом наиболее старых и авторитетных зарубежных научных обществ – английского Королевского Азиатского общества в Лондоне, французского Азиатского общества в Париже, немецкого Востоковедного общества в Берлине, а также членом-корреспондентом Геттингенской академии. Все же особую известность и любовь русский индолог получил в Индии и высокую оценку своего труда от Джавахарлала Неру[604].

В Институте востоковедения Ф.И. Щербатской занимался исследованиями буддийской философии. Он опубликовал итоги своего 25-летнего труда в 2 томах «Буддийской логики», которая стала последней частью его монументальной трилогии. Данное исследование получило заслуженное признание у специалистов Запада и Востока. Известный индийский ученый Дх. Шастри назвал её «Шедевром Щербатского», отмечая, что «Буддийская логика» является величайшим произведением индийской философии за последние 250 лет»[605].

В Боровое академик с другими учёными был эвакуирован из санатория «Узкое» под Москвой в конце июня 1941 г. Он поселился в главном корпусе со многими эвакуированными учёными. Дружил с академиками В.И. Вернадским и А.А. Фрейманом.

Учёный умер 18 марта 1942 г. в Боровом и похоронен на местном кладбище. На его могиле лежит гранитная плита с надписью: «Он объяснил своей стране ум древних мыслителей Индии». 1 апреля 1942 г. в Свердловске на заседании Президиума АН СССР присутствующие почтили минутой молчания память ушедшего из жизни академика Ф.И. Щербатского[606].

Алексей Петрович Баранников (1890–1952) – советский учёный-индолог, академик АН СССР (1939 г.). В 1921–1928 гг. – ученый хранитель отдела буддийского искусства Русского музея, с 1936 г. – заведующий Новоиндийским кабинетом ИВ АН СССР, в 1938–1940 гг. – директор Института востоковедения

---

[604] Семичов Б.В., Зелинский А.Н. Академик Федор Ипполитович Щербатской // Ф.И. Щербатской. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. С. 15, 40.

[605] Кальянов В.И. Академик Ф.И. Щербатской. Его жизнь и деятельность: сб. ст. памяти академика Ф.И. Щербатского. М.: Наука, 1972. С. 22.

[606] Там же. С. 25.

АН СССР. С 1922-го до конца жизни – профессор МГУ. Автор грамматик и словарей новоиндийских языков (урду, хинди). В 30–40-х гг. труды А.П. Баранникова противопоставлялись в официальных кругах работам С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского как представителей «буржуазной науки»[607].

Академик А.П. Баранников – крупный исследователь цыганского языка, истории цыганского народа. На эту тему опубликовано более 20 работ, в том числе монография о диалектах цыган юга России и левобережной Украины, грамматика и цыгано-русский словарь (в соавторстве с профессором М.В. Сергиевским). Кроме того, опубликовал 250 научных работ по индоведению[608].

А.П. Баранников был эвакуирован из Ленинграда с другими учеными 22 июля 1941 г. В Боровое он приехал с женой, сыном и дочерью. Семья обосновалась в 11-м корпусе. В эвакуации учёный продолжал заниматься индийскими языками и литературой. Главной его работой стал перевод поэмы «Рамаяна», который сделал его имя бессмертным. Летом 1944 г. академик А.П. Баранников возвратился в Ленинград. В 1945 г. за заслуги перед Родиной учёный удостоен высшей государственной награды СССР – ордена Ленина.

Александр Арнольдович Фрейман (1879–1968) – филолог-иранист, доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР, создатель и глава советской школы древнеиранской филологии и сравнительно-исторического иранского языкознания. Почти на протяжении шести десятилетий творческой жизни учёный был связан с Азиатским музеем – Институтом востоковедения АН СССР. В 1933 г. А.А. Фрейман возглавил экспедицию Таджикской базы АН СССР, в ходе которой были найдены в развалинах замка на горе Муг около 400 предметов материальной культуры, в их числе совершенно уникальные памятники

[607] Вернадский В.И. Дневники. С. 324.

[608] Бескровный В.М., Кальянов В.И. Памяти акад. Алексея Петровича Баранникова // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. 1953. Т. 12, вып. 1. С. 56.

согдийского языка и письменности – рукописный архив, документы на коже, бумаге и дереве, относящиеся к эпохе арабского завоевания Средней Азии[609].

С 1934 г. А.А. Фрейман работал в Институте востоковедения АН СССР. Круг его научных интересов – сравнительно-историческое иранское языкознание. Ученый-востоковед с огромным энтузиазмом занимался Авестой и древнеперсидскими надписями, изданием пехлевийских текстов, их историей. По справедливому замечанию его ученика, известного востоковеда И.М. Оранского, А.А. Фрейману принадлежит крупнейшее открытие в отечественной науке – это дешифровка и исследование согдийских документов с горы Муг, исследование хорезмийского языка. Как ученому и педагогу, организатору науки многим обязаны Александру Арнольдовичу советские осетиноведение, курдоведение, таджиковедение, афгановедение. «Важнейшую задачу иранского языкознания, – писал И.М. Оранский, – А.А. Фрейман видел в создании историко-сравнительной грамматики и этимологического словаря иранских языков – трудов, которые могли бы показать процесс закономерного исторического развития этой языковой семьи как единой системы. Этой задаче посвящены, в конечном счете, все работы Фреймана…»[610]

А.А. Фрейман с женой прибыл в Боровое 19 ноября 1941 г., и их поселили в корпусе № 11. В сентябре 1942 г. его родной Институт востоковедения был эвакуирован в Ташкент. Несмотря на сложности военного времени, дирекция института установила связи со своими сотрудниками в Боровом. А.А. Фрейман начал работать по плану кабинета иранистики.

В Боровом ученый-иранист принимал участие в заседаниях академической группы (сохранились два протокола заседаний, подписанных В.М. Алексеевым и А.А. Фрейманом). Консультировал и вел научную переписку с профессором С.А. Семеновым-Зусером, автором монографии «Древний Казахстан: от палеолита до

[609] Семенов-Зусер С.А. Древний Казахстан (материалы по изучению древнего Казахстана за советский период, от палеолита до арабского завоевания). Харьков, 1946. 235 с. // Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 19. Л. 195–204.

[610] Оранский И.М. Древнеиранская филология и иранское языкознание // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 320.

арабского завоевания», заведующим кафедрой всеобщей истории Объединенного Украинского (Киевского и Харьковского) университета, эвакуированного в Кзыл-Орду. А.А. Фрейман за безупречный и многолетний научный труд был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями.

Годы Великой Отечественной войны стали временем тяжелых испытаний и лишений для советских востоковедов. В этот период около трети сотрудников Института востоковедения АН СССР погибли, были остановлены научные исследования, утеряны некоторые архивы и книжные коллекции. Однако работа не прекращалась, и к концу войны востоковедческая наука была полностью восстановлена и получила дальнейшее развитие[611].

Федор Аронович Ротштейн (1871–1953) – доктор исторических наук, академик АН СССР (1939 г.), в прошлом профессиональный революционер. Активный участник нелегального студенческого движения, после предупреждения властей эмигрировал в Германию (1891 г.), затем в Англию, где жил до 1920 г. С 1896 г. – член социал-демократической федерации (партии) Англии, в 1900–1906 гг. – член ее ЦК, делегат ряда конгрессов II Интернационала. В 1914 г. организовал фракцию интернационалистов, отколовщуюся от с.-д. партии. В 1920 г. приехал в СССР как делегат английской секции Коминтерна. После отказа в выдаче визы на въезд в Англию остался навсегда в СССР. В 1921–1922 гг. – полпред в Персии. С 1923 г. – профессор МГУ. В 1924–1925 гг. – директор Института мирового хозяйства и мировой политики. С 1942 г. – старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Научные изыскания Фёдора Ароновича Ротштейна посвящены истории английского рабочего движения, Германии, колониальной политики и международных отношений и др.[612]

Академик, как и другие ученые, был эвакуирован в Боровое. Его разместили в 11-м корпусе. В эвакуации академик работал над двумя большими научными трудами – «Политическая история империализма» и «Две прусских войны».

---

[611] Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 305.

[612] Вернадский В.И. Дневники. С. 393.

29 ноября 1942 г. щучинская районная газета информировала, что «проживающий в Боровом академик Ф.А. Ротштейн закончил большой научный труд – "Политическая история империализма"»[613]. За научные исследования и общественную деятельность советское правительство наградило академика Ф.А. Ротштейна орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями.

Александр Ильич Тюменев (1880–1959) – советской историк, специалист в области социально-экономической истории древнего мира, академик АН СССР (1932 г.). В 1920–1922 гг. издал в 3 томах «Очерки экономической и социальной истории Древней Греции», автор монографии «История античных рабовладельческих обществ» (1935), цикла статей по истории Северного Причерноморья «Херсонские этюды», а также по истории Шумера и Аккада[614].

В Боровое академик А.И. Тюменев прибыл в июле 1941 г. С ним была жена Елена Аполлоновна, ее сестра и тетя. Их разместили в 33-й даче, где во второй половине жила семья академика Л.И. Мандельштама. Здесь ученый продолжил работу над монографией, посвященной истории рабовладельческого общества древнего Шумера.

В 20-е гг. прошлого столетия А.И. Тюменев начал изучать труднодоступные клинописные языки, главным образом шумерский. И благодаря упорству овладел им в объёме, достаточном для самостоятельного исследования документов по древнеегипетской экономике. Учёный, отобрав из многих тысяч клинописных табличек около 6 тысяч документов, дал первую в науке всеобъемлющую, систематизированную сводку этого колоссального материала. Итогом почти двадцатилетней упорной исследовательской работы стала фундаментальная монография «Государственное хозяйство древнего Шумера» (1956 г.), о государстве, расположенном по нижнему течению рек Евфрата и Тигра (на территории нынешнего Ирака)[615].

---

[613] Социалистический труд. 1942. 29 нояб.

[614] Александр Ильич Тюменев (1880–1959): Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. истории. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. 7. С. 5–19.

[615] Там же. С. 13–14.

«Методологические исследования А.И. Тюменева, – отмечает ученый И.Д. Амусин, – по основным проблемам истории Древней Греции, его фундаментальное исследование истории храмовых и царских хозяйств древнего Шумера надолго останутся крупнейшим вкладом в развитие исторической науки»[616].

За достижения в развитии исторической науки Александр Ильич Тюменев награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Алексей Александрович Баландин (1898–1967) – выдающийся советский химик, академик АН СССР (1946 г.), признанный во всем мире специалист в области катализа, автор более тысячи научных работ и изобретений, многие из которых представляют собой крупные достижения в каталитической химии. За выдающиеся исследования в области органического катализа А.А. Баландин был удостоен премии им. Д.И. Менделеева (1936 г.) и им. С.В. Лебедева (1945 г.), Сталинской премии (1946 г.). За высокие достижения в науке и организационную деятельность он награжден орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени[617].

Баландин – ученик Н.Д. Зелинского, принимал участие в знаменитой экспедиции Л.А. Кулика на место падения Тунгусского метеорита. По ложному обвинению был репрессирован в 1936 г. В ссылке находился в Оренбурге до 1939 г., работал химиком в заводской лаборатории, учителем в школе взрослых. В связи с пересмотром дела («бериевский обратный поток») в мае 1939 г. был реабилитирован и восстановлен на работе в АН СССР. Решающую роль в освобождении сыграли ходатайства химиков-академиков, в том числе и В.И. Вернадского. С 1948 г. работал деканом химического факультета МГУ. 1 апреля 1949 г. по доносу был вторично арестован и по 58-й статье 10 лет должен был отбывать срок в Норильлаге. В мае 1953 г. реабилитирован по прекращении дела,

[616] Там же. С. 19.

[617] Алексей Александрович Баландин (1898–1967). 2-е изд., доп. М.: Наука, 1984. С. 6–11.

вернулся в Институт органической химии АН СССР, в котором возглавил лабораторию органического катализа им. Н.Д. Зелинского[618].

Ученый, находясь в эвакуации в Боровом, жил в 11-м корпусе санатория. Алексей Александрович часто общался с академиками Зелинским и Вернадским, выступал на заседаниях и собраниях академического коллектива.

Находясь далеко от научного центра, А.А. Баландин успешно руководил лабораторией органического катализа Института органической химии АН СССР. В результате научого поиска способа дегидрогенизации парафинов, олефинов и алкилбензолов с целью получения важнейших мономеров была решена проблема замены дорогостоящего натурального каучука искусственным, синтезированным из непищевого сырья. Производство этого синтетического каучука было налажено в 1942 г. на одном из заводов, дававшем 600 тонн этого ценного продукта в год[619].

А.А. Баландин совместно с О.К. Богдановой, А.П. Щегловой и М.Н. Марушкиным разработал ряд оригинальных катализаторов для процессов дегидрогенизации бутана в бутилен и бутилена в дивинил, вследствие чего появилась возможность для синтеза каучука из нефти и нефтяных газов[620]. За доблестный труд в годы войны и за исследования в области получения синтетического каучука А.А. Баландин в 1946 г. был награжден Сталинской премией.

Мария Фёдоровна Андреева (урождённая Юрковская) (1868–1953) – яркая представительница русской дореволюционной творческой интеллигенции, известная русская актриса и общественный деятель. Многие годы Мария Федоровна была женой, другом и соратником писателя Максима Горького. В 1906 г. по заданию ЦК большевиков сопровождала Горького в поездке по Америке с целью сбора средств для революционной работы. Выполняла поручения В.И. Ленина по доставке в Россию большевистской газеты «Пролетарий», сбору средств и привлечению широкого круга авторов для газеты «Правда» и т.п. Была

---

[618] Баландин А.А. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1995. С. 3–302; Вернадский В.И. Дневники. С. 415–416.

[619] Левшин Б.В. Указ. соч. С. 127.

[620] Алексей Александрович Баландин (1898–1967). 2-е изд., доп. С. 12.

комиссаром театров и зрелищ Петрограда, одной из инициаторов создания Большого драматического театра, актриса этого театра (1919–1926 гг.). Последние 20 лет жизни руководила московским Домом ученых[621].

В Боровое М.Ф. Андреева прибыла в октябре 1941 г. Мария Федоровна получила жилье в 37-й даче. Вместе с ней приехала приёмная дочь Екатерина Андреевна. Здесь же в деткомбинате Академии наук находились и дети ее племянников. Мария Федоровна писала о природе Борового: «Климат здесь чудесный и солнце, очень частое, светит и греет совсем не по-зимнему даже в морозы»[622].

Учитывая организаторский талант и опыт Марии Фёдоровны, ее пригласили в Распределительное бюро академической группы. В Боровом, как и в Москве, она неустанно заботилась об ученых и их семьях. Организовывала и делала все, чтобы каждый чувствовал, что его труд востребован в тяжелое время войны. О тех временах и своих встречах с Андреевой тепло вспоминает академик Г.М. Кржижановский: «В последующие годы наша встреча состоялась в местечке Боровом (Казахстан) в годы Второй мировой войны. Там собрался большой коллектив академиков с семьями… Время было исключительно тревожным, вопросы, которых приходилось касаться, носили жгучий характер и вызывали самые разнообразные настроения в различных группах. И мне все время приходилось удивляться тому такту и той вдумчивости, которые проявляла Мария Федоровна в своих отношениях с разнообразным коллективом, умело поддерживая в нем советскую настроенность…»[623]

19–20 декабря 1942 г. проходила XII Щучинская районная партийная конференция. На неё была приглашена и М.Ф. Андреева. Ей был выдан мандат с правом решающего голоса. Секретарь партийной организации курорта Б.В. Слуцкая, выступая на этой конференции, говорила: «Особенно я хотела остановиться на деятельности и влиянии в академическом коллективе М.Ф.

---

[621] Пааль С.А. Указ. соч. Л. 29.

[622] Андреева М.Ф. Переписка, воспоминания, статьи, документы. М.: Искусство, 1963. С. 516.

[623] Кржижановский Г.М. Мои встречи с М.Ф. Андреевой // Андреева М.Ф. Переписка, воспоминания, статьи, документы. М.: Искусство, 1963. С. 370.

Андреевой. Она оказывает исключительное влияние на коллектив, вносит в него ту партийно-политическую струю, которая бодрит людей, вселяет уверенность в нашу победу, способствует неустанной работе. За время пребывания Марии Фёдоровны в Боровом академический коллектив намного спаялся, провел большую политическую и научную работу. В академическом коллективе ежедневно читаются лекции, научные доклады, рефераты»[624].

Мария Федоровна неоднократно просила разрешения вернуться в Москву. «Жить мне осталось, – обращалась она к члену КПСС с 1905 года М.Л. Сулимовой, – много сказать пять-шесть лет. Имею ли даже право уменьшить это число на два-три года? У меня две задачи – поставить на ноги своих малышей – Марину и Володю, а пока что и Алешу и написать об Алексее Максимовиче…»[625]

В середине февраля 1943 г. Мария Фёдоровна вернулась в Москву. В 1944 г. М.Ф. Андреева была награждена орденом Трудового Красного Знамени, а несколько позже – орденом Ленина. Скончалась М.Ф. Андреева 8 декабря 1953 г.

Леонид Самуилович Лейбензон (1879–1951) – выдающийся ученый, крупный специалист в области механики и нефтяного дела, основатель подземной гидравлики, академик АН СССР (1943 г.), основоположник прикладной теории упругости и прочности, ученик и последователь знаменитого Н.Е. Жуковского. Ученый занимался аэродинамикой, теорией турбин, небесной механикой, теорией упругости, сопротивлением материалов, теоретической и нефтепромысловой механикой, подземной гидравликой, геофизикой и т.д.[626]

В Боровое Л. Лейбензон прибыл во второй половине июля 1941 г. Со своей семьей – женой, дочерью, сестрой и братом – расположились на третьем этаже 11-го корпуса.

Находясь в эвакуации, ученый продолжал работать над проблемами геофизики, в частности приложения теории упругости к вопросам строения Земли. В годы эвакуации им опубликованы научные труды: «К вопросу о

---

[624] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 7.

[625] Волохова Н.А. Феномен. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Лениздат, 1986. С. 311.

[626] Лисичкин С.М. Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники. М.: Недра, 1976. С. 233.

циркуляции, возбуждаемой ветром в замкнутом бассейне» (1941), «О деформации и вибрации земли» (1941), «К вопросу распределения ветра по высоте» (1942). Также он опубликовал работы, посвящённые вопросам теории упругости и теории сопротивления материалов, в частности «Элементы математической теории пластичности» (1942) и капитальный труд «Вариационные методы решения задач теории упругости» (1942). Много времени Леонид Самуилович уделял работе над учебниками для студентов вузов. Результатом стали «Краткий курс теории упругости» (1942) и «Элементы математической теории пластичности» (1942).

В годы войны на основе блестящих исследований в области теории упругости, выполненных Л.С. Лейбензоном, проводились важнейшие расчеты на прочность самолетов, танков и артиллерийских систем. В 1943 г. ученый за исследования в области теории упругости и нефтепромысловой механики, за работы «Движение газированной жидкости в пористой среде» и «Краткий курс теории упругости» был удостоен Сталинской премии. Полученные средства Леонид Самуилович отдал на постройку боевого штурмовика. Как он и ходатайствовал, истребителю присвоили имя «отца русской авиации» Н.Е. Жуковского. В этом же году Л.С. Лейбензон был избран академиком.

Надо отметить, среди большой и разносторонней научной деятельности Л.С. Лейбензона особое место занимают работы по нефтяному делу, которые получили мировое признание. «Труды Л.С. Лейбензона и его учеников, – отмечает исследователь С.М. Лисичкин, – в области подземной гидравлики позволили коренным образом улучшить разработку нефтяных и газовых месторождений, создать новую технологию добычи нефти и газа»[627].

В январе 1944 г. ученый тяжело заболел и семь лет был прикован к постели. Несмотря на болезнь, он продолжал работать. За образцовое выполнение заданий правительства по добыче и переработке нефти и обеспечение нефтепродуктами армии, промышленности и сельского хозяйства в условиях военного времени он

[627] Там же. С. 239.

был награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Умер Л.С. Лейбензон 15 марта 1951 г., похоронен на Новодевичьем кладбище[628].

Владимир Николаевич Образцов (1874–1949) – видный учёный, крупнейший специалист в области железнодорожного транспорта, академик АН СССР (1939), основоположник советской науки проектирования железнодорожных станций и транспортных узлов. В.Н. Образцов с семьёй был эвакуирован в Боровое. Вместе с ним приехали жена, сестра академика, сын Борис, невестка и две внучки. Их разместили в 37-й даче. В ноябре 1941 г. учёный переехал в Свердловск, семья осталась в Боровом. 3 апреля 1942 г. Президиум АН СССР принял решение о расширении деятельности Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны на районы Западной Сибири и Казахстана. Группу по транспорту возглавил В.Н. Образцов[629].

7 июня 1942 г. президент АН СССР академик В.Л. Комаров в интервью корреспонденту КазТАГ, в частности, сказал: «Под руководством академика В.Н. Образцова ученые-транспортники, совместно с работниками Турксиба, приступили сейчас к работам по анализу грузопотоков на Турксибе и Карагандинской железной дороге, чтобы выявить возможности увеличения пропускной способности этих дорог и размещения промышленности в районах, экономически тяготеющих к ним»[630]. В 1942–1943 гг. бригада ученых, в которую входил и академик В.Н. Образцов, изучала комплекс вопросов, связанных с Балхашским медеплавильным заводом, предприятиями Джезказгана, Карсакпая, Коунрада и других прилегающих районов добычи (отчасти и переработки) медных, железных, марганцевых и молибденовых руд[631].

За выдающиеся заслуги академик В.Н. Образцов был дважды награжден Сталинской премией, тремя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями.

---

[628] Там же. С. 237.

[629] Пааль С.А. Указ. соч. Л. 7.

[630] Все ресурсы Казахстана – на нужды обороны! Беседа с президентом Академии наук СССР академиком В.Л. Комаровым // Казахстанская правда. 1942, 7 июня.

[631] Правда, 1942, 25 окт.

Мануил Исаакович Певзнер (1872–1952) – известный врач-терапевт, специалист в области диетологии, заведующий клиникой лечебного питания в Институте питания, профессор[632].

В Боровом в период эвакуации Мануил Исаакович внимательно следил за здоровьем и питанием ученых, персонально каждому академику назначал диету. Ученые были довольны медицинским уходом и заботой руководства курорта. Благодаря прекрасному климату, хвойному и лесостепному воздуху, а также правильному питанию академики подкрепили свое здоровье и у них повысилась работоспособность[633].

13 марта 1943 г. СНК СССР принял решение о реэвакуации в Москву 75 учреждений Академии наук и выделил на эти цели 4,5 млн руб. Из Свердловска, Казани, Алма-Аты, Кзыл-Орды, Ташкента и других мест начали возвращаться организации Академии наук СССР.

В телеграмме от 26 июля 1943 г. Председателю Совнаркома Казахстана Н. Ундасынову директор Крымского медицинского института профессор Татевосов из г. Кзыл-Орды писал: «Покидая братский Казахстан, от имени коллектива Крыммединститута имени Сталина выражаю сердечную благодарность казахскому народу за отцовскую заботу!»[634] Таких телеграмм и посланий из разных городов Казахстана, где находились эвакуированные научные коллективы, было множество.

Академический коллектив и ученые АН СССР, их семьи прожили в Боровом по два-три года, окруженные повседневным вниманием и заботой. Их жизнью и научным трудом интересовались ответственные работники Академии наук СССР, партийные и советские организации всех уровней. Боровое в эти годы

---

[632] Вернадский В.И. Дневники. С. 92.

[633] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Государственный курорт «Боровое» курортного управления наркома здравоохранения Каз.ССР Щучинского района Северо-Казахстанской области (1941 г.). Оп. 1. Ед. хр. 6. Св. 2. Л. 22.

[634] ЦГА РК. Ф.1137. Оп. 11. Д. 7, Л. 177.

посетили председатель СНК Казахской ССР Н. Ундасынов, его заместитель Т. Тажибаев, инструктор ЦК КП(б) Казахстана Тарасенко и др.[635]

Отъезд учёных, как и приезд, не был одновременным. Академик Г.М. Кржижановский, например, пробыв в Боровом на отдыхе одно лето, уехал в Казань осенью 1942 г. В середине февраля 1943 г. вернулась в Москву М.Ф. Андреева.

17 июля 1943 г. академик В.И. Вернадский обратился к вице-президенту Академии наук А.А. Байкову с просьбой прислать на ст. Курорт Боровое во второй половине августа вагон для реэвакуации своей семьи и семьи академика Н.Д. Зелинского. 22 августа В.И. Вернадский выехал из Борового и 30 августа приехал в Москву. Тогда же отправились в столицу академики Л.С. Лейбензон, А.Н. Крылов и др.

Во второй половине 1943 г. покинули гостеприимное Боровое коллективы Сосновского военного санатория и Института им. Сеченова. В октябре опустели корпуса детского санатория: деткомбинат Академии наук тоже был реэвакуирован. А в отчёте курорта за 1944 г. появилась заключительная строка: «Дом отдыха Академии наук на 83 койки функционировал по 20 августа 1944 года»[636].

Позже, в феврале 1945 г., выступая на Щучинской районной партконференции, директор курорта П.А. Сниткин особо отметил: «На долю коллектива курорта выпало счастье обслуживать эвакуированных академиков, семьи командиров и института им. Сеченова. Сейчас все эти люди реэвакуировались, и мы имеем благодарность от них за внимание, чуткость и заботу, проявленные о них, здесь на курорте…»[637]

Однако некоторые учёные находились в Боровом до конца августа 1944 г. Перед отъездом учёные послали благодарственные письма и телеграммы главному врачу и директору санатория, директору заповедника, Щучинскому

---

[635] Андреева М.Ф. М.: Искусство. 1968. С. 438.

[636] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1.

[637] Там же.

райкому партии. Не были забыты и те члены академического коллектива, которые в нелегкие годы эвакуации выполняли хлопотливые обязанности в составе Распределительного бюро.

В адрес С.А. Зернова, Л.С. Берга, В.П. Вологдина и М.Ф. Андреевой было направлено следующее письмо: «Глубокоуважаемые Сергей Алексеевич, Лев Семёнович, Валентин Петрович и Мария Фёдоровна! Позвольте нам, членам академического коллектива в курорте «Боровое», выразить Вам всем искреннюю и глубокую благодарность за ваши самоотверженные заботы и труды по обеспечению нашему коллективу нормальной и достойной жизни в эвакуации. Мы все глубоко чувствуем, сколь многим Вы жертвовали на нашу общую пользу, сколько неприятных и тяжёлых минут и часов выпадало на Вашу долю при устройстве сложных дел, улаживании сталкивающихся интересов и самолюбий, сколько работы взял на себя неутомимый и образцовый в ней Лев Семёнович, сколько неудобств выпало на долю всех Вас в принятом Вами на себя общественном и товарищеском служении. Чувствуя себя чрезвычайно обязанным Вам за всё, что Вы сделали для нас и от чего избавили нас, Ваших товарищей, мы просим Вашего разрешения, в свою очередь, и при первой же возможности быть Вам всем в меру наших сил и возможностей приятными и полезными»[638]. Под письмом стояли подписи В.М. Алексеева, А.С. Орлова, А.П. Баранникова, Л.А. Иванова, А.И. Тюменева, А.Н. Крылова, А.Е. Фаворского, М.Н. Римского-Корсакова, Н.Н. Воронихина, П.Ю. Шмидта и др.

Были отправлены благодарственные письма редакциям газет «Акмолинская правда» и «Казахстанская правда», Совнаркому республики и ЦК Компартии Казахстана.

В августе 1944 г. из Борового последними отбыли учёные из Ленинграда. Врач пансионата С.Г. Бражников вспоминает: «Перед самым отъездом из Борового С.А. Зернов заболел… Однако, благодаря принятым мерам, тщательному уходу, соответствующей психотерапии, удалось поставить его ко дню отъезда на ноги.

[638] Золотницкая Р.Л. Л.С. Берг в годы Великой Отечественной войны // Изв. Всесоюзного географического общества. 1970. Т. 102, вып. 1. С. 23.

Сергей Алексеевич вновь принялся бодро и энергично за свои функции председателя академического бюро, хлопоча по всем многочисленным вопросам своевременной и удобной посадки всех членов академического коллектива, считаясь с требованиями, вкусами, а иногда и претензиями некоторых представителей его. Приходилось и волноваться, выравнивая и сглаживая неизбежные в подобных обстоятельствах шероховатости. Но вот, наконец, все уладилось, устроилось. Можно было подумать и о себе. Сергей Алексеевич, как капитан готовящегося к отплытию корабля, до последней минуты твёрдо и деятельно стоял у руля правления и уехал последним, тщательно всё осмотрев и убедившись, что ничего не оставлено, не упущено»[639].

Дочь академика А.Е. Фаворского, Татьяна Алексеевна, так описывает отъезд из Борового: «И вот уже за академиками в Боровое прислан представитель Академии наук, забронированы два вагона – мягкий и жесткий. В том и другом нашей семье выделено по купе. Последняя ночь... и 31 августа 1944 г., ровно через 3 года, мы покидаем Боровое, прощаемся с дачей № 29, где прожито столько тяжёлых и светлых минут. Подан автобус, прощаемся с заведующей курортом, с врачом курорта С.Г. Бражниковым... Алексей Евграфович, как всегда при отъезде, волнуется, его с трудом усаживают в санитарку, садятся все остальные. Прощай Боровое, прощай благословенный уголок!..»[640]

21 августа 1944 г., перед отъездом из Борового, группа учёных направила прощальное письмо со словами благодарности Председателю Президиума Верховного Совета Казахской ССР тов. А. Казакпаеву: «Покидая после трёхлетнего пребывания в Боровом пределы Казахстана, академический коллектив выражает искреннюю признательность Правительству Казахской ССР за гостеприимство, которым наш коллектив пользовался в течение этого времени. Мы уносим самые лучшие воспоминания о Казахстане и его народе, который, рука об руку с другими братскими народами Союза доблестно защищает нашу Родину от фашистских варваров. Многие из нас, в бытность в Боровом в 1941–

[639] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 27.

[640] Фаворская Т.А. Указ. соч. С. 111.

1944 гг. и ранее, работали над исследованием природы Казахстана, его ресурсов и этнографии казахского народа, и мы рады будем и впредь способствовать изучению Вашей прекрасной страны. Желаем дальнейшего процветания!»[641].

К сожалению, не все ученые вернулись в свои родные места. На местном кладбище похоронены академики – индолог Ф.М. Щербатской, востоковед А.Е. Крымский, ученый-химик И.А. Ильинский, славист Б.М. Ляпунов, ученый-историк Е.А. Мороховец, преподаватель Военной академии им. Фрунзе М.С. Шмыров, научный работник музея Чайковского А.М. Шапшан, а также жены В.И. Вернадского, Н.Ф. Гамалеи, П.П. Маслова, мать И.И. Шмальгаузена.

Исследователь Э.И. Гракина справедливо отметила: «Ученые внесли существенный вклад в строительство современной армии, создание передовой для того времени техники и вооружения, развитие оборонной промышленности и всей системы обороноспособности, включая подготовку кадров и укрепление духовного потенциала советского общества, в укрепление действующих в тех условиях таких морально-политических факторов, как патриотизм и интернационализм…»[642]

Правительство СССР по достоинству отметило вклад ученых в дело победы над врагом. В апреле 1942 г. пришло сообщение о том, что труды троих ученых-боровчан получили признание всей страны. Академики Н.Д. Зелинский, Л.И. Мандельштам и С.Н. Бернштейн за работы 1941 г. были пнаграждены Сталинскими премиями первой степени.

В 1942 г. были удостоены Сталинских премий академик Л.И. Мандельштам – за выдающиеся открытия по оптике и радиофизике, академик А.Е. Фаворский, руководивший лабораторией по усовершенствованию производства машинного масла и авиационного бензина, академик В.П. Вологдин – за уникальные открытия по высокочастотному электричеству.

---

[641] ЦГА РК. Ф. 1109. Оп. 3. Д. 105. Л. 30.

[642] Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / РАН. Ин-т рос. истории в сотруд. с ун-том им. Меллена. М., 2000. С. 5.

В марте 1943 г. обитатели Борового от всей души поздравляли В.И. Вернадского, когда ему в связи с 80-летием и за выдающиеся работы в области науки и техники была присуждена Сталинская премия первой степени. Половину денежной премии (100 000 рублей) Владимир Иванович пожертвовал в Фонд обороны.

В 1943 г. почётный академик Н.Ф. Гамалея за многолетние выдающиеся работы в области науки также был удостоен Сталинской премии. За научные достижения такими же премиями в 1942 и 1943 г. были награждены и академики А.А. Борисяк, С.Г. Струмилин, Л.С. Штерн.

Окончание Великой Отечественной войны совпало с 220-летием Академии наук СССР. Её юбилей вылился в грандиозный праздник советской науки. Торжества открылись 15 июня 1945 г. в Большом театре в Москве. На нём присутствовало свыше 1200 человек. К сожалению, академики В.И. Вернадский, Ф.И. Щербатской, С.А. Зернов, М.А. Ильинский, Б.М. Ляпунов, Л.И. Мандельштам, А.А. Борисяк не дожили до этого знаменательного события.

Высоко оценивая деятельность Академии наук, Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями Советского Союза 1465 учёных, а самым выдающимся из них академикам Н.Д. Зелинскому, А.Е. Фаворскому и А.Н. Баху присвоены звания Героя Социалистического Труда. Еще раньше этого высокого звания был удостоен академик А.Н. Крылов. Орденом Ленина награждены академики В.М. Алексеев, А.П. Баранников, Л.С. Лейбензон, С.Г. Струмилин, а орденом Трудового Красного Знамени – академики Н.Ф. Гамалея, Г.М. Кржижановский, А.А. Баландин, В.Н. Сукачев, Л.С. Берг и др. Академика Л.С. Штерн наградили орденом Красной Звезды. Все эти ученые в годы войны жили и работали в Боровом.

Выдающиеся советские ученые, эвакуированные в Боровое в годы войны, оказали существенное влияние на развитие науки и культуры Казахстана. Их труд вошел в героическую историю Великой Отечественной войны наравне с подвигами советских воинов и делами рабочих и колхозников советской державы.

4. Естественнонаучные и медицинские исследования эвакуированных учёных

4.1. Научная и общественная работа академика В.И. Вернадского в период эвакуации (1941–1943 гг.)

Выдающийся естествоиспытатель, философ, организатор и историк науки, общественный и политический деятель, создатель новых наук – геохимии и биогеохимии, основатель учения о биосфере и ноосфере академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) является одной из центральных фигур, занявших достойное место в истории российской и мировой науки и общественной мысли XIX–XX вв.

Вернадский с юных лет наряду с естественными науками проявлял огромный интерес к истории родного края, в частности к древностям Украины. Каменные изваяния кипчакских ханов, переданные Владимиром Ивановичом Вернадским в Полтавский музей, и по сей день экспонируются как памятники истории Половецкой (Кипчакской) орды на земле Украины[643]. Сын Вернадского, Георгий Владимирович, унаследовал от отца тягу к истории Киевской Руси и посвятил свою жизнь изучению истории Евразии.

Интерес В.И. Вернадского к истории Украины и Востока возник в ранние годы, под влиянием семьи, а также благодаря его дружбе с яркими представителями восточной философии братьями Ольденбургами и с великим украинским тюркологом, одним из основателей российской тюркологии Агафангелом Ефимовичем Крымским. Проблемы происхождения половецких (тюркских) рукописей и хранения их в архивах Киева с древних времен, влияние тюркского языка на русский, тюркские топонимы на территории Украины волнуют Владимира Ивановича Вернадского[644].

---

[643] Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г.П. Аксенов. М.: Современник, 1993. С. 61.

[644] Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1941 рр.). Т. 2. (19181941 рр.). К., 2005. С. 232–234.

Судьба сводит Вернадского с выдающимися деятелями казахского народа. В 1888 г. у известного немецкого профессора Пауля Грота, в его Мюнхенской лаборатории кристаллографии, проходили практику, наряду с В.И. Вернадским, представители разных стран, в том числе и казах Салимгерей Жантурин (выпускник физико-математического факультета Московского университета)[645]. Примечателен факт, что членом Центрального Комитета Конституционно-демократической партии вместе с академиком В.И. Вернадским на Учредительном съезде кадетов был избран и лидер казахского народа, ученый-естествоиспытатель, член Императорского Русского географического общества, депутат I Государственной Думы Алихан Букейханов, последний казахский султан, прямой потомок ханов Золотой Орды. За свою подпись под обращением к царю «Народу – от народных представителей», известным более как «Выборгское воззвание», одним из авторов которого был В. Вернадский, А. Букейханов с 200 депутатами I Государственной Думы был подвергнут преследованию[646].

Деятельность В. Вернадского в первой половине XX в. тесно связана со Средней Азией и Казахстаном. В поисках радия маршруты В. Вернадского проходят через Казахстан, Узбекистан и Киргизию. В 1916 г. в путешествии по Алтаю он посещает рудник Риддер и г. Семипалатинск. Здесь Вернадский встречается с известными людьми города, знакомится с работой Семипалатинского географического общества, восторгается богатой минеральной коллекцией, а также интересуется творчеством казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева[647].

В.И. Вернадский, ранее посетивший очаги культуры Средней Азии и Казахстана – Самарканд, Ташкент и Коканд, родину Авиценны, аль-Фараби, Ходжа Ахмеда Яссави, Бируни и Улугбека, – обращает особое внимание на развитие науки и образования в азиатской части России. 19 февраля 1919 г. он

---

[645] Владимир Вернадский: Жизнеописание. С. 56.

[646] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии (1915–1920 гг.): в 6 т. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 3. С. 545; Букейханов А. Избранное (на каз. яз.). Алма-Ата: Казахстан, 1994. С. 16.

[647] Герасимов Б. Двадцатипятилетие Семипалатинского Отдела Государственного Русского Географического общества. 1902–1927 гг. Издание Общества Изучения Казахстана. Кзыл-Орда, 1927. С. 17.

выступает с докладом «Задачи науки в связи с государственной политикой в России». Вернадский констатирует, что «Россия по своей истории, этническому составу и по своей природе – страна не только Европейская, но и Азиатская». Большая часть ее территории находится в Азии, и одной из важнейших задач русской государственности должно стать ее участие в возрождении Азии. «Для этого необходимо не только предоставление широкой возможности молодежи и Азии (русской и зарубежной) участия в высших школах и институтах Европейской России, но мощное развитие соответствующих государственных учреждений в России Азиатской… Русская Азия должна быть возможно быстро покрыта государственной сетью высших школ и научных учреждений»[648].

4 августа 1919 г. В.И. Вернадский принимает участие в заседании организационного собрания Туркестанского научного общества по вопросу открытия в г. Ташкенте высшего учебного заведения[649]. Ташкент исторически считался родным городом как для узбеков, так и для казахов. В 1920 г. декретом СНК РСФСР за подписью В.И. Ленина на базе Народного университета был создан Туркестанский государственный университет, первое высшее учебное заведение Средней Азии и Казахстана.

В 20–30-е гг. XX в. В.И. Вернадский активно изучает радий и трудится над организацией Урановой комиссии. Надо отметить, что еще в декабре 1921 г. учеником Вернадского В.Г. Хлопиным был получен первый русский радий из ферганской руды. В январе 1922 г. по инициативе В.И. Вернадского в Петербурге открывается Радиевый институт. Идет плодотворная работа по созданию сырьевой базы не только на Урале и в Забайкалье, но и в Казахстане. В 30–40-е гг. XX в. В.И. Вернадский пишет письма в высокие инстанции, где поднимает

---

[648] В.И. Вернадский. Фотоальбом / сост. В.С. Неаполитанская; авторы текста Г.П. Аксенов, В.С. Неаполитанская. М.: Планета, 1988. С. 115.

[649] Москва, Организационный комитет Туркестанского университета 4 августа 1919 г. с приглашением принять участие в заседании организационного собрания Туркестанского научного общества. 1 л. (I, 26976) // В.И. Вернадский. Ученый. Мыслитель. Гражданин: Труды ученого и литература про него из фондов Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского: Библиогр. указатель / НАН Украины. НБУВ / сост.: Л.В. Беляева, Л.С. Новосёлова и др.; науч. ред. В.Ю. Омельчук. К., 2003. С. 160.

вопросы исследования и добычи урана в СССР. В годы войны (1941–1944 гг.) участвует в работе Урановой комиссии Академии наук.

Владимир Иванович Вернадский является вдохновителем идеи об организации научных учреждений в Казахстане. Его яркая и активная работа в Казахстане в период эвакуации в 1941–1943 гг. послужила катализатором для создания Национальной Академии наук республики. Учение академика о ноосфере как бы материализовалось в идею превращения Казахстана в центр космических исследований. Казахский Байконур усилиями советских ученых по праву считается главной космической гаванью планеты Земля.

Великая Отечественная война стала трагедией всего советского народа. Несмотря на почтенный возраст и болезни, В.И. Вернадский упорно не подчинялся указанию правительства эвакуироваться в тыловые районы (в частности, в Казахстан). Лишь уговоры вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта достигли цели – 9 июля академик выехал в Москву, а 16 июля 1941 г., по решению руководства страны В.И. Вернадский с группой академиков был эвакуирован в Казахстан, на курорт Боровое. Вместе с ним были жена Наталья Егоровна, личный секретарь академика Анна Дмитриевна Шаховская и др.

Известно, что первоначально правительством было принято решение отправить ряд институтов Академии наук СССР и лабораторию В.И. Вернадского в Томск, тем самым сохранив академиков, эвакуировав их как можно дальше от района военных действий. Но затем выяснилось, что там недостаточно мест для расквартирования всего научного и вспомогательного персонала. Затем было решено направить физико-математическое и химическое отделения лаборатории в Казань.

«16-го утром я имел по телефону разговор с Шмидтом, – пишет академик в своих дневниках, – которому говорил, что нельзя ли академикам поехать в какой-нибудь курорт в Поволжье – но Шмидт сказал мне, что правительство даёт именно этот курорт Боровое – все курорты Поволжья предназначены для армии, и он очень советует мне ехать. Так как я решил закончить свою книгу («Проблемы

биогеохимии. V») и хотел ехать на курорт Боровое, я согласился…»[650] На станцию Боровое эвакуированные учёные и их семьи прибыли 22 июля 1941 г. Академик вспоминал: «Ночевали в поезде. Утро. Дождь… Директор – женщина Орлова приехала на станцию – вместе уехали»[651].

Знакомство с культурой и бытом казахского народа поразило Владимира Ивановича глубиной произошедших здесь изменений.

В своем дневнике В.И. Вернадский записывает: «Кончил книгу «Казахстан» – XX лет Казахской ССР. Алма-Ата, 1940. Я ясно почувствовал глубину и силу большевиков на этом примере. Здесь революция еще глубже, чем у нас: сметен тот эксплуататорский слой (баи), который царил. Лицо народа изменилось. Прежние батраки идейно сознательно создают новое общество… В Казахстане на несколько столетий образованная аристократия… Создалась и литература, и новые музеи, и новый театр – огромный сдвиг»[652]. «Здесь очень красивые и интересные места, – отмечает Владимир Иванович в письме к своей ученице, минералогу Е.Д. Ревуцкой, – никогда не думал, что судьба даст мне возможность проехать так далеко вглубь Сибири и реально увидеть то огромное изменение, которое произошло здесь за советское время. Сделано очень много. Край, несомненно, неузнаваем»[653].

В Боровом В.И. Вернадского и его семью разместили сначала во временном помещении, затем – в отдельном небольшом уютном доме, 37-й даче, а не в главном корпусе, где проживали академики. Это событие отражено в дневнике учёного – запись от 29 июля 1941 г.: «Сегодня нас разместили в лучшем помещении, очистив отдельный хороший дом…»[654] Этот дом стал удобным местом для научных трудов и размышлений учёного.

---

[650] Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943 / отв. ред. и сост. В.П. Волков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 106–107.

[651] Там же. С. 21.

[652] Там же. С. 36–37.

[653] Архив РАН. Ф.518. Оп. 3. Ед. хр. 1360. Л. 46 (письмо к Е.Д. Ревуцкой 14 августа 1941 г.).

[654] Вернадский В.И. Дневники. С. 109.

В газете «Акмолинская правда» от 14 июня 1942 г. вышла статья «Академик Владимир Иванович Вернадский в Боровом». В ней говорилось: «Среди академиков, находящихся в настоящее время в Боровом, Щучинского района, проживает Владимир Иванович Вернадский – старейший член Академии наук СССР… Академик Вернадский – член многих советских и иностранных научных учреждений: Украинской Академии наук, первым президентом которой он был, член-корреспондент Парижской Академии наук, Пражской Академии наук, член Британской ассоциации наук, Американской ассоциации наук, Международного общества истории науки и многих других научных учреждений и обществ… Ученый продолжает непрерывно работать. Здесь, в Боровом, он закончил первый том своего нового труда «Химическая структура биосферы и ее окружения» и продолжает работу над вторым томом. Этот труд имеет большое научное и практическое значение. В Боровом к академику стекается литература по разным отраслям знания со всех стран света. Поразительны ясность ума и широта взглядов этого большого ученого, который, несмотря на свой возраст, полон бодрости и оптимизма»[655].

Размеренно строгий (рабочий в полном смысле этого слова) образ жизни, к которому приучил себя Вернадский, оставался неизменным и здесь, в Боровом. Он рано ложится и рано встает. С секретарем А.Д. Шаховской он работает ежедневно, четко выдерживая полагающиеся служебные часы. В минуты отдыха любит совершать прогулки по живописным окрестностям Борового, которые привлекают Вернадского не только своей неповторимой красотой, но и хранящимися в них богатыми минеральными ресурсами. Исследуя минеральные и природные ресурсы Борового, он обращает внимание на их лечебно-оздоровительные качества[656].

В течение 25 месяцев (с июля 1941 по август 1943 г.) пребывания в Боровом академик продолжал заниматься своими научными изысканиями в области

[655] Барсова-Шестакова Н.М. Наши ученые. Академик Владимир Иванович Вернадский в Боровом // Акмолинская правда, 1942, 14 июня.

[656] Дубовицкий Н. Академик В.И. Вернадский в Боровом // Луч (Щучинская районная газета Акмолинской области). 1988. 12 марта.

геологии, биосферы Земли и др., участвовал в общественной жизни, а также скрупулёзно описывал в своих дневниках каждое событие, происходившее с ним, свои размышления о таких глобальных проблемах, как война и мир, мировая политика, внутренняя политика СССР (в частности, политика репрессий), послевоенное развитие науки, касаясь вопросов философии, истории, религии и многих других тем. В.И. Вернадский, несмотря на большую научную и общественную загруженность, вел летопись событий, происходивших на курорте, сопровождая каждую запись философскими размышлениями, подводил итоги своей жизни.

Уникальная природа и климат Борового, регулярные прогулки на свежем воздухе, организованный быт, врачебный уход, санаторный режим благоприятно отразились на здоровье академика и способствовали сохранению его редкой работоспособности. Врач курорта «Боровое» С.Г. Бражников с восхищением описывает личность В.И. Вернадского: «Я всегда заставал его на обычном рабочем месте, склоненным над книгой или рукописью, неутомимого труженика науки, с чистым, незатуманенным челом, как безупречного жреца науки… В.И. отличался колоссальной трудоспособностью, несмотря на его 80 лет и слабое здоровье, что всегда меня поражало»[657].

Говоря о деятельности В.И. Вернадского как ученого, нельзя не упомянуть его поразительную работоспособность. Она позволила ему создать огромное количество научных трудов, некоторые из них и по замыслу, и по исполнению могли быть по силам только целому коллективу. Вернадский умел с максимальной пользой использовать время для научной работы, распределить свои силы в течение дня. Секреты своего научного творчества и образа жизни академик открыл в анкете об организации научной работы.

Специальную анкету подготовил в июле 1943 г. инженер М.И. Евдокимов, который изучал индивидуальную работу ученых в Боровом. В частности, на

[657] Бражников С.Г. Воспоминания об академиках, проживавших в дни Великой Отечественной войны в Боровом» (1947). Рукопись // Историко-краеведческий музей Акмолинской области РК. Документальный фонд. ГИК 20878-20890. Л. 34–35.

вопрос о распорядке рабочего дня и досуге Вернадский писал: «Ночами сплошь я никогда не занимался, но в молодости занимался до 1–2 часов ночи. Вставал всегда рано. Никогда не сплю днем и никогда не ложусь днем отдыхать, если я не болен. Не курю и никогда не курил... не пью, редко вина. Водку пил раз в жизни. После моего долгого пребывания во Франции (1921–1925 гг.) я принял распределение времени тамошних ученых. Встаю рано утром (6–7 часов), ложусь в 10–10.30. Прежде бывал в гостях часто, теперь – редко. Прежде любил театр и особенно оперу… Художественную литературу люблю и за ней внимательно слежу. Очень люблю искусство, живопись, скульптуру. Очень люблю музыку, сильно ее переживаю…»[658]

В Боровом, академиком были написаны и завершены следующие работы:

В.И. Гете как натуралист: Мысли и замечания (1943 г.); Из воспоминаний. Первый год Украинской Академии наук. (Воспоминания – 1918–1919 о первом годе Украинской Академии (1943 г.) – написана по просьбе Президента Украинской Академии наук А.А. Богомольца; Несколько слов о ноосфере (21 июля 1943 г.); О геологических оболочках Земли как планеты (18 января 1942 г.); О геологическом значении симметрии. На фоне роста науки XX столетия (27 сентября 1942 г. – 2 ноября 1942 г.); О состоянии пространства в геологических явлениях Земли как планеты. На фоне роста науки XX столетия (1943 г.) – посвящена памятижены, Н.Е. Вернадской; Об организации научной работы (9 ноября 1942 г.); Ответы на вопросы анкеты об организации научной работы (июль 1943 г.); Памяти проф. Петра Андреевича Земятченского (1942 г.); Письмо в редакцию о метеорите, упавшем на территории Б.-Тюктинского лесничества Акмолинской области (14 сентября 1942 г.); Проявление минералогии в Космосе (1943 г.); Химическое строение биосферы Земли и ее окружения (1943 г.); Пережитое и передуманное (1943 г.); Дневники (июль 1941 – август 1943 г.).

[658] Вернадский В.И. Ответы на вопросы анкеты об организации научной работы. 29 июля 1943 г. Боровое // Вернадский В.И. Начало и вечность жизни / сост, вступ. ст., коммент. М.С. Бастраковой, И.И. Мочалова, В.С. Неаполитанской. М.: Сов. Россия, 1989. С. 621.

Находясь в эвакуации на курорте Боровое, вдали от театра военных действий, академик пытается запечатлеть «пережитое и передуманное», он ежедневно ведет дневниковые записи, которые позже составили его отдельное творческое наследие. Дневники В.И. Вернадского состоят из собственно дневниковых записей учёного и его труда «Хронология» (1941, 1942 гг.), в котором он более развёрнуто, чем в дневниках, описывал свои размышления по поводу того или иного упомянутого в дневнике события. За 1941 г. было сделано 67 записей, в 1942 г. – 120, в 1943 г. (по август) – 46. Итого за время пребывания в эвакуации в дневнике содержится 233 записи. В 2010 г. дневники академика В.И. Вернадского (1941–1943 гг.), подготовленные к печати доктором геолого-минералогических наук В.П. Волковым, вышли отдельным томом.

Книга «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», которую учёный называл «главная книга моей жизни», должна была закончиться главой, посвященной ноосфере, т.е. тому новому эволюционному состоянию, в которое вступает биосфера – земная оболочка, охваченная жизнью. Однако, чувствуя, что он не успеет описать свои идеи о ноосфере в том объеме, как было задумано, Владимир Иванович изложил основные положения в небольшой статье «Несколько слов о ноосфере». Он закончил писать ее 21 июля 1943 г.

В дни эвакуации Владимир Иванович активно участвует в работе Ученого совета Госзаповедника «Боровое», а также уделяет большое внимание вопросам истории науки. В своих дневниках Вернадский отмечает: «Сегодня, в воскресенье 27.IX.1942 – доклад Князева (директора архива АН СССР) об истории Академии наук. Мне пришлось председательствовать. Глохну и плохо вижу …»[659]

9 ноября 1942 г. В.И. Вернадский закончил работу над специальной запиской на имя Президента Академии наук СССР В.Л. Комарова «Об организации научной работы». В частности, академик отмечал, что в истории Земли в XIX и XX вв. наблюдается зарождение новой геологической эры – «психозойной» или «антропогенной». «Эти названия отвечают новому большому геологическому явлению: человек стал геологической силой, впервые меняющей

[659] Вернадский В.И. Дневники. С. 348.

лик нашей планеты, – силой, которая нам представляется стихийной» [660]. По мнению В.И. Вернадского, мировая война станет началом новой эры – «в буре и грозе родится ноосфера»[661]. Ученый считал, что первоочередные задачи, которые необходимо решить Всесоюзной Академии наук в Москве и её республиканским филиалам, – это: 1) «создание Ассоциации советских научных работников – учёных, врачей и инженеров…»; 2) «быстро и хорошо построить каждый научный прибор… научную технику на уровне современной науки»; 3) «необходимость реорганизации Международной книги»; 4) «серьёзно и широко поставить разработку атомной энергии актин-урана…»[662] Академик свои мысли заканчивает пророческим выводом: «Мы стоим перед новой эрой человечества, использования новой формы атомной энергии»[663].

В.И. Вернадского постоянно волнует урановая проблема, решением которой он начал заниматься еще в дореволюционной России. Академик считал, что за атомной энергией будущее. За неделю до начала войны, 17 июня 1941 г., председатель Урановой комиссии В.Г. Хлопин, В.И. Вернадский (по его инициативе) и академик А.Е. Ферсман подают в правительство записку о проблемах финансирования Табошарского уранового рудника Среднеазиатского треста цветметразведки в Ташкенте[664].

В условиях войны разведка и добыча урана ярко проявились в соперничестве США, Германии, Японии и СССР по созданию ядерного оружия. 6 сентября 1942 г. академик В.И. Вернадский, будучи заместителем председателя Урановой комиссии, писал: «Одной из важных проблем является проблема атомной энергии. Необходимо серьезно и широко поставить разработку атомной энергии актино-урана (уран-235)… Во-первых, быстрое нахождение богатых урановых руд в нашей стране, что вполне возможно. В-вторых, быструю добычу

[660] Избранные научные труды академика В.И. Вернадского. Киев, 2012. Т. 8. С. 557.

[661] Там же. Стр. 558.

[662] Там же. С. 560.

[663] Там же.

[664] Вернадский В.И. Дневники. С. 104.

из них нескольких килограммов актино-урана, над которыми могут быть проделаны новые опыты в аспекте их прикладного значения»[665].

13 марта 1943 г. Вернадский в письме Президенту Академии наук СССР академику В.Л. Комарову, вице-президенту АН СССР А.Ф. Иоффе, председателю Урановой комиссии В.Г. Хлопину пишет: «Я считаю необходимым немедленно восстановить деятельность Урановой комиссии, имея в виду как возможность использования урана для военных нужд, так и необходимость быстрой реконструкции последствий разрушений от гитлеровских варваров, произведенных в нашей стране. Для этого необходимо ввести в жизнь источник новой мощной энергии… Я считаю делом первостепенной государственной важности направить деятельность Урановой комиссии прежде всего на выяснение запасов урана Табошара, Тюя-Муюна, на систематическое искание новых месторождений и на организацию добычи достаточного количества урановых руд. Это должно быть срочно восстановлено и исполнено в короткий срок. Для меня ясно, что урановые руды должны существовать на территории нашего Союза и надо быстро в этом же году их найти и организовать добычу»[666]. В ответном письме В.Л. Комарова академику В.И. Вернадскому от 27 апреля 1943 г. говорится: «Ваша записка об Урановой комиссии мною направлена в СНК»[667].

Владимир Иванович был непререкаемым авторитетом среди лиц, ответственных за реализацию атомного проекта в СССР. Даже в последние годы своей жизни он был в курсе всех дел по атомному проекту. По урановой проблеме Вернадский вел оживленную переписку с соответствующими правительственными и научными структурами. Академик участвовал в работе постоянного консультативного бюро по сырьевой базе урана, которое занималось координацией геолого-разведочных и научно-исследовательских работ по урановому сырью, проводимых на территории СССР, и разработкой мероприятий по расширению и освоению сырьевой базы урановых руд в СССР[668].

---

[665] Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 1. Д. 325. Л. 3.

[666] Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Д. 55. Л. 182.

[667] Там же. Л. 206.

[668] Архив АН СССР. Ф. 518. Оп. 2. Д. 60.Л. 130.

В военные годы ходили легенды «о встрече В.И. Вернадского с И.В. Сталиным в середине ноября 1942 г., после которой было принято решение о чрезвычайных мерах по организации советского Атомного проекта. Версия о спецсамолете, якобы посланном за В.И. Вернадским в Боровое для полета в Москву на историческую встречу с вождем, многократно тиражировалась в СМИ, кинематографе и научно-популярных статьях»[669].

Инициатором советского атомного проекта по праву считается академик В.И. Вернадский, с которым он выступил еще в 1940 г. Его неоднократные обращения в правительство страны были услышаны, и 27 ноября 1942 г. Государственный комитет обороны СССР в своем секретном постановлении поручил Наркомату цветной металлургии немедленно организовать добычу и переработку урановой руды, а 15 февраля 1943 г. была создана Лаборатория № 2 под руководством профессора И.В. Курчатова. Атомный проект полностью стал реализовываться только с 8 декабря 1944 г. в форме строительства уранодобывающих предприятий на базе среднеазиатских месторождений урана. Урановые рудники работали в режиме особой секретности и были подчинены 9-му управлению НКВД СССР[670].

По призыву академика В.И. Вернадского, заместителя председателя Урановой комиссии АН СССР, казахстанские ученые, при поддержке специалистов атомного проекта, начали вести активные поиски урана – энергии будущего. Геологоразведочные работы были строго засекречены. Но в прессе тем не менее проскакивала информация. Так, 21 сентября 1944 года в джезказганской областной газете «За медь» было опубликовано интервью с К.И. Сатпаевым, в котором говорилось о важности разведки и добычи урана для укрепления обороноспособности страны[671].

Результаты последних исследований показали, что по запасам урана Казахстан занимает одно из первых мест в мире. Еще, на 11-й сессии Комиссии,

---

[669] Вернадский В.И. Дневники. С. 496.

[670] Там же.

[671] За медь. 1944, 21 сент.

состоявшейся 12–27 мая 1962 г. (с геологической экскурсией) в Казахстане, академик К.И. Сатпаев отмечал, что «обширная территория Казахстана, отличающаяся сложным геологическим строением, представляет хотя и очень трудный, но, несомненно, благодатный объект для возрастных и изотопных исследований. Радиологические исследования в Казахстане имеют особо важное практическое значение и приобретают большую актуальность в связи с огромными масштабами развертываемых геологоразведочных работ»[672].

29 августа 1949 г. первая атомная бомба СССР успешно прошла испытание в Казахстане, на Семипалатинском полигоне. В 1991 г. были прекращены атомные испытания и свернуты работы в г. Курчатове. Эти инициативы современного Казахстана как бы перекликаются с предостережением В.И. Вернадского о разумном использовании атома: «Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение?»[673]. Пророчество этих высказываний заставляет помнить об опасности, исходящей от бесконтрольного использования атомной энергии как в военных, так и в мирных целях.

В Боровом, занимаясь фундаментальными исследованиями и организационными вопросами, В.И. Вернадский в то же время следил за работой своих многочисленных учеников и сотрудников, поддерживая с ними регулярную переписку. Круг корреспондентов у академика был обширным, а темы переписки касались самых разнообразных научных вопросов, во многом тесно связанных с его текущими научными делами. Известно, что у него было около двух тысяч корреспондентов, в том числе более трехсот зарубежных.

В.И. Вернадский старался быть в курсе всех событий, внимательно просматривал периодику. Помимо центральных известий, он также интересовался и местными новостями. Приведем одну из его записей в дневнике: «В “Казахстанской правде” 23.XI.1942 статья о Ленгерском угле у Чимкента – ничего

[672] Сатпаев К.И. Вступительное слово при открытии 11-й сессии Комиссии по определению абсолютного возраста геологических формаций // Труды 11-й сессии Комиссии по определению абсолютного возраста геологических формации. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 3–7.

[673] Вернадский В.И. Очерки и речи. (Предисловие). Вып. 1. Пг.: Науч. хим.-тех. изд-во, 1922. С. 10.

не знал. Здесь же статья, перепечатанная из “Комсомольской правды” – статья Баубека Булкишева, молодого представителя новой советской интеллигенции – из низов казахских: ”Я хочу жить. Письмо молодого казаха-фронтовика”. Отмечал эту заметку, как характерную живую черту положительной действительности – я вспоминаю… Н.Н. Тихоновича (геолог, профессор Московского нефтяного института им. И.М. Губкина – *М.А.*)… много лет назад, вернувшись из геологической разведки в Гурьеве, впервые мне указал о казахах... указал на их одарённость и их эпос…»[674]

Интересна запись В.И. Вернадского в его «Хронологии»: «Перемены – благодаря временной потере Донбасса… в “Известиях” о значении основных для данного момента Кузбасса и Караганды. Вспоминается идея Менделеева о центре Российской империи в области, близкой к Алтаю…»[675].

Особых слов заслуживает научное и дружеское общение В.И. Вернадского с К.И. Сатпаевым. Этих выдающихся личностей объединяла не только геология, но и организация науки. В годы войны между ними шла оживленная переписка, но, к сожалению, сохранилось всего два письма: «Письмо К.И. Сатпаева В.И. Вернадскому о геологическом изучении Казахстана от 13 апреля 1942 года»[676], «Письмо А.И. Вернадского К.И. Сатпаеву с предложением о заменителях спичек. Ответ от 1 июля 1943 года»[677].

---

[674] Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. С. 377 (Баубек Булкышев – уроженец Улытауского района Карагандинской области. До войны работал в республиканских газетах. В 1940 г. был призван в ряды РККА, учился в сапёрном училище в Москве. С первых дней войны он участвовал в боях на Западном фронте в составе 21-й отдельной сапёрной роты 13-й армии. Погиб в феврале 1944 г. в Украине – у села Ново-Юльевка Днепропетровской области. Молодой и одарённый казахстанский поэт и писатель, на фронте был постоянным автором «Комсомольской правды»).

[675] Вернадский В.И. Дневники. С. 350.

[676] ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1745. Л. 1 (Архив академика К.И. Сатпаева).

[677] Там же. Л. 2. По воспоминаниям старожила Борового А.Д. Турсынбаевой, «история со спичками, производство которых было налажено с легкой руки Вернадского, вообще стала легендой!... Во время войны спичек не было, мы из дома в дом ходили за огнем, чтобы печку затопить… Вернадский написал Сатпаеву письмо, как можно, живя в сосновом бору, не иметь спичек! Владимир Иванович описал процесс производства. И за 200 граммов хлеба несколько девушек в Щучинске стали делать спички». См.: Хегай М. Приют для академиков // Караван, 2008. 17 окт.

К.И. Сатпаев пишет: «Я получил от Вас всего два письма: одно с запросом о состоянии сделанного Вами предложения о заменителях спичек… я тотчас же связался с Госпланом КазССР… Могу заверить Вас, что я с большим удовольствием готов и впредь реагировать и отвечать на любой Ваш письменный запрос»[678]. Сатпаев сообщает о высылке для ознакомления «вышедшие в Алма-Ата с участием коллектива КазФАН: 1. Историю Казахской ССР. 2. Труды юбилейной научной сессии КазФАН, посвящённой 25-летию Октябрьской революции. 3. Краткий отчёт КазФАН за 1942 год»[679]. Во втором письме К.И. Сатпаев просит В.И. Вернадского ознакомиться и дать рецензию на книгу «Успехи геологического изучения Казахстана за 20 лет»: «Ваши замечания, которые вызовет эта книга, будут приняты с благодарностью. Это особенно важно потому, что в настоящее время Геологический институт КФАН приступил к составлению второго выпуска этой же работы. В нём будут отражены успехи геологического изучения КазССР за 1940–1941 гг.»[680].В.И. Вернадский живо интересовался развитием академической науки Казахстана. Идеи и предложения патриарха отечественной науки стали своеобразным катализатором в создании Академии наук Казахской ССР (1946 г.).

В советское время В.И. Вернадский считался главным идеологом и организатором метеоритных исследований. Еще в 1911 г., в возглавляемом им Минералогическом музее Академии наук в Петербурге началось серьезное изучение коллекции метеоритов. С 20-х гг. прошлого века по его инициативе проводятся регулярные научные экспедиции на места падений метеоритов. В 1935 г. образуется Метеоритная комиссия, которая в 1939 г. была преобразована в Комитет по метеоритам АН СССР (КМЕТ) под председательством В.И. Вернадского. С началом войны и отъезда в Боровое полномочия по Метеоритному комитету В.И. Вернадский передает своему заместителю известному астроному В.Г. Фесенкову и ученому секретарю Л.А. Кринову. Его

[678] ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1745. Л. 2 (Архив академика К.И. Сатпаева).

[679] Там же.

[680] Там же. Л. 1.

ученик – талантливый ученый, исследователь Тунгусского метеорита – Л.А. Кулик уходит на фронт добровольцем и погибает, защищая столицу.Академик не прекращал работы по проблемам метеоритики. Так, 2 мая 1942 г. В.И. Вернадский пишет Президенту АН СССР В.Л. Комарову, академику В.Г. Фесенкову и Л.А. Кринову записку о проблемах Метеоритного комитета в физико-математическом отделении АН СССР[681].

14 сентября 1942 г. В.И. Вернадский печатает в газете «Акмолинская правда» статью о падении метеорита на территории Акмолинской области. Поводом для написания послужило сообщение 7 сентября председателя рабочкома Б.-Тюк-тинского лесничества Молотовского района В.И. Крылова. Очевидец падения болида, которое наблюдалось в районе Борового, сообщал: «11 августа у нас в лесничестве имело место следующее непонятное для нас явление… Около 2 часов дня, находясь на работе в лесу, мы наблюдали следующее: при полном отсутствии облачности в нашем районе, над нашими головами, метров 150–200, в направлении с юго-запада на северо-восток с большой быстротой пролетело какое-то тело, по форме напоминающее большую бутыль утолщённой частью вперёд, длиной около 1,5–2,0 м, блестящее – по цвету серовато-металлического отлива. На расстоянии 1–2 километров от нас этот предмет снизился и, по-видимому, упал. Через две-три минуты раздался сильный взрыв и потом несколько взрывов слабее. Во время полёта от основного тела отделялись мелкие куски»[682].

В.И. Вернадский подчеркивает и дает конкретные указания: «Из этого описания ясно видно, что это метеорит, может быть, металлический, представляющий огромный научный интерес. Необходимо прежде всего найти место падения, собрать и сохранить все упавшие куски, вплоть до самых мелких, точно указать место падения и то направление, в котором летел метеорит. Метеориты считаются государственной собственностью. Нашедшие их получают денежное вознаграждение»[683]. Владимир Иванович, рассказав об огромной

[681] Вернадский В.И. Дневники. С. 306.

[682] Вернадский В.И. Письмо в редакцию (о падении метеорита) // Акмолинская правда, 1942, 14 сент.

[683] Там же.

научной ценности метеоритов, обращается к населению: «Прошу всех граждан присылать всякого рода сведения об этом падении по следующему адресу: П.о. Боровое, Госкурорт Акмолинской области, академику Владимиру Ивановичу Вернадскому. Важно определить точно место, время, вплоть до минуты, и направление падения и сохранить все кусочки, вплоть до крошек. Академик В.И. Вернадский, Председатель Метеоритного комитета Академии наук СССР»[684].

Академик не ограничивается письмом в редакцию. Для проведения исследования по упавшему метеориту в Боровое он вызывает из Свердловска астронома, крупного специалиста по метеоритам Евгения Леонидовича Кринова (1906–1984). «С 19.X. по 26.X.1942 г. здесь пробыл Кринов, – пишет в своих дневниках Вернадский. – С ним мы привели в порядок вопросы Метеоритного комитета… Снег помешал поездке на поиски метеорита, упавшего в Молотовском лесничестве. Решили отложить на весну…»[685]. Последователь В.И. Вернадского, астроном Е.Л. Кринов позже стал известен как исследователь Сихотэ-Алиньского метеорита, упавшего 12 февраля 1947 г.

14 января 1943 г. В.И. Вернадский настоятельно рекомендует академику В.Г. Фесенкову не прекращать научные работы Метеоритного комитета и поддерживает методику Е.Л. Кринова в исследовании Луны[686].

В своем письме сыну Георгию Владимировичу 26 октября 1943 г. академик с удовлетворением отмечает: «Сейчас мы восстановили работу Метеоритного комитета. Пулковская обсерватория пострадала от немецких варваров, но будет вновь целиком восстановлена. Но одновременно будет в горах Казахстана, на высоте больше 1 км, построена большая обсерватория»[687] .

В 1942 г., не без влияния В.И. Вернадского, его заместитель по Метеоритному комитету, бывший директор Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга, один из основоположников отечественной астрофизики академик Василий Григорьевич Фесенков (1889–1972) организовал в

---

[684] Там же.

[685] Вернадский В.И. Дневники. С. 353.

[686] Там же. С. 408.

[687] Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 56. Л. 214–215 (Письмо к сыну Г.В. Вернадскому 26 октября 1943 г.).

столице Казахстана Алма-Ате Институт астрономии и физики. Высоко в горах Тянь-Шаня близ Алма-Аты на Каменском плато была построена одна из крупнейших обсерваторий СССР. 11 ноября 1945 г. газета «Казахстанская правда» писала: «Казахстан единственное место в Советском Союзе, где ученым удалось заключить в пробирку часть межзвездного или межпланетного пространства... Впервые в истории астрономии здесь, в Алма-Ата, установлено существование атмосферы на Луне (разреженная газовая оболочка из водорода, гелия, неона и аргона. – *М.А.*). Путем тонкого и кропотливого исследования отражательной способности поверхности Марса Казахский институт раскрыл тайну его морей (по утверждению В.Г. Фесенкова. – *М.А.*)»[688]

Находясь в Казахстане, великий ученый чувствовал близость Вселенной. Вернадский в своих умозаключениях предполагал выход человека в Космос. Еще 24 ноября 1930 г. он пророчески утверждал: «Мы видим сейчас как ясную и исполнимую задачу ближайшего будущего захват человеком Луны и планет»[689].

3 февраля 1943 г. не стало Натальи Егоровны. Вернадский тяжело переживал смерть супруги, соратника по науке. Наталья Егоровна была человеком особой судьбы, которая прожила с Вернадским 56 лет «душа в душу, мысль в мысль»[690].

Немногим более месяц спустя, 12 марта, Владимиру Ивановичу исполнилось 80 лет. За многолетние выдающиеся работы в области науки и техники он был удостоен Сталинской премии первой степени, а за большие заслуги в развитии геохимии и генетической минералогии награжден орденом

---

[688] Крюков Ю. Небо и земля // Казахстанская правда. 1945. 11 нояб.

[689] АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Л. 114.

[690] Айтжанова Г.Р. Без слов я понимаю мысль твою // Казахстанская правда, 2010. 14 дек. В декабре 2010 г. исполнилось 150 лет со дня рождения супруги и соратницы В.И. Вернадского – Натальи Егоровны Вернадской (1860–1943). Эта дата была отмечена в Боровом – в Музее им. Абылай хана – торжественным собранием. Инициаторы и организаторы юбилейного заседания М.О. Абсеметов и А.Д. Турсынбаева. Марат Оралбаевич Абсеметов выступил с докладом, посвящённым жизни и деятельности Н.Е. Вернадской (Старицкой)… Очевидец тех событий Амина Даулетовна Турсынбаева рассказала о своих детских впечатлениях, когда она непосредственно общалась с эвакуированными учёными, и, в частности с семьёй В.И. Вернадского… По окончании мероприятия были возложены цветы на могилу Н.Е. Вернадской.

Трудового Красного Знамени. В.И. Вернадский не любил помпезности и уклонился от чествований. В приветственном адресе академического коллектива говорилось: «Ваше научное творчество охватывает почти целую Академию: кристаллограф, минералог, химик, биолог, историк науки – Вы в каждой из этих дисциплин создали нечто новое, своеобразное, возбуждающее пытливость исследователя… Мы преклоняемся перед Вашим непоколебимым оптимизмом…»[691]

12 октября 1943 г. ученый поздравил своего коллегу академика Владимира Афанасьевича Обручева с 80-летним юбилеем. В своем приветственном адресе он отметил: «…в нашем возрасте больше всего хочется сохранить силу духа и силу ума до конца… Ваш В. Вернадский»[692].

В Москву Владимир Иванович вернулся в конце августа 1943 г. В возрасте почти 82 лет ученый все еще продолжал работать. С осени 1944 г. здоровье Владимира Ивановича стало резко ухудшаться. 6 января 1945 г. он умер.

«Великолепный образчик величавости, сосредоточенности уверенной мысли, – вспоминал врач курорта Боровое Сергей Георгиевич Бражников, – Владимир Иванович вызывал в каждом, кто приходил в соприкосновение с ним, чувство уважения и восхищения. Скромный, тихий, по-своему прекрасный, он стоит, как живой, в моем воображении, как представитель некого лучезарного Грааля, и я вижу его глаза, ясные, по-детски чистые, похожие на спокойные горные озера, отражающие беспредельную лазурь раскинувшихся над ними небес. Мне кажется, что к нему больше, чем кому-либо другому, применимо великолепное определение древних: «esse homo» в смысле воплощения высоких духовных качеств человека созерцательного и творящего высшие ценности жизни»[693].

---

[691] Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. С. 370.

[692] Архив РАН. Ф. 642. Оп. 4. Д. 327. Л. 2.

[693] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 52.

Ученый-мыслитель навсегда останется в памяти казахского народа[694]. Владимир Иванович Вернадский, как и великий казахский поэт Абай, оставил нам свое завещание: «Жизнь святая – есть жизнь по правде. Это такая жизнь, чтобы слово не расходилось с убеждением, чтобы возможно больше, по силам, помогал я своим братьям, всем людям, чтобы возможно больше хорошего, честного, высокого я сделал, чтобы причинил возможно меньше, совсем, совсем мало горя, страданий, болезни, смерти. Это такая жизнь, чтобы умирая я мог сказать: я сделал все, что мог сделать. Я не сделал никого несчастным, я постарался, чтобы после моей смерти к той же цели и идее на мое место стало таких же, нет, лучших работников, чем каким был я» [695].

4.2. Вклад академика Л.С. Берга в изучение климатических условий и ихтиофауны Государственного заповедника «Боровое»

Русская география прошла большой путь в своем развитии и имеет крупные достижения в прошлом. Корифей российской науки М.В. Ломоносов впервые в России высказал идею комплексного географического изучения природы и сравнительной географии. Плеяда выдающихся русских ученых-географов впоследствии разрабатывала эту идею. П.П. Семенов-Тян-Шанский установил вертикальную поясность в горах; Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов и другие изучили Центральную Азию; А.И. Воейков и В.В. Докучаев установили принципы комплексного изучения поверхности земного шара и возможности количественных характеристик природной среды. Все это уже в условиях советской географической науки претворял в жизнь Дмитрий Николаевич Анучин, а его ученик Лев Семенович Берг (1876–1950) не только продолжил разработку идей географической науки, но и стал основоположником

[694] Выписка из решения исполкома областного Совета народных депутатов от 28 июня 1990 г., № 1969, г. Кокчетав: «5. Щучинскому горисполкому (тов. Паницкий В.) в здании библиотеки В.И. Вернадского организовать музей, собрав и разместив в нем вещи, книги и другие материалы, связанные с пребыванием видных ученых в области. Председатель исполкома В.Г. Крамарев, секретарь исполкома Г.К. Абсеметова».

[695] Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.

ландшафтоведения. Л.С. Берг разделял мысли В.И. Вернадского о том, что жизнь существовала на Земле еще в докембрийскую эпоху.

Л.С. Берг – выдающийся географ, лимнолог, климатолог и почвовед, литолог и геоморфолог, палеогеограф, историк географии, зоолог, последний энциклопедист XX в. Он родился 2 марта 1876 г. в просвещенной еврейской семье, в молдавском городе Бендеры. Скончался 24 декабря 1950 г. в Ленинграде.

В дореволюционное время Лев Семенович принимал активное участие в экспедициях Императорского Русского географического общества, а в советский период долгое время был президентом Географического общества СССР, почетный член многих академий мира, награжден отечественными и зарубежными наградами, лауреат Государственной премии и др. Его именем названы 60 видов растений и животных, два ледника на Памире и в Джунгарском Алатау, мыс на одном из островов Северной Земли, вулкан на острове Урюп Курильской гряды и т.д.

Особо ценными для Казахстана являются труды Л.С. Берга по Средней Азии, которая послужила для него и первой ареной научно-исследовательской деятельности. В 1898 г., после окончания Московского государственного университета, под эгидой Западно-Сибирского отдела географического общества он исследовал совместно с ученым-озероведом П.Г. Игнатьевым соленые озера Северного Казахстана – Селеты-Денгиз, Кзыл-Как и Теке. За монографическое описание этих озер в физико-географическом и зоологическом отношении молодые исследователи в 1902 г. удостоились награждения Малой золотой медалью Географического общества[696].

Все же молодому ученому не позволили остаться в МГУ, как пишут исследователи, сыграл роль пресловутый «национальный» вопрос. Он был направлен в Среднюю Азию в качестве смотрителя рыбных промыслов Сырдарьи и Аральского моря. Однако командировка в туркестанскую пустыню стала началом его научного взлета.

---

[696] Берг Л.С., Игнатьев П.Г. Соленые озера Селеты-денгиз, Теке и Кызыл-как Омского уезда: физико-географический очерк. М.: Синод. Тип., 1901. 92 с.

В XIX в. на Аральском море побывали известные путешественники и исследователи А.К. Мейендорф, А.И. Бутаков, Н.А. Северцов и др. Несмотря на определенные научные результаты вышеназванных ученых, ими не были исследованы гидрологические особенности Аральского моря, не было карты его глубин, имелись скудные сведения о морфологии и геологии берегов, флоре и фауне. Все это было восполнено Л.С. Бергом в результате его знаменитой Аральской экспедиции, проведенной в 1899–1902 гг. Им быди получены данные о площади и глубинах Арала, колебаниях уровня воды, температуре, цвете, прозрачности, солености, собраны метеорологические наблюдения[697].

Столь обширные исследования Аральского моря предпринимались впервые, практически все делал он сам и несколько его помощников из числа коренных обитателей этих мест, которые в основном выполняли технические работы. Лев Семенович в одном лице исполнял функции рыбнадзора и научно-исследовательской организации. Совершая длительные переходы по пустынным берегам Арала и верховьям Сырдарьи, он зачастую рисковал своей жизнью, когда на утлой шлюпке исследовал мелкие извилистые бухточки и измерял колебания уровня воды. Надо отметить, что Л.С. Берг планировал провести топографическую съемку берегов моря, которая не производилась с 1859 г.

Еще в конце 1897 г. на заседании Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО) была определена роль Аральского моря и необходимость его изучения: «По экономической важности своей для края Аральское море занимает первое место среди озер Среднеазиатской низменности; изучение этого моря может далее содействовать выяснению глубоко интересного и жизненного для края вопроса о том, действительно ли Средняя Азия находится в состоянии постепенного высыхания. Исследования озер северной части Киргизской (Казахской. – *М.А.*) степи, предпринятые Западно-Сибирским отделом ИРГО, а также сведения, собранные Л.С. Бергом относительно

[697] Бейсенова А.С. Роль русских ученых в познании природы Казахстана (с древнейших времен до середины XX века). Алматы: Мектеп, 2011. 226 с.

Аральского моря, свидетельствуют не о высыхании бассейнов Среднеазиатской низменности, а скорее о значительной прибыли в них воды в последнее время»[698].

В своем письме от 11 марта 1899 г. В.Ф. Ошанин от имени Туркестанского отдела ИРГО писал И.В. Мушкетову: «Ввиду важности указанного вопроса отдел постановил предпринять в наступающие годы ряд экспедиций для всестороннего научного исследования Аральского моря, причем будут подвергнуты изучению: 1) северная часть моря от устья Сыр-Дарьи до острова Николая 1; 2) южная часть моря от устья Сыр-Дарьи до устья Аму-Дарьи; 3) западная, наиболее глубокая, часть моря, операционным базисом будет служить Казалинск»[699].

Для изучения моря была составлена обширная программа, в которую входили вопросы: 1) о глубине моря; 2) о распределении температуры на поверхности и на глубине; 3) о распределении солености на поверхности и глубине; 4) о собирании материала для изучения химического состава; 5) об изучении цвета воды; 6) по собиранию образцов грунта дна; 7) об изучении живых организмов, населяющих глубины моря; 8) об изучении планктоңа; 9) об изучении фауны берегов моря; 10) об изучении флоры берегов; 11) по собиранию образцов пород; 12) по местам наблюдений и устройству станций; 13) об изучении флоры и фауны островов; 14) по определению расхода воды Сырдарьи; 15) по установке фуштоқов на берегу моря; 16) по тщательному изучению вопроса о колебании уровня моря[700].

В 1901 г. был закончен первый цикл полевых исследований. Л.С. Берг писал Н.Г. Маллицкому: «Если нам удастся довести это предприятие до конца, то это будет великое дело и ни одно из русских озер и морей не будет столь тщательно исследовано, как Аральское. Все материалы переданы в самые верные руки, известным специалистам и знатокам»[701].

---

[698] Абилев А.К., Аханов Ж.А. Из истории деятельности научных учреждений по изучению Казахстана XIX – начала XX в. // Из фондов Центрального архива Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 31.

[699] Там же. С. 32.

[700] Абилев А.К., Аханов Ж.А. Из истории деятельности научных учреждений по изучению Казахстана XIX – начала XX в. // Из фондов Центрального архива Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата: Гылым. 1990. С. 32.

[701] Донцова З.Н. Л.С. Берг и Туркестанский отдел Русского Географического общества // Памяти академика Л.С. Берга. П.; Л., 1955. С. 73.

В 1906 г. Л.С. Берг побывал на восточных берегах моря, где собирал геологический и зоологический материал, к обработке которого были привлечены видные ученые.

Общий объем опубликованных результатов экспедиции составил 95 печатных листов. Туркестанский отдел так характеризовал Аральскую экспедицию: «Хотя аральская экспедиция и может считаться одним из грандиозных научных завоеваний конца прошлого и начала нынешнего столетия, она одна могла бы составить имя как Туркестанскому отделу, так и самому исследователю»[702].

Монография Л.С. Берга «Аральское море. Опыт физико-географической монографии» стала одним из первых опытов физико-географической характеристики отдельного региона, где исследователь, прослеживая историческое прошлое на основе современных явлений природы, решает ряд сложных и спорных вопросов происхождения Аральского моря. Позже, в 1909 г., Берг свой научный труд представил в Московский университет в качестве диссертации на соискание степени магистра. Ему была присвоена степень доктора. Географическое общество удостоило монографию золотой медали.

В те годы первые значительные успехи молодого ученого вдохновили его на новые научные поиски. В 1902 г. сразу же после окончания Аральской экспедиции была задумана Балхашская. Объектами исследования Берга стали озеро Балхаш[703], Ладожское озеро и некоторые озера Кавказа[704].

Осенью 1902 г., приехав из Казалинска в Ташкент, Берг в Туркестанском отделе Географического общества поделился своими выводами и изъявил желание исследовать бассейн Балхаша.

В письме к руководству ИРГО говорилось: «В будущем 1903 г. предполагается организовать экспедицию для исследования физической географии и гидрологии Балхаша. Отдаленность этого бассейна и сложность

---

[702] Отчет правления Туркестанского отдела за 1902 г. // Изв. Туркестанского отдела РГО. 1902. Т. 6. С. 12.

[703] Бейсенова А.С. Указ. соч. 226 с.

[704] Заметка об уровне некоторых озер Армянского плоскогорья // Землеведение. 1910. Т. 17, кн. 2. С. 66–80.

предполагаемых работ потребует столь значительных расходов, которые не под силу скромному бюджету Туркестанского отдела. Принимая во внимание интерес, который представляет исследование этого бассейна, уже более полустолетия не посещаемого ни одним из естествоиспытателей и совершенно неизвестного с гидрологической стороны – Туркестанский отдел позволяет себе надеяться, что ИРГО сочувственно отнесется к этому предприятию и не откажет в материальном содействии. Работы на Балхаше, которые поручены действительному члену Л.С. Бергу, предполагается вести в течение 1903 и 1904 гг. Одновременно с гидрологическими работами предполагается провести инструментальную съемку берегов Балхаша с определением астрономических пунктов»[705].

Предложение Берга было принято самым благожелательным образом. Л.С. Берг поехал в Петербург. Для исследования Балхаша ему дают двух помощников – норвежского зоолога, кандидата философии Павла Бьеркана и студента Московского университета Оттона Лямбека. Берг закупает экспедиционное снаряжение, научные приборы и оборудование, морскую парусную лодку весом в 500 кг, длиной 4,5 м. Ее назвали «Или». В начале апреля 1903 г. лодка погружается на железнодорожную платформу и отправляется в Ташкент через Баку. Сам Берг со своими помощниками Бьерканом и Лямбеком едут по железной дороге на Оренбург, оттуда в Казалинск.

Лодка с большим трудом была доставлена гужевым транспортом в Илийск только 2 июля. Берг прибыл в Верный (ныне Алматы) в конце мая. Здесь он знакомится с секретарем местного статистического комитета Владиславом Ефимовичем Недзвецким, знатоком Семиреченского края, любителем зоологии. Ознакомившись с целью и задачами экспедиции, с вооружением ее средствами передвижения, Недзвецкий дает ряд практических советов, в том числе об обязательном включении в состав экспедиции казахов в качестве проводников. Надо отметить, что Берг, кроме названных исследований, проявит и большой интерес к истории и этнографии казахского народа, в совершенстве овладеет казахским языком.

---

[705] Абилев А.К., Аханов Ж.А. Из истории деятельности научных учреждений по изучению Казахстана XIX – начала XX в. // Из фондов Центрального архива Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата: Гылым. 1990. С. 33.

Программа Балхашской экспедиции была ещё шире, чем Аральской. По гидрологии предполагалось: «1) исследование глубин озера с целью составления подробной батисфагкарты; 2) определение температуры поверхности воды; 3) определение температуры воды на глубине; 4) определение удельного веса воды; 5) определение солености; 6) определение цвета воды; 7) определение прозрачности воды; 8) изучение течения; 9) изучение колебаний уровня; 10) сейсмичность; 11) приход воды через реки»[706]. По разделу «Биология»: 1) состав биофауны; 2) биологические условия жизни рыб; 3) планктон; 4) драгировка; 5) прочая фауна озера; 6) образцы грунта; 7) флора озера»[707]. По рыболовству предполагалось изучить: «1) способы рыболовства; 2) организацию лова; 3) статистические сведения об уловах; 4) экономическое положение ловецких поселений»[708].

Планировалось провести обширные исследования по разделам: места наблюдения, съемка озера и определение астрономических пунктов по исследованию берегов[709].

В ходе экспедиции были сделаны открытия, имевшие большое научное значение. Так, Л.С. Берг писал: «Самый неожиданный и пока необъяснимый факт – это то, что вода Балхаша совершенно пресная... Особенно это удивительно в озере, лежащем посреди знойных Туркестанских степей, в климате, бедном атмосферными осадками. Пока я не нашел еще с геологической точки зрения объяснения этому удивительному факту»[710].

«Как известно, Балхаш считается типичным примером усыхающего озера. Со времени Никольского, посетившего восточную часть берегов озера в 1884 г., можно во всех учебниках найти, что Балхаш усыхает на 1 аршин в 10 лет, следовательно, теперь бы он должен усохнуть на 2 аршина. Между тем мы нашли

---

[706] Абилев А.К., Аханов Ж.А. Указ. соч. С. 34.

[707] Там же.

[708] Там же.

[709] Абилев А.К., Аханов Ж.А. Из истории деятельности научных учреждений по изучению Казахстана XIX – начала XX в.// Из фондов Центрального архива Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата: Гылым. 1990. С. 34.

[710] Там же. Л. 17.

совершенно противоположное. Балхаш теперь прибывает и, по-видимому, в значительной степени»[711].

В Центральном Государственном архиве РК в 44-м фонде хранится дело № 49249 «Об оказании содействия экспедиции в Семиреченскую область главного ботаника Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада Вл. Ип. Липского, энтомолога Иванова и Балхашской экспедиции Л.С. Берга»[712].

В этом деле имеются не известные исследователям подлинные письма Льва Семеновича Берга к В.Е. Недзвецкому, написанные во время экспедиции. Письма в определенной мере дополняют отчет большим количеством подробностей, которых нет в публикации 1904 г. Берг делится с Недзвецким своими научными наблюдениями и предварительными выводами, сообщает о ходе работ экспедиции. Некоторые экспонаты из раздела «Живая природа», демонстрируемые до сих пор в Центральном музее Казахстана, изготовлены Бергом. Об этом свидетельствуют письма, находящиеся в делах № 48528 и 48630 44-го фонда Центрального Государственного архива Казахстана[713].

Балхашская экспедиция, как и Аральская, имела важное научное значение. Именно на материалах этих экспедиций Л.С. Берг пришел к тому пониманию, какое заложено в новой отрасли географии – лимнологии. Фундаментальные обследования берегов и самих озер, а также вопросы хозяйственной деятельности и эксплуатационные возможности бассейнов Арала и Балхаша приводят ученых к современному взгляду на них[714].

Кроме Аральского моря, казахских озер Балхаш, Тениз, Кургальджино, в сферу исследований Л.С. Берга входит и Каспийское море. В числе интереснейших работ можно отметить его труд «Первые русские карты Каспийского моря» (1940 г.). В этой работе Лев Семенович, исследуя картографические материалы XVIII в., приходит к заключению, что уровень Каспийского моря в 1715 г. был ниже современного и наблюдающиеся его

[711] Там же. Л. 17об.

[712] Там же.

[713] ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 49249.

[714] Абилев А.К., Аханов Ж.А.Указ. соч. С. 35.

колебания являются периодическими и они имели место в течение последних двух тысячелетий[715].

Обратимся к хронологии научной и преподавательской деятельности Л.С. Берга: в 1904–1914 гг. он возглавляет ихтиологический кабинет Зоологического музея Академии наук СССР; 1909 г., – прекрасно защищает докторскую диссертацию на тему «Аральское море»; с 1913 г. – профессор психоневрологического института, а с 1914 по 1918 г. – профессор ихтиологии в Московском сельскохозяйственном институте. После Октябрьского переворота 1917 г. Берг работает профессором географии в Петроградском университете и Географическом институте, а с 1922 г. заведует отделом прикладной ихтиологии в Государственном университете опытной агрономии. По утверждению исследователей, после смерти своего учителя Д.Н. Анучина (1923 г.) Лев Семенович возглавил советскую географическую науку. В 30–40-е гг. Л.С. Берг трудится в должности профессора Ленинградского университета[716].

В июле 1941 г. Лев Семенович Берг вместе с женой Марией Михайловной и внуком покинул блокадный Ленинград и по распоряжению правительства прибыл на казахстанский курорт Боровое. Вместе с другими учеными он был размещен в 11-м, главном, корпусе санатория. По воспоминаниям очевидцев, Берг, обосновавшись на новом месте, завел тот же распорядок дня, что и дома, в Ленинграде. Днем отдыхать не ложился, спал с 12 ч ночи до 7 ч утра. По вечерам обязательно гулял, не курил и спиртных напитков не употреблял. Благожелательность была доминирующей чертой его характера. Он отличался гостеприимством, в общении с людьми был крайне прост и добр, глубоко принципиален и скромен[717].

В Боровом ученый принял активное участие в научной деятельности заповедника. По предложению академика В.И. Вернадского Лев Семенович был

---

[715] Лев Семенович Берг (к 70-летию со дня рождения) // Вестн. Казах. филиала АН СССР. 1946. № 4 (13). Апр.

[716] Рыбин Н.Л. – Л.С. Берг (1876–1950) // Вестн. Академии наук Казахской ССР. 1951. № 1 (70). Янв. С. 139.

[717] Правдин И.Ф., Чепурнов В.С. Академик Л.С. Берг (1876–1950). Кишинев: Госиздат Молдавии, 1956. С. 24.

избран в состав Ученого совета. По мнению В.И. Вернадского, Л.С. Берга отличали «поразительная начитанность, масштаб широты знаний и глубина интересов, огромный диапазон знания фактов»[718].

Научная связь с Госзаповедником «Боровое» у Л.С. Берга началась еще за два года до войны. 17 сентября 1939 г. к нему обращается директор заповедника Джамбул Кунаков, в письме ставятся вопросы по поводу разведения рыб в озерах Борового[719].

Тема «Ихтиофауна озер Борового и пути к обогащению видового состава рыб» была не случайной, которую Л.С. Берг начал разрабатывать еще в 1939 г. и продолжил в 1941–1943 гг. В 1941 г. на её разработку выделено 8 000 руб. Цель научной работы – «изучение состава фауны рыб заповедника, обогащение ее новыми видами ценных полезных рыб и выявление методов наиболее продуктивного использования этой фауны»[720].Вторая важная тема, которой занимался ученый, – это изучение климата курорта Боровое, в то время крупной противотуберкулезной и экологической здравницы Советского Союза.

На заседании Ученого совета от 29 декабря 1941 г. по теме «О зоологических и климатологических работах заповедника» Л.С. Берг акцентировал внимание ученых на «дальнейшее систематическое изучение фауны Борового»[721].По утверждению ученого, усилия Наркомздрава республики оказались недостаточны, хотя в целях изучения климата заповедника была организована метеорологическая станция и проведены в 1939–1940 гг. исследования по изучению развития местных курортов. В условиях войны число больных туберкулезом растет. И в этой связи, по его мнению, необходимо привести в порядок оздоровительную работу курорта, выделить нужные для этого средства, усилить деятельность руководства. Чтобы прогнозировать работу

[718] Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. С. 247.

[719] Шкрыль П. В Боровом, в годы войны: Рукопись. 1985 г. // Акмолинский облстной историко-краеведчесий музей. Документальный фонд. ГИК. 20878–20890.

[720] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0131. Л. 2.

[721] Там же. Л. 16.

курорта, нужно отслеживать изменения климата и его причины, в какое время и как использовать курорт.

К концу декабря ученый подготовил первую главу, где показан обзор физической географии района местной метеостанции. Лев Семенович просмотрел весь имеющийся на метеостанции материал. Но его было недостаточно. В своих отчетах Л.С. Берг отмечал, что выполнение работ по теме «Климат Борового» «тормозится тем, что Гидромет. управление до сих пор задерживает пересылку проверенного речного материала по метеорологическим наблюдениям и необходимости получения большого запаса бумаги для сопроводительной обработки и вычислений». «После получения этих данных,– говорилось в отчете Л.С. Берга от 26 декабря 1941 г., – начнется обработка материалов»[722].

Военное положение накладывало свой опечаток. Работа тормозилась. Тем не менее необходимые метеорологические сведения были высланы из Алма-Аты, а также в нужном количестве была поставлена бумага. По завершении 1942 г. ученый обработал данные о температуре, осадках и давлении. По намеченному плану предполагалось в первой половине следующего года завершить всю работу, в частности разделы: ветер, облачность и влажность.

10 декабря 1942 г. Л.С. Берг, отмечая важность проводимой работы, писал: «Познание климата Борового необходимо для разных сторон народного хозяйства: для соображений о постановке курортного и санаторного дела, для целей обороны, для сельского и лесного хозяйства. До сих пор не существовало ни одной работы по климату этого важного курорта, основанной на критически разработанном материале. Мы располагаем теперь проверенными материалами за 10 лет наблюдений, на основании которого я надеюсь дать картину климата Борового, которая будет пригодна для практических надобностей. Потребность в такой работе для многих учреждений очевидна: в районе Борового расположен ряд военных и детских санаторий, госпиталей для раненых, амбулаторий и т.д.»[723].

---

[722] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 28. Д. 0111. Л. 1.

[723] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 29. Д. 0127. Л. 1.

Заседание Ученого совета заповедника от 20 апреля 1943 г. было посвящено выполнению плана научных работ, утвержденного Республиканским Управлением. Л.С. Берг сообщил, что «намеченная тема по обработке материалов по изучению климата Борового по наблюдения метеостанции Заповедника до 1942 г. им закончена и суммы, отпущенные на тему по смете, уже израсходованы. Однако докладчик считает весьма важным изыскать дополнительно еще 500 рублей на переписку и подготовку к печати уже обработанных материалов. Кроме того, следует считать весьма важным желательным присоединить к уже обработанным материалам также и материалы по обработке данных 1942 г., на что потребуется еще 1000 рублей»[724].

В ходе кропотливой работы к осени 1943 г. ученый завершил обработку материалов и 29 ноября представил в госзаповедник отчет о результатах анализа климата курорта Боровое за 11 лет – с 1932 по 1942 г. В конце 1943 г. и в январе 1944-го им дополнительно были обработаны показатели за 1943 г. и, соответственно, выведены сведения по метеорологическим наблюдениям за 12 лет (1932–1943 гг.).

Л.С. Берг провел масштабное исследование климата Борового, которое не потеряло научную ценность и по сей день. Представленный в виде отчета материал состоял из 139 таблиц, заключающих в себе более 50 000 цифровых данных. Наибольшее количество таблиц (16) объединяли материалы о ветрах, которые играют в метеорологическом режиме наиболее важную роль. 11 таблиц занимали разработки осадков по месяцам, годам и сезонам. Другие таблицы были посвящены влажности воздуха, облачности с указанием солнечного сияния в процентах. 8 таблиц заключали в себе данные по атмосферному давлению с упором на межуточную изменчивость. В 5 таблицах представлены атмосферные явления с указанием времени замерзания и вскрытия воды в озерах Боровое и Большое Чебачье, а также температура воды в озере Боровое (у берега), что важно с точки зрения организации курортного дела.

[724] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0132. Л. 1.

«Результаты настоящей работы, – говорилось в отчете госзаповедника за 1943 г., – имеют большое значение не только для характеристики Борового как лечебного санаторного пункта, но вместе с тем представляют большой практический интерес для лесного хозяйства и полеводства»[725].

Лев Семенович вел также исследования и по теме «Ихтиофауна озер Борового и пути ее обогащения». Собственно, над этой темой работало трое ученых. Л.С. Берг изучал биологию и видовой состав рыб озер заповедника, академик С.А. Зернов – планктон, а профессор Н.Н. Воронихин – водоросли.

Л.С. Бергом был собран большой материал для определения возраста окуня и чебака из озер Борового и Большое Чебачье. 10 декабря 1942 г. Л.С. Берг в письме в госзаповедник предлагает: «Продолжить наблюдение над образом жизни здешних промысловых рыб – чебака и окуня. Это даст возможность усовершенствовать теперешний промысел, составить более правильное представление о той обстановке, которая ожидает вновь пересаживаемых рыб»[726].

Проведенные исследования выявили, что в водоемах Борового обитали малоценные медленно растущие рыбы. Разводить популяцию этих сорных рыб и охранять их запасы было лишней тратой времени и средств. На первый план ставилась задача заселения озера более ценными породами рыб, в первую очередь сазаном из озера Балхаш. Осенью 1942 г., из-за неблагоприятных погодных условий не получилась пересадка рыб, и она была перенесена на весну следующего года. В частности, вопрос перевозки балхашского сазана для озер Борового поднимался Л.С. Бергом 20 апреля 1943 г. на заседании Ученого совета, где профессор П.Ю. Шмидт назначался ответственным за его доставку[727].

Помимо взятых на себя обязательств, Лев Семенович занимается и другими проблемами изучения природы курорта. 21 июля 1943 г. он пишет докладную записку в госзаповедник с предложением организовать водомерные наблюдения на озерах Боровского заповедника, в частности на озерах Боровое и Большое

---

[725] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0132. Л. 5.

[726] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 13.

[727] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0132. Л. 1.

Чебачье. Л.С. Берг отмечал: «Данные об уровне озер имеют большое народнохозяйственное значение, они необходимы в целях гидротехнических (орошение и осушение), для обслуживания лесного хозяйства, рыболовства, курортного дела, а также в целях климатологических. Кроме того, они имеют большое научное значение, так как будут служить для разрешения вопроса о том, находится ли в данное время Казахстан в состоянии обводнения или осушения. Впрочем, этот последний вопрос имеет, в свою очередь, большое практическое значение»[728].

В годы эвакуации ученый много занимается историей географических открытий, наряду с каждодневной работой – изучением природы курорта и рыб в озерах заповедника. В 1946 г. выходят три его книги: «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742» (М.; Л.: Академия Наук СССР. Предисловие автора – от января 1942 г., 379 с.); «Очерки по истории русских географических открытий» (М.; Л., 1946) и «Всесоюзное географическое общество за сто лет. 1845–1945». Дополнил и расширил для нового издания свою книгу «Природа СССР». Лев Семенович пишет статьи: «Фации, географические аспекты, и географические зоны», «О происхождении уральских бокситов», «О предполагаемой цикличности или периодичности в образовании осадочных пород». Собирает также материал для статьи «Обзор успехов ихтиологии в СССР с 1937 по 1942 гг.» и статей по ихтиологии для атласа «Промысловые рыбы СССР».

По просьбе администрации заповедника он пишет научные отзывы на различные исследования, выполненные сотрудниками заповедника. 30 декабря Лев Семенович представляет в Ученый совет заключение о зоологических работах, проведенных в заповеднике за последнее время. В первую очередь он дает отзыв об отчетах Д. Кунакова и И.О. Мороз о фауне млекопитающих и птиц, а также об отчете о гидробиологических исследованиях, проведенных Хусаиновой. Рецензирует отчет С. Кременецкой по теме «Интродукция охотниче-промысловых млекопитающих: птиц и рыб» и отчет Д.М. Сухова «Изучение

[728] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 35. Д. 0147. Л. 12.

водного режима заповедника (озера, реки, ключи, грунтовые воды)». Дает отзыв и о микроклиматических работах О.М. Садомцевой[729].

Л.С. Берг всегда находился в гуще событий курорта и, возможно, поэтому написал «Боровские были». В этих коротких повествованиях идет речь о забавных историях из жизни академического коллектива. Несколько особняком стоят «Дедушкины сказки», которые Берг экспромтом сочинял во время вечерних прогулок с семьей.

Лев Семенович Берг за свою более чем 50-летнюю научную деятельность опубликовал свыше 700 работ, не считая многочисленных (около 200) рецензий и заметок, представляющих научный интерес, а также значительное количество статей в энциклопедиях. Основная часть его научных трудов посвящена ихтиологии и географии. Патриотизм, любовь к Родине пронизывают все работы ученого.

В Боровом по-особому складывались отношения между эвакуированными. Хотя многие из них и до этого были хорошо знакомы, но здесь война еще более сблизила их. Со многими членами академического коллектива общался и Л.С. Берг. Он близко сошелся с академиками В.М. Алексеевым, Л.И. Мандельштамом и А.Е. Фаворским.

В условиях эвакуации члены академической группы регулярно проводили свои заседания и собрания, внимательно следили за военными действиями, положением на фронтах, за самоотверженными делами работников тыла. По воскресным дням в читальном зале библиотеки курорта проводились собрания, устраивались лекции и доклады.

В этой связи надо отметить, что Л.С. Берг проводил активную работу по организации лекций и чтений. Научному потенциалу лекторов, собравшихся на курорте Боровое, могли бы позавидовать ведущие академии наук и университеты мира. В.И. Вернадский записал в своем дневнике: «В связи с тем, что появилось решение среди академической группы организовать научные доклады, – об этом на днях со мной переговорил Л.С. Берг и даже предложил мне тему – о

[729] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0017. Л. 3–8.

геологических оболочках и геосферах, и я согласился – я отделываю сейчас ионосферу»[730]. Да и сам Лев Семенович не уставал выступать с научно-популярными лекциями. Теперь перед ним собиралась уже не студенческая аудитория, а слушатели в госпиталях, санатории или в школе.

Ученый был страстным книгочеем и постоянно посещал библиотеку. Он хорошо владел немецким, английским и французским языками, свободно читал в оригинале латинских и греческих классиков. Вместе с тем в целях получения дополнительной информации он старался не пропустить ни одно новое научное издание, насколько это было возможным в условиях эвакуации, особенно когда из Москвы в Боровое стал ходить специальный вагон с литературой. Ученый, как правило, откликался на них в письмах к авторам или рецензиями в журналах.

В дни военного лихолетья обитатели Борового старались наладить контакты с зарубежными учеными и пропагандировать достижения советской науки за рубежом. К примеру, из Нью-Йорка, Калифорнии, Вашингтона Л.С. Берга просили прислать книгу «Системы рыб».

С каким энтузиазмом ученый занимался научной работой, с таким же он выполнял и общественные поручения. Лев Семенович был одним из наиболее инициативных бессменных членов Распределительного бюро академической группы. Здесь особенно проявилась замечательная сторона его характера: ученый был совестью коллектива, арбитром в спорных вопросах, бескорыстным помощником и поддержкой всех нуждающихся. Он каждого выслушивал, старался помочь, вникал во все детали бытовых неурядиц и недоразумений. При этом не терял самообладания и оптимизма и к нелепым ситуациям, которых бывало немало, относился с неизбывным чувством юмора. Его всегда отличала необычайная обязательность[731].

Неслучайно перед отъездом из Борового ученые написали благодарственное письмо тем членам академического коллектива, которые в нелегкие годы эвакуации выполняли хлопотные обязанности в составе Распределительного

---

[730] Вернадский В.И. Дневники. С. 74.

[731] Шкрыль П. Указ. работа. Л. 38–39.

бюро. В нем, в частности, говорилось: «Позвольте нам, членам академического коллектива в курорте «Боровое», выразить Вам всем искреннюю и глубокую благодарность за ваши самоотверженные заботы о достойной жизни в эвакуации. Мы все глубоко чувствуем, сколь многим Вы жертвовали на нашу общую пользу, сколько неприятных и тяжелых минут и часов выпадало на Вашу долю при устройстве сложных дел, улаживании сталкивающихся интересов и самолюбий, сколько работы взял на себя неутомимый и образцовый в ней Лев Семенович, сколько неудобств выпало на долю всех Вас в при принятом Вами на себя общественном и товарищеском служении»[732].

В то же время неиссякаемое трудолюбие, увлечение наукой сочетались у Льва Семеновича с житейской неприспособленностью. Все заботы практического характера легли на плечи подруги жизни – Марии Михайловны Ивановой. Она оберегала его в течение 28-летней совместной жизни, делила с ним радости и трудности. Была внимательным другом и хорошим помощником в его научных занятиях, много помогала в работе, особенно при чтении многочисленных корректур[733].

В августе 1944 г. Л.С. Берг выехал из Борового и 29 числа был в Ленинграде. Эвакуация окончилась, а научная работа продолжалась.

В 1946 г. Л.С. Берг после долгих интриг и необоснованных обвинений был избран в академики. Первый раз он выдвигался еще в 1939 г., когда из-за доноса чуть не угодил в сталинские лагеря. Его дочь, Раиса Львовна, вспоминает: «Свершилось это чудо совершенно случайно. Его выдвигали и в 1943-м, и в 1946 году, но шансы на избрание были оба раза нулевые. И вот, в 1946 году на одно место по Географическому отделению выдвинуты два кандидата – Берг и Баранский, и тут случилось нечто неслыханное. Баранский от избрания отказался. «Никто не может быть академиком, если Берг не академик», – написал этот удивительный человек в Президиум Академии наук …Но Баранский понес кару за свое отречение. Он не был избран никогда»[734].

---

[732] Там же. Л. 39.

[733] Золотницкая Р.Л. Л.С. Берг в годы Великой Отечественной войны / Изв. ВГО, 1970. Т. 102, вып. 1. С. 32.

[734] Берг Р.Л. Суховей. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 265.

4.3. Научная и врачебная деятельность академика Н.Ф. Гамалеи на курорте Боровое (1941–1944 гг.)

Николай Федорович Гамалея родился в Одессе, в семье потомственных врачей. Его дед, М.Л. Гамалея (1749–1830), написал в 1789 г. монографию о сибирской язве, которая была переведена на немецкий язык. Николай Федорович происходил из старинного украинского казачьего рода, имеющего турецкие корни. Слово «Гамалія» в переводе с тюркского языка означает «силу и крепость». Украинский кобзарь Тарас Шевченко воспел отвагу казачьего атамана Гамалія, предка Николая Федоровича.

Николай Федорович Гамалея – один из основателей, «патриарх» отечественной микробиологии, почетный академик АН СССР (с 1940 г.), академик АМН СССР (с 1945 г.), лауреат Сталинской премии, с его именем связана целая эпоха в развитии бактериологической науки. Ученый провел крупные исследования по изучению бешенства, туберкулеза, холеры, тифов, чумы и других заразных заболеваний. Причем он не только изучал болезни, но и разрабатывал меры борьбы с ними, руководил противоэпидемическими мероприятиями. Им опубликовано свыше 300 работ, включая монографии и руководства. Учёный воспитал целую плеяду микробиологов, в том числе и казахстанских, которые своими трудами и открытиями прославили имя учителя[735].

Имя Николая Федоровича Гамалеи сегодня носит Научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии Российской академии наук (Москва), а также улица, на которой находится институт. НИИ – один из старейших научно-исследовательских институтов России, является головной организацией Российской Федерации по микробиологии, координирует научную деятельность институтов и учреждений своего профиля. На его базе

[735] Николай Федорович Гамалея: Материалы к библиографии ученых СССР. М.; Л. АН СССР, 1947. С. 69; Калита В. Династии врачей и учёных Гамалеев – 420 лет. Хроника жизни трёх поколений // Здоров'я України. 2006, № 9, май; Миленушкин Ю.И. Н.Ф. Гамалея. М., 1967; Сарбей В.Г. Гамалія Микола Федорович // Ст. у Енциклопедія історії України. Т. 2. К.: Наукова думка, 2004. С. 47.

функционируют девять центров Министерства здравоохранения и соцразвития России (по риккетсиозам, лептоспирозам, бруцеллезу, туляремии, хламидиозам и др.).

Н.Ф. Гамалея, соратник знаменитого Луи Пастера, в 1886 г. в Одессе создал первую в Российской империи и вторую в мире, после Парижской, бактериологическую станцию. Вскоре, благодаря И. Мечникову и Н.Ф. Гамалее, она получила мировую славу.

Война не прервала деятельности Н.Ф. Гамалеи. Он продолжал руководить работой Вирусного комитета Академии наук СССР, Всесоюзного общества эпидемиологов, микробиологов и инфекционистов.

16 июля 1941 г. почетный академик Н.Ф. Гамалея был эвакуирован из Москвы. 22 июля Николай Федорович в составе большой группы старейших ученых прибыл в Казахстан, в туберкулезный санаторий «Боровое». Здесь он продолжил свои научные исследования с 20 другими видными учеными, среди которых был первый нарком здравоохранения СССР Н.А. Семашко.

В условиях эвакуации Н.Ф. Гамалея организовывает в Боровом специальную лабораторию, где с сотрудниками В. Кудиновой, А. Кофман, О.И. Травиной и М. Гамалея (дочерью) проводит большую работу по изучению туберкулеза. В своих воспоминаниях Николай Федорович потом напишет: «Мне во время Великой Отечественной войны удалось в эвакуации устроить лабораторию для продолжения своих исследований по туберкулезу, которые привели к некоторым положительным результатам»[736].

Надо иметь в виду, что в условиях эвакуации не так-то легко было наладить работу лаборатории и вести фундаментальные исследования по специфическому лечению туберкулеза и регенерации тканей и нервов. Все свои творческие усилия Николай Федорович направляет на решение проблемы продления жизни человека. Туберкулез давно привлекал его внимание. Изучению палочки Коха он посвятил немало лет в разные периоды и называл возбудителя туберкулеза своим «любимым микробом».

[736] Николай Федорович Гамалея. Материалы к библиографии ученых СССР. С. 7.

Более полувека он занимался исследованиями в этой области микробиологии и учения о заразных болезнях. Интересные опыты были изложены в работе «О туберкулезном яде», изданной в 1881 г., и в книге «Бактерийные яды» (1892 г.). Появление этой книги, считающейся сейчас классической, было значительным событием в науке.

Н.Ф. Гамалея показал, что патогенные микробы вырабатывают специальные вещества, ядовитые для организма, в котором они поселились. В зависимости от вида микробов и условий их размножения характер этих ядов и действие их на организм меняются. Введением в организм человека определенного количества микробных ядов можно вызывать его невосприимчивость. Н.Ф. Гамалея говорил, что надо отыскать и изолировать имеющиеся в туберкулезных бактериях вакцинирующие вещества, чтобы воспроизвести иммунитет без повышенной ранимости тканей. В качестве такого иммунизирующего вещества Н.Ф. Гамалея еще в 1891 г. предлагал выделенный им туберкулоцерин. В 1913 г. это (или сходное) вещество изучено учеными и определено как высокомолекулярный алкоголь и названо «миколом».

Много лет спустя, в 1941–1944 гг., в специальной туберкулезной лаборатории в санатории «Боровое» Гамалея провел лечение экспериментального туберкулеза у морских свинок и затем клинического туберкулеза миколом, присоединив к нему действующее вещество стекловидного тела бычьих глаз, так называемую гиалуроновую кислоту. Применение предложенного ученым для этих целей вещества дало положительные результаты.

В Боровом лаборатория Н.Ф. Гамалеи находилась в 42-й даче. Помимо научных исследований, Николай Федорович уделяет значительное время лечению раненых и больных воинов, поступивших в эвакогоспитали Борового. Он принимает активное участие в медицинских совещаниях Государственного центрального института курортологии и физиотерапии (переведенного из Москвы, директор Г.С. Варшавер) и Крымского НИИ физических методов лечения и медицинской климатологии им. И.М. Сеченова (прибывшего из

Севастополя, директор Ю.М. Эпштейн-Коллонтай), а также организовывает неограниченный прием туберкулезных больных из близлежащих аулов и селений.

Николай Федорович за короткое время овладел казахским языком и усвоил некоторые традиции народного лечения казахов. По методу местных лекарей Гамалея врачевал туберкулезных больных золотолечением. Казахи его с уважением называли «Гамал-ага». Примечательный факт – еще в 1930 г. в г. Кзыл-Орде на казахском языке четырехтысячным тиражом была напечатана его книга «Бешенство», где сообщалось об организации в Казахстане станции-лаборатории для прививок от бешенства. Кочевники-казахи часто рисковали быть укушенными бешеными волками, и пастеровские прививки Гамалеи оказались кстати[737].

Татьяна Андреевна Казионова работала в лаборатории Н.Ф. Гамалеи санитаркой. Ей запомнилось, как она бегала на бойню, которая находилась в Боровом, напротив озера Большое Чебачье, на склоне сопки. Казионова вспоминала: «Когда резали быков, нам сообщали. Я ходила на бойню, забирала бычьи глаза, завертывала их в тепло, за пазухой быстро относила в лабораторию. Николай Федорович брал жидкость из глаз, с чем-то смешивал и делал лекарство. Этим лекарством кололи туберкулезных больных. Он учил меня делать уколы. Мне тогда было 14 лет. Я кипятила пробирки, кормила морских свинок. Из остатков глаз мы варили с морковью очень вкусный гуляш, и он вместе с нами садился кушать. Был очень добрый, веселый. Перед отъездом в Москву он хотел меня забрать с собой. Но я не могла оставить маму. Мне по малолетству не дали трудовую книжку. Но до сих пор храню три справки, написанные руками Марии Николаевны Гамалея, самого Николая Федоровича и справку от Владимира Ивановича Вернадского с подписью»[738]. Своими воспоминаниями о Н.Ф. Гамалее поделилась и А.Д. Турсынбаева: «Лечил раненых в основном врач Николай

[737] Абсеметов М. Патриарх микробиологии и эпидемиологии Николай Федорович Гамалея на казахской земле (из истории научных связей Украины, России и Казахстана) // Тағдылады біріктірген Қазақстан – Нас объединяет Казахстан. Астана, 2010. С. 444–451.

[738] Турсынбаева А. На даче № 42 // Степной маяк, 1990. 13 июня.

Гамалея. Если у нас, например, резали быка, он тут же посылал девочек, чтобы принесли ему бычьи глаза: с помощью их лечили туберкулез»[739].

Гиалуроновая кислота обладала регенерирующей способностью, а микол – иммунизирующим свойством. Микол способствовал также рассасыванию язв у зараженных животных – морских свинок. Получив хороший эффект на экспериментальных животных, Николай Федорович, несмотря на возражение семьи, заразил себя туберкулезом и на себе испытал этот препарат. И когда убедился в его безвредности и эффективности, рекомендовал его для лечения больных. В это время ему было 85 лет.

Первый опыт применения микола в сочетании с глазной жидкостью (Филатовский фактор сопротивления) проводился больным Щучинского туберкулезного диспансера и стационара при государственном курорте Боровое доктором И.Г. Халло в присутствии Н.Ф. Гамалеи. Благоприятное лечение больных туберкулезом послужило толчком для начала химических исследований действия новых видоизмененных препаратов, среди которых основным был микол. В декабре 1944 г. в Москве совместно с Н.П. Грачевой Николай Федорович продолжил работу, начатую в Боровом. Работали уже с тиссулином, приготовленным из органов зараженных туберкулезом крыс.

Первым научным трудом, написанным Николаем Федоровичем в Боровом, была работа «Влияние бактериальных витаминов на лечение туберкулеза в Боровом». Он закончил работать над ней в 1941 г.[740] Н.Ф. Гамалея задался «целью научно осветить полезные влияния природы Борового на лечение туберкулеза и выяснить возможности повышения его санитарной ценности». В объяснительной записке к тематическому плану указывалось, что эта тема «отвечала условиям времени, поскольку потребность ликвидации массовых заболеваний в огромной мере возрастает в связи с войной»[741].

---

[739] Хегай М. Приют для академиков // Караван. 2008. 17 окт.

[740] Труды Госзаповедника «Боровое». Алма-Ата, 1948. С. 10.

[741] Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0135. Л. 6–7.

В октябре ученый приступил к работе над темой «Лечебные факторы Борового». Выполнялась она по договоренности с администрацией заповедника. Исследования велись по намеченному плану, и к концу года был представлен предварительный отчет о проделанной работе. К этому времени ученый уже провел осмотр каверн у больных туберкулезом и приступил к изучению кожи, ран и продуктов жизнедеятельности больных, а также почв и растений Борового на содержание болезнетворных бактерий[742].

16 мая 1942 г. на заседании Ученого совета заповедника были заслушаны сообщения исполнителей тем. Николай Федорович проинформировал, что его работы по теме «Лечебные факторы Борового», как записано в протоколе, «в основном уже находятся в стадии завершения, по части использования собранного литературного и документального материалов. На их основании уже можно дать оценку Борового как выдающегося курорта по его положительному влиянию на больной организм»[743].

Полностью работу над темой «Лечебные факторы Борового» ученый закончил во второй половине 1942 г. Книга объемом 10 печатных листов была сдана в печать. Ее рукопись хранилась в фондах заповедника «Боровое». По сообщению краеведа П.Д. Шкрыля, сохранилось только оглавление данной книги:

«Предисловие.

Гл. 1. Место расположения курорта "Боровое".

Гл. 2. Климатические условия.

Гл. 3. Возникновение и развитие курорта.

Гл. 4. Санитарное состояние курорта.

Гл. 5. Малярия на курорте.

Гл. 6. Кумысное дело.

Гл. 7. Результаты лечения.

Гл. 8. Патогенез туберкулеза.

Гл. 9. Положительное и отрицательное влияние на туберкулезный процесс.

---

[742] Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 30. Д. 0128. Л. 1–4.

[743] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 4. Д. 0131. Л. 1–2.

Гл. 10. Итоги»[744].

В марте 1943 г. обитатели курорта и академическая группа поздравили Николая Федоровича Гамалею с присуждением ему Сталинской премии за научный подвиг в тылу и выдающиеся работы в области науки. Многочисленные поздравления поступили от Правительства СССР, от руководства Казахской республики, от ученых, коллег и учеников академика.

Николай Федорович Гамалея часто вспоминал Боровое. Не только потому, что на этой земле он похоронил свою супругу, но и потому, что, как он сам считал, прожитые в Казахстане годы были очень плодотворными. В Боровом Н.Ф. Гамалея создал ряд фундаментальных трудов, обогатившую советскую науку. Подготовил к печати второе издание «Учебника медицинской микробиологии» (опубликовал в 1942 г.), занимался составлением «Руководства по микробиологии» (40 п. л), издал брошюру «Грипп и борьба с ним», которую отметили английские газеты. Экземпляр этой брошюры с дарственной надписью *«Библиотеке санатория Боровое от автора»* хранится в архивных фондах Кокчетава[745].

Во второй половине 1944 г., после полного освобождения страны от оккупации и наступления советских войск на германском направлении, Н.Ф. Гамалея с дочерьми и внуками выехал в Москву.

Николай Федорович практически всю свою жизнь также занимался проблемой старения. Своим личным примером Н.Ф. Гамалея доказал справедливость изложенного в его научных трудах – умер он на 91-м году жизни, до последних дней сохраняя свежесть мысли и трудоспособность.

4.4. Академик Л.С. Штерн и её масштабные разработки в военной медицине

XX в. для граждан бывшего Советского Союза был не только временем побед и свершений, но и тяжелых испытаний, страданий и потерь. В вихре

[744] Шкрыль П. Указ. соч. Л. 58.

[745] ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 1735. Л. 85, 85 об.

мировых событий по-разному сложились людские судьбы. Не каждому было суждено выдержать голод, холод и репрессии. Среди тех, кто противостоял тоталитарной политике сталинизма, выжил и победил, – имя первой в мире женщины-академика, выдающегося биохимика и физиолога Лины Соломоновны Штерн.

Лина Соломоновна родилась 26 августа 1878 г. в г. Либава Курляндской губернии (ныне г. Лиепая, Латвия) в еврейской буржуазной семье. Получив образование в Женеве, с дипломом, свидетельствующим об окончании медицинского факультета, в 1903 г. Штерн возвращается в Россию, чтобы работать земским врачом. И тут неожиданно приходит письмо из Женевы. Ей предлагают место на кафедре Женевского университета. После долгих раздумий и колебаний она выбирает науку.

В те годы многие передовые люди России вынуждены были жить в эмиграции. В Женеве Лина Штерн познакомилась и на всю жизнь сохранила дружбу с семьями академика А.Н. Баха и революционера-марксиста Г.В. Плеханова. В 1917 г. в возрасте 29 лет Л.С. Штерн получает звание профессора и возглавляет кафедру физиологической химии в Женевском университете. Материально обеспеченная, она целиком посвящает себя науке. Казалось бы, что жизненный путь выбран ею навсегда. Но к этому времени в России власть перешла в руки рабочих и крестьян. Лина Соломоновна внимательно следит за развитием событий на родине. Из писем, которые приходят к ней из Советской России, в частности от семьи академика Баха, в 1917 г. вернувшегося на родину, она узнает о развитии науки в молодом социалистическом государстве[746].

В 1924 г. Штерн получает приглашение занять кафедру в Московском государственном университете. Она принимает решение ехать. С горячим энтузиазмом Лина Соломоновна в разрушенных стенах бывшей Синодальной типографии на Никольской улице создает научно-исследовательский институт физиологии. На все свои личные сбережения она закупает за границей

[746] Абсеметов М.О. Казахстан в судьбе академика Л.С. Штерн // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 401. С. 79.

необходимое дорогостоящее оборудование для лаборатории и фармакологические препараты.

В стране не хватает рабочих рук, специалистов. Напрягая усилия, испытывая нужду и голод, рабочие восстанавливают фабрики и заводы. В этой атмосфере увлеченная новыми идеями и возможностями, Штерн занимается наукой, хотя все приходится начинать с нуля. Она сама делает много черновой работы, налаживает аппаратуру, готовит лаборантов и научные кадры, не обращая внимания на неустроенность своего быта. В первое время ей и жить было негде, и ее приютила семья академика Баха.

Л.С. Штерн самоотверженно работает, занимается научными исследованиями. Будучи директором Научно-исследовательского института физиологии Академии наук СССР, она одновременно заведует кафедрой физиологии во Втором медицинском институте.

В 1934 г. Л.С. Штерн удостаивается звания заслуженного деятеля науки РСФСР, а в 1939 г. избирается действительным членом АН СССР. Среди многочисленных научных тем академика Л.С. Штерн особое место занимают исследования гемато-энцефалического барьера. Еще в Женеве Штерн установила, что лекарственные препараты не проникают из крови в спинно-мозговую жидкость. Изучению этого феномена, принесшего ей впоследствии мировую известность, она посвятила всю свою жизнь[747].

Со стороны казалось, что академик Штерн занимается чисто теоретическими вопросами физиологии, далекими от медицинской практики. Но вот началась Великая Отечественная война. И тут выяснилось, что методы и препараты академика Штерн необходимы хирургам, начиная от медсанбатов и кончая тыловыми госпиталями. Применяя ее противошоковую жидкость, которую в госпиталях называли «антишокином академика Штерн», хирурги спасли тысячи раненых, выводя их из состояния клинической смерти.

Фронт приближался к Москве. Правительство принимает решение об эвакуации учебных и научных учреждений из столицы. Трудно представить себе

[747] Там же.

состояние Штерн, когда Второй медицинский институт и кафедра физиологии со всеми сотрудниками были эвакуированы в Омск, а Научно-исследовательский институт физиологии со всем штатом и оборудованием двигался по железным дорогам страны в Среднюю Азию, и конечный пункт его был не ясен – то ли Ташкент, то ли Фрунзе[748].

17 августа 1941 г. Лина Соломоновна Штерн со своим личным секретарем О.П. Скворцовой оказалась на курорте Боровое Акмолинской области Казахстана[749].

Надо отметить, что 4 октября 1941 г. в Казани Лина Соломоновна принимает активное участие в совещании у вице-президента Академии наук СССР О.Ю. Шмидта. Поднимался вопрос о состоянии детских учреждений АН СССР и условиях жизни академиков и членов их семей на курорте Боровое Казахской ССР[750]. В то время в Боровое были эвакуированы несколько госпиталей, Центральный институт физических методов лечения им. Сеченова из Севастополя, Центральный институт курортологии из Москвы.

В Боровом Лина Соломоновна снова встретилась с семьей академика Алексея Николаевича Баха, известным микробиологом академиком Николаем Федоровичем Гамалеей и многими учеными, с которыми в мирное время приходилось решать различные научные проблемы. Среди них был и старший научный сотрудник Сеченовского института С.Г. Петровский, под ее руководством проводивший работу по гемато-энцефалическому барьеру. Но это были все темы довоенного времени.

В 1941 г. Л.С. Штерн было уже 63 года, но она сохранила удивительную для своих лет подвижность и трудоспособность. У нее было множество идей, осуществить которые в условиях курорта Боровое не представлялось возможным. Не было научной клинической базы и соответствующим образом оборудованных лабораторий. К тому же ее волнует судьба Института физиологии, медленно

---

[748] Дубовицкий Н. Академик Л.С. Штерн в Боровом // Луч. 1988. 3 дек.

[749] Государственный архив г. Кокшетау. Ф. 759. Оп. 1. Д. 6. Л. 24, 24 об.

[750] Там же. Л. 21, 21 об.

продвигающегося вглубь Азии, в то время как он уже должен был развернуться и начать работу по плану военного времени.

Штерн не могла сидеть на месте и ждать. Её натуре свойственна напряженная каждодневная работа, а тут тихий, красивый, дикий уголок природы, пансионат для престарелых академиков.

И Лина Соломоновна начинает действовать. Она засыпает письмами и телеграммами своих сотрудников. В своих письмах и обращениях к правительству страны Штерн пишет о возобновлении работы Института физиологии АН СССР в тылу, в частности в Алма-Ате.

В этом стремлении быть в гуще научно-исследовательских проблем, связанных с обороной, ее поддерживает академик А.Н. Бах, несмотря на свой преклонный возраст, также добивающийся своего выезда в Биохимический институт, эвакуированный в г. Фрунзе.

Наконец, академик Л.С. Штерн в ноябре 1941 г. получает разрешение выехать в Алма-Ату. Здесь же решается вопрос с жильем для нее и для сотрудников института. Вопросом размещения занимался лично председатель Совнаркома Казахской ССР Нуртас Ундасынов, который 6 октября 1941 г. поручил председателю Алма-Атинского горисполкома Х. Байузакову изыскать возможности и обеспечить прибывающих академиков с семьями и их сотрудников квартирами[751].

Штерн добивается, чтобы эвакуированный Институт физиологии обосновался в Алма-Ате, и ей удается разместить его на базе медицинского института**.** В дни войны Институт физиологии Академии наук СССР проводит большую работу по изысканию и внедрению новых, более эффективных методов борьбы за сохранение жизни и работоспособности раненых бойцов.

Основными направлениями Научно-исследовательского института физиологии в военное время стали лечение шока и столбняка, помощь при отравлении цианидами, восстановление нормальной деятельности сердца электростимулирующими методами в случае его внезапной остановки и при

[751] АПРК. Ф. 1137. Оп. 6. Д. 827. Л. 12.

фибрилляции мышцы сердца. Велась работа по изучению ритма и режима сна с целью его рационализации, возможностей увеличения сопротивляемости организма при утомлении и длительной бессоннице в условиях войны; продолжено изучение гемато-энцефалического барьера и др.

27 октября 1942 г., в беседе с корреспондентом КазТАГ директор института академик Л.С. Штерн рассказала о теплом приеме и заботе со стороны правительства Казахстана по размещению института, созданию условий для продолжения научной работы. В свою очередь, коллектив института стремится шире внедрить в практику результаты многолетних теоретических и экспериментальных исследований, имеющих в военное время особенное значение[752].

По ее словам, значительное число летальных случаев среди раненых вызывается шоком. Эффективные способы борьбы с ним позволила бы спасти многих раненых. Ее разработки по гемато-энцефалическому барьеру, регулирующему переход различных веществ из крови в спиномозговую жидкость и дальше в мозг, привели к интересным теоретическим и практическим результатам, нашедшим применение при лечении ряда заболеваний центральной нервной системы, в том числе столбняка и шока.

Проведенные под руководством Л.С. Штерн опыты показали, что состояние центральной нервной системы находится в прямой зависимости от химического состава спинномозговой жидкости. Изменяя ее состав, можно оказывать воздействие на состояние нервных центров. Установлено было также, что введение различных лекарств обычным способом (впрыскивание под кожу или непосредственно в кровь) часто не приводит к цели вследствие наличия гемато-энцефалического барьера, не пропускающего из крови в спинномозговой канал целый ряд веществ. Поэтому в тех случаях, когда необходимо быстро и энергично воздействовать на нервные центры, следует вводить лекарственное вещество непосредственно в спинномозговую жидкость.

---

[752] В институте физиологии Академии Наук СССР. Беседа с академиком Л.С. Штерн // Казахстанская правда. 1942. 27 окт.

Лина Соломоновна отмечала: «Исходя из этого, нами был разработан метод лечения шока, заключающийся в основном во введении противошокового препарата (фосфорнокислого калия) непосредственно в спинномозговой канал. Ряд опытов, проведенных в клинике, подтвердил огромную ценность этого новшества. Раненые, находившиеся в состоянии глубокого шока и считавшиеся «безнадежными», были возвращены к жизни и вскоре вернулись в строй. Простота препарата и несложная техника его введения дают возможность применять новый метод в самых широких размерах. Сейчас, по распоряжению главного военно-санитарного управления Красной Армии, наш метод лечения, шока стал широко применяться на фронте»[753].

В Алма-Ате Лина Соломоновна Штерн разработала методику борьбы с осложненным травматическим шоком (при ожогах, большой потере крови, обмороживании и т.д.).

Увенчались успехом и работы ее научного коллектива по изысканию новых методов лечения столбняка. До сих пор считалось, что противостолбнячная сыворотка не приносит никаких результатов, если ее применяют при уже развившемся столбняке. Этот хорошо известный всем врачам факт легко объясняется непроницаемостью гемато-энцефалического барьера, не пропускающего антитоксин столбняка. Ученые института установили, что непосредственное воздействие противостолбнячной сыворотки на нервные цент-ры останавливает дальнейшее развитие столбняка. И как яркий результат работы института физиологии – Главное ветеринарное управление Красной Армии приняло новый метод для фронта.

Л.С. Штерн в беседе с корреспондентом КазТАГа сообщила: «Большой практический интерес представляют наши работы по восстановлению нормальной деятельности сердца путем применения электрического метода при электротравмах, в случаях внезапной смерти (т.н. паралич сердца) и отравления различными ядами. Ряд опытов дал положительные результаты. Сейчас институт изготовляет специальный аппарат, позволяющий поддерживать дыхание и

[753] Там же.

необходимую циркуляцию крови, без которой восстановление сердечной деятельности не имело бы практического значения. Много внимания уделяем мы вопросам увеличения работоспособности без ущерба для здоровья. Наши работы направлены к рационализации режима труда и отдыха, увеличению сопротивляемости организма к утомлению (например, при длительной бессоннице)»[754]

12 декабря 1941 г. на первой межгоспитальной научной конференции в Алма-Ате академик Л.С. Штерн выступила с докладом «Лечение шока и столбняка путем непосредственного воздействия на нервные центры». Прибывшие на конференцию военно-полевые хирурги докладывали об успешном применении метода академика Штерн.

Лина Соломоновна Штерн обращает особое внимание на подготовку научных кадров из местного населения. Казахи по традиции с большим почтением и трепетом относятся к врачам и учителям. Возможно, в глазах казахской интеллигенции она была посланником Авиценны, она это чувствовала. Ей по душе пришелся южный климат, красота гор Тянь-Шаня, непередаваемый вкус знаменитого алма-атинского апорта. Ее связывали дружеские отношения с Президентом Академии наук Казахстана академиком Канышем Имантаевичем Сатпаевым.

Советские ученые в области медицины предпринимали усилия для разработки медицинского оборудования.

17 января 1942 г. директор Института физиологии АН СССР Л.С. Штерн обратилась с письмом к Секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцову о содействии в практическом внедрении в лечебный процесс её разработки, посвящённой выведению организма из состояния шока, а также о создании Казахской военно-санитарной бригады.

В частности, она писала: «В настоящее время нами разработан метод, позволяющий в кратчайший срок, исчисляющийся минутами и даже секундами, вывести из состояния шока… Широкое внедрение этого метода является

[754] Там же.

необходимостью. Военные врачи, как и другие врачи, которые могут быть отправлены на фронт, должны владеть эти методом... Для начала хочу создать довольно большую бригаду врачей, обученных предлагаемому мной методу и, отобрав из них наиболее подходящих, отправиться вместе с ними в Москву в Военно-санитарное управление РККА, которое по своему усмотрению направит на те или другие участки фронта. Эта Казахская военно-санитарная бригада будет иметь своей специальной целью лечение шока и организацию шоковых палат... Боюсь, что мое желание лично отправиться на фронт встретит некоторое сопротивление, и я прошу Вас оказать мне содействие в этом деле для того, чтобы осуществить это дело в ближайшие же недели»[755].

Подробно описав метод, вытекающий из её учения о барьерных функциях организма, в частности гемато-энцефалического барьера, Л.С. Штерн отметила, что результаты, полученные в процессе исследований, имеют большое практическое значение в лечении шока и столбняка. Автор изобретения констатировала: «Результаты, полученные в лабораторной обстановке (на животных), были проверены в клинике (на людях) и даже в обстановке фронта. В настоящее время метод получил апробацию со стороны Ученого медицинского совета Наркомздрава СССР»[756].

В связи с такой постановкой проблемы Л.С. Штерн, будучи уверенной в том, что её желание отправиться на фронт вызовет некоторое сопротивление со стороны коллег по институту, настаивала на том, чтобы Секретарь ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцов оказал ей личное содействие в положительном решении данного вопроса: «Считаю, что моя личная безопасность менее важна, так как широкое внедрение в практику предлагаемого метода борьбы с шоком спасет жизнь большому количеству воинов Красной Армии. С коммунистическим приветом. Ваша Л. Штерн. Алма-Ата, ул. Кирова, 76, кв. 4, тел. 38-65»[757].

10 октября 1942 г. в Алма-Ате состоялось общегородское собрание интеллигенции столицы Казахстана, посвященное организации антифашистского

---

[755] АПРК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 617. Л. 74, 74 об.

[756] Там же. Л. 74.

[757] Там же.

бюро ученых. Зал Казахского академического театра оперы и балета заполнили известные деятели науки, писатели, артисты, педагоги, инженеры и врачи. Открывая собрание, Председатель Совнаркома Казахской ССР Нуртас Ундасынов подчеркнул огромную роль интеллигенции в суровые годы Отечественной войны. «Временно захватив некоторые советские города, – отмечал он, – фашисты разрушили театры, институты, лаборатории. Но разбив колбы ученых, предав огню великие памятники зодчества, они не уничтожили науку и искусство. Одним из свидетельств этого является нынешнее собрание, где наряду с представителями интеллигенции Казахстана присутствуют виднейшие ученые, писатели и артисты Киева, Харькова, Ростова, Минска и Одессы»[758].

Республиканская газета «Казахстанская правда», 13 октября 1942 г. освещавшая это событие, особо отметила роль Л.С. Штерн в создании антифашистской ассоциации ученых Казахстана. В ней писалось: «На трибуне – выдающийся физиолог, академик Лина Соломоновна Штерн. “Я побывала во многих странах, – говорит Штерн, – и нигде ученым не созданы такие прекрасные условия для плодотворной творческой работы, как в СССР. С первого же дня вероломного… нападения гитлеровцев на Советский Союз советские ученые не покладая рук, с предельной самоотверженностью трудятся над усилением военной мощи нашей Родины. Планы всех лабораторий, научно-исследовательских институтов, вузов подчинены одной цели: помочь доблестной Красной Армии уничтожить врага. На передовых позициях, пренебрегая опасностью, ведут ученые свою работу. Многие из них с оружием в руках защищают советскую землю.

Святой долг каждого ученого, находящегося в тылу, – продолжает тов. Штерн, – обеспечить максимально быструю мобилизацию всех ресурсов страны для нужд обороны. Громадные богатства Казахстана могут полностью обеспечить сырьем наши фабрики и заводы, нужды фронта и потребности населения”.

---

[758] Все силы передовой науки – на разгром врага (собрание интеллигенции столицы Казахстана) // Казахстанская правда. 1942. 13 окт.

Тов. Штерн предлагает организационно объединить ученых Казахстана в антифашистскую ассоциацию для установления более тесной связи с Всесоюзным антифашистским комитетом советских ученых. Собрание избрало антифашистское бюро ученых. В его состав вошли Секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Абдыкалыков, академики Адоратский, Штерн, Завадовский, Фесенков, Григорьев, доктор геологических наук тов. Сатпаев, члены-корреспонденты Академии наук Островитянов, Баранский, член-корреспондент Академии наук УССР Василенко, доктор искусствоведческих наук Эйзенштейн, докторы медицинских наук Ермолаев, Утинцев, докторы технических наук Ванюков, Бричкин, Русаков, доктор физических наук Литвинов, заместитель председателя Казахского филиала Академии наук СССР тов. Успанов, народная артистка СССР Байсеитова, писатель Муканов, главный инженер машино-строительного завода Туманьян…»[759]

В 1943 г. за выдающиеся заслуги, связанные с обороной страны, и за работы по гемато-энцефалическому барьеру академику Л.С. Штерн была присуждена Сталинская премия второй степени, которую она передала на строительство санитарного самолета.

В 1943–1944 гг. в Москву стали возвращаться эвакуированные научные, учебные и культурные учреждения, а также огромные научные и творческие коллективы. Среди них была и Лина Соломоновна Штерн.

Незабываемое впечатление осталось у нее от гостеприимной красавицы Алма-Аты. В период своей эвакуации, она по предложению Председателя Совнаркома республики Нуртаса Ондасынова посетила исторические и памятные места Южного Казахстана, расположенные на Великом шелковом пути. Ее поразил древний город Туркестан, духовная столица великого Тамерлана, который после индийского похода в 1392 г. воздвиг храм, посвященный святому тюрских народов Ходже Ахмеду Яссави.

---

[759] Все силы передовой науки – на разгром врага (собрание интеллигенции столицы Казахстана) // Казахстанская правда, 13 октября 1942 года.

Поразил Лину Штерн и город Джамбул (2-тысячелетний Тараз), где, по легенде, на горе Тектурмас, возвышающейся над городом, располагалась пещера библейского пророка Давида, а легендарный Карахан, чей мавзолей чудом сохранился до наших дней, является прямым предком династии Бабуров, построивших знаменитый Тадж-Махал.

Когда она шла по базару Джамбула, продавцы, несмотря на тяжелое военное время, с улыбкой угощали ее горячими лепешками, самсой, сладкими грушами и курагой. «Идет «доктур», – уважительно кивали головой аксакалы. Восхищаясь древним городом, встречаясь с чиновниками, да и просто с горожанами, Лина Соломоновна не знала, что судьба вновь приведет ее в этот город…»[760]

Награжденная орденами и медалями Советского Союза, пользующаяся огромным авторитетом среди ученых и рядовых медицинских работников, академик Л.С. Штерн 28 января 1949 г. была арестована и помещена в Лефортовскую тюрьму, а позже, 6 августа 1951 г., – в одиночную камеру Внутренней тюрьмы Министерства государственной безопасности СССР. Она была арестована по так называемому делу Еврейского антифашистского комитета. В ожидании суда Л.С. Штерн провела 3 года и 6 месяцев[761].

Ордер на арест за № 497 выдал лично министр госбезопасности генерал-полковник В.С. Абакумов. В постановлении об избрании меры пресечения «содержание под стражей» объяснялось тем, что «Штерн Л.С. изобличается в преступлениях, предусмотренных 58-10-11 ст. УК РСФСР, и, принимая во внимание, что Штерн Л.С., находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда»[762].

14 марта 1952 г., в связи с жалобами на головную боль дежурный врач тюрьмы произвел медосмотр заключенной Л.С. Штерн. В медицинском заключении констатировалось: «Склероз сосудов сердца, дистрофия сердечной

---

[760] Абсеметов М.О. Казахстан в судьбе академика Л.С. Штерн // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 401. С. 81.

[761] Трудные годы Лины Штерн. (Записал В.Б. Малкин) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: сб.ст. М.: Наука, 1995. С. 156–181.

[762] Архив ЦПС и И по Жамбылской области. Ф. 3. Оп. 11. Д. 2562. Л. 10–11.

мышцы, гипертоническая болезнь, варикозное расширение вен на нижних конечностях»[763]. Даже дилетанту было понятно, в каком тяжелом состоянии находилась первая женщина-академик, брошенная в одиночную камеру.

11–18 июля 1952 г., после трех лет допросов и следствия, состоялся суд над членами Еврейского антифашистского комитета. Военная коллегия Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании в г. Москве приговорила 14 подсудимых к высшей мере наказания и лишь единственную Л.С. Штерн – «к лишению свободы на три года и шесть месяцев и после отбытия к высылке в отдаленную местность сроком на пять лет»[764].

Более 60 лет в спецхранах МВД Республики Казахстан под грифом «совершенно секретно» хранилось личное дело № 2562 заключенной Л.С. Штерн. Чтобы быть обьективными и точными, приведем некоторые фрагменты из обвинительного приговора, которые публикуются впервые.

На закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР было оглашено, что «Штерн Лина Соломоновна, 1878 года рождения, уроженка гор. Лиепая, Латвийской ССР, еврейка, гражданка СССР, незамужная, член ВКП(б) с 1938 года, быв. директор Института физиологии Академии медицинских наук СССР, завкафедрой физиологии 2-го Московского медицинского института, дейст. Член Академии Наук СССР и Академии Медицинских Наук СССР, – обвиняется... в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1а, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР»[765].

Л. Штерн были предъявлены серьезные обвинения по трем параграфам статьи 58: шпионаж, антисоветская агитация, участие в подготовке террористических актов.

В приговоре утверждалось: «Предварительным и судебным следствием установлено, что в целях мобилизации еврейского населения за рубежом на борьбу против фашизма и пропаганды достижений СССР в зарубежной печати,

---

[763] Там же. Л. 20.

[764] Там же. Л. 9.

[765] Архив ЦПС и И по Жамбылской области. Ф. 3. Оп. 11. Д. 2562. Л. 7.

при Советском информационном бюро в апреле 1942 года был создан Еврейский антифашисткий комитет /ЕАК/.

...Вскоре после организации ЕАК руководители его под прикрытием выполнения возложенных на комитет задач стали развертывать националистическую деятельность и связались с еврейскими националистическими организациями Америки, начали направлять в эти организации информацию об экономике СССР, а также клеветническую информацию о положении евреев в СССР, рассчитывая таким путем добиться материальной помощи от еврейских буржуазных кругов и заручиться поддержкой их в проведении националистической деятельности в СССР.

...Преследуя свои преступные цели борьбы против национальной политики партии и Советского правительства... Штерн... по заданию еврейских националистических кругов США широко развернули среди еврейского населения СССР и заграницы пропаганду национализма, используя для этих целей созданную при ЕАК еврейскую газету «Эйникайт», издательство «Дер-Эмес», литературные еврейские альманахи, еврейский театр и кабинет еврейской культуры при Академии Наук УССР.

Руководители ЕАК в своих публичных устных выступлениях, в статьях газеты «Эйникайт» и других литературных произведениях пропагандировали национальную ограниченность и обособленность евреев, лживый тезис об исключительности еврейского народа, как народа, проявившего якобы исключительный героизм в борьбе с фашизмом и имеющий якобы исключительные заслуги в труде и науке. Расширив самовольно функции ЕАК, руководители его занимались устройством евреев-переселенцев, направляемых в Биробиджан, устройством евреев, возвращавшихся из эвакуации, трудоустройством евреев в бывших оккупированных районах Украины и Крыма»[766].

[766] Архив ЦПС и И по Жамбылской области. Ф. 3. Оп. 11. Д. 25–62. Л. 8.

Судебное следствие установило, что «Штерн не только знала о проводимой в ЕАК преступной деятельности, но и сама активно участвовала в ней …»[767]

Далее «проницательные» следователи «Лубянки» усмотрели в ней классового врага и шпионку: «…Штерн, вышедшая из классово-чуждой среды, прибывшая из-за границы в 1925 году в СССР, являясь членом президиума ЕАК, неоднократно выступала на заседаниях президиума с антисоветскими националистическими речами. В 1945 и 1946 гг. установила связь с рядом иностранцев, проживавших в Москве, и информировала американцев Мадд и Лесли (Стюарт Мадд – президент американо-советского медицинского общества, известный микробиолог; Роберт Лесли – издатель популярного медицинского журнала. – *М.А.*) о научных проблемах, над разрешением которых работают советские ученые, а также сообщила пресс-атташе английского посольства Трипп (Б. Трипп – английский специалист по органической химии. – *М.А.*) ряд сведений о научных работах руководимого ею института Академии Наук СССР»[768].

Собранных материалов и свидетельств по данному делу, как показалось следствию, накопилось предостаточно. Лина Соломоновна в ожидании суда провела 3 года и 6 месяцев, полных унижения и психологического давления. Несмотря на длительные ночные допросы, пребывание в тесном и холодном карцере-пенале Лефортовской тюрьмы, она никого не оговорила, ни одного человека не опорочила, никому не принесла горя.

Наконец, 18 июля 1952 г., судебный вердикт был вынесен: «На основании вышеизложенного Военная Коллегия Верховного Суда СССР признает виновной … Штерн в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-10 ч.2 и 58-11 УК РСФСР. А потому и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда СССР – ПРИГОВОРИЛА:

Штерн Лину Соломоновну по совокупности совершенных преступлений на основании ст. 58-1а УК РСФСР и ст. 51 УК РСФСР, лишить свободы в ИТЛ сроком на три года и шесть месяцев, с поражением прав на три года, без

---

[767] Там же. Л. 10–11.

[768] Там же. Л. 8.

конфискации имущества и после отбытия этого срока лишения свободы на основании ст. 35 УК РСФСР осужденную Штерн выслать в отдаленную местность сроком на пять лет. В срок лишения свободы осужденной Штерн зачесть предварительное заключение и исчислять с 28 января 1949 года. Лишить медали Штерн – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении орденов … «Трудовое Красное Знамя» и «Красная Звезда». Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит…»[769]

Вскоре после суда она была вызвана к следователю. Ей были предложены города союзных республик, кроме столиц. Лина Штерн выбрала хлебный город Джамбул, где местное население по традиции с уважением и почтением относилось к врачам и учителям.

29 июля 1952 г. 74-летняя Л.С. Штерн под особым конвоем была этапирована в г. Джамбул, со сроком высылки 5 лет. Начальником Внутренней тюрьмы МГБ СССР предписывалось «при этапировании обеспечить строгую изоляцию от других заключенных»[770].

В Джамбул, куда она прибыла, из Алма-Аты приехали навестить старые друзья. Президент Академии наук Казахской ССР Каныш Имантаевич Сатпаев прислал два ящика алма-атинского апорта. Медицинская наука Казахстана в послевоенное время находилась в нелегком положении, не хватало кадров и опыта. Присутствие в Казахстане такого именитого и авторитетного ученого-физиолога, как Лина Штерн, имело большое значение для медицинского сообщества республики.

В связи с тем, что ее вещи, находящиеся в Москве, не подлежали конфискации, Лина Соломоновна выписала доверенность на получение ее описанного имущества своей бывшей сотруднице и подруге О.П. Скворцовой. Также она обратилась с заявлением в органы госбезопасности об отправке ее вещей в г. Джамбул. Но здесь получилась заминка, ее бывшая подруга отказалась

[769] Архив ЦПС и И по Жамбылской области. Ф. 3. Оп. 11. Д. 25–62. Л. 9.

[770] Там же. Л. 10.

помочь, о чем говорится в письме от 16 декабря 1952 г. подполковника госбезопасности Кротова на имя начальника управления госбезопасности Джамбульской области Джандильдина: «Сообщаем, что ранее выданная доверенность Штерн Л.С. на имя Скворцовой Олимпиады Петровны на право получения имущества не исполнена, ввиду отказа последней в получении такового»[771].

Не знаем, какие чувства испытывала Л.С. Штерн в связи с отказом, но она не сдавалась. Надо было спасать рукописи незаконченных научных трудов, книги по медицине и многое другое. Перебрав в уме всех друзей и родственников, она пишет доверенность на получение ее имущества родственнице Рамендик-Ротинян Рахиль Борисовне, проживающей в городе Тбилиси[772].

6 мая 1953 г. Прокурор по Джамбульской области Нургазиев санкционировал освобождение Лины Соломоновны Штерн со снятием судимости, согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 27 марта 1953 г.[773] Личное дело № 2562 Л.С. Штерн под грифом «совершенно секретно» было сдано в 1-й спецотдел Управления МВД по Джамбульской области[774].

Пробыв в Джамбуле 10 месяцев, она привязалась к этому южному теплому городу, к открытым людям. Здесь она впервые испытала семейное счастье, выйдя замуж за местного многодетного казаха-фронтовика. Уезжая в Москву, она забрала с собой одного из его сыновей[775].

До конца своих дней Лина Соломоновна Штерн была верна избранному ею пути. Она мужественно защищала и отстаивала свое учение, отвергая необоснованные обвинения. После возвращения из ссылки она возглавила лабораторию физиологии Института биологической физики АН СССР. Продолжала изучать гемато-энцефалический барьер в свете новых достижений науки. В I960 г. была избрана почетным доктором Женевского университета.

---

[771] Архив ЦПС и И по Жамбылской области. Ф. 3. Оп. 11. Д. 25–62. Л. 32.

[772] Там же. Л. 34.

[773] Архив ЦПС и И по Жамбылской области. Ф. 3. Оп. 11. Д. 25–62. Л. 38.

[774] Там же. Л. 39.

[775] Абсеметов М.О. Казахстан в судьбе академика Л.С. Штерн // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 401. С. 82.

Умерла Лина Соломоновна 7 марта 1968 г., на 90-м году жизни, похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Глава 5. История казахского народа в трудах эвакуированных учёных

5.1. Научный труд академика А.С. Орлова «Казахский героический эпос» (1945 г.) в контексте воинских традиций тюркских народов

Период 20–30-х гг. XX в. получил неоднозначную оценку в казахском обществе. С историей ушедшей эпохи предвоенного периода связаны Гражданская война, голод, коллективизация, репрессии, с одной стороны, и массовое строительством индустриальных объектов, преодоление неграмотности, появление новых кадров национальных специалистов – с другой. В результате репрессий погиб цвет дореволюционной казахской интеллигенции. Советская власть нанесла непоправимый удар по традиционной кочевой культуре и структуре казахского общества. Нарушились веками устоявшиеся горизонтальные и вертикальные общественные связи, в результате чего наблюдался распад казахской общины. Казахская община на протяжении веков складывалась как единый социальный организм, формировавшийся и адаптированный к природно-климатическим особенностям Казахстана. Седентаризация подорвала влияние байства, той социальной группы предприимчивых граждан, которые являлись ранее организационной и хозяйственной составляющими казахской общины.

Формировался новый тип казахского труженика, представленный рабочим, общинником-шаруа. В советскую литературу вошла идеологическая персона Мыркымбая (неграмотного бедняка) из одноименной поэмы С. Сейфуллина. Средствами массовой информации навязывался новый стереотип поведения, новый типаж рядового человека из коллектива. Принцип «Кто был ничем, тот станет всем» декларировался как житейская норма советского общества. Безусловно, советская власть не отрицала необходимости для общества образованных граждан. Более того, форсированно развивалась школьно-образовательная система, но в общественном сознании исследуемого периода целенаправленно формировался образ классового врага в виде старорежимного интеллигента и близких к этой социальной группе слоев населения. В советском

обществе актуализировались роль и деятельность Клары Цеткин, Розы Люксембург и других дотоле незнакомых и неизвестных персон. Под сомнение ставились имена и деяния многих героев ушедшей эпохи, а вместе с ними веками создававшийся пласт духовной культуры.

В первые, самые тяжелые, месяцы Великой Отечественной войны Красная Армия терпела поражения, что внесло сумятицу и неуверенность в ряды защитников Родины. Следовало мобилизовать все имеющиеся ресурсы для отпора врага. Помимо наращивания военного и промышленного потенциала, ставилась задача патриотического воспитания. Советским солдатам были необходимы примеры героизма и отваги воинов прошлых сражений и битв, достойно защищавших свою землю от иноземных захватчиков. Недаром в речи И.В. Сталина на параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве прозвучали такие слова: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»[776]

Кроме героев шедшей войны и героев русской истории в идеологический арсенал советской пропаганды были призваны персонажи героических эпосов других народов СССР. В.М. Жирмунский и Х.Т. Зарифов в предисловии к изданию «Узбекский народный героический эпос» в 1947 г. справедливо отмечали общую ценность и культурную значимость для народов СССР русских былин и «Слова о полку Игореве», украинских «дум», поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», армянского эпоса «Давид Сасунский», эпоса народов Северного Кавказа «Нарты», киргизского эпоса «Манас», казахских батырских сказаний[777]. Эвакуированные в Казахстан русские филологи приняли активное участие в пропаганде героев казахского героического эпоса, журналисты – в прославлении подвигов казахстанцев, историки – в подготовке научной истории Казахстана.

---

[776] Сталин И.В. Речь на параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве // Правда, 1941, 8 нояб.

[777] Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 3.

Казахские героические эпосы составляют огромный пласт казахской духовной культуры. Эпосы сложились в древние времена и, по сути, отражали реальные исторические события определенных хронологических периодов. Дореволюционные историки отмечали схожесть композиционных установок, имен главных персонажей и их действий во многих тюркских эпосах. Эти сходства естественны вследствие этнического родства тюркских народов, расселенных на обширной территории от Восточной Сибири и Алтая до западных регионов бывшего СССР. Фактически эпические сказания в определенной мере являлись интернациональными, так как сложились в бытность единства тюркских народов. Передававшиеся народными сказителями из уст в уста эпосы с течением времени трансформировались, отходили от реальной действительности, но сохранялся их общий нравственный посыл – любовь к Родине и народу.

Особенность всех казахских эпосов состоит в наличии в них батыров, т.е. образов героев, которые отличались от своих соплеменников военным умением, физической силой, харизмой. Именно образ батыра как собирательной категории героев традиционно являлся наиболее востребованным в казахском и многих других кочевых обществах. Очевидно, природа батырства определила престижность вхождения в эту группу любого человека вне зависимости от социального и имущественного статуса только по наличию определенных личностных характеристик. Поэтому любой уважающий себя, обладающий честью казахский общинник гордился титулом батыра, стремясь оправдать однажды полученный у общества мандат доверия. Многие казахские ханы или вчерашние бедняки получили титул батыров за совершенные подвиги. Принадлежность к батырской касте в определенной мере сближала представителей разных социальных групп родовых коллективов. Память о совместных походах и битвах плечом к плечу сближала опытных воинов перед лицом общей опасности.

Казахские эпосы слагались как ответ на общественный запрос на образ героя. Идейная суть и содержательная часть эпических произведений в основе своей не изменялись, так как в них воспевался положительный образ народного

борца. Казахские эпосы начали изучаться в дореволюционный период Г.Н. Потаниным. Литературный подвиг совершил Чокан Валиханов, записавший киргизский эпос «Манас». В XIX – начале XX в. эпосы фиксировались с целью сохранения и изучения этнографического наследия. В СССР сложились прочные традиции тюркологии. В годы Великой Отечественной войны актуализировалась задача изучения и распространения эпических произведений с целью пробуждения и укрепления патриотических настроений.

Авторы книги «Узбекский народный героический эпос» В.М. Жирмунский и Х.Т. Зарифов подчеркивали значение героев национальной истории в формировании патриотических чувств[778]. По мнению ученых, узбеки и казахи сложились из единого этноса. Во многом поэтому узбекские эпические произведения идентичны казахским. Обнаруженные В.М. Жирмунским в узбекских памятниках эпоса закономерности в той или иной мере характерны и для казахских устных преданий с поправкой на время действия и исторических персонажей.

Среди советских тюркологов следует особо выделить академика А.С. Орлова. Он по праву считается знатоком казахских эпосов. Вызывает интерес биография ученого. Александр Сергеевич Орлов (23.01(04.02).1871 – 06.03.1947) – известный советский литературовед, текстолог, историк древнерусской литературы, выпускник историко-филологического факультета Московского университета. В 1906 г. защитил магистерскую диссертацию. Был он воспитанником школы Н.С. Тихонравова, учеником М.И. Соколова и В.О. Ключевского, с 1906 по 1931 г. преподавал в Московском университете, в 1910–1918 гг. также преподавал на Высших женских курсах. В 1931 г. А.С. Орлов переехал в Ленинград. С 1931 по 1946 г. был профессором Ленинградского государственного университета. В 1931 г. он стал членом АН СССР, заместителем директора Института русской литературы (Пушкинский Дом в Ленинграде). По воспоминаниям современников, он в первой половине 30-х гг. организовал в этом

[778] Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Указ. соч. С. 4.

научно-исследовательском учреждении при АН СССР, отдел древнерусской литературы. Орлов руководил отделом до конца своей жизни[779].

Своеобразие научных исследований А.С. Орлова состояло в сочетании источниковедческих и культурно-исторических достижений школы Н.С. Тихонравова с традициями Ф.И. Буслаева. Он подходил к изучению литературных памятников Средневековья как к произведениям словесного искусства. А.С. Орлов стремился повернуть изучение древнерусской литературы к выяснению ее эстетической специфики и в то же время большое внимание уделял текстологии и публикации памятников древнерусской письменности.

Научная деятельность академика многогранна. Он изучал русские летописи, «Поучение» Владимира Мономаха, «Домострой», памятники «Смутного времени». Крупные исследования посвятил «Слову о полку Игореве», о котором издал книги в 1923 и 1938 гг. Последняя переиздана с дополнениями в 1946 г. – с обстоятельнейшими комментариями, учитывающими опыт работ корифеев истории древнерусской литературы Н.С. Тихонравова, Ф.Е. Корша, В.Ф. Миллера, А.А. Потебни. Занимался также русским фольклором, литературой XVIII–XIX вв. (работы о В.К. Тредиаковском, А.С. Пушкине, А.С. Грибоедове, И.А. Крылове, И.С. Тургеневе, Н.С. Лескове), палеографией, библиографией, изучением языка русских писателей. Принципиальное значение имеют статьи учёного «Об особенностях формы русских воинских повестей» (1902 г.), «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв.» (1908 г.), а также его лекционный курс «Древняя русская литература XI–XVI вв.» (М.; Л., 1937; 2-е изд., 1945). А.С. Орлов – автор более ста научных исследований.

Судьба А.С. Орлова весьма драматична. В этой связи представляют интерес воспоминания академика Д.С. Лихачёва об учёном: «До революции А.С. Орлов был модным приват-доцентом Московского университета и славился своей красивой внешностью. У меня сохранилась его фотография того времени: правильные черты лица, внешность благородная и в высшей степени

[779] Шкрыль П. Академик Орлов в Боровом // Степной маяк, 1989, 22 дек.

интеллигентная. Женат он был… на первой красавице Москвы. Мария Митрофановна сохранила свою красоту и женственность до глубокой старости, которую она провела уже без него в большом одиночестве. Всю свою жизнь она посвятила только ему, своему мужу и кумиру… Но в двадцатые годы с А.С. Орловым произошли события, раздвоившие его натуру. Он лишился своих уже взрослых детей. Два сына умерли, а дочь уехала с мужем за границу, и он потерял ее из виду. Сам он стал безобразен»[780].

Далее Д.С. Лихачёв описал обстоятельства, при которых А.С. Орлов потерял свою красивую внешность. Это произошло в 20-е гг. XX в., когда учёный ездил преподавать каждую неделю в Тверь. В одну из поездок, в переполненном вагоне, он заразился оспой от девочки, которую взял на руки. «Оспа обезобразила его лицо и особенно нос, который увеличился в размерах и на котором постоянно образовывались страшно безобразившие его наросты. Дважды ему делали пластическую операцию носа…»[781] По словам Д.С. Лихачёва, «в жизни он постоянно играл, приспосабливал свое поведение к своей изуродованной внешности и к своему положению знаменитости. Его чисто внешняя грубость шла от внутренней застенчивости. В сущности, он был добряком и очень печальным человеком… В нем сочетались два человека: один постоянно игравший «академика», а другой чуткий и внимательный, не терпевший неискренности, пошлости и лжи, со своеобразными, но несколько старомодными литературными вкусами… никогда не был националистом, всегда любил представителей малых народов Союза ССР… Очутившись в Казахстане, сразу принялся за казахский язык и написал книгу о казахском эпосе…»[782]

Академик Орлов в военный период, как и группа других российских советских ученых, эвакуировался в Казахстан на курорт Боровое. 22 июля 1941 г. группа ленинградских ученых с семьями на поезде отбыла из Ленинграда на восток. В одном вагоне ехал цвет ленинградской науки: академики А.П.

[780] Лихачев Д.С. Академик Александр Сергеевич Орлов и Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Страницы из воспоминаний / Лихачев Д.С. Избранное: Воспоминания. СПб.: Logos, 1997. С. 153.

[781] Там же. С. 154.

[782] Там же. С. 155.

Баранников, С.Н. Бернштейн, Б.М. Ляпунов, А.С. Орлов, А.А. Тюменев, А.Е. Фаворский и др. Ученые ехали до Щучинска 9 дней. Из Щучинска академики со своими домочадцами на маленьком автобусе, который ласково называли «санитарка», и нескольких грузовиках прибыли в Боровое[783]. Тихий уютный санаторный комплекс «Боровое» контрастно отличался от пылающего в прифронтовой зоне Ленинграда. Многие ученые были преклонного возраста и не очень здоровы. Им предстояло адаптироваться к местному климату, перестраивать налаженный быт. Находясь на новом месте вдали от библиотек, лабораторий и кафедр, ученые сохранили верность науке. В этом проявлялся патриотизм академиков, результаты трудов которых были востребованы. «Каждый из учёных продолжал работать и старался найти темы, связанные с местом своего временного пребывания»[784].

Орлов со своей супругой Марией Митрофановной проживал в главном санаторном корпусе № 11. В Боровом А.С. Орлов сначала продолжил работу по изучению древнерусских литературных памятников, а затем завершил книгу под названием «Героические темы древнерусской литературы». В ней ученый убедительно показал, что воспевание «героизма» было важным направлением русской средневековой литературы. Он актуализировал факт восприятия «воинской борьбы» в сознании русских людей прежде всего как труд на благо и во славу своей Родины, т.е. Русской земли[785]. Книга в 144 страницы тиражом 7 тысяч экземпляров вышла в свет в 1945г. Параллельно он продолжил работать над монографией «Древняя русская литература 11–17 вв.». Книга в 346 страниц тиражом 5 тысяч экземпляров вышла в свет тоже в 1945 г.

А.С. Орлов, интенсивно занимаясь научной работой, не замыкался в кругу собственных интересов. Он активно участвовал в общественной жизни боровской академической группы: посещал собрания, которые регулярно по воскресеньям проводились учёными. Так, в санатории широко практиковалось чтение учеными

---

[783] Шкрыль П. Академик Орлов в Боровом // Степной маяк, 1989, 22 дек.

[784] Шарипов У.Х. Узнавание // Казахстанская правда. 1990. 21 окт.

[785] Шкрыль П. В Боровом, в годы войны. Л. 73.

лекций по темам их исследований. В дневниках академика В.И. Вернадского есть следующая запись, касающаяся А.С. Орлова: «31 ноября 1941 года была прочитана лекция А.С. Орлова о «Слове о полку Игореве» …удачная, имевшая успех...»[786] Александр Сергеевич был частым посетителем местной библиотеки, хотя фонд её был невелик.

Именно здесь, в Боровом, Орлов начал новую страницу в истории собственных научных изысканий – он взялся за изучение казахских эпических произведений. Для осуществления поставленной цели учёный стал усиленно изучать казахский язык. Его «Казахский героический эпос» представляет собой фундаментальное исследование, в котором на основе кропотливой работы выделены связующие нити эпических произведений и былинных сказаний.

«Литературовед А.С. Орлов за время пребывания в Боровом изучил казахский язык и составил русско-казахский словарь»,[787] – пишет академик П.Я. Кочина. Выбранный Орловым метод работы не должен был вызвать удивления в научной среде. Представитель старой научной школы, он считал обязательным знание языка темы исследования. Лечащий врач академической группы С.Г. Бражников вспоминал впоследствии об А.С. Орлове: «Работа по изучению материала, особенно фольклорного, давалась ему легко и свободно. Удивительно, как скоро, что-то в 2–3 месяца, Александр Сергеевич изучил почти самоучкой казахский язык так, что свободно впоследствии читал и переводил казахскую литературу»[788]. В изучении казахского языка посильную помощь оказывал академику сотрудник рентгеновской лаборатории Курмаш Омаров. «В результате семидесятилетний академик овладел местным языком настолько, что мог обходиться без переводчика и не быть от него зависимым»[789].

Выучив казахский язык, весной 1942 г. А.С. Орлов обратился в литературный сектор Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Казахского филиала Академии наук СССР. Ему были высланы материалы по казахскому

[786] Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 – август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. С. 78.

[787] Кочина П.Я. Воспоминания. М.: Наука, 1974. С. 32.

[788] Бражников С.Г. Указ. соч. Л. 3.

[789] Шкрыль П. В Боровом, в годы войны. Л. 74.

героическому эпосу на казахском языке и в русских переводах. «Летом 1942 года Александр Сергеевич получил печатные тексты и машинописные переводы сказаний об Алпамысе, Едыге (подстрочные переводы Ш. Бекмухаммедова), Саине, Таргыне (литературные переводы Л. Пеньковского), Кобланды (литературный перевод М. Тарловского). Кроме того, институт прислал новейшее печатное пособие по истории казахского фольклора, библиографию фольклорной литературы и статью Е. Исмаилова «Об историко-культурном наследии северной части Казахстана». На первых порах это облегчило труд и ознакомление Орлова с предметом исследования»[790].

А.С. Орлов регулярно посещал заседания Учёного совета заповедника Боровое. Отчетные записи Совета зафиксировали выступление академика А.С. Орлова на заседании 15 июля 1942 г. В выступлении он ознакомил присутствующих с результатами своей работы по овладению казахским языком, по переводу сказок и богатырских песен, а также зачитал письмо, полученное им от Казахского филиала Академии наук. Содержание письма полностью акцентировалось на теме изучения им местного фольклора. Академик изъявил желание присутствовать на заседаниях Совета. Согласно официальной записи, «Совет принял сообщение к сведению и признал “необходимым заслушать доклады отдельных академиков о проводимых ими работах и помочь ученым в их осуществлении”»[791].

Работая над переводами, Александр Сергеевич пользовался советами Джамбула Кунакова, бывшего директора Госзаповедника «Боровое», а затем директора средней школы посёлка Боровое. А.С. Орлов непосредственно знакомился с национальной культурой коренного населения. Его «Казахский героический эпос» на 148 страницах, тиражом в 3 тысячи экземпляров увидел свет в 1945 г.[792]. В предисловии к ней академик написал: «Перед русским автором

---

[790] Там же. Л. 75.

[791] Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел IV. Инв. № 3. Д. 0113. Л. 7–8.

[792] Книги, изданные в серии «Научно-популярная литература» в 1941–1945 гг. История литературы и филология / Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Ин-т российской истории. М.: Наука, 2004. Кн. 2. 2004. С. 103–104.

книги, оказавшимся в окружении быта, языка и народной словесности казахов, открылся целый мир, верное восприятие которого необходимо для взаимного понимания народов, братски связанных между собой. Этой книгой автор выразил своё участие в широком ознакомлении с сокровищами казахского эпоса, художественные особенности которого, при всей их оригинальности, оказались свойственными и русскому былевому эпосу. Вместе с тем этой книгой выражается благодарность за теплое гостеприимство, оказанное русскому исследователю в пределах Казахстана»[793].

Исследование «Казахский героический эпос» – результат кропотливого, упорного труда и выдающегося таланта академика. А.С. Орлов впервые провёл широкое сравнение русских былин с богатырскими песнями казахов, определил природу их происхождения. Сам Орлов отмечал личную потребность отразить в своих трудах особенности казахских эпосов под углом зрения русиста-литературоведа[794]. Заложенным им фундаментом исследования устного казахского творчества Орлов выражал свою нравственную и гражданственную позицию.

Книга состоит из предисловия, исторического обзора казахских сказаний и текстов героических песен об Алпамыс-батыре, Кобланды-батыре, Ер-Саине, Ер-Таргыне, Шора-батыре, Камбар-батыре. В книге дан сравнительный анализ казахского и русского эпосов, сделаны отдельные комментарии и выводы, касающиеся образа Едыга. В обзоре казахского эпоса автор следующим образом охарактеризовал данный вид устного народного творчества: «По-казахски нет особого термина для обозначения богатырских былин. Они называются просто «жыр», т.е. «песня», стих, или «кыса» – слово, заимствованное с арабского, которое значит «рассказ»[795].

Учёный справедливо отмечал, что наиболее ёмким хранилищем героического эпоса является азиатский Восток. По его мнению, тюркские и

---

[793] Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.; Л.: АН СССР, 1945. С. 4.

[794] Там же. С. 3.

[795] Орлов А.С. Указ. соч. С. 5.

монгольские народы сохранили множество эпических произведений и впоследствии на их основе и в их стиле создавали новые на более современные темы. Орлов справедливо заметил интернациональный характер этих сказаний, которые возникли на локальной этнотерритории и затем распространились в обширной зоне проживания других народов. Примеров тому было множество. В частности, эпос о Едыге получил известность у казахов, киргизов, барабинских, таранчинских, сибирских татар. Академик охарактеризовал значение сказаний о Кобланды, популярных в казахском, каракалпакском, татарском этносах. Эпос о Алпамыс-батыре фиксировался на казахском, каракалпакском, узбекском языках. Сказание о Шора-батыре (Шура, Чура) записывалось у казахов, киргизов и татар[796]. Орлов отмечал широкую популярность, по его представлению древней, лирической поэмы на тему «Ромео и Джульетта», известной у казахов как «Сказание о Козы-Корпеше и красавице Баян», в ойратской версии она звучит как поэма о Кезюйке. Поэма записывалась у казахов, алтайских ойратов. Согласно научной версии, ойратская поэма «Козы Эркеш» произошла от казахского варианта «Козы Корпеш»[797].

На основе системного анализа с привлечением разнообразных источников Орлов пришел к выводу, что переработанные им эпосы являются древними казахскими богатырскими песнями по факту принадлежности к единому репертуару. Соответствующий вывод он доказательно подтвердил наличием имен общих персонажей: «…святой Бабай-Тукты – Шашты-Азиз – в былинах о Едыге, Шуре и Алпамысе; байбише Аналык и девушка Карлыга – в былинах об Алпамысе и Кобланды; Кобланды – батыр, сверх своей былины, в былинах о Едыге и Ер-Саине; Караман и ханские дочери Ханыкей и Таныкей в былинах о Шоре и Кобланды, Ханикей и Тиникей в былине о Едыге. Роднят эти былины между собою также сюжетные и стилистические моменты»[798].

---

[796] Қорғанбеков Б.С. «Шора батыр» эпосы: нұсқалар, генезисі, тарихилығы. Астана: Фолиант баспасы, 2014. 304 с.

[797] Там же.

[798] Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.; Л.: АН СССР, 1945. С. 5–6.

Один из основоположников казахского литературоведения Есмагамбет Исмаилов следующим образом классифицировал героико-исторический эпос казахского народа: «…1) эпосы времени канлы-кипчаков – Коруглы, Бозулган, Ер Тостик, Алпамыс, Куламерген и т.д.; 2) эпосы времён ногайцев: Орак-Мамай, Ер Кокше, Ер Сайын, Ер Таргын, Едиге, Камбар Батыр; 3) эпосы времён набегов калмыков (джунгар): Богембай, Кабанбай, Олжабай, Аркалык, Каратай и т.д.; 4) песни, посвящённые национально-освободительным восстаниям: Сырым, Исатай, Махамбет, Агыбай, Сураншы, Утеген, Бекет, Кенесары, Наурызбай и т.д.»[799].

Классический казахский эпос сложился в XVII в., в период вооружённой борьбы казахов против джунгар и калмыков, переселившихся в междуречье Волги и Урала в начале XVII в. В XVIII–XIX вв. эпос продолжал развиваться, тексты эпических произведений были донесены до наших дней певцами-сказителями в устном (песенном) исполнении.

Исследователи казахских эпических произведений абсолютно правы, утверждая: «Исторические песни и героический эпос не зарождаются стихийно, они создаются и распространяются акынами и жырау, очевидцами и участниками исторических событий, походов. Это ярко видно на исторических песнях и эпических сказаниях, начиная с событий XVIII–XIX веков и до наших дней. Вместе с тем наблюдается возрождение и развитие образцов этого жанра, описывающих события не только сравнительно близкого к нам времени, но и появление новых дастанов, жыров и сказов, рисующих исторические события»[800].

Героический эпос – это сюжетные поэмы, повествующие о героической жизни и ратных подвигах батыров (т.е. героев), обладавших необычайной силой, защищавших народ от набегов чужеземцев. В казахском героическом эпосе наряду с обычными для эпоса элементами фантастики и героизации отражены реальные исторические события. Например, эпос «Кобланды» связан с длительной войной между кипчаками и иранцами, «Ер-Таргын» – с

[799] Джуанышбеков Н.О., Исмаилова Ф.Е. Такая необычная жизнь: Есмагамбет Исмаилов. Алматы: Қазақ университеті, 2011. С. 18.

[800] Джуанышбеков Н.О., Исмаилова Ф.Е. Указ. соч. С. 240.

междоусобной борьбой в Крымском ханстве. Эпические поэмы о Ер-Саине, Камбар-батыре, Алпамысе и другие отображают совместные выступления кипчакских, ногайских родов против калмыков. Сюжет некоторых эпических произведений является общим для народов Средней Азии и Казахстана. Так, эпос «Алпамыс» широко распространён у казахов, узбеков, каракалпаков, «Кероглы» – у азербайджанцев, таджиков, казахов, узбеков, туркмен, каракалпаков. В киргизском эпосе «Манас» казах Ер-Кокше участвует в войне в качестве одного из главных батыров, а в казахском варианте «Ер-Кокше» батыр Манаша изображён другом Кокше и др.

С течением времени казахские эпосы дополнялись новой информацией, вкрапливались дополнительные имена. Эпосы имели характерные региональные отличия, сохраняя образы главных героев. Казахи быстро реагировали на политические события, откликались на любые глобальные новости. Зарубежные путешественники, общавшиеся с казахами, отмечают живость их ума, кругозор, любопытство, способность к речитативу. Проживавшие на сопредельной территории казахи усваивали сюжеты русских сказаний. В казахском обществе распространились легенды об Иване Калите, Ермаке и др. В.К. Соколова в своем исследовании, характеризуя широкую популярность российских исторических сказаний среди народов России, отмечает сказание о памятной битве казахского султана с его врагами в районе Улытау. Ранее Г.Н. Потанин подобный исторический сюжет сравнивал со сказанием о Ермаке. Казахи знали сказание о Степане Разине. В одной из таких песен отдавалось должное дружбе Разина с казахским батыром Оразом. По мнению ученых, в подобных изложениях отражались классовые противоречия между казахской аристократией и трудовыми массами в период восстаний Разина и Пугачева[801].

Таким образом, героический эпос – это героическое повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоничном единстве эпический мир и героев-богатырей. В героическом эпосе

[801] Джуанышбеков Н.О., Исмаилова Ф.Е. Указ. соч. С. 210–211.

народ воспевает храбрость, мужество, любовь к Родине, подвиги богатырей, готовых любой ценой защитить родную землю.

Орлов познакомился с казахским эпосом в источниках на казахском языке и в переведенных на русский язык версиях. Особенно активно он использовал Казахскую хрестоматию и издание Казахстанского филиала Академии наук СССР «Батырлар жыры» (Алма-Ата, 1939. Т. 1). Примененный академиком метод параллельного чтения на языках определил практичность ряда его выводов. Прежде всего, для понимания текстов Орлов актуализировал ценность подстрочных переводов. Он считал,что подобный подход позволяет точнее понимать описываемые события. Исследователь не отрицал роли «стихотворных» переводов, востребованных для проникновения в суть художественных образов. По мнению Орлова, содержание «стихотворных» переводов неизбежно отличается от оригинала[802]. Орлов обращал внимание на личностный фактор, т.е. подготовленность и стиль конкретного переводчика. Акцентируя эту проблему, Орлов писал, что некоторые переводчики «европеизуют восточный стиль или произвольно стилизуют русский язык»[803]. Таким образом, профессиональный долг переводчика состоит в грамотной передаче зафиксированной в первоисточнике информации, отражающей дух времени, психологию конкретного эпизода. Очевидно, смысл вышеизложенного тезиса накладывает ответственность не только на непосредственного переводчика, но и на специалиста, трассирующего эпическое творчество из одной культуры в другую.

Следующая немаловажная с научной точки зрения проблема, которая находилась в поле интересов ученого, касалась установления авторства исследуемых им эпосов. Действительно, Орлову и другим ученым не удалось установить авторов героических сказаний. Характерно, что это касалось всех изученных Орловым эпосов. История сохранила имена Гомера, Вергилия и ряда других древних авторов, с деятельностью которых связывают происхождение бессмертных творений. Их произведения датированы конкретной эпохой и

---

[802] Орлов А.С. Указ. соч. С. 6.

[803]. Там же.

являются сугубо национальными, привязанными к истории строго очерченного границами государства. Часть изученных академиком героических песен появилась гораздо позже, сохраняя свою популярность на огромной территории расселения тюрко-монгольских народов. При всем многообразии тюркских письменных источников, сохранившихся на каменных плитах и других материалах, эти эпосы ученые начали записывать от сказителей-информаторов в XIX в.

Многочисленные народы и племена не сохранили имена авторов древних поэм. Хранившие в своей памяти батырские тексты сказители не отваживались приписывать себе авторство, вероятно, и по той причине, что тюрки с юных лет воспитывались на романтике эпических сказаний. Сказителям как искусным рассказчикам, знатокам истории позволялось вносить изменения в эпический контекст. Орлов научно оправдывал подобную особенность: «Авторы казахских былин неизвестны, но певцы-сказители – по-казахски «жырши» – не являются только повторителями установленного текста, не воспроизводят лишь готовое, а варьируют, сообщают былине свое индивидуальное понимание сюжета и стиля»[804].

Притягательная сила казахского эпоса в дополнение к интересным сюжетам заключается в смене ритма исполнения. Это позволяет держать слушателя в напряжении, поддерживать его внимание. Ментальные особенности казахов определялись самим бытом, жизненным укладом. Семейно-родовая солидарность проявлялась в теплоте общения в суровых условиях повседневных забот. Поэтому в казахских эпосах сочетались две противоположные конструкции – «жыр» и «желдирме». «Жыр» представляет собой речитатив из семи-восьмисложного стиха с различным количеством строк в строфе. Как правило, эта цифра колеблется от четырех до четырнадцати. «Жыр» – форма повествования в ритме медленного, плавного шага, во время исполнения которого человек предается воспоминаниям, глубоким мыслям, мечтает о будущем в состоянии величественного покоя, подчеркиваемого сказителем. Недаром общественный

[804] Орлов А.С. Указ. соч. С. 6.

статус великих ораторов и мыслителей обозначался словом «жырау». Ряд казахских сказаний излагался только в одном стиле. В частности, эпос, названный Орловым «Былина о Шора-батыре», существует только в виде прозы, т.е. рассказа.

С целью придания эпосам бешеной энергетики, стремительного ритма сказители использовали другой стихотворный ритм – «желдирме», что означает «беглый», «убыстренный». Обычно к такой форме прибегают во время описания рискованных мероприятий, сражений, т.е. событий, наступающих после принятия решений или возникших неожиданностей. Талантливые сказители, несомненно, со всеми своими литературно-философскими качествами являлись еще и прекрасными психологами, способными зажечь сердца. Орлов, хорошо знавший своеобразную ритмику и речевой строй русских былин, обратил внимание на особенности казахских эпосов.

Тихие, уравновешенные в быту казахские труженики совершали чудеса отваги на Великой Отечественной войне. Особенности национального характера ярко проявляются в критические моменты. Умудренный житейским и научным опытом академик Орлов через казахское народное творчество описал духовное содержание истории казахов. Свои умозаключения Орлов делал только после неоднократного прослушивания исследуемых им батырских песен, тем самым сочетая теоретический базис и практическое познание материалов путем комплексной системы переводов, сличения текстов, исторического погружения.

Автор отмечал особую роль казахских батыров в эпосах. Определяя значение термина «батыр», Орлов проводил параллель со значением русского понятия «богатырь»: «Он означает приблизительно то же, что богатырь русских старин, т.е. выдающегося воина, необычайного силача, ведущего борьбу в одиночку (“поединщик”), хотя и возглавляющего войско»[805]. Орлов выделил специфические особенности казахского батырства, отличающегося качествами официального лидера и в то же время независимостью от войска и коллектива в целом. Народ отдавал дань уважения сильным, мужественным героям,

[805] Орлов А.С. Указ. соч. С. 7.

выделяющимся из родовых коллективов. Природа казахской удали, возмужания состояла в жизненном укладе под названием «казакование», т.е. способность молодого человека сохранить независимость и защитить честь своего коллектива. Таким образом, национальный характер казахов выразился в этом этнониме и реальном выдвижении из народной среды категории казахских батыров, бывших когда-то реальными историческими персонажами. Эти герои-одиночки, всегда готовые на подвиг во имя своих соплеменников, предпочли спокойной обывательской жизни повседневную героику.

Орлов обратил внимание на суть и употребление слова «Ер», что означает «мужественный», «храбрый». Обычно данный эпитет присоединяется к именам прославленных героев, как, например, Ер-Таргын, Ер-Саин. Традиционно незаменимыми спутниками батыров в их походах были их верные боевые кони – «тулпары». Академик обратил внимание на то, что изображения батыров и их коней имели «налет сказочности», оставаясь в основном в рамках реалистических характеристик. В процессе сравнительного анализа монгольских, ойротских, русских сказаний Орлов обратил внимание на умеренное использование в казахских эпосах «поэтических гипербол», т.е. на близкое к реалистическому описание[806]. Наряду с мужскими образами в казахских былинах присутствуют женские персонажи. Это невеста (жена), сестра, мать батыра (Кортка, Ак-Жунис, Карлыга и др.). Героини эпоса являют собой образцы красоты, доброты, разума, чести, благородства и других личностных качеств, достойных подражания.

Проведенный Орловым глубокий анализ эпических произведений обусловил сделанный им вывод, характеризующий казахские песни о батырах как народные. Рожденные в веках эпосы впечатлили Орлова незабываемыми образами, поэтической органикой. Очевидно, Орлов прав, утверждая следующее: «Народ хорошо смотрит на песни о батырах; слушали их, разгораясь, произносили их с гордостью. По этой причине песни о батырах – в основе

[806] Там же. С. 8.

народные произведения. В этих песнях народ показывает свои желания – мечты и устремления раннего времени…»[807]

Героический эпос, как один из основных жанров народного творчества, восходит к глубокой древности. Зачатки казахского героического эпоса обнаружены археологами при раскопках орхоно-енисейских памятников, в надгробных эпитафиях, в виде отрывков из сказаний, увековечивших ратные подвиги батыров и родоначальников. Эпосы первоначально составлялись из коротких песен «жоктау» (плач по погибшему, умершему), которые имеют сходство с отдельными частями эпических произведений.

Сюжетная линия ряда казахских (и ранее – тюркских) эпосов сложилась задолго до официального образования Казахского ханства. В сущности, литературные эпические закономерности определили преемственность развития тюркских народов. Основу казахского этноса составили родовые коллективы, ранее и параллельно с этническими процессами в казахском обществе входившие в состав иных этнических коллективов. Казахи как народ территориально проживают в обширной зоне, фактически оставаясь ядровой частью всех тюрков. Да, исторически тюрки сложились в Восточной Сибири и за короткий период освоили огромный регион. По политическим, экономическим причинам центр тюркской цивилизации сместился в Центральную Азию, в южной части которой наряду с тюрками концентрировался персидский компонент. Исторически многие племена и народы Дешт-и-Кипчака – обширной лесостепной зоны, известной в науке и в источниках под разными названиями, – традиционно перемещались на Запад. Так было с кипчаками, печенегами, огузами, а ранее с хунну, скифами и другими народами. Потомками этих народов стали венгры, болгары, татары, ряд северокавказских этносов и многие другие.

Верные своим традициям казахи ценой огромного напряжения и многочисленных жертв оберегали земли Дешт-и-Кипчака и своеобразную кочевую культуру, аналогов которой не было и больше не будет. В казахском обществе сохранялись духовные скрижали и прежде всего героическая

[807] Там же. С. 9.

романтика, боевое искусство, роднившие их с тюркским миром. Единство кипчакского диалекта сближало тюрков от Алтая до Северного Кавказа. Память о делах Великого Чингисхана и его преемников, сплотивших тюркский мир в XIII в., пробуждала гордые струны души и преклонение перед подвигами отцов. Современники всегда восхищались памятью казахов, многие из которых не умели читать и писать. Знание генеалогической вертикали, т.е. шежире (родословной), уважающими себя казахами определяло во многом неистребимую в их сознании и психологии идею о близости с тюркской Вселенной.

Будучи крайне немногочисленными, занимая огромные территории, тюрки всегда отличались мобильностью. В короткие исторические периоды единые родоплеменные коллективы распадались по воле судьбы. Народ остро переживал трагические моменты своей истории, которые нашли свое выражение в эпосах. Старейшим принято считать эпос о Едыге, появление которого связывают с распадом Золотой Орды при Тохтамыше и Тамерлане. А.С. Орлов делает выввод: «Из того, что герои былин еще не казахи, а ”выходцы из Ногайлы”, можно заключить, что первоначальные варианты героических поэм восходят к эпохе, когда роды, составившие этническую основу казахского народа, фигурировали еще в составе Золотой Орды, Крымского и Казанского ханств под общим, более популярным именем “Ногайлы”. Что касается позднейших наслоений в былинах, то постоянное наименование врагов «калмаками» ведет нас, по-видимому, к передвижениям калмыков в XVII и XVIII вв. Во всяком случае, самый поздний предел существенной вариации былин едва ли заходит за XVIII в.»[808]

С седой древности казахские сказители из уст в уста передавали легенду о бие Едиге. Безусловно, политический авторитет нечингизида Едиге оставался высоким по причине его железной воли и высокого интеллекта. Он смело бросил вызов судьбе и нарушил незыблемые правила Великой степи, фактически взяв на себя руководство крупными родоплеменными коллективами, ставшими этнической основой целого государства в междуречье Волги и Урала. Чем же восхищал Едиге своих современников: желанием противостоять Чингизидам во

[808] Орлов А.С. Указ. соч. С. 7.

имя личных монарших амбиций или умением сплотить пошатнувшее единство тюрков и преодолеть угрозу их физического уничтожения? Он при жизни снискал славу удачливого человека, великого воина, трезвого политика.

Тюрки знали имена многих других смутьянов, раскольников, сепаратистов, политических реваншистов. Но вот парадокс – Едиге навсегда остался в памяти народной, возвращаясь к своим потомкам из небытия в образе правителя-воина, наделенного самыми лучшими качествами. Он выстоял в годину лихих потрясений, спас свой народ, и потому идущие за ним поколения прощали ему все. В официальной истории Едиге считается правителем Ногайской Орды, т.е. ногайцев. В интерпретации казахов и прежде всего казахских сказителей Едиге – плоть от плоти тюрков региона, которые не знали этнического различия, принадлежа при этом к разным этносам. Действительно, деление на казахов и ногайцев носило весьма условный характер – по факту политических различий правящих фамильных династий, но не глубинных обстоятельств этносоциального противостояния. Казахи объективно воспринимали эпосы о Едиге как составную часть казахского народного творчества.

Примечательно, что героический эпос «Едиге» получил широкое распространение в виде самостоятельного сказания среди татар, казахов, ногайцев, башкир, каракалпаков, крымских татар, узбеков, туркмен, сибирских татар и горных алтайцев. Впервые запись сказания о Едиге была опубликована в 1820 г. в «Сибирском вестнике». Исследователь Сибири Г.И. Спасский на страницах журнала опубликовал сказание о Едиге в виде прозаического переложения одного из казахских вариантов[809].

Начало систематическому научному изучению эпоса положили Ч.Ч. Валиханов и В.В. Радлов в середине XIX в. По утверждению академика К.И. Сатпаева в предисловии к изданию сказания о Едиге 1927 г., Ч. Валиханов впервые услышал и записал рассматриваемую версию от народного акына Жумагула. Через год Ч. Валиханов зафиксированный им вариант сличил с

[809] Жирмунский В.М. Сказание об Идиге / цит. по: Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. М.: Наука, 1974 // Половецкая луна. 1991. № 1. С. 34.

изложением другого казахского акына – Арыстанбая, записанного им вместе со своим отцом Чингисом Валихановым. Впоследствии Чокан Валиханов перевел эпос на русский язык[810].

Таким образом, Ч. Валиханов использовал несколько устных источников, представленных в лице акынов. После смерти Ч. Валиханова изучавший его архив профессор П.М. Мелиоранский в 1905 г. опубликовал эту версию сказания о Едыге с предисловием на казахском языке[811]. Исследователь В.М. Жирмунский отмечал: «Оригинал рукописи Ч. Валиханова, опубликованный П.М. Мелиоранским, и русский перевод Ч. Валиханова, впервые напечатанный в его сочинениях, считаются наиболее надёжным источником для изучения сказания как по филологической тщательности текста, так и по близости содержания варианта к предполагаемому архетипу»[812]. В гении Ч.Ч. Валиханова сочетались изысканная академичность петербургской научной школы и глубинные знания казахской, тюркской культур. Личность Едиге привлекала внимание и других исследователей. По наблюдениям В.М. Жирмунского, казахские версии о Едиге зафиксировал Г.Н. Потанин. В 1896 г. А. Диваев опубликовал свою версию текста эпоса в журнале «Этнографические материалы».

В сохранившихся версиях эпосы далеко ушли от исторических событий, и их содержание напоминало сказку. Подобный тезис весьма очевиден. Персонаж Едиге гиперболизирован в тюркских сказаниях, и в его облике и поступках певцы-импровизаторы, выражавшие народный дух, видели идеального человека вопреки историческим реалиям. Вероятно, они сами это осознавали, равно как и записавшие сказания собиратели. Народ акцентировал внимание не только на имевших место конкретных событиях, но и на эффективных результатах действий исторического лица.

Как утверждают многие исследователи, первоначальной исторической основой эпоса являются события, связанные с возвышением мангытского эмира

---

[810] Валиханов Ч. Сочинения. Изд. ИРГО, 1904. С. 223–237.

[811] Ер Едиге. Издание, опубликованное в 1927 году в Москве с предисловием К.И. Сатпаева. Алматы: Ғылым, 1995. С. 75.

[812] Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 34–35.

Едиге и его борьбой с золотоордынским ханом Тохтамышем (90-е гг. XIV в.) при участии правителя Средней Азии Тимура. Сказание о Едиге складывается в 1-й половине XV в. при дворе сына Едиге – Нуриддина в Ногайской Орде. Раскрывается период политического распада Золотой Орды и утверждения на Востоке нового государства Тамерлана (Тимура) с центром в Средней Азии.

Политическая борьба в эпосе изображается исключительно в рамках личных и семейных отношений, кровавой родовой распри. Отношения Тохтамыша и Едиге рассматриваются в плане типичного для эпоса феодального периода личного конфликта между жестоким и несправедливым ханом и его благородным и честным вассалом, любимцем народа.

По мнению А.С. Орлова, эпическое произведение сформировалось на основе фольклорных мотивов и бытовало как средство идеализации народного героя[813]. Орлов изучал эпос на стыке исторических и филологических наук, т.е. на основе востребованного в фундаментальных исследованиях комплексного подхода.

Согласно историческим источникам (например, «Родословное древо тюрков» 1663 г. хивинского хана Абулгази), Едыге (1352–1419) происходил из племени мангыт (это подтверждается родословными ногайских князей Юсуповых, Урусовых, считавших себя его потомками). Он входил в эмирскую касту Тохтамыш-хана.

В процессе исследовательской работы о Едиге А.С. Орлов обратил внимание на чудесное происхождение главного персонажа. В его интерпретации Едиге родился от «Святого чудотворца и водяной женщины». Сам этот факт особенного происхождения Едиге явился основой его дальнейшей исключительности, которая всегда выделяла его из общества. Согласно эпосу, мать отказалась отребенка, и отец отнес своего сына во владения ногайского Тохтамыш-хана. Биография Едиге в эпосе обрастает новыми, вызывающими уважение подробностями, закалившими его дух. По выводам А.С. Орлова, Едиге работал в качестве пастуха, получил знания и уже в 8-летнем возрасте разрешал

[813] Орлов А.С. Указ. соч. С. 128.

запутанные споры. Причем решения Едиге вызывали одобрение Тохтамыша. Именно интеллектуальные качества Едиге подвигли Тохтамыша дать ему право разрешения трудных тяжб в Крыму и противостоять вражеской агрессии. Таким образом, Тохтамыш оказал Едиге политическое доверие. А.С. Орлов отмечал важную миссию Едиге в государстве: «Безопасность Тохтамыша увеличивалась от этого, но по некоторым чертам поведения Едиге жена хана догадалась, что предназначение этого наемщика выше предназначения Тохтамыш-хана»[814]. В жизнеописании Едиге наряду с некоторым историческим его предназначением, данным свыше, прослеживается вера в его «народное» происхождение. Удивительно, на нечто подобное есть и в биографии Чингисхана, надолго покинутого родственниками и влачившего жалкое существование. Подобные метаморфозы повторились в судьбе Абылай-хана, доверившего свою жизнь рабу Оразу.

На политической арене Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. разворачивались важные исторические события, главными героями которых были Тамерлан, Тохтамыш и Едыге. Пик популярности Едыге относится к 80–90-м гг. XIV в. В результате победоносной борьбы против Тохтамыша произошло возвышение Едыге. Знаменитый воитель стал единовластным правителем Золотой Орды, окончательно разгромив литовского князя Витовта и его союзников (хана Тохтамыша, тевтонских и польских рыцарей) в сражении 12 августа 1399 г. на берегах реки Ворсклы. Не решившийся на принятие ханской титулатуры, эмир Едыге состоялся как полноправный правитель огромного улуса.

Народная память воздала должное его гению, сохранив имя в бессмертных эпосах. Знаток казахского эпического творчества К.И. Сатпаев так охарактеризовал Едыге: «Среди героев прошлого первым и последним является Едыге»[815]. Академик А.С. Орлов отмечал, что «при сюжетных отличиях от остальных батырских былин, былина о Едыге имеет и много сходных с ними

[814] Там же. С. 133.

[815] Ер Едиге. С. 89.

мотивов. Едыге обладал всеми свойствами настоящего батыра. Он так характеризовал себя своим испуганным преследователям:

Я – дерево, выросшее крепче сосны,
Если даже ударит ураган, не содрогнусь…
Я – скрученная ветвь дубовая.
Нагнусь, - так несдобровать тебе…
Бешеную рыжую лошадь
Шутя я часто повергал на землю.
Кольчугу с шитым золотом воротником
Я в схватке в клочья раздирал,
С девяносто завязками
Белый панцирь
Я в бою надевал.
Полон колчан быстролетными стрелами,
Ими я засыпал врага[816].

Еще при жизни Едыге о нем складывали легенды. Его личное мужество, военные успехи, авторитет как правителя, поддерживавшего единство и порядок в стране, определили ему широкую популярность и сохранили его имя в памяти благодарных потомков[817]. Сабит Муканов, редактировавший и комментировавший героические песни, напечатанные в первом томе «Батырлар жыры» («Богатырские предания»), придает особое значение сказанию о Едыге. По мнению академика К.А. Сатпаева, «Едыге изображается как герой, в котором сочтены самые лучшие качества и батыра, и бия (судьи). Едыге как батыра сказание характеризует так:

Если оценивать спереди,

[816] Там же. С. 145.

[817] Жирмунский В.М. Сказание об Идиге. С. 82.

То увидишь искры пламени,

Если оценивать сзади,

То увидишь знаки ярости[818].

В годы Великой Отечественной войны на экраны вышел фильм «Александр Невский», по сюжету которого князь Александр разбивает немцев. Обращение советских ученых к казахскому эпосу и адресно к Едыге весьма символично в свете шедшей войны. Историческое обращение к народным истокам пробуждало чувство гордости за деяния своих предков и ответственность перед грядущими поколениями у казахов-солдат. Советскими идеологами осознанно проводилась параллель между героической доблестью Едыге и борьбой народов СССР с фашистской Германией.

В 1941–1943 гг. в письмах казахстанцев воинам-казахам на фронт приводился в пример могущественный облик Едыге, одержавшего победу над немецкими агрессорами. 1 апреля 1943 г. гвардии старший лейтенант К. Токобаев, находясь на линии фронта, писал: «Разве у нас – казахов мало героев?! Истории и подвиги этих героев начиная от Едигея, кончая сегодняшним днем очень велики и многообразны… Мы, идя в бой, на устах несем исторические слова, высказанные товарищем Сталиным: “Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносно Знамя великого Ленина!”»[819].

Политический курс эмира Едыге правомерно расценивается как сближение народов обширного региона, сплотившегося для защиты своих интересов в пртивостоянии с фашизмом. Притягательная личность Едыге навсегда осталась в памяти благодарных потомков. Эпос «Едыге» дошел до наших дней в большом количестве записей, оригинальных и переводных. Опубликовано более тридцати текстов, из них пятнадцать сохранились только в переводах или пересказах. Наиболее ранние из них, на татарском языке, относятся к XVII в.

---

[818] Ер Едиге. С. 88.

[819] Архив Президента РК. Ф. 708.Оп. 6.1. Д. 534. Л. 38–39.

Сказания о Едыге и его родословной объединены в цикле казахского эпического свода «Сказания о сорока крымских витязях» («Қрымның қырық батыры») [820]. Цифра 40 сакральна в мировоззрении казахов. Несомненно, батыров было больше, но у казахов, как и у других тюркских народов, сохранялась вера в сакральные числа. У казаха, имеющего сорок тысяч лошадей, было право голоса перед правителем улуса. По боевой тревоге «Аттан!» (На коня!) в считанное время в авангарде войска первыми в сражение вступали сорок тысяч всадников[821].

В 1942–1943 гг. героический цикл «Сказание о сорока крымских витязях», повествующий о правлении сорока поколений витязей в Крыму, в объеме 45 тыс. стихов записали из уст 82-летнего сказителя Мурун-Жирау Сенгирбекова из Мангышлака. На основании древних легенд казахи считают Крым своей исторической родиной. Эпос, подобно святой реликвии, передавался из поколения в поколение, оказывая влияние на творчество казахских исполнителей. По признанию современников, казахский поэт первой половины XIX в. Махамбет Утемисов отмечал важнейшую роль эпоса в становлении самосознания казахов. Народный бунтарь не отрицал монаршую власть, а критиковал ее нерадивых представителей.

Пример политической карьеры Едыге показателен – не будучи принцем по крови, достойный человек вправе управлять государством. Лозунг актуальный в Советской стране. Едыге с точки зрения советской идеологии выгодно отличался от чингизидов-аристократов.

По мнению академика А.С. Орлова, «Былина о Едыге» заметно отличается от других казахских эпических произведений. По его оценке, она историчнее и в основе своей концентрируется не на батырских подвигах и удальстве, а на взаимоотношениях двух главных героев – мудрого потомка святых в лице Едыге и хана Тохтамыша. Составители поэмы сохранили названия географических объектов, государств, этнонимы, имена и массу других исторических

[820] Сказание о сорока крымских витязях. – Казахский героический эпос. Алматы: Жазушы, 1986. 272 с.

[821] Токтабай А.У. Культ коня у казахов. Алматы, 2004. 124 с.

подробностей, что, по его оценке, «повествует о золотоордынских правителях Тохтамыш-хане и эмире Идиге, Едыгее русских летописей, действовавших в последней четверти 14 и в начале 15 вв.»[822]

Героический эпос дальнейшее своё развитие получил в период существования Казахского ханства. В основе сказаний о героях обычно лежали подлинные исторические события. Имена батыров: старших – Кобланды, Шора, Камбара, Таргына, и младших – Алпамыса, Саина и других – были связаны с такими историческими событиями XV в., как распад Казанского ханства (сказания о Шора Нарокове и о Кобланды), междоусобицы в Крымском ханстве (сказание о Таргыне), совместные выступления и набеги смежных родов – казахов и ногайцев (сказания о Саине), казахов и узбеков (сказания о Камбаре) и т.д.

В XIII–XIV вв. территория проживания ногайцев представляла собой важную геополитическую зону. В обширном ареале владений ногайцев от Крыма до среднеазиатских ханств шли непрерывные войны за право обладания торговыми путями, цветущими городами, транзитными маршрутами. Втянутые в водоворот событий ногайские воины всегда участвовали в многочисленных военных кампаниях.

Герои этих герических песен не именовались «казахами», их называют «выходцами из Ногайлы». Объясняется это тем, что в истоках своих эти песни воспроизводят эпоху, когда многие роды, составившие этническую основу казахского народа, фигурировали ещё под общим именем «ногайлы» в составе Золотой Орды, Крымского, Казанского и среднеазиатских ханств. Героический эпос эпохи ногайлы исследовали С. Сейфуллин и В. Жирмунский. Они акцентировали внимание на преобладании исторической правды в сказаниях о батырах, мурзах ногайлинских улусов. Н.О. Джуанышбеков и Ф.Е. Исмаилова справедливо отмечали: «Казахский героический эпос может служить весьма показательным примером отношения эпоса к истории. Большинство казахских богатырских песен по своим источникам восходят к историческим преданиям времён Ногайской орды, которая в XV–XVI веках объединила тюркские кочевые

[822] Орлов А.С. Указ. соч. С. 128.

племена, входящие ранее в состав Золотой Орды, на широком протяжении от приморских селений Крыма до Сибири и Казахстана»[823].

В героических песнях о старших богатырях (батырах) социальные мотивы и поступки преобладают над личными. Народ воплощал в образе богатыря мощь родового коллектива, а богатырь проявлял свою силу и удаль в большом походе против какого-нибудь внешнего врага. В одном случае он отражает нападение завоевателей, в другом сам идёт войной на враждебные племена (в позднейших вариантах – почти всегда на калмыков). Во всех случаях к таким богатырям относятся Ер-Таргын, Кобланды и др.[824] В поступках младших богатырей сильны личные мотивы – например, Ер-Саин борется за интересы своего отца, а затем за красавицу Аю-Бикеш.

В науке нет единого мнения о происхождении казахских эпосов. Несостоятельно причислять к «Ногайлинскому циклу» все произведения. Очевидно, ряд эпосов, равно как и их персонажи, имеет более древние корни. Так, например, по мнению некоторых исследователей, эпосы «Кобланды-батыр», «Камбар-батыр», «Ер-Кокше» и другие появились в эпоху Караханидов. Старинные сказания тюркского домонгольского периода о смелых охотниках, метких стрелках положили начало казахскому эпосу.

В процессе анализа казахских эпосов А.С. Орлов выделил «Былину об Алпамыс-батыре». Эпос об Алпамысе характеризуется им как красивое и объемное сказание. Основу эпоса составляют 2 500 стихов. По мнению академика, около трети произведений представлено в виде прозы[825]. В эпосе повествуется о детских годах Алпамыса. Орлов проводит аналогию между Алпамысом и героем русских былин Василием Буслаевым. Он обратил внимание на художественное описание невиданной физической силы Алпамыса: «К десяти годам Алпамыс вырос таким богатырём, что если в игре ударял кого-нибудь из сверстников, тот

[823] Джуанышбеков Н.О., Исмаилова Ф.Е. Указ. соч. С. 210.

[824] Там же. С. 142

[825] Орлов А.С. Казахский героический эпос. М.; Л.: АН СССР, 1945. С. 10.

падал мёртвым»[826]. Сравнивая композиционную основу казахских эпосов, академик акцентирует внимание на некоторых общих моментах. Например, сюжетная линия рождения, возмужания и женитьбы Алпамыса на Гульбаршин схожа с подобными эпизодами эпоса о Кобланды. Облик главных героев причудливым образом гармонирует с обликом их второй половины. Так, если батыр по молодости лет не обладает должным опытом и не столь разумен, то его супруга является носителем таких качеств, или если у батыра недостаточно развито чувство чести и достоинства, то жена олицетворяет данные качества. В этом ракурсе эпос дополняется лирическими струнами, отличающими настоящее художественное произведение от скупых документальных хроник. Такая постановка проблемы придает главным героям искренность. Батыры, помимо их исполинской мощи, предстают как настоящие живые люди с их житейскими радостями и переживаниями.

При исследовании казахских эпосов Орлов привлек узбекские источники. В частности, академик, сравнивая казахскую эпическую версию «Алпамыс» и узбекскую «Алпамыш», выявил схожесть эпизодов состязания героев за обладание невестой Алпамыса – Гульбаршин. Орлов активно привлекал русские былины, герои которых Дюк Степанович, Добрыня Никитич, Василий Казимирович, как и Алпамыс, принимали участие в спортивных состязаниях[827]. Таким образом, Орлов в сравнительном поиске выделял общие мотивы, двигавшие поступками сильных людей, ставших любимцами судьбы, защитниками народа. Несомненно, батырам приписывались мифические качества, которые выделил Орлов. В русской былине про Илью Муромца повествуется о его волшебном исцелении. Только уверенный в себе человек способен достигнуть невозможного. Алпамысу как народному герою приписывается бессмертие: «Не горит, не тонет, меч его не сечёт, пуля не берёт и на виселице он не умер»[828].

[826] Там же. С. 11.

[827] Орлов А.С. Указ. соч. С. 11.

[828] Там же. С. 12

События, чувства и мысли главных героев эмоционально окрашены. В эпосах в подробностях представлены обрядовые традиции, обычаи, бытовая атмосфера. По мнению А.С. Орлова, соответствующие аналогии прослеживаются и в русских былинах. Сказители широко использовали такие формы устного народного творчества, как «той бастар», «жар-жар» и др. В сущности, элементов волшебства, по замечанию академика, немного, что позволяет говорить о них как о произведениях, создаваемых на принципах реализма. Орлов так характеризует эпосы: «Всё описывается в меру и в объёме реальной действительности, разве только с небольшим преувеличением»[829]. Такие качества героев, как мужество, отвага, а также любовь, радость, преподносятся в высокохудожественной форме.

Отличительная особенность казахских эпосов заключается в преобладании общественных мотивов над личными. В менталитете казахов доминировало корпоративное сознание, сложившееся в результате коллективного образа жизни. Положительный образ независимого казахского героя наделялся благородными качествами, направляемыми во благо народа. Данный стержневой принцип являлся мотивом многогранной деятельности казахских батыров. Таким образом, исторически действовавший персонаж служил прообразом вымышленного героя, или вышеназванный герой становился ориентиром для возмужавших юношей. В эпическом творчестве сохранялась на века воспитательная суть.

Традиционно врагами казахских воинов являлись внешние противники, сохранившиеся в эпосах под разными названиями. Враги представляли черную угрозу семьям, родственникам, всему народу, плоть от плоти которых были батыры. Итак, причинами военных действий являлись не личные, меркантильные ссоры и тяжбы, а политические, территориальные, угрожавшие свободе народа. Поэтому в эпосах казахские герои сражаются с когда-то существовавшими реальными противниками, оставившими черный след в исторической памяти казахов. Например, согласно «Былине о Кобланды-батыре», Кобланды сражается с ханом Алчагиром (Алшагир), который покушался на честь его родителей, семью и весь кыпчакский род. Алпамыс-батыр отчаянно воюет с калмыцким ханом

[829] Там же. С. 31.

Тайшей, предательски разорившим край Алпамыса во время его отсутствия. Главный герой произведения «Былина о Камбаре-батыре» воюет с калмыками, впоследствии освобождает от их ига своих сородичей и весь Ногайлинский край.

Батыры большинства эпосов противостояли калмыкам (джунгарам), кызылбашам (персам) и прочим врагам. Очевидно, со времен многовековой казахско-джунгарской войны все казахские эпосы неоднократно перерабатывались. В них сложившийся образ врага подменялся синонимичными этнонимами калмыков, джунгар, ойратов, как собирательный образ монгольских народов. В других эпических версиях сохранилось коллективное собирательное название врагов – «кызылбаши» (персы). Каждый казахский батыр олицетворял мощь, гордость определенного племени. В их менталитете национальное сознание становилось выше племенных интересов.

Одним из самых уважаемых в пантеоне казахских батыров является Кобланды, который, по мнению ряда ученых, действительно внес достойный вклад в историю средневековых государств на территории региона. Советский классик И. Есенберлин ввел персону Кобланды в свою знаменитую трилогию. Очевидно, он обращался к известному эпосу о Кобланды. На популярность в тюркском обществе Кобланды указывают составители фундаментального сборника по истории преданий: «Имена персонажей эпоса «Кобланды-батыр» встречаются среди имён исторических лиц, деятельность которых также связывается с падением Золотой Орды и образованием на её обломках новых государственных образований кочевников, в том числе Казахского ханства. В частности, батыр Кобланды присутствует среди персонажей казахского и каракалпакского эпоса об Едиге, в котором повествуется о борьбе Токтамыша и Тимура»[830]. Сохранилось казахское историческое предание, относящееся к периоду образования Казахского ханства, в котором также выступает и батыр Кобланды. Предания подтверждаются и сообщениями казахских генеалогий – шежире и в устном поэтическом творчестве казахского народа[831].

[830] Былины / сост., автор предисл. и вводн. текста В.И. Калугин. М.: Современник, 1986. С. 9.

[831] Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.). Алма-Ата, 1968. С. 71–72.

А.С. Орлов досконально изучил устный монументальный памятник казахскому воину. По его оценке, эпос в ряде вариантов содержит до десяти тысяч строк. По мнению ученого-литературоведа, лейтмотив рассказа о Кобланды заключается в борьбе с калмыками[832]. Примечательна предыстория рождения Кобланды. Во вступительной главе описана тяжелая участь его престарелых родителей. Их сын появляется на свет при сказочных обстоятельствах.

Много места в эпосе уделяется истории возмужания Кобланды и его походам против хана Казана и Алшагыра. Эпос подробно повествует о ближайшем окружении и условиях жизни батыра. Таким образом, идет плавный процесс подготовки слушателя к возникновению такого феномена, как батырство. Лирический настрой эпосов демонстрирует фактор появления батыров в роли ведущих героев при целой гамме обстоятельств, продиктованных, прежде всего, желанием общества. Эпические сказания отражали существующий факт роста авторитета батыров в обществе. В данном эпосе именно на Кобланды возлагается миссия наказать извечных врагов кыпчакского рода.

Красной нитью через эпос проходит история женитьбы Кобланды. Характерно, что этот лирически-бытовой момент не просто личная биографическая страница героя, а один из узловых сюжетов поэмы, вызывающих общественный восторг. Поэтому спутницы батыров предстают в амплуа достойных героинь, наделенных самыми благородными качествами. Бракосочетанию Кобланды с Корткой предшествуют тяжелые испытания, длительная борьба. Собственно, женитьба Кобланды предстает как последняя ступень его физической зрелости и одновременно как первое серьезное испытание будущего героя. Естественно, умная супруга выступает в роли индикатора выработанных за период тяжких испытаний достоинств героя. Огромную роль в судьбе Кобланды играют его друзья.

А.С. Орлов обратил внимание на атрибутику казахских и русских воинов. Верным товарищем героя обязательно являлся конь. Примечательна одна особенность казахских сказаний, заключающаяся в распространении в народе

[832] Орлов А.С. Указ. соч. С. 34.

кличек коней. Например, казахи прекрасно знали кличку жеребца Кобланды-батыра по прозвищу Тайбурыл (Чалый жеребенок), помнили, что Таргын свои подвиги совершал на боевом коне по имени Тарлан (Сивка). Характерные черты преданий заключаются в наделении коней мифическими свойствами. В частности, верный спутник Кобланды конь Тайбурыл наделен человеческим голосом. В русских былинах конь Ильи Муромца разговаривает на человеческом языке[833].

Подобные аллегории выделены А.С. Орловым с целью определения роли боевых коней в ратном искусстве героев. Определенно он проник в архаический пласт культуры, на раннем этапе языческой с элементами колдовского преображения и культово-религиозного периода принятия монотеизма. При соответствующем синтезе различных последовательно-параллельных культур, как то: языческое и православное в русском этносе и языческое и мусульманское – в казахском, за эпическим содержанием, т.е. в народной памяти, сохранялось право на «очеловечивание» лошадей или приближение их к человеку.

Эпос о Кобланды имеет несколько версий, с которыми работал Орлов. По мнению исследователя О.А. Нурмагамбетовой, сейчас известны 26 записей эпоса о Кобланды. «Они делятся в основном на два совершенно разных (версий или собственно национальных) варианта: древнего архаического и позднего классического»[834]. Классификация эпоса на два варианта соответствует росту исторического самосознания народа от родового к национальному. Так, в одном варианте эпосы насыщены тематикой междоусобных войн, борьбы Кобланды как кыпчакского лидера с оппозиционными ханами, в другом варианте Кобланды представлен как кыпчакский герой, казахский батыр, сражающийся с калмыками, кызылбашами. Такая классификация позволяет рассмотреть проблемы эволюции эпического текста, определить его древние основы и различные наслоения, а также изучить вопрос соотношения исторической действительности и эпоса.

---

[833] Там же. С. 37.

[834] Нурмагамбетова О.А. Казахский героический эпос «Кобланды батыр»: (сравнительно-типологическое исследование). Алма-Ата: Наука, 1984. С. 3.

В исследовании Орлов неоднократно обращался к русским былинам, сличая их содержание с казахскими эпосами. Он выделил знаменитый русский триумвират в лице Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, которые, пожалуй, остались самыми популярными в перечне былинных русских героев. Период сложения русских былин, выделенных Орловым, приходится на XI–XVI вв. В сравнительном анализе казахские и русские произведения в основе своей охватывали период Средневековья. Главная идея всех исследованных им текстов состояла в прославлении героической доблести во благо своей земли.

Помимо представленных выше эпосов, А.С. Орлов в своём исследовании проанализировал также такие шедевры казахского героического эпоса, как «Былина о Ер-Саине», «Былина о Ер-Тархыне» (Ер-Таргыне), «Былина о Шура-батыре» (Шора-батыре), «Былина о Камбаре-батыре», «Былина о Едыге».

В историко-культурологическом аспекте немалый интерес представляет эпос о «Ер-Саине». В эпосе параллельно с главным героем Ер-Саином показан воин Кобланды. В иерархии батыров Кобланды выступает в роли старшего. Таким образом, ярко продемонстрирована преемственность казахских героев. Батыры информированы друг о друге, взаимодействуют в достижении важных результатов. В одном популярном эпосе объединены два великих персонажа. Орлов обратил внимание на оформительскую часть эпоса, которая конкретизирует представленный исторический период: «Былина интересна… по оформлению, она имеет вначале запев, а в исходе концовку. Запев относит былину к героической истории народа Ногайлы»[835].

Сюжет начинается с личной драмы богача Боз-Моная. Боз-Монай жестоко страдал от бездетности. Далее в эпосе описывается восстание его рабов. Академик А.С. Орлов обнаружил схожесть элементов эпоса с некоторыми сюжетами из ойратской поэмы «Малчи Мерген» и эпоса «Кан-Толо», в частности, это эпизод жестокого обращения отца Ер-Саина – Боз-Моная – с рабами и истязания пастухов розгами в ойротских сказаниях[836]. Прослеживаются протестные

[835] Орлов А.С. Указ. соч. С. 50.

[836] Там же. С. 51.

выступления, вызванные несправедливыми действиями власть имущих. Общественная критика принижала достоинства Боз-Моная и ему подобных. Впоследствии, согласно эпосу, Боз-Монай получает пророчество свыше о грядущем появлении сына. Вероятно, в подобном акте наблюдается скрытый подтекст воздаяния за поступки: жестокосердный Боз-Монай наказан восстанием рабов. Изменение его натуры предопределило рождение сына. Эпическая сага красочно описывает пир по причине появления на свет Ер-Саина, подробно разворачивается тема его детства. Далее описываются его сватовство, женитьба на красавице Аю-Бикеш, встреча с Кобланды-батыром, совместный поход на калмыков, смерть и воскрешение Ер-Саина. Опять прослежено совпадение с сюжетом русской былины об Илье Муромце[837]. В данном произведении ярко нарисован казахский быт, оно очень реалистично, хотя в нем присутствуют элементы волшебства. Например, вымаливание детей (как и в русских былинах), чудесные явления святых, оживление умершего батыра[838].

Шедевром казахского литературного искусства признан эпос «Ер-Таргын», именуемый Орловым в своей монографии «Былиной о Ер-Тархыне». Полный текст эпоса состоит из 1600 стихов. Композиционно «Ер-Таргын», по мнению Орлова, имеет свои особенности. Например, в противоположность ряду других казахских эпосов, подробно освещающих детство и юность батыров, «Ер-Таргын» начинается с описания событий зрелого периода жизни батыра. События разворачиваются на территории Западного Казахстана, в междуречье Волги и Урала. Ер-Таргын – ногайлинец, убивший на родине ханского визиря и бежавший в Крым. Самым могущественным крымским ханом был Акша-хан. Он враждовал с племенами аймаутов и торгаутов, намеревался покорить и ограбить их, осадив их крепость. Но это ему не удавалось. Лишь благодаря мужеству и отваге Ер-Таргына, который действовал независимо от хана, крепость была покорена[839]. Хан приказал поставить храброго воина во главе своего войска.

---

[837] Там же.

[838] Там же. С. 66.

[839] Там же. С. 72.

Эпос насыщен сюжетами лирического содержания. Ханская дочь Ак-Жунус тайно сбежала с Ер-Таргыном, ослушавшись отца. Разгневанный хан пустил в погоню за беглецами молодых мурз и батыров. Среди них был и старый батыр – Карт-Кожак[840]. Карт-Кожак догнал беглецов. В поэме красочно описываются поединки и военные подвиги батыра. Поэма полна драматических конфликтов и психологических моментов. Особенно поражает эпизод столкновения двух батыров. Настоящие воины Карт-Кожак и Ер-Таргын в честном единоборстве желали доказать право на Ак-Жунус. Поединок Ер-Таргына с Карт-Кожаком, т.е. молодого воина со старцем, является ярким примером так называемого богатырского этикета. «Когда Тархын увидел, что его соперником является “не джигит молодой в седле, аксакал седой в седле”, и подумал…: старший он, он мне отец, он мне дед… И склонив свой гордый стан, волком прозванный Тархын прискакавшему старику, как велит приличья закон, поясной отвесил поклон… И на Ер-Тархынов привет старый батыр поклонился в ответ»[841]. И в русских былинах есть подтверждение данного явления. «Отпуская Илью Муромца в первую его поездку в Киев, отец велит ему поклониться там “всем своим… богатырям всё поединщичкам”: “Обойдись-ко ты с има всё по учёному. Ознакомляй-ко-се ты има всё по-хорошему”…»[842] Борьба Карт-Кожака и Таргына за Ак-Жунус – это своего рода поединок благородных сердец: Таргын отказывается от боя с Карт-Кожаком из уважения к его старости и богатырским подвигам; Карт-Кожак щадит жизнь Таргына во имя его молодости, удали и благородства. Только благодаря мудрости и смелости Ак-Жунус Карт-Кожак уступил её Ер-Таргыну. «В глубоко прочувствованной песне она гордо описала свою красоту, молила батыра не разлучать её с милым или убить и, напомнив ему его славное прошлое, упрекнула его в недостойной батыра похотливости, проявленной теперь, в старости…»[843] Поэма подчеркивает социальный статус женщины, воспитанной в благородных традициях кочевого общества, способной

[840] Там же. С. 72.

[841] Орлов А.С. Указ. соч. С. 77.

[842] Там же. С. 77.

[843] Там же. С. 73.

противостоять невзгодам судьбы силой поступков и слова. Ак-Жунус не безучастный наблюдатель событий. Она супруга и верный товарищ Ер-Таргына. Ак-Жунус своей песней, полной правдивости и предельной искренности, спасает свою собственную честь, честь Таргына и честь Карт-Кожака. Вдохновенной песней она поднимает дух умирающего Ер-Таргына, возвращая ему жизнь.

Своим содержанием поэма направлена на изобличение вероломства ханского двора по отношению к батыру, своими подвигами спасшему страну от вражеских набегов. Храбрость, моральные достоинства Ер-Таргына служат делу защиты родины от нашествия захватчиков. В эпосе ясно показаны противоречия между правящей вурхушкой и Ер-Таргыном. Батыр характеризуется как заступник народа, богатырь, а ханы – как обманщики народа. Несмотря на то, что Ер-Таргын неоднократно спасал страну от калмыкских набегов, ханское окружение бросает батыра, раненного в бою, в безлюдной степи. Но подвиги Ер-Таргына высоко ценит и помнит народ.

Орлов активно применял метод сопоставительного анализа в изучении эпоса о Шора-батыре, который в его интерпретации выступает под названием «Былина о Шура-батыре». Орлова интересовали биографические сведения о Шора-батыре. Академик обращался к архивным источникам, содержащим сведения о легендарном Шора-батыре. Он высказал предположение о взаимосвязи реального исторического лица Чоры Нарыкова, выступавшего в качестве прототипа Шоры-батыра.

Орлов и другие исследователи установили общие черты между историческим и литературным образами Шора-батыра. Обращает на себя внимание период жизнедеятельности Шора-батыра – середина XVI в. Дипломат, политик, герой тюркских эпосов Шора Нарыков активно участвовал в политических событиях в Казанском ханстве. По эпосу и по реальной истории Шора являлся сыном Нарыка. В тюркских эпосах можно встретить упоминание реальных исторических личностей, живших в XVI в. в Казани и состоявших в тех или иных взаимоотношениях с Шорой Нарыковым. Шора Нарыков эпический и его реальный прототип сражались за свободу своей Родины.

В своей книге на основе сравнительного исследования Орлов представил следующий вывод: «Находящаяся в «Казанском летописце» XVI в. повесть о Чюре Нарыковиче – “большом князе”, “властеле Казанском”, стороннике царя Шигалея, преданного Ивану Грозному, – хотя и не совпадает с восточными рассказами о батыре с таким именем, но, возможно, связана с их циклом»[844]. Эпос о Шора-батыре занимает особое место в фольклоре многих тюркских народов, так как возник на фоне имевших место исторических событий и отобразил образы существовавших исторических личностей. Он является ценным источником в изучении трагических событий захвата Казанского ханства. Герой данного произведения – реальная личность – Чора (Шора) бек Нарыков, живший в первой половине XVI в. в Казани.

Эпическое произведение «Шора-батыр» получило широкое распространение у тюркских народов[845]. Ученые, занимавшиеся изучением тюркского героического эпоса, обращали внимание на различные версии дастана, распространенные у крымских татар, ногайцев, казахов. По мнению Л.Х. Ибрагимовой, дастаны, связанные с именами Чура (Шора)-батыра, относятся именно к таким произведениям[846].

Существует несколько вариантов эпоса, и все они начинаются с описания истории отца героя – Нарикбая, жителя города Казан, представителя рода «тама». Он обладал бесчисленными стадами, но был бездетным. Раздав свои табуны сородичам, Нарикбай вместе с женой Гуль-Ханыс «пошел в обуви с железными подошвами странствовать по святым местам, чтобы вымолить себе детище»[847]. В русских былинах также описываются паломники-калики, которые ходят по святым местам, обутые в «круту каличью» и в которую переряжаются богатыри («Илья Муромец и Идолище»).

---

[844] Орлов А.С. Указ. соч. С. 114.

[845] Қорғанбеков Б.С. Указ. соч.

[846] Ибрагимова Л.Х. Дастан «Чура батыр» в творчестве тюркских народов: автореф. дис. …канд. филол. наук. Казань, 2000. С. 4.

[847] Орлов А.С. Указ. соч. С. 88–89.

Вскоре у Нарикбая и Гуль-Ханыс рождается сын, которого назвали Шора. В описании характера, поведения и внешности главного героя в казахском эпосе используются те же типичные приемы, что и в тюркском героическом эпосе. Шора растет не по дням, а по часам, в возрасте сорока дней уже смеется, отличает отца и мать от других людей; поражает всех своей красотой, а ему всего лишь один год. В три года он быстр, как птица, в четыре года почти заканчивает школу, а в десятилетнем возрасте уже совершает богатырские поступки. К 12 годам грудь Шоры становится «крепкая как булат». «Шура развивался необычайно быстро и к двенадцати годам стал сказочным богатырём»[848], который крушил всё на своём пути («Шура выпрашивал у отца коня, чтобы скакать за львом, разбить айракдинцев и разрушать всё, что придётся»[849]).

В русских былинах таким богатырём был Василий Буслаев – обладатель недюжинной силы: «Которого возьмёт он за руку, из плеча тому руку выдернет; которого заденет за ногу, то у того ногу выломит…»[850].

Шора-батыр является обладателем типичных черт эпического героя – он храбр, отважен, благороден. Шора участвует в войне против калмыков (собирательный образ монгольских народов). В большинстве казахских сказаний калмыки фиксируются в качестве извечных врагов. Упоминание о калмыках в эпосе является влиянием других эпических произведений. Эпизоды борьбы с калмыками встречаются во многих эпосах народов Средней Азии и Казахстана. В качестве примера можно назвать широко известный среди тюркских народов эпос «Алпамыс». В эпосе присутствуют имена персонажей, встречающиеся в других эпосах. Например, калмыцкий хан Караман, упоминаемый в качестве калмыцкого правителя в эпосе о Камбар-батыре. В эпосе есть этнографические и топографические сведения. Сам Шора-батыр представлен как выходец из племени тама.

---

[848] Там же. С. 89.

[849] Там же. С. 90.

[850] Там же.

В эпосе прослеживаются эпизоды, характерные для времен язычества, – поклонение могилам, обряды, связанные с почитанием святого Баба-Тукты-Чач (Шаш): «Скитание это, обычное в былинах, подробно описано по маршруту и насыщено явлениями святых и чудесами»[851]. Это было связано с образом мышления, характерным для Средневековья, а также с влиянием историко-культурных традиций иранских и тюркских народов. Главное отличие эпоса «Шора-батыр» от эпосов, проанализированных выше, заключается в том, что это прозаическое повествование, очень богатое по своему содержанию.

В сущности, по оценке Л.Х. Ибрагимовой, А.С. Орлов – один из первых ученых, внесших свой вклад в издание казахского народного эпоса «Шора-батыр»[852]. Впоследствии данное произведение исследовал В.М. Жирмунский. Он высказал некоторые предположения относительно одной из казахских версий, посвященных Шора-батыру. В современный период тюркский героический эпос – довольно обстоятельно изученная область литературы.

Получивший распространение в народе эпос о Камбар-батыре отличается своими идейно-художественными особенностями. Герой Камбар является выходцем из бедных слоев. А.С. Орлов идентифицировал Камбара как «представителя и кормильца нищего рода»[853]. Камбар несет ответственность за свой род. Он ведет жизнь бедняка-охотника, имеет только одного коня. Интересы родственников, судьба народа для него превыше личных интересов. В повседневных заботах Камбар проявляет мужество, стойкость. Его подвиги описаны красочно и занимательно, с реалистических позиций: «Надев серебряный ошейник на борзую собаку, Камбар отправился на охоту за куланами и горными козлами. Преследуя зверей, он стегает своего тулпара плетью и до крови колет рогатиной. Когда прошёл полдень, Камбар… нагрузил на коня добычу, чтобы ею накормить 60 домов Аргына и 90 домов Тобыра»[854].

---

[851] Там же. С. 89.

[852] Ибрагимова Л.Х. Указ. соч. С. 4.

[853] Орлов А.С. Указ. соч. С. 115.

[854] Там же. С. 115–116.

Орлов находит много общего между охотничьим промыслом Камбар-батыра и занятиями русских витязей Дюка Степановича, Добрыни Никитича, Сухмана, Вольги: «Из славного из города из Галича, Из Волынь – земли богатыя, …Да проехал удалый дородний добрый молодец, молодой боярский, Дюк Степанович, Да из утра проехал день до вечера, Да не наехал на гуся и лебедя, Да не серой пернастой малой утицы…»[855]

Эпос насыщен упоминаниями о личной храбрости Камбара. В качестве характерного примера Орлов приводит сцену схватки Камбара с тигром: «…Камбар заехал в густой лес, где встретил его тигр. Камбар приготовился к бою. Тигр… открыв громадную пасть, заревел как одногорбый верблюд, величиною подобный скирде… Собрав все свои силы, Камбар схватил тигра за хвост и, покружив, отшвырнул далее, чем на 40 шагов. Свалившись как оползень, зверь рухнул бездыханным. Батыр ударил его по морде топором, и подняв тушу как кокбар, положил её перед собой поперёк седла. Глядя на голову мощного зверя, подобную котлу, народ дивился…»[856] Он главный кормилец своего рода. В эпосе освещена суровая действительность кочевника-охотника. Орлов так описал профессиональную деятельность батыра: «Охота для Камбара является не богатырской забавой, а необходимым трудом для пропитания сородичей»[857].

В эпосе ярко представлены терзающие душу батыра противоречия между любовью к дочери богатого человека Азимбая по имени Назым и ответственностью по отношению к опекаемым беднякам. В эпосе показана социальная иерархия, отражающаяся в повседневной действительности исследуемой эпохи. Камбар представлен как верный чести и традициям семейной солидарности, ответственный перед богом человек. Он поставлен перед жестоким выбором между личным счастьем и благополучием родных: «Если бы предался чувству к ней, забыл бы народ, – Бог накажет»[858].

---

[855] Там же.

[856] Там же. С. 116–117.

[857] Там же. С. 115.

[858] Там же. С. 119.

В годину лихой опасности Камбар берет в руки оружие. Он и его товарищи противостоят калмыкам и их правителю Караману. Камбар выше личной неприязни и меркантильных интересов людей. Он беден, но исполнен благородства – таков романтический посыл многих средневековых сказаний. Во имя интересов своего народа Камбар готов простить сыновей Азимбая, всячески унижавших его за бедность: «Из-за досады к глупым шести сыновьям Азимбая не стоит совершать плохой поступок, надо твёрдо вставать на защиту народа»[859], – решает Камбар.

В ряду казахских сказаний, по мнению А.С. Орлова, эпос о Камбаре характеризуется оригинальностью самого образа Камбара. Камбар – выходец из Ногайлы, бедняк. Орлов акцентирует внимание на родовом происхождении, а не на этническом, которое установить сложно по причине приграничного статуса Ногайлы между тюркскими этносами.

По замечанию Орлова, особо выделяется лирическая линия любви Камбар-батыра к Назым: «Пластично изображаются взаимоотношения Камбара и красавицы Назым, их влечение друг к другу и страдания от несовместимости счастья с долгом и совестью»[860]. И вновь в эпосе долг перед Ролиной и любовная драма соединяются в один сценарий. Судьба благоволит Камбару. Хан Караман сватается к красавице Назым, которая сохраняет тайную любовь к Камбару. Движимый интересами защиты народа и спасения своей чести, Камбар решается на важный поступок: «Смело войдя в шатёр к Караману, Камбар объявил ему, что не уступит Назым. После взаимных оскорблений и угроз бой между соперниками стал неизбежен»[861]. Камбар, как истинный батыр, героически отстоял свою невесту.

Примечательной особенностью эпоса является прославление и изображение художественного промысла, редко встречающиеся в казахской устной литературе. Итак, эпос о Камбаре представляет собой емкое, цельное, масштабное

[859] Там же. С. 120.

[860] Там же. 5. С. 122.

[861] Там же. С. 121.

произведение, в котором нашли отражение важные моменты истории. Академик А.С. Орлов отметил особенность композиционной составляющей сказания: «Эпос сложился на основе широко распространенных фольклорных мотивов и послужил средством позднейшей эпической идеализации народного героя»[862].

В заключение своего исследования по сопоставлению казахского героического эпоса с русскими былинами академик А.С. Орлов приходит к следующим умозаключениям. Каждое произведение из богатейшей сокровищницы неиссякаемого творчества тюркских народов, проанализированное им, является уникальным по своему содержанию, по замыслу и трактовке того или иного исторического события через образный художественный язык классического эпоса.

Александр Сергеевич определил в казахском героическом эпосе черты, являющиеся «интернациональными» и свойственные героическому эпосу как распространенному в мировом Средневековье литературному виду. Но вместе с тем ученый отметил и индивидуальные черты, отличающие именно казахские сказания. «Особо привлекательны достоинства казахского эпоса – реализм, верность быту, вплоть до жестов, живописание картины повседневности, лиричность и психологизм, юмор, которому в казахских былинах предоставлен гораздо больший простор, чем, например, в русских. Отличием казахских былин является также наличие в них предысторий, повествующих о родителях батыра, биографическая полнота»[863].

По мнению учёного, «героический эпос казахов не является наивным произведением степной простоты, а свидетельствует о высоком уровне литературного искусства. Казахские былины представляют собой художественное повествование, в конструкции которого применены разнообразные приемы воздействия на восприятие. Былины эти не ограничиваются механическим движением рассказа, они живописны и эмоциональны, взаимоотношения персонажей психологически сложны. Оставляя в стороне черты сказочности,

[862] Там же. С. 128.

[863] Шкрыль П. Указ. соч. Л. 75.

обязательной для данного вида литературы, мы находим в этих былинах много реализма»[864].

Характерными для казахского героического эпоса и русских былин являются прославление мужества, героизма, отваги, богатырских подвигов, сюжетные элементы – бои, поединки, бег коней. Общими сюжетными деталями являются быстрота возмужания богатыря, необычная его мощь, необычайная резвость коней, размер и тяжесть оружия и т.д. Народы, ведшие кочевой образ жизни, имели, конечно, много родственных черт между собой, много общего в быте, в культуре и в литературе, как отражении жизни. Вот почему, например, казахскому эпосу свойственны общие с ойротским черты, которые не встречаются в эпосе европейских народов. Таким образом, эпос некоторых тюркских народов представляет собой особый вариант общемирового сюжета.

Общность в основном сюжете и индивидуальность его вариантов проявляютя и при сопоставлении казахского героического эпоса с русским. При таком сопоставлении индивидуальные черты казахского эпоса выступают особенно ярко. Благодаря параллелям, приведенным выше при обсуждении каждой казахской героической песни, сходство казахского эпоса с русским показано как на примере основного сюжета, так и в отдельных деталях. Это сходство не таково, чтобы можно было говорить о тождестве обоих эпосов, несомненно, они независимы. Не перечисляя мелких особенностей казахского эпоса, отражающих своеобразие быта и оригинальность стиля, что отмечалось выше при оценке каждого сказания, остановимся на самих литературных приемах, делающих казахский эпос особо привлекательным. Одно из его достоинств – реализм, верность быту – вплоть до жестов. Превосходны картины повседневности, как, например, старик со старухой у огонька своей юрты, старик-чабан, отдыхающий в зной под тенью своей рубашки, наброшенной на посох; задумавшийся над своей участью слуга; красавица, опирающаяся на арбу; явление святого предка с книгой и на ослике; бессонная ночь батыра в юрте своих родителей и пр.

[864] Орлов А.С. Указ. соч. С. 124.

В русских былинах больше стилизации, при внутренней правде каждое изображение оформлено внешне сказочно. Сказочность есть и в казахских сказаниях, но в меньшей степени, реальная повседневность в них преобладает. Возникает впечатление, будто русские былины относятся к седой древности, к некой древней родине, а казахские – моложе, стоят на пороге Нового времени и тесно связаны с кочевым образом жизни.

Казахский эпос отличается лиричностью и психологизмом. Наиболее полны чувства и поэзии диалоги между близкими перед разлукой, при несчастье и монологи разлученных и униженных или, наоборот, неожиданно осчастливленных. Отличием казахских героических песен является также наличие в них «предыстории», повествующей о родителях батыра, которые вымаливают его рождение.

Велик вклад талантливого ученого, неутомимого труженика во благо процветания евразийской литературы и культуры. За заслуги перед Родиной по развитию казахстанской науки в годы Великой Отечественной войны академик А.С. Орлов был награждён орденом Ленина. Как справедливо отмечает исследователь У.Х. Шарипов, «он понял душу казахов и их культуру, ради которой, несмотря на преклонный возраст, изучил язык, историю народа, совершив гражданский и научный подвиг»[865].

Умер Александр Сергеевич Орлов 6 марта 1947 г. в Ленинграде, похоронен на Волковом кладбище, на Литераторских мостках.

5.2. Роль академика А.М. Панкратовой и других советских учёных в создании первого учебника по истории союзной республики – «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» (1943 г.)

Первой крупной работой в исторической науке СССР, появившейся в разгар Великой Отечественной войны, стала «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней», вышедшая под редакцией Анны Михайловны

[865] Шарипов У.Х. Указ. соч.

Панкратовой (1943 г.)[866]. В трагичные дни 1941 г., когда враг стоял на подступах к Москве, вместе с группой специалистов Института истории АН СССР А.М. Панкратова была эвакуирована в Алма-Ату. Именно в этот период назрела потребность в появлении новых исторических академических изданий, в которых с научных позиций необходимо было осветить историю народов СССР. Стоит напомнить, что репрессии 1930-х гг. обескровили казахстанскую науку. В конце 30-х гг. образовался своеобразный вакуум в профессиональной среде историков республики[867].

«История Казахской ССР» была первым в советской исторической науке опытом написания истории конкретной союзной республики с древнейших времён по первые годы Великой Отечественной войны. В авторский коллектив вошли А. Баевский, Е. Бекмаханов, А. Бернштам, М. Вяткин, Б. Греков, Н. Дружинин, Н. Тимофеев, А. Якунин, М. Ауэзов, Е. Исмаилов, С. Муканов и др. Кроме общего руководства, написания отдельных глав и редактирования книги, А.М. Панкратова стала автором и обобщающей статьи.

В группе советских ученых академик А.М. Панкратова играла знаметную роль. Целесообразно кратко остановиться на биографии этого выдающегося учёного. Советский историк, партийный и общественный деятель, А.М. Панкратова родилась 4 (по старому стилю – 16) февраля 1897 г. в г. Одессе Начальное образование получила в народной школе, затем поступила во Вторую женскую гимназию, которую окончила в 1914 г. с золотой медалью и тогда же стала слушательницей исторического отделения Высших женских курсов. В 1917 г. окончила исторический факультет Одесского университета. В 1922 г. была направлена на учёбу в Москву – в Институт красной профессуры. В годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) участвовала в партизанском движении в

[866] История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: Казогиз, 1943. 656 с.

[867] Асылбеков М.Х. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана (доклад на научной конференции, посвящённой 115-летию со дня рождения академика А.М. Панкратовой, состоявшейся 16 февраля 2012 г. в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова и Центральной научной библиотеке НАН РК) // Отан тарихы, 2012, № 1 (57). С. 27.

Одесской губернии. В 1919 г. вступила в ряды коммунистической партии. В 1920–1921 гг. была на партийной работе на Украине и Урале. В 1926–1930 гг. преподавала в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, Комвузе им. Я.М. Свердлова, Военно-политической академии в Ленинграде (Санкт-Петербурге), была заведующей кафедрой истории СССР в Московском, Саратовском университетах, МГПИ им. Ленина, Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В 1936 г. А.М. Панкратову обвинили в принадлежности в юные годы к эсеровской партии. Она была исключена из партии и направлена на работу в Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского. По её инициативе при историческом факультете была организована аспирантура, велась интенсивная работа по повышению квалификации молодых преподавателей, защищались диссертации, печатались научные труды. В 1939 г. А.М. Панкратова добилась своего восстановления в партии и работала одновременно в Москве и Саратове. Была назначена заведующей сектором и заместителем директора Института истории АН СССР. В 1953–1957 гг. – главный редактор журнала «Вопросы истории». А.М. Панкратова представляла советскую историческую науку на международных конгрессах историков в Варшаве (1933–1934 гг.), Будапеште (1953 г.), Риме (1955 г.). В 1955–1957 гг. А.М. Панкратова возглавляла Национальный комитет историков СССР, была председателем Ассоциации содействия ООН в СССР.

А.М. Панкратова – автор около 200 научных работ по истории рабочего класса России и западноевропейских стран, революционного движения. Её перу принадлежат такие научные труды, как: «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику» (1923 г.), «Фабзавкомы и профсоюзы (Россия, Германия, Италия и Франция)» (1924 г.), «Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (1939 г.), «Формирование пролетариата России (XVII–XVIII вв.)» (1953 г.) и др. Участвовала в создании «Истории дипломатии» (удостоена Сталинской премии в 1946 г.). Руководитель многотомных

документальных публикаций по рабочему классу, революции 1905–1907 гг. Главный редактор и соавтор учебника по истории СССР для средней школы[868].

В 30-х гг. XX в. А.М. Панкратова поддерживала связи с историками С.Д. Асфендияровым, М.П. Вяткиным. Она принимала участие в работе над первоым (1943 г.) и вторым (1949 г.) изданием «Истории Казахской ССР», в обсуждении вопросов, связанных с разрешением различных проблем, связанных с оценкой отдельных сюжетов истории Казахстана, давала научные консультации. Докторские диссертации историков Е.Б. Бекмаханова, С.Н. Покровского готовились под её непосредственным руководством. Ею было приложено немало усилий для восстановления имени выдающегося сына казахского народа Чокана Валиханова.

А.М. Панкратова – академик АН СССР (1953 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (1943 г.), заслуженный деятель науки Казахской ССР (1943 г.), лауреат Сталинской премии СССР (1946 г.), действительный член АН Белорусской ССР (1940 г.), Академии педагогических наук РСФСР (1944 г.), член Румынской (1955 г.) и иностранный член Германской (1957 г.) АН, почётный член Венгерской АН (1955 г.), награждена орденом Ленина (1953 г.), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1945, 1957 гг.)[869].

По воспоминаниям Н. Дружинина, основная часть эвакуированных историков проживали в Алма-Ате. В этот период столица был переполнена эвакуированными, поэтому планировалось рассредоточить учёных-историков по разным городам республики. Такое решение означало бы невозможность заниматься фундаментальными научными исследованиями. Именно благодаря действиям А.М. Панкратовой в этот период эвакуированные учёные остались в Алма-Ате. Достаточно быстро она изучила местную обстановку и познакомилась с руководством Комиссариата просвещения. Как известно, Правительство КазССР давно планировало подготовить академическое издание – учебник «История

[868] Абсеметов М.О. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 402. С. 18–22.

[869] Савельев А.В. Необычная карьера академика А.М. Панкратовой. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 432 с.

Казахской республики». Но в тот период в Казахстане ощущался дефицит высококвалифицированных кадров. А.М. Панкратова обратилась в Правительство республики с предложением сформировать группу в составе местных ученых и эвакуированных историков, добровольно возложив на себя обязанности редактора. Исходя из сложившейся ситуации, А.М. Панкратова в ограниченные сроки разработала организационный план участия ученых в фундаментальном проекте. В течение нескольких месяцев необходимо было подготовить подробный план книги, исследовать источники, создать макет книги и представить в Правительство КазССР[870].

Важно отметить, что соратником А.М. Панкратовой в этой огромной работе стал автор переводов произведений В.И. Ленина на казахский язык, историк по образованию, известный государственный и общественный деятель, секретарь ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде и агитации Мухамеджан Абдыкалыков[871]. По его представлению к научной работе привлекались казахстанские историки и писатели. М. Абдыкалыков находился в тесном контакте с А.М. Панкратовой и эвакуированными учеными, с которыми неоднократно проводил методические совещания.

С целью реализации этого важнейшего государственного проекта группе учёных создавались все необходимые для работы условия, т.е. предоставлялась жилая площадь, обеспечивалось питание в столовой, дополнительно в городской библиотеке выделили отдельный зал для научной работы. Авторы получили разрешение на использование материалов Казахского государственного архива. Помимо эвакуированных ученых-историков, из казахстанских ученых активное участие в работе над книгой принимал Е. Бекмаханов.

Таким образом, большая группа ученых под руководством А.М. Панкратовой приступила к написанию «Истории Казахской ССР». В перспективе эта работа представляла собой коллективный авторский труд, в

---

[870] Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки / отв. ред. академик А.М. Самсонов. М.: Наука, 1985. С. 28.

[871] АП РК. Ф. 708. Оп. 49. Д. 37.48. Л. 1–2.

котором впервые в советской исторической науке нарабатывался опыт написания истории отдельной союзной республики с древнейших времен до начала 40-х гг. XX в.

Вот как сама А.М. Панкратова рассказывала о работе над «Историей Казахской ССР» в своём докладе на республиканском совещании лекторов Казахской ССР 6 марта 1943 г.: «Задача моего доклада состоит в том, чтобы ознакомить лекторов и пропагандистов с той коллективной работой по истории Казахской ССР, которая только что нами закончена. Прежде всего мне хочется остановиться на значении создания “Истории Казахской ССР” …Не случайно, что в то время, когда воины-казахи самоотверженно бьются на фронте, когда рабочие-казахи куют на заводах оружие для фронта, когда колхозники выращивают на новых целинных землях рекордные урожаи, а недавние кочевники увеличивают поголовье первосортного скота, – советская интеллигенция Казахстана напряжённо работает над созданием новых произведений в области литературы, искусства и науки»[872].

Далее А.М. Панкратова отметила, что «История Казахской ССР» была задумана и начата в 1942 г. алма-атинской группой Института истории Академии наук СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук. «Работа выполнялась по заданию Наркомпроса КазССР, который, заботясь о политическом воспитании молодых поколений казахского народа, решил в условиях отечественной войны создать учебник по истории казахского народа для средней школы. Впоследствии эта работа переросла в большой научный труд, на основе которого должен быть в самое ближайшее время написан и учебник для казахских школьников.

Советский период «Истории Казахской ССР» разработан научными сотрудниками Института истории Академии наук СССР – товарищами Баевским и Кучкиным, директором Казахского филиала ИМЭЛ Н. Тимофеевым и профессором Казахского государственного университета С. Покровским. Для

[872] Панкратова А.М. Основные вопросы истории Казахской ССР (К выходу в свет книги «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней») // Большевик Казахстана. 1943. № 10. С. 18.

редактирования и написания отдельных глав, посвящённых истории развития государства и права в Казахстане, были привлечены профессора Государственного юридического института, работающего ныне в Алма-Ата: товарищи Фукс, Юшков и др. Филологическую редакцию книги провели академик Мещанинов, член-корреспондент Академии наук Малов, директор Института истории, языка и литературы КазФАН товарищ Сауранбаев. В редактировании книги, помимо рабочей редакции в составе товарищей Вяткина, Кучкина и Тимофеева, принимал участие академик Греков, специально приезжавший для этой цели в Алма-Ату.

Написанная этим коллективом «История Казахской ССР» тщательно и всесторонне обсуждалась в течение двух месяцев на специальных редакционных совещаниях, организованных при отделе пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана. В результате этого обсуждения в книгу были внесены значительные изменения, исправления и дополнения. Книга выходит под общей редакцией двух товарищей секретаря ЦК КП(б) Казахстана по пропаганде Абдыкалыкова и Панкратовой. Общий объём её 42 печатных листа. Книга снабжена картами, схемами и иллюстрациями документального и художественного характера"[873].

К участию в написании «Истории Казахской ССР» были привлечены также видные казахские писатели и литературоведы – Муканов, Мусрепов, Ауэзов, Кенжебаев, Исмаилов и ряд других[874]. Из казахстанских ученых в работе над книгой принимали участие Е.Б. Бекмаханов, М. Абдыкалыков, А.Х. Маргулан. Из эвакуированных ученых крупным специалистом по истории Казахстана считался М.П. Вяткин[875].

Определенно эта книга писалась авторским коллективом в свете новых идеологических тенденций, направленных на беспристрастный анализ событий прошлой исторической эпохи и настоящего. Этот коллективный труд стал первой крупной работой, написанной в военное время. Необходимость в появлении такой

[873] Указ. соч. С. 19.

[874] Там же. С. 20.

[875] Шунаева С.М. Жизнь и научная деятельность профессора М.П. Вяткина (в связи с разработками проблем истории Казахстана): дис. … канд. ист. наук. Алматы, 2003. С. 20.

серьезной исторической работы во многом диктовалась самим характером Второй мировой войны, которую на территории СССР называли (и называют до сих пор) Великой Отечественной. Сам факт подготовки и издания этой работы подчеркивал уверенность правительства и академических ученых в победе СССР над Германией. Содержанием этого крупнейшего издания стали исторические события от древности до Октябрьской революции как новой вехи в становлении эпохи равенства и благоденствия проживающих в едином государстве многочисленных народов. Поэтому сам факт написания исторического издания свидетельствовал о признании общественным мнением факта формирования нового советского общества. В этом обществе царила идеология объединяющего патриотизма, основанного, прежде всего, на взаимоуважении и признании национальных прав и заслуг. Общественный долг ученых заключался в подготовке фундаментального труда, основанного на соблюдении исторической правды соблюдениии общественных, гражданских принципов. Так, соратник А.М. Панкратовой академик Н.М. Дружинин отмечал в своих воспоминаниях: «По нашему мнению, нужно было освещать героическое прошлое не только русского, но и казахского народа, среди которого мы жили и с которым дружно работали»[876].

Сама идея написания книги не вызывала возражений ученых, ориентированных на познание и переоценку малоисследованных проблем. В то же время выявились острые противоречия в содержательной части и научной направленности проекта, в реализации которого принимали участие 33 ученых. В основном они представляли московскую, ленинградскую и алма-атинскую академические школы. По мнению членов редколлегии, их коллективная работа являлась обобщением опыта русско-казахского взаимодействия в борьбе против царизма[877].

---

[876] Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны: статьи и очерки / отв. ред. академик А.М. Самсонов. М.: Наука, 1985. С. 25.

[877] Козыбаев И.М. Историческая наука Казахстана: 40–80-е гг. XX века. Алма-Ата: Казахский университет, 1992. С.83.

Учёные, несмотря на довольно сжатые сроки, над книгой работали основательно. В частности, Н.М. Дружинин отмечал, что в процессе исследования проводилась кропотливая работа по подбору и исследованию источников, конспектированию текстов с последующим обсуждением. Дополнительно велась окончательная обработка глав. К примеру, он готовил главу о колониальной политике царизма в Казахстане, а также о строительстве крепости Верный (затем – Алма-Ата)[878].

Безусловно, некоторые положения и умозаключения, сделанные авторами учебника, вызвали споры. Так, например, дискуссию ученых вызвала концепция М.П. Вяткина по вопросу формирования казахской народности и образования Казахского государства. Он был автором этих глав в первом и во втором издании «Истории Казахской ССР». Некоторые положения его теории вызвали научную полемику, в частности, его оппонент Е.А. Федоров акцентировал внимание на необходимости освещения развития производительных сил как одного из факторов формирования казахской народности[879]. М.П. Вяткин , в свою очередь, был не согласен с версией формирования казахской народности В.Ф. Шахматова. Некоторые противоречия возникли по дате образования Казахского ханства. В своих исследованиях Вяткин опирался на Мухаммеда Хайдара, произведения которого являются одними из признанных источников по истории народов Центральной Азии во 2-й половине XV в.

Необходимо отметить, что Вяткин сыграл значительную роль в создании коллективного исторического труда. Ему было поручено написать введение; главы учебника по истории казахского народа в прошлом и настоящем; по истории Казахстана периода монгольского завоевания и образования Золотой Орды; по формированию казахского государства и казахской народности, общественно-политического строя Казахского ханства в XVI–XVII вв.; о казахско-джунгарских войнах, истории ханства Аблая; по истории включения

---

[878] Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг./ В годы войны: статьи и очерки / отв. ред. академик А.М. Самсонов. М.: Наука, 1985. С. 26.

[879] Асылбеков М.Х. Указ. соч. С. 27.

Казахстана в состав России в 1-й половине XVIII в.; о восстании Срыма Датова. Таким образом, М.П. Вяткин отдал немало сил и энергии созданию этого учебника[880]. На совещании ведущих историков государства в мае 1944 г. в процессе обсуждения «Истории Казахской ССР» М.П. Вяткин по неизвестным причинам отсутствовал, но именно о нем говорили как о ведущем специалисте по истории Казахстана и об одном из основных авторов.

На совещании рассматривались различные моменты истории Казахстана и, прежде всего проблемы присоединения Казахстана к России. На этом совещании с участием Жданова и Маленкова уточнялись позиции авторского коллектива по ряду узловых моментов и рассматриваемых проблем. Авторы выступали против применения тезиса о так называемом «меньшем зле» к процессу колонизации Казахстана в царское время, противопоставляя насильственный характер завоеваний в Азии более «прогрессивному» методу ассимиляции, имеющему место на Украине и в Грузии. Свою принципиальную позицию А.М. Панкратова объясняла невозможностью опираться на противоположные тезисы, в частности, она утверждала, что, изображая «царских колонизаторов как носителей прогресса и свободы», невозможно «объяснить Великую Октябрьскую революцию как освободительницу народов нашей страны».

Действительно, учебник по истории Казахстана представлял собой масштабный труд, в котором с научных позиций освещались основные этапы истории казахского народа. В работе большое внимание уделено периоду XVIII – начала XX в., вплоть до Октябрьской революции. Авторский коллектив подробно осветил все аспекты царской колониальной политики в регионе. В работе дан подробный анализ национально-освободительной борьбы, в которой участвовали представители всех сословий. Авторы разделов показали причины, динамику, значение и идеологию этих восстаний. особенно острые дискуссии развернулись по некоторым моментам национально-освободительного движения, в частности по оценке восстания Кенесары Касымова и др.

[880] Шунаева С.М. Указ. соч. С. 25.

Представители казахстанской группы писатель Г. Мусрепов, Е. Исмаилов, Х. Айдарова, М. Маргулан и московские ученые М.У. Шац, С.Л. Фукс, С.В. Юшкова раскритиковали освещение истории национально-освободительного движения казахов в дореволюционный период. По мнению Г. Мусрепова, ряду узловых моментов национально-освободительных движений было уделено недостаточно внимания, а восстание 1916 г., с его точки зрения, рассматривалось как стихийное крестьянское движение, не имеющее конечной цели.

Много замечаний было высказано по главам о движениях Кенесары Касымова и Срыма Датова. Позже Н.М. Дружинин вспоминал: «Местные историки – не только казахи, но и русские, находили, что национально-освободительное движение против колониального гнёта показано недостаточно; с этой точки зрения наибольшие возражения вызвала глава о движении Кенесары Касымова. Разногласия были настолько значительными, что для улаживания вспыхнувших споров был приглашён из Ташкента директор Института истории Академии наук СССР академик Б.Д. Греков. Автор главы о восстании Кенесары уклонился от переработки текста, и освещение этой темы было поручено Е.Б. Бекмаханову, занимавшему среднюю позицию между спорившими сторонами»[881].

Автор главы о движении Кенесары Касымова М.П. Вяткин изложил собственные доводы в пользу своей версии. Таким образом, с целью преодоления противоречий именно Е. Бекмаханову поручалось переработать эту главу. Впоследствии концепция Е. Бекмаханова получила поддержку большинства авторов и одобрение руководящих органов. В дальнейшем в процессе редактирования эта глава вошла в утвержденный текст книги[882].

Позже Е. Бекманов расширил данный материал и оформил в кандидатскую диссертацию, которую защитил в Москве в 1943 г. Через три года, в октябре 1946 г., учёный защитил первую в Казахстане докторскую диссертацию на тему «Казахстан в 20–40-е годы XIX века», посвященную национально-освободительному движению под руководством Кенесары Касымова. Данная

[881] Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 28.

[882] Шунаева С.М. Указ. соч. С. 34.

диссертация стоила молодому талантливому учёному свободы[883]. Хотя защита диссертации прошла успешно, подтверждение искомого звания доктора исторических наук Е. Бекмаханов получил только через два года, так как его обвиняли в идеализации хана Кенесары, поскольку, по мнению оппонентов, возглавлемое им восстание носило не национально-освободительный, а феодально-монархический характер. Е. Бекмаханов также был обвинён в плагиате – якобы он списал свой научный труд у российского учёного Рязанова. В 1947 г. по докторской диссертации Е. Бекмахановым была опубликована монография. Учёную степень доктора наук Е. Бекмаханову всё же присвоили – в этом немаловажную роль сыграли не только его сила воли, закалённая в борьбе против необоснованных нападок критиков от науки, но и помощь первого Президента Академии Казахстан академика К.И. Сатпаева, человека энциклопедических знаний, по-настоящему радевшего за молодых талантливых учёных Казахстана.

Е. Бекмаханов прекрасно понимал, что "врагом народа" объявляют за то, что он не мог вычеркнуть из истории Казахстана столь значимое событие, как восстание Кенесары Касымова, и утверждать, что история Казахстана началась с Великого Октября[884]. После долгих необоснованных обвинений и гонений Е. Бекмаханова приговорили к 25 годам лишения свободы и сослали в Бодайбо Иркутской области. Приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда КазССР от 4 декабря 1952 г. гласил: «25-летнее заключение в исправительно-трудовом лагере с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет и с конфискацией личного имущества, – приговор окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежит»[885].

Как позднее писал Е. Бекмаханов: «Весь следственный материал – от начала до конца состоит из обвинения меня в буржуазно-националистическом освещении движения Кенесары Касымова. Обвинение меня в контрреволюционной

---

[883] Юлдашев С. А у него ещё были грандиозные планы… // Труд-Казахстан. 2004, 18 сент. С. 4.

[884] Дискуссия по книге Бекмаханова Е. «Казахстан в 20–40 годы XIX века. Стенограмма. 14–19 июля 1948 г. Алматы: 2000. 1987 с.

[885] Козыбаев И.М. Историческая наука Казахстана: 40–80-е гг. XX в. Алма-Ата: Казахский университет, 1992. С. 106.

антисоветской агитации на суде отпало и все показания моих свидетелей свелись лишь к тому, что в беседе с ними якобы я утверждал, что движение Кенесары было массовым, освободительным. На предварительном следствии и на суде я признал свою ошибку националистического характера в оценке реакционного феодально-монархического движения К. Касымова. Но, однако, заявляю, я никогда не считал и не считаю себя врагом народа и националистом… Наши споры о движении К. Касымова я расценивал как научные споры, дискуссии по вопросам истории Казахстана. Я никогда не предполагал, что впоследствии этот вопрос на страницах газет будет раздут до крайности. В каких только грехах не обвиняли и как мои критики раздували второстепенные случайные факты, внося много лишнего и непринципиального в обсуждение данного вопроса»[886].

Е. Бекмаханова связывали тесные дружеские, точнее, даже сыновние отношения с академиком А.М. Панкратовой, которая практически всегда поддерживала молодого учёного – и не только в науке, но и чисто по-человечески. Его супруга вспоминала: «В лагерях Ермухан находился полтора года. Когда наступила хрущёвская оттепель, его отпустили одним из первых… Когда Ермухан приехал в Узбекистан, я его не узнала – передо мной стоял не узник ГУЛАГа, а картинный щеголь! Оказывается, Анна Михайловна Панкратова (в Москве он ей первой нанёс визит), увидев его в телогрейке, сказала: «Чтобы ваши недруги не подумали, что вы пали духом… вы должны появиться одетым, как денди». Она дала ему денег на ратиновое пальто, а переводчик «Войны и мира» Мухтар Жангарин подарил ему модный костюм»[887].

Немало дискуссий было проведено по проблеме образования Казахского ханства и его дальнейшей истории. Особенно большие споры вызывало освещение деятельности казахских лидеров Срыма, Абылая, Кенесары, в частности, отмечалось желание авторов показать вышеназванных политиков в положительном свете. Члены авторского коллектива в процессе обсуждения дискутировали по вопросам периодизации. Так, ученые-правоведы выражали своё

[886] Там же. С. 106.

[887] Юлдашев С. Указ. соч. С. 4.

несогласие с изложением истории государства и права. Например, С. Фукс акцентировал внимание на игнорировании авторами проблем истории государства и права в период независимости. Он подверг критике анализ авторами законов хана Тауке, подчеркивая, что законодательная деятельность Тауке есть фундаментальная причина централизации государственного аппарата. Ученые обращали внимание на стилистику изложения. Подобное изложение материала, по мнению ряда из них, могло сделать вместо планируемого учебника сборник статей. Таким образом, книга неоднократно подвергалась переработке. По справедливому замечанию одного из редакторов, большой объем работы возлагался на некоторых ученых, в частности Тимофеева, Вяткина, Кучкина[888].

К лету 1942 г. рабочая группа завершила первоначальный вариант «Истории Казахской ССР». В его обсуждении принимали участие А.М. Панкратова и директор Института истории Б.Д. Греков[889].

Через некоторое время авторский коллектив во главе с А.М. Панкратовой провел окончательную редакцию. Характерно, что в редактировании книги непосредственное участие принимал секретарь ЦК КП(б) Казахстана по идеологии М. Абдыкалыков, которого включили в авторский коллектив. В процессе обсуждения некоторые авторы книги, в частности А.П. Кучкин и Н.Т. Тимофеев, высказались за то, чтобы в списке авторов были имена только ответственных редакторов. А.М. Панкратова выступила против этой инициативы и предложила перечислить фамилии всех авторов и редакторов, принимавших участие в написании учебника[890].

Через год московская группа историков по завершении проекта вернулась в Москву. Необходимо отметить, что республиканские власти по достоинству оценили проделанную москвичами работу. В воспоминаниях Н.М. Дружинина отмечено, что «в знак благодарности все ученые награждались благодарственными грамотами республиканского правительства»[891].

---

[888] Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 58.

[889] Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 30.

[890] Письма Анны Михайловны Панкратовой... С. 62.

[891] Дружинин Н.М. Указ. соч. С. 30.

По представлению республиканского руководства А.М. Панкратова получила звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР». В тот период признавалось, что именно разработка А.М. Панкратовой и ее коллег представляла собой первый опыт написания истории отдельной республики.

Таким образом, работа над масштабным проектом была проведена в краткие сроки. Значительную роль в подготовке академического издания сыграли такие выдающиеся ученые, как М.П. Вяткин, Н.М. Дружинин и многие другие. Характерно, что в работе активное участие принимали местные национальные кадры, методологические установки и мировоззрение которых формировались под влиянием их коллег и товарищей из московских, ленинградских учебных и научных центров. Впоследствии во многом под влиянием представителей центральных научных школ казахская молодёжь продолжила обучение в Москве, Воронеже, Ташкенте, Алма-Ате и других городах Советского Союза, что послужило основой для формирования новых поколений казахстанских историков[892].

На протяжении длительного времени А.М. Панкратова поддерживала творческие связи с казахстанскими учеными. Например, в 30-е гг. она консультировала одного из ярких представителей казахской интеллигенции С. Асфендиярова, в военный период являлась непосредственным руководителем казахстанских ученых А. Турсунбаева, С.Н. Покровского, Е.Б. Бекмаханова. А.М. Панкратова и после реэвакуации сохраняла научные связи с Институтом истории, археологи и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. В сущности, лично Панкратова сделала достаточно много для подготовки высококвалифицированных республиканских кадров. Именно Панкратова внесла значительный вклад в формирование научного потенциала таких ведущих казахстанских ученых, как А.Н. Нусупбеков и Г.Ф. Дахшлейгер[893].

---

[892] Асылбеков М.Х. Указ. соч. С. 29.

[893] Асылбек М.-А.Х. Судьба и научное наследие казахского историка (к столетию Бегежана Сулейменова) // Отечесвенная история. 2012. № 4. С. 80.

В 1943 г. «История Казахской ССР» представлялась на номинирование на Сталинскую премию. Созданный авторским коллективом труд являлся первым научным изданием, полно и всесторонне освещавшим историю национальной республики. Примечательно, что эта работа началась после призыва журнала «Пропагандист» в 1942 г. дать описание национальных боевых традиций. Этот труд представлял собой новый взгляд на историю Средней Азии[894].

А.И. Яковлеву поручалось написать рецензию на "Историю Казахской ССР", которая выдвигалась на номинацию. Яковлев в целом дал благожелательную оценку. Тем не менее он высказал ряд принципиальных соображений, в которых выразил свое несогласие по ряду изложенных в работе положений. Например, он не поддерживал точку зрения авторов, по его мнению, не проводивших четкой дифференциации между царской колониальной политикой и агрессивными планами кокандцев и хивинцев. По представлению рецензента, имперская экспансия обусловливалась причинами оборонительного характера, что придавало ей форму законности и обоснованности ее осуществления. В его интерпретации царская политика в определенной мере являлась «прогрессивной». Он критически оценивал особую роль казахского сопротивления имперскому режиму, на исторической роли которой акцентировали свое внимание авторы. А.И. Яковлев в резюмирующей части рецензии высказал свое предположение о том, что авторам не хватает благожелательности в оценке внутренней имперской политики и в целом самого русского народа[895].

---

[894] Бранденбергер Д.Л. «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: споры в сталинских идеологических кругах, 1931–1945 гг. (статья переработана из главы монографии: Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956): дополненное издание с авторизованным переводом Н. Алёшиной и Л. Высоцкого. СПб.: Академический проект/ ДНК, 2009) // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН, 2011. С. 345.

[895] Бранденбергер Д.Л. Указ. работа. С. 359.

Рецензировали книгу А.И. Яковлев, А.В. Ефимов, С.К. Бушуев и ряд других учёных. По мнению казахстанского ученого М. Асылбекова[896], необоснованной критике подверглась 15-я глава «Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова (1837–1847 гг.)», автором которой являлся Е. Бекмаханов. Рецензенты подвергли жёсткой критике его негативную оценку колониальной политики Российской империи. В их интерпретации царская политика исследуемого периода носила оборонительный и прогрессивный характер. В сущности, рецензенты осуждали практику позитивного освещения национально-освободительной борьбы казахов против царизма. Характерно, что впоследствии Е. Бекмаханов неоднократно подвергался жёсткой критике со стороны ряда ученых.

А. Лихолат в своей рецензии утверждал, что марксистское освещение истории казахского народа авторами «Истории Казахской ССР» в редакции 1943 г. оказалось неудачным, ученые извратили основные моменты истории казахов, применяя «вредные методологические установки»[897]. По мнению Лихолата, статья Е. Бекмаханова «О состоянии и задачах исторической науки в Казахстане за 1947 год» имела много серьезных ошибок, как, например, искажение истории Казахстана в XVIII–XIX вв. и т.д. В своей статье А. Лихолат подверг критике также работы М.П. Вяткина и ряда других ученых, занимавшихся исследованием истории Казахстана. Таким образом, критика, а впоследствии необоснованные преследования казахстанских историков по идеологическим мотивам продолжались на протяжении 40-х гг. Очевидно, что в условиях длительного прессинга определенная часть казахстанских исторических трудов так и не вышла в свет.

---

[896] Асылбеков М.Х. Вклад академика А.М. Панкратовой в историческую науку Казахстана (доклад на научной конференции, посвящённой 115-летию со дня рождения академика А.М. Панкратовой, состоявшейся 16 февраля 2012 г. в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова и Центральной научной библиотеке НАН РК) // Отан тарихы. 2012. № 1 (57). С. 32.

[897] Лихолат А. Путанная статья о задачах исторической науки в Казахстане // Культура и жизнь. 1947. № 35. 20 дек.

Вероятнее всего, рецензия А.И. Яковлева могла сыграть роковую роль в номинации книги на Сталинскую премию. Не согласные с рецензией Яковлева по принципиальным позициям А.М. Панкратова и ее коллеги в конце 1943 г. направили протестное письмо руководителю исторической секции Комитета по Сталинским премиям В.П. Потемкину[898].

Авторы письма настаивали на патриотической направленности академического издания. В письме говорилось о том, что эта книга по истории Казахстана является коллективным вкладом в дело мобилизации всех ресурсов на защиту единой Родины, так как ее содержательная часть направлена на подъем боевого духа граждан республики. В качестве весомого аргумента подкрепления собственных позиций Панкратова апеллировала к трудам Ленина, Сталина, «Замечаниям» 1934 г. и другим партийным документам, во многом определявшим официальный курс исторической науки. Авторы подчеркивали необоснованность критики А.И. Яковлева по ряду фундаментальных позиций. Панкратова убежденно говорила о неправоте Яковлева, определявшего имперскую экспансию в регионе как прогрессивную и оборонительную. По мнению Панкратовой, Яковлев проявил некорректность, проводя исторические аналогии между политикой прогрессивного собирания русских земель периода правления князей Ивана Калиты, Ивана III и Ивана IV и расширением территориальных границ в XVII–XIX вв. В качестве иллюстрации позиции Яковлева она привела одно из его высказываний по этому поводу: «Русские цари по неизбежному ходу истории проводили общерусские тенденции и поддерживали безопасность русских границ и русского населения». По ее убеждению, изложенная Яковлевым столь апологетическая трактовка царской политики полностью не соответствовала данной Лениным негативной оценке колониализма как экономической системы[899]. С современной точки зрения это совершенно разные проблемы.

Характерно, что со 2-й половины 30-х гг. в советской исторической науке начали складываться новые тенденции в оценке деятельности российских

---

[898] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 346.

[899] Бранденбергер Д.Л. Указ. работа. С. 346.

монархов и полководцев. В частности, с 1937 г. в советской науке и общественном сознании постепенно формировался положительный образ Петра I, Александра Невского и ряда других харизматичных лидеров прошлой эпохи. В этом не было ничего предосудительного, ибо любой народ имеет право на осознание своего прошлого и гордости за деяния своих предков. Фактически же в советской истории проводилась односторонняя политика восхваления достоинств славянских национальных героев. Очевидно, подобная тенденция вызвала нарастание патриотических чувств в среде национальной интеллигенции в республиках, заинтересованной в возрождении истории собственного народа, возращении имен героев ушедших эпох.

Однако после массовых репрессий 1930-х гг., фактически уничтоживших старую интеллигенцию в республиках, идея восстановления памяти о национальных героях не проводилась, так как считалась антисоветской.

В годы Великой Отечественной войны советские идеологи обратили внимание на возрождение национально-патриотических чувств во многом под влиянием трагических событий первых месяцев войны. После знаменитой речи на параде в Москве Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина 7 ноября 1941 г., который обратился с призывом к советским гражданам и армии с такими словами: «Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественные образы наших великих предков, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов»[900]. С этого периода в армии вводятся ордена в честь Александра Суворова, Александра Невского, Михаила Кутузова, Богдана Хмельницкого. Итак, на личностном уровне каждый советский гражданин, испытывающий патриотические чувства, обязан был гордиться именами полководцев приумножавших славу своей Родины.

По мнению казахстанского учёного М.Х. Асылбекова, русский народ получил право гордиться своими героями, в отличие от других народов, национальные герои которых считались антинародными. Таким образом стиралась грань между Российской империей и Советским Союзом, который в

[900] Сталин И.В. Речь на параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве // Правда, 1941, 8 нояб.

административно-территориальных границах фактически напоминал Российскую империю. Появились позитивные статьи о царских генералах А.П. Ермолове, М.Д. Скобелеве.

С.К. Бушуев выступил с идеей отхода от «национального нигилизма» и переоценки таких личностей, как генерал А.А. Аракчеев, политический и общественный деятель М.Н. Катков, К.П. Победоносцев[901]. Подход к истории с объективных позиций требовал критического анализа деятельности всех известных персонажей и их роли в формировании и развитии Российской империи. Собственно, подобное направление не вызывало каких-либо нареканий и критики со стороны представителей советской исторической школы. Но именно в этот период часть советских ученых, таких как Бушуев и Яковлев, перешли на путь возвеличивания истории русского народа перед другими.

А.И. Яковлев писал следующее: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве – что существенно с этой точки зрения для успехов русского народа, для его развития, для понимания перенесенных им страданий и для характеристики его общего пути… Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника. Совмещать с этим ее интерес к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным. …Известная общая идея: мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях. И радоваться, что киргизы вырезали русских в свое время, или, что Шамиль сумел противостоять Николаю I, мне кажется, неудобно в учебнике»[902].

В своих письмах руководству страны А.М. Панкратова актуализировала значение антиколониальных восстаний в регионе. Она характеризовала восстания

---

[901] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 342.

[902] Там же. С. 343.

как участие широких народных масс в борьбе против царской администрации и влиятельных местных элит, акцентируя внимание на неотделимости народного сознания от классового. А.М. Панкратова критически отнеслась к утверждению Яковлева о якобы провозглашаемой в книге позиции межнационального стравливания казахов и русских. Она высказала мысль о невнимательном прочтении Яковлевым исторического сюжета взаимопомощи русских и казахов в период восстания Пугачева и национальных движений в регионе. Панкратова подчеркивала, что рецензия Яковлева противоречит официальному внутриполитическому курсу в государстве, «ибо она наносит удар дружбе народов, лишает… народы СССР их боевых традиций и героев и даже их права на свою историю»[903].

Возможно, ответственные люди и читали письмо Панкратовой и её коллег, однако они не предприняли никаких шагов, чтобы вернуть книгу в список номинантов на получение Сталинской премии. Огорчённая таким решением, А.М. Панкратова в начале 1944 г. обратилась в Агитпроп к Г.Ф. Александрову и Федосееву с просьбой о повторном рецензировании книги. Отказ Александрова прозвучал следующим образом: «1) Книга антирусская, т.к. симпатии авторов на стороне восставших против царизма; 2) книга написана без учёта того, что Казахстан стоял вне истории и что Россия поставила его в ряд исторических народов»[904].

Возмущенная позицией Г.Ф. Александрова, А.М. Панкратова обратилась к А.А. Жданову. Основываясь на документальных источниках и материалах, она доказывала руководству Агитпропа и некоторым ведущим ученым правомочность представленных в работе выводов и умозаключений

А.М. Панкратова критически восприняла тезис отрицания положительного образа нерусских бунтовщиков только на том основании, что они противостояли царскому колониальному режиму. «В нашей книге, – утверждала Панкратова, – мы боремся против какой бы то ни было идеализации или оправдания

[903] Письма Анны Михайловны Панкратовой. С. 69.

[904] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 347.

колониальной политики русского царизма в Казахстане. Мы показываем, что колонизация Казахстана сопровождалась ростом самой жестокой эксплоатации и самого беспощадного угнетения казахского народа царскими колонизаторами… Царизм создал для Казахстана, как и для других колоний, военно-оккупационный режим, экспроприировал миллионы десятин земли, намеренно культивировал патриархально-феодальный гнёт, сохранял отсталые патриархально-феодальные отношения и тем самым тормозил складывание казахского народа в нацию. С той же целью были ликвидированы остатки государственности и политической самостоятельности казахского народа и были жестоко подавлены все его национально-освободительные движения…»[905].

Панкратова настаивала на том, что книги, подобные «Истории Казахской ССР», способны объяснить реальную сущность царского колониализма и боевых традиций нерусских народов и в то же самое время они способствуют «дружбе народов, уважению и любви к великому русскому народу». А.М. Панкратова обращалась к А.А. Жданову с просьбой изменить решение Г.Ф. Александрова. Нежелание руководства страны представить книгу на номинирование, по ее мнению, возможно, «вызовет глубокую обиду руководителей Казахской республики»[906].

Спустя несколько дней она вновь ходатайствовала перед государственными структурами. Важный аргумент ее обращения заключался в фактах, «касающихся пропаганды боевых и героических традиций народов СССР среди национальных частей Красной армии». В начале 1944 г. Г.Ф. Александров и руководство Агитпропа, в противовес мнению А.М. Панкратовой, пытались сохранить сложившийся официальный курс исторической науки. Было проведено несколько конференций, где обсуждались узловые вопросы и принимались определённые решения, которые публиковались в идеологическом журнале «Под знаменем марксизма»[907].

---

[905] Панкратова А.М. Указ. соч. С. 24.

[906] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 347.

[907] Там же. С. 345.

Планировалась широкая дискуссия по книге «История Казахской ССР» и выдвинутому тезису академика Е.В. Тарле о прогрессивном значении территориального расширения, вызвавшему бурные дискуссии. Е.В. Тарле фактически оправдывал экспансионистскую политику царской России, расширившей свои границы путем захвата новых территорий. Характерно, что в 20-е гг. ряд радикальных лидеров советского государства выдвигал лозунг экспорта пролетарской революции за пределы России, что в конечном итоге привело к поражению советских войск под Варшавой и разгрому коммунистического режима в Германии.

К 1944 г. явно обозначилась тенденция перехода советских войск на территории оккупированной немецкими войсками Восточной Европы. Провести аналогию между событиями начала 20-х гг. и периода 40-х гг. весьма сложно, так как в годы Второй мировой войны советский народ защищал свои территориальные границы и вместе с прогрессивным человечеством был заинтересован в уничтожении фашизма, что являлось реальным оправданием участия советских войск на широком театре военных действий в Восточной Европе.

Тезис Е.В. Тарле был ориентирован на признание тех лидеров, которые способствовали получению Российской империей статуса великой державы. Однако в советской стране официально отвергался принцип великодержавного шовинизма, что во многом определило победу в борьбе с фашизмом. Следует отметить, что тезис Е.В. Тарле о правопреемственности Советского Союза и Российской империи во многом определялся сложившейся фактической ситуацией. На совещании Агитпропа следовало подробно рассмотреть соответствующий тезис и принять конкретные меры[908].

А.М. Панкратова считала себя представительницей школы М.Н. Покровского, который являлся одним из основателей советской исторической науки, формировавшейся под влиянием марксизма. Покровский и его сторонники традиционно характеризовались как критики царской

[908] Бранденбергер Д.Л. Указ. работа. С. 350.

колониальной политики. Научное мировоззрение А.М. Панкратовой во многом формировалось под влиянием взглядов её учителя. Характерно, что уже в январе 1937 г. после постановления ЦК ВКП(б) СНК СССР развернулась острая дискуссия по поводу наличия антимарксистских, антиленинских взглядов в исторической науке. Необходимо отметить, что А.М. Панкратова, М.П. Вяткин, Н.М. Дружинин, по мнению казахского ученого М.Х. Асылбекова, относились к интернационалистскому направлению советской науки. Именно издание книги «История Казахской ССР» вызвало острые противоречия между Панкратовой, Вяткиным и Дружининым, с одной стороны, и Яковлевым, Ефимовым, Бушуевым – с другой. Преследованиям подверглись ученые, опубликовавшие исследования о национальных героях Едыге, Шамиле и др.[909]

Руководитель Агитпропа ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров считал, что «История Казахской ССР» – это «труд антирусский и в нём не учитывается, что Казахстан стоял вне истории и только Россия поставила его в ряд исторических народов»[910].Г.Ф. Александров также выступил против издания «Идегея», средневекового татарского эпоса, заявив, что в нём выражены «чуждые татарскому народу националистические идеи. Крупнейший феодал Золотой Орды, враг русского народа изображается как национальный герой». Сравнивая Идегея с известными ханами Мамаем и Тохтамышем, Г.Ф. Александров возмущался: этот татарский «герой» «стремился восстановить былое могущество Золотой Орды набегами на русскую землю». Руководитель Агитпропа называл «Идегея» непродуктивным вкладом в мобилизацию всех сил на оборону страны и считал, что его вообще не следовало публиковать. Большое число других республиканских и областных парторганизаций также подверглось критике за подобные издания в первые послевоенные годы[911].

Критикуя «Историю Казахской ССР» и «Очерки по истории Башкирии», а также некоторые другие недавно вышедшие учебники Панкратовой, Бахрушина и

---

[909] Там же. С. 351.

[910] Асылбек М.-А.Х. Указ. соч. С. 79.

[911] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 350.

Нечкиной, Г.Ф. Александров писал, что эти книги являются не только непатриотичными, но в них налицо все предательские признаки идеологической ереси, где описываются героизм ханов и полководцев Золотой Орды, а также герои антиколониальных войн против Российской империи.

«В советской исторической литературе сильно сказывается ещё влияние школы Покровского, – писал Г.Ф. Александров и с сожалением отмечал, – В учебниках СССР и других работах по истории весьма слабо освещены важнейшие моменты героического прошлого нашего народа, жизнь и деятельность выдающихся русских полководцев, учёных, государственных деятелей»[912].

Против того, что надо было изучать героическое прошлое России и пропагандировать его, – никто не возражал, наоборот, после исторической речи Сталина на военном параде 7 ноября 1941 г. герои России прошлых эпох были признаны официально.

По утверждению критиков, влияние школы Покровского находит выражение также в том, что присоединение к России нерусских народов трактуется историками, вне зависимости от конкретных исторических условий, в которых оно происходило, как абсолютное зло, а взаимоотношения русского народа и других народов России рассматриваются исключительно в аспекте колонизаторской политики царизма. В «Истории Казахской ССР» и «Очерках по истории Башкирии» история Казахстана и Башкирии сведена главным образом к истории восстаний казахов и башкир против России.

Развернувшиеся дискуссии свидетельствуют о значительной напряжённости, царившей в советских идеологических кругах в марте – апреле 1944 г. Майское письмо Панкратовой Сталину, Жданову, Маленкову и Щербакову имело эффект разорвавшейся бомбы. Г.Ф. Александров не замедлил ответить градом носящих скорее личный характер упрёков, написав совместно с сотрудниками Агитпропа П.Н. Федосеевым и П.Н. Поспеловым очередную докладную записку «О серьёзных недостатках и антиленинских ошибках в трудах некоторых советских историков». Этот резкий критический выпад, повторяющий

[912] Там же. С. 349.

предыдущие обвинения, был нацелен не только на Панкратову и её «непатриотичных» коллег, но и на Яковлева, Тарле и Аджемяна, которые якобы отошли от марксистского исторического материализма, продвигали так называемые реставраторские взгляды[913].

Если раньше Г.Ф. Александров был склонен принимать сторону последних в ущерб Панкратовой, то к маю 1944 г. его позиция изменилась. Однако потеря Александровым контроля над историками не осталась незамеченной. ЦК предпринял шаги по созыву собственного совещания историков в начале лета 1944 г. Член Политбюро ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков в своей вступительной речи заявил: «За последнее время в ЦК обращаются историки СССР с различными вопросами, из которых видно, что у ряда наших историков нет ясности по некоторым принципиальным вопросам отечественной истории, а по ряду вопросов имеются существенные разногласия. ЦК ВКП(б) решил собрать настоящее совещание историков с тем, чтобы посоветоваться по вопросам, которые волнуют теперь историков»[914].

Г.М. Маленков призвал присутствующих специалистов особенно тщательно рассмотреть порядка 15 вопросов, касающихся тезиса «жандарм Европы», характера царского империализма и колониальной практики, применимости теории «меньшего зла», неослабевающего влияния школы Покровского и роли выдающихся личностей в истории (Иван Грозный, Пётр I, Ушаков, Нахимов и др.). Кроме того, необходимо было обсудить проблему политического сознания крестьянских бунтовщиков (Болотников, Пугачёв и др.), а также то, насколько благотворно сказалось самодержавие Романовых на русском народе в исторической перспективе.

Несмотря на столь амбициозную программу, итоги совещания оказались неубедительными. Хотя первый секретарь Московского обкома партии, заведующий отделом ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков постоянно председательствовал на заседаниях, а Маленков и Андреев периодически присутствовали, их

---

[913] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 350.

[914] Там же.

замечания были краткими и невыразительными. Безуспешности мероприятия способствовали и ожесточённые споры среди самих историков не только во время заседаний, но и в кулуарах, а также в письменных обращениях к Щербакову и Сталину. После того как совещание, в рамках которого состоялось пять заседаний, закрылось в начале июля, его участники посчитали, что ЦК в скором времени выпустит заявление о положении дел в исторической науке. Г.Ф. Александрову поручили написать от имени Политбюро постановление, которое положило бы конец идеологическому расколу[915].

Документ, подготовленный Г.Ф. Александровым, по сути повторял предвзятые тезисы, сделанные им в начале весны. А.С. Щербаков отверг его вариант постановления. Затем ответственным был назначен А.А. Жданов, который до недавнего времени находился в осаждённом Ленинграде и не присутствовал ни на одном заседании. В течение следующих месяцев Жданов писал и переписывал различные положения, постоянно консультируясь со Сталиным, изучая стенограмму совещания и письменные рекомендации Александрова и Панкратовой. В особенности он возражал против объединения русского прошлого и советского настоящего, против стирания различий между ними. Тем не менее работа над документом застопорилась после нескольких редакций, и официальное заявление, фиксирующее партийную идеологию, так и не увидело свет.

Хотя первые жалобы А.М. Панкратовой в начале года не оказали ощутимого воздействия на положение дел в исторической науке, её письмо в середине мая, наконец, привлекло внимание партийных руководителей. Панкратова адресовала письма Сталину, Жданову, Маленкову, Щербакову. В письмах, общим объемом до 20 машинописных страниц, Панкратова указывала на слабое руководство Агитпропа в исторической науке при возросшем интересе общественности к собственной истории. По её мнению, историки запутались в антимарксистских утверждениях, а представители творческой интеллигенции искали другие пути в освещении исторического прошлого. В частности, А.Н.

[915] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 350.

Толстой и С.М. Эйзенштейн акцентировали свое внимание на периоде правления Ивана Грозного, другие – на создании образов Александра I и А.А. Брусилова.

Панкратову обескураживала расплывчатость официального курса в исторической науке. Она предложила ЦК провести совещание для обсуждения положения дел в исторической науке в целом, и ситуации вокруг «Истории Казахской ССР» в частности.

Г.Ф. Александров как руководитель Агитпропа также хотел внести ясность в состояние исторической науки. После неудачной попытки организации совещания Агитпропа Александров в марте – апреле 1944 г. внес собственные дополнения в некоторые внутренние докладные записки[916]. Его анализ состояния исторической науки основывался на критике А.И. Яковлева, армянского писателя Х.Г. Аджемяна, с одной стороны, и негативном оценивании ученых, подобных Панкратовой, – с другой.

Как отмечала А.М. Панкратова, «незнание истории Казахстана» сквозило в выступлении А.И. Яковлева: «Что касается вопроса о злополучном Казахстане, то я как русский патриот не могу согласиться с тем, что Амангельды Иманова изображают героем, хотя он поднимал восстание против русского народа, как нож в спину в тот самый опасный момент, когда Брусилов совершал свой героический брусиловский прорыв и спасал нашу родину, стоявшую на волосок от гибели! Может быть Амангельды хорош с точки зрения Алаш-Орды, как её герой, но не с русской точки зрения». С мест ему при этом крикнули: «Но Амангельды – большевик, а не алашордынец. Алашордынцы его убили!» Яковлев невозмутимо продолжал в том же духе. Впрочем, возможно, он даже не знал этого факта, так как сам мне говорил, что «Историю Казахской ССР» он читал только до Октябрьской революции. Очевидно, он и вообще не считает послеоктябрьский период «историей», а только политикой или публицистикой"[917].

---

[916] Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 349.

[917] Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 68.

Через некоторое время на совещании по вопросам истории СССР и ЦК ВКП(б) 10 июня 1944 г. этот вопрос вновь был затронут А.И. Яковлевым[918]. Во время совещания А.М. Панкратова высказала свое несогласие с мнением Яковлева. По ее воспоминаниям, она попыталась обратить внимание Яковлева на личность героя-большевика Амангельды Иманова, возглавившего восстание казахов в 1916 г. В 1938 г. о легендарном батыре был снят фильм. Конечно же, данный фильм создан по «партийному заказу», чтобы показать лидеров восстания против царизма, выходцев из народа[919].

Авторов учебника обвиняли в том, что книга написана в отрыве от всемирной истории. В ней присутствуют элементы идеализации истории Казахстана, а создатели книги смотрят на исторические события сквозь «казахские очки». К.С. Бушуев прямо заявил, что «История Казахской ССР» – книга антирусская, так как идеализирует национальные восстания против России. А.В. Ефимов выдвинул обвинение, что в книге А.М. Панкратовой казахи представлены избранным народом.

На этом совещании были высказаны и положительные оценки «Истории Казахской ССР», но они уже не изменили общей картины. Резкая критика «Истории», звучавшая в ходе совещания в присутствии высокопоставленных лиц ЦК и правительства А.А. Жданова, Г.М. Маленкова, А.С. Щербакова, которые выступали проводниками указаний Сталина во всех сферах общественной жизни, в том числе и духовной, имела далеко идущие последствия.

Как отмечал видный специалист по истории Казахстана советского периода профессор К. Нурпеис, в «Критических замечаниях на «Историю Казахской ССР», высказанных в ходе обсуждения на совещании историков, и специально организованных письменных отзывах на коллективный труд нашли преломление идеологические деформации времён расцвета тоталитарного режима и

---

[918] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопр. истории. 1996. № 4. С. 82.

[919] Мажитов С. Историческая наука Казахстана: современное состояние и тенденции развития. Алматы: Ассоциация издателей и книгораспространителей Казахстана, 2013. С. 185.

обусловленное ими ложное истолкование патриотизма, усилившегося в условиях борьбы советских людей с фашизмом»[920].

В ходе оголтелой критики, тон которой был задан на совещании ЦК ВКП(б), вышли и другие рецензии и отзывы на эту книгу. Особенно это касалось глав и разделов по истории национальных движений. Очернительную кампанию против «Истории Казахской ССР» продолжила рецензия М. Морозова «Об “Истории Казахской ССР”», опубликованная в «Большевике», главном печатном органе партии, в 1945 г.[921]

Вначале рецензент отметил положительные моменты «Истории Казахской ССР»: «Рецензируемая книга не могла не привлечь к себе внимания широких кругов нашей общественности. Создание труда по истории казахского народа предпринимается впервые. Рецензируемая книга являтся также первой попыткой систематического марксистского освещения истории одного из народов Советского Востока. Это определило её исключительный научный интерес и налагало особую ответственность на авторский коллектив и редакторов. Авторы немало поработали над источниками, собрали большой, не изученный ранее документальный материал, сделали попытку систематизировать фактические данные по истории Казахстана с древнейших времён до наших дней... Положительным фактом является исследование национально-освободительных движений в Казахстане; в книге приводится большой материал по этому вопросу... Хорошо, доходчивым, популярным языком написан раздел книги, посвящённый советскому периоду истории Казахстана... Книга рассказывает о богатом народном творчестве казахов, о лучших писателях, поэтах и учёных Казахстана, вскрывает их исторические связи с передовой русской и украинской культурой, показывает расцвет культуры казахского народа за годы советской власти»[922].

---

[920] Нурпеис К. Дискуссия по книге Бекмаханова Е.Б. «Казахстан в 20–40-е годы XIX века»: Стенограмма 14–19 июля 1948 года. Алматы, 2000. С. 77.

[921] Морозов М. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик. 1945. № 1–12. С. 74–80.

[922] Морозов М. Указ. соч. С. 74.

Но затем М. Морозов подвергает яростной критике содержание учебника, отметив, что при всех положительных моментах рецензируемой работы составители её всё же не дали марксистского освещения истории казахского народа в целом, допустили ошибки в изложении многих важнейших проблем истории Казахстана. По его мнению, при составлении книги была применена порочная методология в освещении вопросов присоединения Казахстана к России и национально-освободительных движений в Казахстане. Книга страдает односторонностью, и её авторы неправильно подошли к исследованию истории казахского народа.

М. Морозов писал: «Составители книги отошли от требований исторического материализма и не показали историю Казахстана с точки зрения развития классов и классовой борьбы, а представили историю исключительно как процесс формирования боевых традиций казахов в ходе борьбы за свою независимость… Точка зрения, принятая авторами книги, отразилась, прежде всего, на созданной ими периодизации истории Казахской ССР. Историю дореволюционного Казахстана они делят на две части: 1) народы Казахстана в период независимости (с древнейших времён до 60-х гг. XIX в.); 2) Казахстан – колония (с 60-х годов XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции). Такая периодизация ошибочна уже потому, что в действительности постоянной «независимости казахов» с древнейших времён до 60-х годов XIX в. не было: фактически в тот период казахские племена неоднократно подвергались иноземным завоеваниям»[923].

Ученый особо остановился на главах, посвященных национально-освободительным движениям, авторами которых были М.П. Вяткин и Е.Б. Бекмаханов. По мнению рецензента, к национально-освободительному движению нельзя относить выступление авантюрного султана Каратая и Есета Котибарова, выступавших не в интересах казахского народа, а в качестве агентов и вассалов Хивинского хана. М. Морозов отмечал, что он не согласен с тем, как представлена война Кенесары Касымова против киргизских манапов в 1847 г. [924]

[923] Там же. С. 75.

[924] Там же. С. 76.

Рецензент подводит итог следующим выводом: «Присоединение Казахстана к России рассматривается в книге только под углом зрения его завоевания Россией и по сути дела трактуется авторами как “абсолютное зло”… Разбор ошибок, допущенных составителями, говорит о том, что в рецензируемой книге неправильно освещены многие важнейшие вопросы истории Казахстана»[925].

Таким образом, разгромная критика М. Морозова прошлась по многим вопросам истории дореволюционного Казахстана. Вердикт М. Морозова в отношении «Истории Казахской ССР» был не в пользу книги. В его понимании, «книга в её настоящем виде не только не помогает изучению истории Казахстана, но, наоборот, способна внести путаницу в сознание широких кругов читателей. Требуется коренная переработка и переиздание книги. Надо надеяться, что научные учреждения Казахстана отнесутся к этому делу со всей ответственностью. Ценная инициатива создания “Истории Казахской ССР” должна быть доведена до конца»[926].

Разгромная рецензия М. Морозова послужила своеобразным толчком к выходу подобных статей, напечатанных в различных изданиях как республиканского, так и союзного значения за период с1945 по 1951 г.

В соответствии с директивами из Москвы 14 августа 1945 г. ЦК КП(б) Казахстана принял постановление «О подготовке второго издания «Истории Казахской ССР», в котором должны быть учтены все критические замечания, сделанные в адрес первого издания книги.

В шестом номере журнала «Большевик Казахстана» за 1945 г., рассматривались основные моменты данного постановления. В частности, акцентировалось внимание на оценке ЦК КП(б) Казахстана: «”История Казахской ССР”» является результатом большой научно-исследовательской работы, которую проделал коллектив ученых-историков из Москвы и Казахстана. Составители «”Истории Казахской ССР”» впервые сделали смелую и очень важную попытку систематического марксистского освещения истории казахского

[925] Там же. С. 78.

[926] Морозов М. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик. 1945. № 1-12. С. 79.

народа. Выход в свет «Истории Казахской ССР» вызвал большой научный интерес к вопросам дальнейшей разработки истории одного из народов Востока, который, в силу сложившихся условий, до последних дней не имел своей научно написанной истории. Авторский коллектив дал правильное освещение советского периода в истории Казахстана, показав, какой огромной преобразовательной силой является советская власть, создавшая социалистический строй и обеспечившая с помощью великого русского народа и других народов СССР расцвет экономики и культуры казахского народа»[927].

В постановлении говорилось, что наряду с положительными моментами в учебнике были допущены серьёзные идеологические ошибки в освещении узловых моментов истории Казахской республики. «Основная ошибка состоит в том, что история казахского народа до Великой Октябрьской социалистической революции рассматривается авторами не как история развития производительных сил и производственных отношений, не как история классов и классовой борьбы в Казахстане, а преимущественно как история борьбы казахов за свою независимость... дана однобокая оценка присоединения Казахстана к России. Этот факт рассматривается только под углом зрения завоевательной политики русского царизма. Авторы не учли исторической обстановки, сложившейся в Казахстане в момент его присоединения к России, и не показали по-настоящему прогрессивное значение вхождения Казахстана в состав Российской империи, приобщившего его к передовой русской культуре и экономике»[928].

По мнению критиков, составители «Истории Казахской ССР» не дали конкретно-исторического анализа национально-освободительным движениям, поэтому в книге отсутствует чёткое разграничение между подлинными национально-освободительными движениями казахского народа и разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов. Серьёзным упущением «Истории Казахской ССР», по мнению критиков, являлось и то, что в книге совершенно

---

[927] О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1945. № 6 (июнь). С. 49.

[928] Там же. С. 50.

недостаточно показываются экономические и культурные связи между казахским, русским и другими народами Советского Союза, их совместная борьба с царским произволом и насилием, способствовавшие сближению народов нашей страны и их сплочению вокруг великого русского народа[929] .

В связи с этим, как отмечено в резюмирующей части постановления, ЦК КП(б) Казахстана постановил "считать важнейшей идеологической задачей партийной организации Казахстана создание марксистской истории Казахской ССР. В этих целях необходимо коренным образом переработать «Историю Казахской ССР» и устранить серьёзные ошибки и недостатки, допущенные в первом издании этой книги".

А.М. Панкратова в письме академику С.Н. Покровскому отмечала: «Я думаю, что Вы уже знаете, что авторский коллектив "Истории Казахской ССР" приступил к переработке книги и подготовке второго издания, в соотвествии с общими указаниями рецензии в "Большевике". На днях я послала проект плана тов. Абдыкалыкову и тов. Тимофееву и просила их показать всем авторам этот проект, обсудить его с тем, чтобы соображения авторов, находящихся в Алма-Ата, были своевременно получены и учтены. Прошу Вас лично ознакомиться с этим проектом и написать мне Ваши соображения»[930].

ЦК КП(б) Казахстана признал необходимым в сентябре 1945 г. рассмотреть проект второго издания «Истории Казахской ССР». «Подготовку второго издания "Истории Казахской ССР" ЦК возложил на Институт истории и этнографии КазФАН. ЦК обязал руководство КазФАН (тов. Сатпаев) укрепить институт... квалифицированными кадрами и принять все меры к организации научной разработки истории Казахстана, особенно её советского периода»[931].

Таким образом, перед казахстанскими историками была поставлена большая научная задача – в короткие сроки пересмотреть все негативные моменты первого издания «Истории Казахской ССР» и приступить к подготовке

---

[929] Там же.

[930] Ведомственный архив РГП «Ғылым ордасы». Ф. 72 – «Покровский С.Н.». Оп. 1. Д. 475. Л. 6.

[931] О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана, Алма-Ата: КазОГИЗ. 1945. № 6 (июнь). С. 51.

второго издания. «Необходимо, чтобы историки, литераторы, все работники идеологического фронта при освещении исторических проблем руководствовались бы решением ЦК КП(б)К по вопросу о первом издании и подготовке второго издания ”Истории Казахской ССР”»[932].

Второе издание учебника вышло в свет в 1949 г., под общей редакцией секретаря по идеологии ЦК ВКП(б) Казахстана И. Омарова и академика А.М. Панкратовой.

14 февраля 1949 г. А.М. Панкратова пишет И. Омарову: «Дорогой тов. Омаров! Сегодня я получила телеграмму от С.Н. Покровского о выходе сигнального экз. первого тома “Истории Казахской ССР”. Поздравляю Вас и желаю, чтобы история казахского народа принесла большую пользу делу воспитания и просвещения ваших кадров. Без малейшего преувеличения могу сказать, что если первый том появился в свет, то в этом, прежде всего, Ваша заслуга. Ваша принципиальность, смелость и широкий, творческий, большевистский подход к вопросам позволил Вам лучше разобраться в сложных и трудных вопросах казахской истории, чем многим историкам-профессионалам. Этот же принципиальный подход помог Вам преодолеть всяческие препятствия, которые делались на пути к изданию “Истории КазССР”. Я уверена, что с такой же энергией Вы продвинете и второй том, ещё более необходимый, т.к. в нём будет подведён всемирно-исторический итог превращения страны с отсталыми патриархально-феодальными отношениями в страну социализма, минуя капитализм. Я очень прошу Вас, дорогой тов. Омаров, немедленно вызвать С.Н. Покровского и потребовать от него отчёта, что делается по второму тому. По моему впечатлению, он хочет затянуть его выход и даже отдалить его издание»[933].

Таким образом, и второе издание «Истории Казахской ССР» было подготовлено под непосредственным руководством академика А.М. Панкратовой, которая отдала весь свой научный потенциал, неутомимую энергию делу

---

[932] Выше уровень идеологической работы // Большевик Казахстана, Алма-Ата, КазОГИЗ. 1946. № 1 (январь). С. 34.

[933] Панкратова А.М. – И.О. Омарову / Ілияс Омаров: Хаттар арқалаған сырлар. Из переписки Ильяса Омарова / Құраст. І.М. Қозыбаев, Н.П. Кропивницкий, А.Л. Кривков. Алматы: Раритет. 2012. С. 5, 32–35.

изучения истории казахского народа, несмотря на идеологический прессинг со стороны партийного руководства.

Широкий резонанс получила статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой, А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана», написанная в духе 30-х гг. доносительства и клеветы и опубликованная в газете «Правда» (26 декабря 1950 г.). Авторы статьи национально-освободительное движение хана Кенесары Касымова называли антинародным, феодально-монархическим и утверждали: «Советские историки призваны освещать историю национальных движений глубоко и правдиво. Это значит подходить к историческим фактам с марксистско-ленинских позиций. К сожалению, ещё не все научно-исследовательские работы отвечают этим требованиям. В частности, серьёзными методологическими ошибками, которые ведут к извращению исторических фактов, страдают некоторые книги по истории Казахстана. Ещё в первом издании «Истории Казахской ССР» под редакцией А. Панкратовой и М. Абдыкалыкова (1943 г.) идеализировались реакционные феодально-ханские порядки, возвеличивалась деятельность ханов и султанов. ЦК КП(б) Казахстана, признав порочность этой книги, вынес решение о подготовке нового издания»[934].

Под давлением лжеученых А.М. Панкратова вынуждена была отказаться от своей точки зрения, которую она отстаивала по завершении работы над первым изданием учебника, в ходе жарких дискуссий по номинированию книги на Сталинскую премию. Как отмечали ее оппоненты, «А.М. Панкратова признаёт своей основной ошибкой то, что она считала факт участия в движении народных масс с освободительными лозунгами явлением, определяющим характер движения»[935]. Ей ничего не оставалось, как согласиться с определением того времени в освещении истории казахского народа «в свете тех национальных

[934] Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. 1950. 26 дек.

[935] В отделении истории и философии Академии наук СССР (обсуждение опубликованной в «Правде» статьи Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана) // Изв. Академии наук СССР. Сер. истории и философии. 1951. № 2. С. 196.

проблем, которые стояли перед угнетёнными народами, но и в свете развития классов и классовой борьбы»[936].

Этот тезис был озвучен на заседании Учёного совета Института истории АН СССР, посвящённом обсуждению в «Правде» статьи «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории» (авторы Г. Шоинбаев, Х. Айдарова, А. Якунин), которое состоялось 21февраля 1951 г. Все же академик А.М. Панкратова на данном заседании справедливо отметила, что «первый том, вышедший в 1943 г., писался в 1941–1942 гг., в условиях Великой Отечественной войны, и был первым опытом по истории не только Казахстана, но и других национальных республик»[937]. Таким образом, можно констатировать, что пример подготовки истории Казахстана, первой в серии обобщающих трудов по истории союзных республик, показал, что официальный советский интернационализм не выдержал испытания под натиском государственного имперского патриотизма во время Великой Отечественной войны и после нее. Попытка А.М. Панкратовой удержать книгу на марксистских позициях оказалась безуспешной.

Необходимо отметить, что, несмотря на все перипетии, происходившие в ходе работы над первым, а впоследствии и над вторым академическим изданием «Истории Казахской ССР», академик Анна Михайловна Панкратова не жалела своих сил, возможностей и своего огромного авторитета в широких научных кругах, как на республиканском, так и на всесоюзном уровне, невзирая на сильнейший идеологический прессинг, горячо отстаивала свои позиции и всячески поддерживала поиски учёных в республиках СССР.

Профессор М.Х. Асылбеков в своём докладе на научно-практической конференции, посвящённой 115-летию А.М. Панкратовой, состоявшейся 16 февраля 2012 г. в Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, справедливо заметил: «Анна Михайловна Панкратова стояла вместе со своим учителем М.Н. Покровским во главе первого поколения советских историков и...

---

[936] Там же.

[937] Там же.

активно помогала формированию и развитию высококвалифицированных кадров историков в национальных республиках и регионах Совестского Союза»[938].

В 1953 г. А.М. Панкратова была избрана действительным членом АН СССР и одновременно назначена главным редактором журнала «Вопросы истории». Известно, что в годы «хрущёвской оттепели» и развенчания культа личности Сталина идеологическая борьба в исторической науке обострилась с новой силой. Журнал стали обвинять в «буржуазном объективизме», «либеральном толковании политики партии», «обелении позиции меньшевиков» и т.д. Такие необоснованные гонения были тяжело восприняты А.М. Панкратовой. Они стали поводом для выхода постановления ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. «О журнале “Вопросы истории”».

Академик А.М. Панкратова умерла 21 мая 1957 г. Похоронена в г. Москве, на Новодевичьем кладбище. Она была истинным интернационалистом, настоящим патриотом, сделавшим очень многое для развития казахстанской исторической науки.

21 февраля 1957 г., на торжественном заседании Академии наук СССР, посвящённом её 60-летию, она сказала: «Вечное третирование людей одной нации людьми другой нации меня всегда глубоко возмущало, малейшее ущемление прав национальных меньшинств... привыкла встречать с негодованием... Большое удовлетворение дало мне то, что я смогла принять участие в создании книг по истории некоторых народов нашей многонациональной Родины, а главное... помочь научной подготовке молодых учёных Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Украины и других советских республик»[939].

Её жизнь была полна научных успехов, признания заслуг, всемирной славы, с одной стороны, и неудач и гонений – с другой. Примечательно, что в 2011 г. «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» (издание 1943 г.) была переиздана фондом имени Болатхана Тайжана[940].

---

[938] Асылбеков М.Х. Указ. соч. С. 27.

[939] Там же. С. 33.

[940] История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней. Издание 1943 года). 3-е изд. Алматы: Printexpress, 2011. 670 с.

Безусловно, данный факт является своеобразной данью уважения и почитания памяти не только выдающегося академика Анны Михайловны Панкратовой, но и всех учёных, работавших над созданием первого академического учебника по истории республики, ставшего своеобразным образцом, отправной точкой в написании последующих учебников по истории бывших союзных республик, а также примером для создания учебников по истории стран постсоветского пространства после обретения ими независимости.

Новые поколения учёных-историков глубоко ценят труды и заслуги академика А.М. Панкратовой перед казахским народом.

5.3. История древнего Казахстана в исследованиях харьковского ученого С.А. Семенова-Зусера (1943 г.)

В конце 1941 г. в г. Кзыл-Орду стали прибывать эвакуированные коллективы университетов и институтов Украины. В докладной записке ректора Харьковского государственного университета им. А.М. Горького А.В. Сазонова на имя председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Королева сообщалось: «Настоящим ставлю Вас в известность, что 10 декабря я вместе с группой научных работников, вышедших последними из гор. Харькова, прибыл в г. Кзыл-Орда Каз.ССР, куда согласно постановления правительства переведен Харьковский Госуниверситет им. Горького… Здесь в настоящее время находятся основные кадры профессорско-преподавательского состава в количестве 70 человек»[941].

В числе прибывших профессоров был и известный ученый-историк, специалист по античному миру Семен Анатольевич Семенов-Зусер. В Кзыл-Орду он приехал с супругой Галиной Яковлевной. Из вещей, взятых из города, куда уже входили вражеские войска, были только книги и рукописи.

---

[941]. Докладная записка ректора Харьковского университета им. Горького А.В. Сазонова Председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Королеву/ Музей истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Ф. 6. Оп. 5. П. 2. Л. 40.

Чтобы полнее представить круг научных интересов ученого, обратимся к его трудам и к его личности. Один из основателей Академии наук Казахской ССР академик И. Мещанинов в своем отзыве от 28 февраля 1943 г., справедливо отмечал: «Имя С.А. Семенова-Зусера хорошо известно в кругах специалистов, изучающих древние периоды истории СССР. Первые, известные мне его работы относятся к периоду возобновления исследовательских полевых по изучению причерноморских колоний классического мира... В 1923 г. им издаются материалы по исследованию древнегреческих колоний («Ольвия»)… В этом направлении написаны «Торговля в древности» и «Причерноморье» (1924 г.), «Торговые пути по западному побережью Черного моря» (1941 г.). Прослеживая причины колонизационного движения греков на юг Украины и в Крым, автору этих работ неминуемо пришлось столкнуться с вопросом о взаимоотношениях колонизатора с местным населением, что расширило научно-исследовательские интересы С.А. в сторону скифов ... С.А. Семенов-Зусер издает ряд исследований: «Родовая организация у скифов Геродота» (1931 г.); «Скифы-кочевники на территории Причерноморья» (1939 г.)… Расширение исследовательской проблематики с охватом греческих колоний; скифов, киммерийцев и Боспорского царства дало вполне законное основание затронуть также и другие культурные периоды древнейшего населения СССР, углубляя их в древнейшие периоды истории человечества вообще… Хорошее знакомство с памятниками древности и с научной литературой дали С.А. основание использовать свое временное пребывание в Казахстане уже в дни Великой Отечественной войны на изучение исторических памятников древнейших периодов истории Каз.ССР…»[942].

Да, действительно Семен Анатольевич волею судьбы попадает в тот край, где когда-то процветала древняя цивилизация. Кзыл-Ордынская область Казахстана граничит с Туркменией и Узбекистаном, географически находится вблизи Ирана и Афганистана. В этом краю текут древние реки Сырдарья (Яксарт) и Амударья (Оксус), хорошо описанные древнегреческими историками и

[942] Мещанинов И. Отзыв о работах Семена Анатольевича Семенова-Зусера. Алма-Ата, 1943. Архив Музея археологии и этнографии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 30. Д. 5. Л. 1.

мыслителями Геродотом и Страбоном. Территория юга и юга-запада Казахстана в незапамятные времена входила во владения Александра Македонского, являлась полем сражения персидских царей, распространения религии зороастризма.

Несмотря на тяготы военного времени и житейские проблемы эвакуации, Семен Анатольевич с головой уходит в новую работу. Помимо преподавательской деятельности в Объединенном Украинском университете, он берется за изучение древнего Казахстана от палеолита до арабского завоевания за 25 лет Советской власти. Ученый видит колоссальный неизученный пласт истории древнего Казахстана и задается целью «дать глубокое правдивое освещение героического прошлого народов Советского Союза, создавших с самых древнейших времен свою независимую, своеобразную, высокую культуру, входившую в круг великих древневосточных культур, показать наши огромные научные достижения и богатства, [что] должно было служить, в свою очередь, ударом по врагу»[943].

В тот период древняя история Казахстана представлялась наиболее трудной и малоизученной областью. Хронически не хватало квалифицированных кадров. Авторы книг по древнейшей истории Казахстана Мухамеджан Тынышпаев (в прошлом депутат II Государственной Думы, основатель Кокандской и Казахской автономий), Санжар Асфендияров (казахский дворянин, царский полковник, герой Брусиловского прорыва, директор Института востоковедения в Москве (1926 г., позже нарком Казахстана) были расстреляны, а их труды были признаны буржуазными и вредными.

Задача была не из легких. В 1944 г., ученый А. Машанов отмечал: «Перед исследователями древней истории Казахстана стоят довольно большие проблемы, касающиеся вопросов этногенеза древних племен, обитавших на территории Казахстана и сопредельных с ним стран. Не менее важными являются вопросы периодизации, которые по уточнению и дальнейшему развитию, утверждению

[943] Семенов-Зусер С.А. Древний Казахстан (материалы по изучению истории древнего Казахстана за 25 лет существования КазССР). Кзыл-Орда, 1943. 174 с. Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 18. Л. 166.

автохтонного зарождения и развития культуры связаны с историей аборигенов края по воссозданию палеогеографической среды, окружавшей древнейшего человека на территории Казахстана, и пр.»[944].

Семен Зусер по крупицам собирает все имеющиеся опубликованные труды, полевые археологические материалы и исследования по древней истории Казахстана. За образец он берет классические труды академика В.В. Бартольда. «Прекрасный знаток археологии и восточных источников, – говорится в предисловии учебника «Истории Казахской ССР» (1943 г.), – В.В. Бартольд в своих работах “Очерк истории Семиречья”, “Туркестан в эпоху монгольского нашествия”, “О христианстве в Туркестане в домонгольский период” и других, построенных на огромном фактическом материале, показал, что народы восточных областей империи, которые в официальной литературе пренебрежительно трактовались как неисторические народы, на самом деле имели свою богатую, свою многообразную и высокую культуру…»[945].

В своем исследовании С.А. Семенов-Зусер придерживается исторической концепции В.В. Бартольда о влиянии древнеиранской цивилизации на культурное прошлое тюркских народов Средней Азии, а также как специалист обращает особое внимание на греческую колонизацию этого края в эпоху Александра Македонского.

Находясь в Кзыл-Орде, а позже в Харькове, Семен Анатольевич готовит к печати две рукописи. Первая рукопись датируется февралем 1943 г. и состоит из 174 страниц. Это «Древний Казахстан (материалы по изучению истории древнего Казахстана за 25 лет существования КазССР). Вторая рукопись датируется 1946 г., 235 страниц, под названием «Древний Казахстан (материалы по изучению древнего Казахстана за советский период, от палеолита до арабского завоевания). Ученый обозначает главные темы, требующие изучения: физико-географическая среда древнего Казахстана; древнейший человек на территории Казахстана

[944] Машанов А.Ж. Рецензия на очерк проф. С.А. Семенова-Зусера «Древний Казахстан», Алма-Ата (18.02.1944 г., 23 с.). Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 30. Д. 6. Л. 1.

[945] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: Казогиз, 1943. С. 24.

(палеолит); ново-каменный век (неолит) в Казахстане; бронзовый век в Казахстане; железный век (исседоны); аримаспы; массагеты; саки; проблема народов юе-чжи (юе-ши) и тохары; у-суни и кангюй (канглы); эпоха «переселения народов»; согдийская колонизация в Казахстане и др.

В преамбуле к своей монографии Семенов-Зусер заостряет внимание на необходимости изучения этого интересного в историческом отношении края: «Исследование страны Казахстана, как одной из угнетенных бесправных царских колоний, было в пренебрежении у буржуазной науки. Историей ее занимались чрезвычайно мало и в лучшем случае ограничивались изучением в части этнографии и антропологии, подменяя порой поздней археологией. Между тем история Казахстана на протяжении всей его жизни исключительно богата и разнообразна. Здесь весьма рано создавались пестрые и сложные оседлые культуры, сочетавшиеся, как правило, со своеобразными и амальгамными культурами кочевых народностей, двигавшихся с востока и севера через горные массивы и голые песчаные пустыни. Географическое положение Казахстана способствовало тому, что он с глубокой древности служил уже ареной мощных передвижений народов и узлом исторических событий. Богатые травянистые степи и плодоносные долины многоводных рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, обильные камышом и густыми зарослями крутые берега глубоких пресных и соленых озер вместе с быстрыми горными реченками и притоками, широкие низменности Аральского и Каспийского морей являлись областями устремления многочисленных народов, а впоследствии центрами крупных государственных образований. Племена и народы, привлекаемые естественными богатствами территорий с роскошными пастбищами, плодороднейшей почвой и природными оросительными каналами – арнами и каризами, оседали одни в удобных для развития скотоводческого и земледельческого хозяйства районах, смешиваясь тогда с исконным населением, другие, находя себе временные пристанища, направлялись затем уже далее, в поисках новых кормовых пространств. Находясь между востоком и западом, Казахстан служил крепким звеном великих частей

света и в то же время представлял собою обширный корридор для продвижения многочисленных и разнообразных племен и народов»[946].

Наиболее сложной задачей, с которой столкнулся С.А. Зусер, была проблема происхождения казахского народа. Основная масса собранных археологических материалов указывала на то, что в эпоху бронзы на большей территории Казахстана проживали представители андроновской и карасукской культур. В антропологическом отношении андроновцы были европеоидами и принадлежали к индоиранским племенам, а карасукцы представляли собой смешение европеоидного памиро-ферганского и монгольского типов. Позже, уже в послевоенное время, ученые доказали, что, помимо вышеназванных культур, в Казахстане существовали алакульская, бегазы-дандыбаевская, отрар-каратауская культуры. На стыке этих культур на протяжении трех тысяч лет формировалась южносибирская, или туранская, раса[947].

В дореволюционный период по древней истории Казахстана вышло в свет немало исследований. Назовем некоторые из них. Первым фундаментальным трудом стало исследование выдающегося русского ученого А.И. Левшина (1797–1879) «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (СПб., 1832). В нем автор детально описал природу и географическое положение казахских степей, а также историю казахского народа с древнейших времен до конца XVIII в. Чокан Валиханов по праву назвал Левшина «Геродотом казахского народа»[948].

Вторым фундаментальным трудом является энциклопедия Казахстана, изданная Императорским Русским географическим обществом в начале XX в. Это

---

[946] Семенов-Зусер С.А. Древний Казахстан (материалы по изучению древнего Казахстана за советский период, от палеолита до арабского завоевания). Харьков, 1946, 235 с. Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 19. Л. 1–2.

[947] Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие. Алматы: Изд. дом «Казакстан», 2003. С. 66–67.

[948] Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., 1832 г.; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

исследование проводилась под руководством известного русского ученого П.П. Семенова-Тян-Шанского[949].

Третьим фундаментальным трудом можно назвать сборник «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» (Казакское краевое издательство. Алма-Ата;Москва,1935), вышедший под редакцией известного казахского государственного деятеля профессора Санжара Асфендиярова. В сборник включены расположенные по хронологии и тематике отрывки из трудов греческих, арабских, персидских, китайских, немецких, итальянских, французских, английских, шведских, голландских и русских географов и путешественников с V в. до н.э. по XVIII в. н.э.[950]

Перед тем как приступить к работе, Семен Анатольевич Зусер ознакомился с вышеназванными трудами, а позже перешел к анализу полевых археологических материалов, к разбору неизвестных и запутанных страниц древней истории Казахстана. Результатом его плодотворной работы в эвакуации стала монография «Древний Казахстан: от палеолита до арабского завоевания». Первый вариант исследования составил 174 страницы. Окончательная рукопись увеличилась до 235 страниц.

Безосновательный спор вызвал у некоторых критиков уже доказанный факт о влиянии Греции и Персии на казахскую культуру и быт в период господства Александра Македонского и персидских императоров. Не случайно во второй рукописи не хватает страниц с 52-й по 126-ю, как раз касающихся этого периода.

Крупный специалист по греческой колонизации Крыма С. Зусер опирался на сочинения Геродота и Страбона. В этих трудах есть сведения о семи городах на Сырдарье, которые пали под ударами Александра Македонского. Опираясь на современные данные археологических раскопок, ученый привел примеры борьбы народов Средней Азии и Казахстана. В частности, он писал: «Необходимо

---

[949] Россия. Полное географическое описание. Киргизский край. Т. XVIII /с 123 политипажами, 35 диаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 9 малыми картами), СПб., 1903. 480 с.

[950] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Казакское краевое издательство. Сборник 1 (V в. до н.э. – XVIII в. н.э.) / под ред. проф. С.Д. Асфендиярова и проф. П.А. Кунте . Алма-Ата; Москва, 1935. 380 с.

отметить, что нигде за время своих походов на восток, великий Македонский-полководец не встретил такого отчаянного сопротивления со стороны туземного населения, как в Средней Азии, в частности в областях современного Казахстана»[951].

Исторические события тех времен нашли отражение в среднеазиатских и казахских легендах о защитниках родной земли Спитамене и Шираке. С. Семенов-Зусер утверждает: «В половине III в. до н. э. на востоке возникло греко-бактрийское государство… несомненно, что часть территории Казахстана входила в состав Бактрийского государства; это доказывается находками древностей на территории Казахстана, относимых к культуре и искусству Бактрии. Такова известная находка в Казахстане … – серебряной чаши с изображением на ней свадебных обрядов… Найдены серебряные вещи: чашка с рельефными в медальонах головами греческого типа, круглые плоские блюда и грушевидной формы кувшин, все вместе относимые к греко-бактрийскому искусству II-го–I-го вв. до н.э. Неоднократные находки монет, гемм, терракот, предметов текстильного и стеклянного производства, особых ящиков-гробов /оссуариев/ с костями покойника – все вместе может служить лишним подтверждением о сильном влиянии греческой культуры на пестрое население Средней Азии начиная с IV–III вв. до н.э.»[952].

Второе, за что критиковали ученого, – это тезис о персидском и согдийском влиянии на Казахстан. Корифеи казахской археологической науки Алькей Маргулан, Кемаль Акишев и Карл Байпаков в своих трудах особо отмечают культурное влияние Ирана на Казахстан. Даже главный персидский праздник Наурыз, идущий от зороастрийцев и шумеров, ныне является главным государственным праздником Республики Казахстан, красным днем календаря – «Ұлыстың Ұлы күні» («Главный день народа»).

Семенов-Зусер отмечает: «Ахемениды, проникая в Среднюю Азию, в частности, Семиречье, стремились всеми средствами приблизить к себе наиболее

---

[951] Семенов-Зусер С.А. Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 18. Л. 80.

[952] Там же. Л. 81.

могущественные племена Средней Азии, каковыми являлись саки, объединить, таким образом, вокруг Ирана кочевые и полукочевые народы. Иран был кровно заинтересован в установлении определенных связей со своими соседями и всемерном распространении среди них своего влияния.

Благодаря этому саки как господствующий народ в Семиречье впервые в истории вышли на арену международных отношений того времени. Влияние Ирана на Семиречье сказалось, прежде всего, в воздействии и распространении среди туземных народов религии зороастризма. Саки становятся огнепоклонниками, о чем свидетельствуют древние авторы, а также археологические памятники, как, например, Краснореченские оссуарии, «Большой Семиреченский алтарь и Малый Алма-Атинский алтарь»[953].

Харьковский ученый в своем исследовании пророчески указывает на археологические раскопки, на которые нужно обратить пристальное внимание. «В процессе работы на новостройках в 1932–33 гг. Академией Истории Материальной Культуры были произведены разведки и раскопки древних памятников в области совхоза «Гигант», а также по берегам р.р. Нуры, Черубай-Нуры, Джаксы и Джаман-Сары-Су, с разведками в местности Ойян, в окрестностях села Долинского и Центрального Хутора. Все эти места, по мнению начальника раскопок Г.П. Сосновского, представляют собой “важнейший археологический пункт, откуда идут пути в долину реки Чу и оз. Балхаш”. В результате работ вскрыто 32 кургана, с 43 погребениями и обследовано 2 древних поселения, с которыми связывается древнейшая микролитическая культура»[954].

Далее автор утверждает: «Особый интерес представляют памятники Карасукской культуры, открытые Нуринской экспедицией ГАИМК в том же совхозе «Гигант» (Караганда), в ауле Дандыбай на р. Чурубай-Нура, где высится

---

[953] Семенов-Зусер С.А. Древний Казахстан (материалы по изучению истории древнего Казахстана за 25 лет существования КазССР) (Кзыл-Орда, 1943, 174 с.). Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 18. Л. 67.

[954] Семенов-Зусер С.А. Древний Казахстан (материалы по изучению древнего Казахстана за советский период, от палеолита до арабского завоевания) (Харьков, 1946, 235 с.). Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 19. Л. 48.

курган с двойной крепидой и могилой, сложенной из камней и бревенчатой крышей. На подстилке, покрытой красной краской, лежал костяк в скорченном положении. Инвентарь состоял из 12 орнаментированных сосудов, причем некоторые из них в форме чаши с ножкой имели на себе родовые знаки (тамги) в виде буквы «У». Там же найдены бронзовые стрелки, иглы, костяная застежка с орнаментами на ней»[955].

Действительно, на этой территории научной экспедицией академика А. Маргулана была открыта дандыбай-бегазинская культура, повлекшая за собой пересмотр целого ряда устоявшихся представлений о древних корнях казахского народа. В частности, в учебнике истории Казахстана говорится: «Население дандыбай-бегазинского времени с его самобытной культурой послужило одним из компонентов новых этнокультурных образований, сложившихся в степях Казахстана в эпоху раннего железа»[956].

Ярким научным предвидением Семенова-Зусера можно назвать его характеристику сакских курганов на территории Алма-Атинской области. Он писал: «В 1938 году археологом Назаренко была совершена замечательная находка в Алма-Атинской области, близ урочища Мынг-Ошакты, на р. Карагалинке, в правой части Карагалинского ущелья. Здесь было открыто мужское погребение с богатейшим набором золотых предметов, в количестве 300 штук, относимых к I в. до н.э. – I в.н.э. кочевнической культуре»[957].

В 1969 г. научная экспедиция известного казахского археолога Кемаля Акишева обнаружила уникальный комплекс – курган сакского царевича рядом с городом Иссык, в 50 километрах восточнее г. Алматы. Могильник состоит из 40 больших царских курганов. В погребальной камере археологи нашли свыше 4 тысяч золотых предметов, железные меч и кинжал, бронзовое зеркало, глиняные, металлические и деревянные сосуды и др. Также здесь было обнаружено более четырёх тысяч украшений, выполненных из листового золота, искусно нашитых

[955] Семенов-Зусер С.А. Указ. соч. Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 19. Л. 50.

[956] История Казахстана (с древнейших времен до наших дней); в 4 т. Т. 1. Алматы: Атамура, 1996. С. 128.

[957] Указ. соч.. Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 19. Л. 180.

на одежду, обувь и головной убор, а также золотые перстни, статуэтки, бронзовое и золотое оружие, различные сосуды. Захоронение в кургане Иссык датируется концом IV – III в. до н.э.[958]

За годы эвакуации Семен Анатольевич провел большую работу по изучению «белых пятен» древней истории Казахстана. По окончании исследования он представил свою монографию на рецензию директору Института языка, литературы и истории Казахского филиала АН СССР Б. Сулейменову, академикам А.М. Панкратовой, И. Мещанинову, профессору М.П. Вяткину и кандидату геолого-минералогических наук А. Машанову.

Условия военного времени наложили отпечаток и на исторические науки, и на научные концепции. Немцы причисляли себя к высшей арийской нации, объявив народы Советского Союза второсортными. Казахстанские историки, исходя из постулата советской идеологии того времени, что все арийское враждебно, с опаской смотрели на связь казахского этноса с иранской цивилизацией. О чем могла идти речь, если даже официальная наука Казахстана тогда пыталась отрицать личность Ходжи Ахмеда Яссави, главного святого казахов, потомка персидских святых, похороненного в древнем городе Туркестане, в мавзолее, построенном Тамерланом в 1396 г.

Видимо, исходя из этих соображений, в официальном письме Института языка, литературы и истории Казахского филиала АН СССР за подписью заместителя директора Бека Сулейменова последовал ответ профессору С.А. Семенову-Зусеру: «Институт языка, литературы и истории КазФАН СССР возвращает вашу рукопись «Древний Казахстан», с рецензией на нее, написанной нашим археологом, кандидатом геолого-минералогических наук тов. Машановым А. Как видно из рецензии… ваша рукопись не свободна от ряда принципиальных ошибок, особенно по вопросам этногенезиса древнеказахстанских племен, по вопросам автохтонного развития древней культуры на территории Казахстана, которую вы, к сожалению, толкуете как результат культурного влияния иранцев и

[958] История Казахстана…. С. 173.

т.д. … Если вы найдете возможность, лучше было бы на одну неделю приехать в Алма-Ату и согласовать с нами принципы переработки рукописи»[959].

Все же данная монография получила высокую оценку у маститых ученых, специалистов по древней истории Средней Азии и Казахстана. Руководитель авторского коллектива учебника «История Казахской ССР» (1943 г.) академик А.М. Панкратова и профессор М.П. Вяткин в письме от 26 февраля 1943 г., руководству Академии наук СССР высоко оценили работу: «Рекомендуем к печати работу тов. С.А. Семенова-Зусер «Древний Казахстан», представляющую собой небольшое, но серьезное исследование одного из самых трудных и малоизученных периодов в истории Казахстана (от палеолита до арабского завоевания). Издание такой работы будет особенно ценным продолжением подготовленной общей «Истории Казахской ССР», после которой должен последовать выход ряда исследований, посвященных наименее разработанным и наиболее важным периодам и отдельным проблемам в истории Казахской ССР»[960].

Несмотря на позитивные рецензии коллег, исследование «Древний Казахстан» С.А. Семенова-Зусера так и не было напечатано. Уже 70 лет два варианта рукописи этой книги хранятся в запасниках архива Музея археологии и этнографии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Они ждут свого исследователя, внимательного изучения. Работа ученого, выполненная в грозные годы войны, затронула важные стороны истории прошедших эпох, когда Казахстан, являясь частью евразийского континента, находился в зоне межэтнических контактов восточной и западной цивилизаций. Им были высказаны идеи, нашедшие позднее свое подтверждение в исторических исследованиях.

---

[959] Письмо С.А. Семенову-Зусеру от зам. директора Института языка, литературы и истории Казахского филиала АН СССР Б. Сулейменова (11.03., год не известен, 2 с.). Архив Музея археологии и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 37. Д. 6. Л. 1.

[960] О рекомендации к печати работы С.А. Семенова-Зусера «Древний Казахстан» (26.02.1943 г.). Архив Музея археологи и этнографии ХНУ им. В.Н. Каразина. Ф. 2. П. 16. Д. 2. Л. 1.

В целом, оценивая результаты пребывания историков и филологов РСФСР и УССР в Казахстане в эвакуации в период войны, можно уверенно констатировать их значительный вклад в изучение истории республики. Он мог быть куда больше, если бы не жесткие рамки идеологического диктата правящей коммунистической партии. Диктат этот, вопреки расхожему мнению, был далек от марксизма и зависел от политической конъюнктуры.

Заключение

Изложенный в главах диссертации материал позволяет сделать ряд выводов. Первый из них состоит в том, что в 1920–1930-е гг. в Казахстане в процессе социалистического переустройства страны модернизировались экономика и общество, в результате чего накануне Второй мировой войны сформировался значительный индустриальный и научно-технический потенциал при преобладании аграрной экономики. Были созданы основы для научной деятельности в Казахстане, начало которой положила Казахстанская база АН СССР. Накануне Второй мировой войны Казахский филиал Академии наук СССР (КазФАН) был первым крупным научным центром в центральноазиатской части СССР и стал значимым научным очагом, в котором работало свыше 100 научных сотрудников, включая докторов и кандидатов наук. Главным в деятельности ученых Казахстана было изучение богатейших минеральных ресурсов республики, которые послужили развитию промышленности региона в годы Великой Отечественной войны. Без помощи образовательных и научных центров Советского Союза это было бы невозможно.

В период Великой Отечественной войны Казахская ССР стала одной из основных территорий размещения эвакуированных из европейской части Союза промышленных предприятий, научных и образовательных учреждений, что многократно увеличило индустриальный и научный потенциал республики.

Основными центрами размещения перебазированных предприятий и учреждений стали Алма-Ата, Актюбинск, Аягуз, Балхаш, Гурьев, Джамбул, Караганда, Кзыл-Орда, Кокчетав (курорт Боровое), Кустанай, Павлодар, Петропавловск, Семипалатинск, Уральск, Чимкент и другие города Казахстана. В кратчайшие сроки на местах были созданы все условия для выпуска военной и промышленной продукции.

Деятельность эвакуированных предприятий в Казахской ССР в годы войны является особой страницей в истории республики. Вынужденная милитаризация экономики республики, направленная в первую очередь на выпуск военной

продукции, как и в целом в СССР, была вызвана апокалипсисом Второй мировой войны. Передислокация в Казахстан за первые два тяжелейших года войны свыше 200 промышленных объектов вместе с кадрами была действительно трудовым и моральным подвигом, аналог которому трудно найти в мировой истории.

Мобилизация фондов производственных и жилых помещений, в том числе недостаточно уплотненных и незаконченных, наличие ряда подготовленных и удобных площадок для строительства предприятий дали возможность разместить эвакуированные предприятия и их кадры. Несмотря на трудности военного времени, вновь прибывшие заводы и фабрики доукомплектовывались кадрами рабочих из местного населения.

Эвакуированные из европейской части СССР промышленные объекты с колес и порой еще под открытым небом выпускали военную продукцию, все это на фоне слабой местной производственной базы, нехватки электроэнергии, дефицита специалистов, инженеров, техников, квалифицированных рабочих, неразвитой инфраструктуры, нехватки продовольствия, отсутствия нормальных бытовых условий и медицинского обслуживания.

Основную роль в аккумуляции и реализации результатов научно-технической деятельности ученых и изобретателей в области решения научно-технических проблем играла республиканская Комиссия по военным изобретениям при ЦК КП(б) Казахстана. В годы войны в республике было создано большое количество образцов и видов вооружений, основная часть которых была запущена в производство и использовалась на фронте. Множество поданных рационализаторских предложений говорит о творческом подъеме, связанном с желанием приблизить победу.

Наиболее значимой разработкой в рассматриваемый период стал пистолет-пулемёт (ручной пулемёт) М.Т. Калашникова (1943 г.), самозарядный карабин (1944 г.), ставший прообразом знаменитого автомата, который в 1947 г. был усовершенствован изобретателем и получил своё официальное название АК-47 («Автомат Калашникова-47»), а в 1949 г., после доработок, автомат был принят на

вооружение и стал одним из лучших видов послевоенного стрелкового оружия, получившего мировое признание.

Можно назвать и другие важные разработки: противотанковые средства, которые курировал научный руководитель криогенной лаборатории Физико-технического института АН УССР Б.Г. Лазарев; знаменитое «Средство БВ-УФТИ» – бутылочный воспламенитель «Уничтожим фашистских тигров»; автоматический взрыватель двойного действия ВДДК-1 – «Казахстанец», разработанный под руководством инженера-конструктора А.Н. Кимельфельда; боеприпасы с использованием хромового ангидрида (В.И. Хоткевич и Б.Г. Лазарев); бензино-термитные зажигательные смеси инженера А.Г. Соколова (лаборатория академика Н.В. Цицина), паросиловая установка на танке «КВ» (для средних и тяжелых танков – инженеры Фарафонов, Демин, Шпанько); коловратный двигатель инженера-механика Д.С. Ходакова; командирский сумеречно-солнечный график Б.А. Воронцова-Вельяминова; многозарядную установку для прицельного танко-истребительного огня, созданную членом Московской организации Союза писателей СССР Г.П. Штормом; ручную гранату тёрочного действия инженера Иоффе; многоствольный миномет, механический гранатомет, автомашину на лыжах и гусеницах (автор – инженер Зевакин), полуавтоматическое приспособление для эвакуации поврежденных танков с поля боя (авторы – доцент ВИЭМ Я.М. Жук и инженер-механик Г.Н. Сорокин); противогаз для эфирного ингаляционного наркоза (разработан доцентом, кандидатом медицинских наук М.Н. Русановым); электрические замки для бомбардировочного вооружения и электрические бомбосбрасыватели (автор – заведующий кафедрой электротехники и авиационного оборудования, профессор Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе С.А. Синицын); комбинированную зажигательную бомбу для сбрасывания с самолётов и для стрельбы из миномётов (автор – работник Алма-Атинской киностудии, изобретатель А. Никулин); светофильтр А.В. Маркова и множество других изобретений.

В Казахской ССР в период эвакуации 1941–1945 гг. были созданы условия для учебной деятельности десятков вузов и для научно-исследовательской работы сотен учёных АН СССР. Руководство коммунистической партии и Правительство Казахской ССР создали условия для нормальной жизнедеятельности и активной научной работы выдающимся представителям советской науки, сохранив тем самым их научный потенциал и здоровье. Благодаря деятельности эвакуированных советских ученых активизировался процесс подготовки научных кадров республики.

Научная деятельность эвакуированных учёных АН СССР осуществлялась как по планам академических учреждений и оборонных ведомств, так и по инициативным проектам, возникшим вследствие сотрудничества ученых с местными научными организациями.

Замечательным примером самоорганизации ученых явился крупный научный центр АН СССР на базе курорта-заповедника «Боровое». Согласно списку, составленному администрацией курорта на 16 сентября 1941 г., в Боровом проживало: 2 почётных академика (Н.Ф. Гамалея и М.А. Ильинский), 16 академиков (А.П. Баранников, А.Н. Бах, С.Н. Бернштейн, А.А. Борисяк, В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, Б.М. Ляпунов, Л.И. Мандельштам, П.П. Маслов, А.С. Орлов, А.А. Рихтер, С.Г. Струмилин, А.И. Тюменев, А.Е. Фаворский, Л.С. Штерн, Ф.И. Щербатской), 5 членов-корреспондентов (Л.С. Берг, В.П. Вологдин, Л.А. Иванов, Л.С. Лейбензон, В.Н. Сукачев), 6 докторов наук и профессоров (М.И. Певзнер, Е.А. Мороховец, А.Н. Воронихин Н.Я. Кузнецов, В.О. Таусон, П.Ю. Шмидт) и другие научные сотрудники и члены их семей. Количество ученых, находившихся в Боровом, не было постоянным. Чуть позже в Боровое приехали академики А.А. Фрейман, И.И. Шмальгаузен, В.М. Алексеев, С.А. Зернов, Г.М. Кржижановский и А.П. Крылов, а также гражданская жена М. Горького – актриса и общественный деятель М.Ф. Андреева.

Организующим ядром стал Ученый совет Государственного заповедника «Боровое». Период пребывания в эвакуации на курорте Боровое был плодотворным в научной и общественной деятельности таких выдающихся

учёных, как академики В.И. Вернадский, Л.С. Берг, Н.Ф. Гамалея, А.С. Орлов, Н.Д. Зелинский, А.Е. Фаворский и других, причем не только относительно их фундаментальных исследований, но и в изучении природы, культуры и истории Казахстана.

Несмотря на тяжелейшие условия военного времени и преклонный возраст, находясь вдали от академических центров, учёные занимались своими фундаментальными научными разработками по приоритетным для военного времени темам, с учётом местного материала. Учёные работали над проблемами охраны природных богатств, находящихся на территории заповедника, а также сохранения и всестороннего изучения существующей флоры и фауны – в целях восстановления утраченных видов и обогащения новыми формами, геологического и почвенного покрова, исследовали озера и водные источники, климатические и бальнеологические факторы Борового, а также историю и этнографию казахского народа.

Лечебный климат Борового и высокая самодисциплина позволили корифеям различных отраслей науки вносить свой вклад в развитие академической науки и, главное, в победу над фашизмом.

Одной из самых крупных фигур среди эвакуированных учёных был академик В.И. Вернадский. Его активная работа в годы эвакуации стала мощным катализатором в создании Академии наук КазССР. В Боровом учёный подводил своеобразный итог своей научной карьере.

Его открытия в области ноосферы нашли подтверждение в Казахстане – на Байконуре как центре космических исследований. Его идея мирного использования атома также нашла своих сторонников в Казахстане при закрытии Семипалатинского ядерного полигона в 1989 г. Его дневниковые записи и труд «Хронология», которые он скрупулёзно вел в период эвакуации в 1941–1943 гг., позволяют воссоздать атмосферу, сложившуюся в Боровом после приезда сюда академиков, обусловленную требованиями военного времени, когда почти весь цвет советской академической науки помогал приближать Победу, находясь в глубоком тылу.

В период эвакуации в Боровом академик Л.С. Берг продолжил изучение климатических условий и ихтиофауны Казахстана, которое он начал ещё в первое десятилетие XX в., будучи членом Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. В годы эвакуации ученый принял активное участие в научной деятельности заповедника – по предложению академика В.И. Вернадского он был избран членом Учёного совета заповедника. Он стал разработчиком и активным проводником двух фундаментальных тем, посвящённых изучению ихтиофауны озёр Борового и путей обогащения видового состава рыб, а также исследованию климата Борового как крупного противотуберкулёзного бальнеологического курорта Советского Союза. Известно, что сосновый лес, горы, озера и уникальный лесостепной воздух по сей день являются важнейшими факторами в укреплении здоровья человека, – данные факторы присутствуют в курортной зоне Борового.

Исследования академика Н.Ф. Гамалеи перекликались с научными интересами Л.С. Берга в области фтизиатрии (в методах лечения туберкулёза). «Патриарх» отечественной микробиологии, в эвакуации в Боровом он проводил крупные исследования по изучению этой во многом обусловленной социальными факторами болезни (широко известны и разработанные им меры борьбы с такими заразными заболеваниями, как бешенство, холера, тиф, чума и др.). В туберкулезном санатории "Боровое" учёный организовал специальную лабораторию по исследованию туберкулёза, где проводили опыты и изготавливали лекарства на местом сырье, пропагандировал кумысолечение – одно из средств лечения туберкулёзных больных, а также отдавал всё своё свободное время раненым и больным воинам, находившимся на излечении в эвакогоспиталях Борового.

Академик Н.Д. Зелинский в период эвакуации в Боровом руководил научной лабораторией, которой удалось улучшить качество бензина путем риформинга – ароматизации нефти. Именно в Боровом было создано топливо, которое дало возможность резко увеличить мощность моторов и скорость самолетов, что позволяло взлетать им с меньшего разбега и подниматься на

большую высоту со значительным грузом. В военный период такой результат стал настоящим прорывом в советской авиационной науке.

Академик А.Е. Фаворский, находясь в эвакуации в Боровом, руководил своей лабораторией при Институте органической химии, где была разработана присадка на основе синтетического каучука, при добавлении которой к машинным маслам они получали свойства зимних авиационных масел, а при другой пропорции были получены и летние сорта машинного масла. Данная присадка была введена в промышленное производство в 1942 г.

В эвакуации в Боровом находилась целая плеяда академиков Ленинградского института востоковедения АН СССР: китаевед академик В.М. Алексеев, индологи – академики Ф.И. Щербатской и А.П. Баранников, иранист член-корреспондент А.А. Фрейман. Боровской период их жизни стал для них насыщенным и плодотворным – они осуществляли переводы китайских, индийских, персидских шедевров на русский язык, составляли картотеки и каталоги классиков восточной литературы, руководили аспирантами..

Академик А.С. Орлов в эвакуации в Боровом создал фундаментальный труд «Казахский героический эпос», проведя сопоставительный анализ русских былин и казахского героического эпоса, специально выучив казахский язык для достоверного понимания и осмысления героического прошлого казахского народа, с целью изучения феномена героизма и мужества богатырей и батыров и показа патриотизма на примере исторического прошлого в назидание современникам и будущим поколениям в борьбе за Родину против завоевателей.

Женщины-академики Л.С. Штерн и А.М. Панкратова своими научными открытиями в период эвакуации в Казахстане также внесли огромный вклад в становление и развитие советской академической науки – Л.С. Штерн в области физиологии (гемато-энцефалический барьер), А.М. Панкратова в историческую науку (она была главным редактором первого академического издания по истории союзной республики).

Практически все научные разработки учёных, созданные ими в период эвакуации в Казахстане, вошли в золотой фонд советской академической науки, а также стали основой становления и развития казахстанской академической науки.

Научная и общественная деятельность эвакуированных ученых в Казахстане стала одним из главных факторов роста научно-технического потенциала республики и формирования сети научных учреждений АН Казахской ССР. За годы войны в республике открылись новые академические институты и их филиалы, а число научных сотрудников увеличилось в несколько раз. Ученые внесли множество рационализаторских предложений, имеющих стратегическое, народнохозяйственное и оборонное значение. Их вклад в развитие научного потенциала республики, научные достижения, которых они добивались в условиях военного времени, стали побудительным мотивом и предпосылками для открытия в июле 1946 г. полнокровной Академии наук Казахской ССР.

В одной диссертации невозможно раскрыть все сюжеты по изучаемой теме. Безусловно необходимо продолжить поиск и публикацию материалов о жизни и деятельности выдающихся ученых на земле Казахстана во время эвакуации в период Великой отечественной войны, особенно тех, которые не нашли подробного отражения в диссертации. Нуждается в дальнейшем исследовании такой важный сюжет истории науки и техники Казахстана как влияние эвакуации ученых и научных учреждений на развитие научно-технического потенциала республики и на модернизацию ее экономики в целом. Работа комиссии по военным изобретениям при ЦК компартии Казахстана заслуживает отдельного глубокого исследования, как и деятельность Научного совета заповедника Боровое в период войны. о сих пор ждут публикации ценные рукописи, подготовленные вакуированными учеными в период 1941–1945 гг., исследования А.С. Орлова, С.А. Зусера.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные и музейные документы и материалы

Архив РАН

1. Ф. 518. Архив академика В.И. Вернадского. Оп. 2. Д. 21, 22, 50, 52, 53, 59.

Архив Музея археологии и этнографии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина

2. Ф. 2. Архив С.А. Семенова-Зусера. П. 19. Древняя история Казахстана. От полеолита до арабского завоевания. 1946. Л. 1–224.

Архив Президента Республики Казахстан (АПРК)

3. Ф. 708. ЦК КП Казахстана за 1937–1991 гг. Оп. 1.1. Д. 3. Оп. 5.1. Д. 139, 140. Оп. 6.1. Д. 104, 468, 484, 617, 689– 713, 717–719, 721–723. Оп. 7.1. Д. 72, 225, 249, 276, 687.

4. Ф. 725. Уполномоченные комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Казахстану. Оп. 4. Д. 475.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)

5. Ф. 44. Об оказании содействия экспедиции в Семиреченскую область главного ботаника Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада Вл. Ип. Липского, этномолога Иванова и Балхашской экспедиции Л.С. Берга. Оп. 1. Д. 49249.

6. Ф. Р-1109. Верховный Совет КазССР. 1938–1976 гг. Оп. 3. Д. 105, 124.

7. Ф. 1137. Бюро академического коллектива АН СССР на курорте Боровое. Оп. 6. Д. 827. Оп. 8. Д. 554.

8. Ф. 2057.Архив академика К.И. Сатпаева. Оп. 1. Д. 1735.

Ведомственный архив РГП «Ғылым ордасы» (Архив Национальной Академии наук РК)

9. Ф. 23. Бекмаханов Ермухан Бекмаханович. Оп. 1. Д. 712, 635.

10. Ф. 72. Покровский С.Н. Оп. 1. Д. 181,182, 214, 475, 530.

Архив ЦПСиИ по Жамбылской области (Архив центра правовой статистики и информации по Жамбылской области)

11. Ф. 3. Академик Л.С. Штерн. Оп. 11. Д. 2562.

Государственный архив Кокчетавской области (ГАКО)

12. Ф.1525. Воспоминания Д. Алагузова о пребывании в Боровом в годы Великой Отечественной войны академиков и ученых (1941-1945 гг.). 1971 г. Оп. 1. Ед. хр. 157, л. 1–3.

13. Ф. 32601. Личное дело Шкрыль С.А. Оп. 7. Д. 57. Л. 1–25;

Государственный архив г. Кокшетау

14. Ф. 759. Государственный курорт «Боровое» курортного управления наркома здравоохранения Каз.ССР Щучинского района Северо-Казахстанской области (1941 г.). Список академиков и научных работников АН СССР, проживающих в Боровом с иждивенцами. Оп. 1. Ед. хр. 6. Св. 2. Оп. 1. Д. 2, 5, 6.

Архив Госзаповедника «Боровое»

15. Материалы. Раздел I. Инв. № 14. Д. 0122; № 16. Д. 0129; № 16. Д. 0135; № 18. Д. 0141; № 19. Д. 0144; № 21. Д. 0157.

16. Раздел IV. Инв. № 3. Д. 0113; инв. № 4. Д. 0131; инв. № 4. Д. 0132; инв. № 5. Д. 0142; инв. № 6. Д. 0152.

17. Научный фонд. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0017.

18. Раздел III. Инв. № 28. Д. 0111; № 29. Д. 0127; № 30. Д. 0128; № 31. Д. 0112; № 31. Д. 0112; № 31. Д. 0130; № 34. Д. 0127; № 35. Д. 0147; № 40. Д. 0143.

19. Раздел XIII. Инв. № 4. Д. 0067.

Историко-краеведческий музей Акмолинской области РК.

20. Документальный фонд. ГИК 20878–20890. Л. 1–52 // *Бражников С.Г.* Воспоминания об академиках, проживавших в дни Великой Отечественной войны в Боровом (1947): Рукопись.

21. Документальный фонд. ГИК 20878-20890. Л. 1–30 // *Пааль (Шкрыль) С.А*. В Боровом, в годы войны (1971). Рукопись.

22. Документальный фонд. ГИК 20878-20890. Л. 1–245 // *Шкрыль П*. В Боровом, в годы войны (1985): Рукопись.

Историко-краеведческий музей п. Бурабай Акмолинской области (ранее – Музей имени Абылай-хана).

23. Фонд А.Д. Турсынбаевой. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–6 // *Винокурова А*. Воспоминания о проживавших академиках и ученых во время Великой Отечественной войны в санатории «Боровое» (1960): Машинопись.

Труды эвакуированных ученых

24. Баранников А. П. Тулси Дас. Рамаяна или Рамачаритаманаса (Море подвигов Рамы) / пер. с инд. (хинди), ком. и вступ. ст. академика А. П. Баранникова. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 969 с.

25. Белоновский Г. Д. Динамика иммунитета / Г. Д. Белоновский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1944. – 23 с.

26. Белоновский Г. Д. К вопросу об укупорке сосудов при консервировании крови // Труды Ленинградского института переливания крови. – 1943. – Т. 5. – С. 72–73.

27. Белоновский Г. Д. Электрофорез и консервирование крови // Труды Ленинградского института переливания крови. – 1943. – Т. 5. – С. 108–110.

28. Борисяк А. А. Новый представитель халиокотериев из третичных отложений Казахстана // Труды Палеонт. института. – 1946. – Т. 13, вып. 3. – 134 с.

29. Вернадский В. И. Гете как натуралист: Мысли и замечания // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд-ние геологии. – 1946. – Т. 21, № 1. – С. 105–114.

30. Вернадский В. И. Из воспоминаний. Первый год Украинской Академии наук. (Воспоминания – 1918–1919 о первом годе Украинской Академии (1943) / В. И. Вернадский // В. И. Вернадский. Труды по истории науки. – М. : Наука, 2002. – С. 366–386.

31. Вернадский В. И. Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки. Боровое-Госкурорт (10 июня 1942 г.) / В. И. Вернадский // Научное наследие В.И. Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации: докл. межгос. конф. (Крым, 23–25 мая 2001 г.). – М. : Ноосфера, 2001. – С. 155–163.

32. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере (21 июля 1943 года) // Успехи современной биологии. – 1944. – Т. 18, вып. 2. – С. 113–120.

33. Вернадский В. И. О геологических оболочках Земли как планеты (18 января 1942 года) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. и геофиз. – 1942. – № 6. – С. 251–262.

34. Вернадский В. И. О геологическом значении симметрии. На фоне роста науки XX столетия (27 сентября 1942 г. – 2 ноября 1942 г.). – [Б.м.], 1975. – 40 с.

35. Вернадский В. И. О значении почвенной атмосферы и ее биогенной структуры // Почвоведение. – 1944. – № 4/5. – С. 137–143.

36. Вернадский В. И. О состоянии пространства в геологических явлениях Земли как планеты. На фоне роста науки XX столетия (1943). Посвящена памяти супруги Н.Е. Вернадской // Проблемы биогеохимии. – М.: Наука, 1980. – С.85-164.

37. Вернадский В. И. Об организации научной работы (9 ноября 1942 г.) / публ. подгот. В.С. Неаполитанской, Н.Ф. Филипповой // Природа. – 1975. – №4. – С. 35–37.

38. Вернадский В. И. Ответы на вопросы анкеты об организации научной работы. (29 июля 1943 г. Боровое). – Вернадский В.И. Начало и вечность жизни / Сост., вступ. ст., коммент. М.С. Бастраковой, И.И. Мочалова, В.С. Неополитанской. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 618-624.

39. Вернадский В. И. Памяти проф. Петра Андреевича Земятченского, 1856–1942 // Изв. АН СССР. Сер. геол. – 1943. – № 1. – С. 105–114.

40. Вернадский В. И. Пережитое и передуманное / предисл. Э. М. Галимова ; сост., ком., предисл С. И. Капелуш. – М. : Вагриус, – 2007. – 336 с.

41. Вернадский В. И. Письмо в редакцию (о метеорите, упавшем на территории Б.-Тюктинского лесничества Акмолинской области) // Акмолинская правда. – 1942. – 14 сент. – С. 4.

42. Вернадский В. И. Проявление минералогии в Космосе / В. И. Вернадский // Метеоритика : сб. ст. – М. ; Л., 1946. – Вып. 3. – С. 3–6.

43. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения (1943) / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1965. – 374 с.

44. Иванов Л. А. О водном режиме древесных пород в условиях Северного Казахстана (Боровое) / Л. А. Иванов // Рефераты работ учреждений отделения биологических на-ук АН СССР. – М. ; Л. : АН СССР, 1945. – С. 18–28.

45. Избранные научные труды академика В. И. Вернадского. – Киев, 2012. – Т. 8. – 580 с.

46. Комаров В. Л. Все ресурсы Казахстана – на нужды обороны // Казахстанская правда. – 1942. – 7 июня. – С.4.

47. Крылов А. Н. Ньютон и его значение в мировой науке. (1643–1943) / А. Н. Крылов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1943. – 39 с.

48. Лейбензон Л. С. Краткий курс теории упругости / Л. С. Лейбензон. – М. ; Л. : ОГИЗ ГТТЛ, 1942. – 304 с.

49. Орлов А. С. Казахский героический эпос / А. С. Орлов. – М. ; Л. : АН СССР, 1945. – 148 с.

50. Папалекси Н. Д. Леонид Исаакович Мандельштам. (Краткий очерк жизни и научной деятельности) / Н. Д. Папалекси // Л. И. Мандельштам. Полн. собр. тр. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 7–32.

51. Струмилин С. Г. Детище возрожденного народа // Казахстанская правда. – 1945. – 11 нояб. – С.3.

52. Струмилин С. Г. Избранные произведения / С. Г. Струмилин. – М. : Наука, 1964. – Т. 4. – 467 с.

53. Сукачев В. Н. Очерк лесной растительности заповедника «Боровое». - Труды Государственного заповедника «Боровое». Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. – Вып. 1. – С. 14-40.

54. Труды Государственного заповедника «Боровое». Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. – Вып. 1. – 96 с.

55. Тюменев А. И. Рабочая сила в государственном хозяйстве древнего Египта : автореферат / А. И. Тюменев // Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. Отделение истории и философии (Академии наук СССР). – М. ; Л.: АН СССР, 1945. – 23 с.

56. Усова А. А. Месторождения мирабилита, белых глин и чистых кварцевых песков района западнее Борового // Изв. АН СССР. Сер. геологическая. – 1944. – № 2. – С. 115–118.

57. Шмальгаузен И. И. Вопросы дарвинизма (1943). Неопубликованные работы / И. И. Шмальгаузен. – М. : Наука, 1990. – 160 с.

58. Штерн Л. С. В институте физиологии Академии Наук СССР. Беседа с академиком Л. С. Штерн // Казахстанская правда. – 1942. – 27 окт. – С.4.

59. Эпштейн-Коллонтай Ю. М. Лекции советских учёных // Социалистический труд. – 1941. – 31 дек. – С.2.

Дневники, воспоминания, письма

60. «Из памяти выплыли воспоминания…». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца. – М., 2007. – 600 с.

61. Абишев Г. Под знаменем Родины / Г. Абишев. – М., 1967. – 212 с.

62. Академик К. И. Сатпаев : из писем и заметок. – Алматы : Атамұра, 1998. – 160 с.

63. Андреева М. Ф. Переписка, воспоминания, статьи, документы / М. Ф. Андреева. – М. : Искусство, 1963.– 734 с.

64. Баландин А. А. Очерки. Воспоминания. Материалы / А. А. Баландин. – М. : Наука, 1995. – 498 с.

65. Берг Р. Л. Суховей. Воспоминания генетика / Р. Л. Берг. – М. : Памятники исторической мысли, 2003. – 527 с.

66. Бескровный В. М. Памяти академика А.П. Баранникова / В. М. Бескровный, В. И. Кальянов // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – 1953. – Т.XII, вып. 1. – С. 23- 30.

67. В. И. Вернадский. Фотоальбом / сост. В. С. Неаполитанская ; авторы текста Г. П. Аксенов, В. С. Неаполитанская. – М. : Планета, 1988. – 280 с.

68. Васильев А. П. К 150-летию Натальи Егоровны Вернадской / А. П. Васильев, И. Н. Ивановская // Вестник НЯЦ РК (Национального ядерного центра Республики Казахстан). – 2012. – Вып. 1. – С. 168–171.

69. Вернадская-Толль Н. В. Штрихи к портрету // Прометей : ист.-биогр. альм. сер. «Жизнь замечательных людей» / сост. Г. Аксёнов ; науч. ред. И. И. Мочалов. – М., 1988. – Т. 15. – С. 120- 131.

70. Вернадский В. И. Пережитое и передуманное / предисл. Э. М. Галимова ; сост., ком., предисл. С. И. Капелуш. – М. : Вагриус, 2007. – 336 с.

71. Вернадский. Ученый. Мыслитель. Гражданин. Труды ученого и литература про него из фондов Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского : библиогр. указатель / НАН Украины. НБУВ ; сост. : Л. В. Беляева, Л. С. Новосёлова и др. ; науч. ред. В. Ю. Омельчук. – К., 2003. – 260 с.

72. Владимир Вернадский: Жизнеописание // Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г. П. Аксенов. – М. : Современник, 1993.– 688 с.

73. Владимир Иванович Вернадский / сост. И. Г. Бебих [и др.] ; авт. вступ. ст. А. Л.Яншин, Ф. Т. Яншина. – М. : Наука, 1992. – 232 с.

74. Волохова Н. А. Феномен / Н. А. Волохова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л. : Лениздат, 1986. – 319 с.

75. Все ресурсы Казахстана – на нужды обороны! Беседа с президентом Академии наук СССР академиком В. Л. Комаровым // Казахстанская правда. – 1942. – 7 июня. – С 4.

76. Габдуллин М. Будни войны / М. Габдуллин. – Алма-Ата, 1968. – 180 с.

77. Голлербах М. М. Памяти Н. Н. Воронихина // Ботанический журнал. – 1956. – Вып. 4 (8). – С. 1230–1234.

78. Головин Г. И. Первый лауреат золотой медали А. С. Попова // Вестн. АН СССР. – 1948. – № 8. – С. 78.

79. Головин Г. И. Пионер высокочастотной техники / Г. И. Головин. – М.: Связь, 1970. – 112 с.

80. Зенкович Л. А. Памяти Сергея Александровича Зернова / Л. А. Зенкович, С. Д. Муравейский // Зоологический журнал. – 1945. – Т. XXIV, вып. 4. – С. 201-214.

81. Золотницкая Р. Л. Л. С. Берг в годы Великой Отечественной войны // Изв. ВГО. – 1970. – Т. 102, вып. 1. – С.85-88.

82. Иван Иванович Шмальгаузен. – Киев : Наукова думка, 1984. – 25 с.

83. Калашников М. Калашников : траектория судьбы / М. Калашников, Е. Калашникова; сост. Н. Шкляев. – М., 2004. – 640 с.

84. Калашников М. Т. Записки конструктора-оружейника / М. Т. Калашников. – М. : Военное изд-во, 1992. – 301 с.

85. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / отв. редактор Н.П. Копанева. – СПб.: Наука, 2009. – 1220 с.

86. Комаров В. Л. Памяти В. И. Вернадского // Правда. – 1945. – 8 янв. – С. 3.

87. Косович Н. Л. Полвека непрерывного творческого труда профессора Л. А. Иванова в Лесотехнической академии им. С. М. Кирова // Труды Академии им. Кирова. – 1948. – № 64. – С. 30- 45.

88. Кочина П. Я. Воспоминания / П. Я. Кочина. – М. : Наука, 1974. – 303 с.

89. Лев Семенович Берг (к 70-летию со дня рождения) // Вестн. Казахского Филиала АН СССР. –1946. – № 4 (13). – С. 57-58.

90. Лихачев Д. С. Академик Александр Сергеевич Орлов и Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Страницы из воспоминаний // Д. С. Лихачев. Избранное: Воспоминания. – СПб., 1997. – С. 153–158.

91. Маркелова Л. П. Оружием творчества / Л. П. Маркелова. – М. : Политиздат, 1985. – 1943 с.

92. Нурпеис К. Дискуссия по книге Бекмаханова Е.Б. «Казахстан в 20–40-е годы XIX века» : Стенограмма 14–19 июля 1948 года. – Алматы, 2000. – 187 с.

93. Оранский И. М. Памяти учителя // Народы Азии и Африки. –1968. – № 3. – С. 245-246.

94. Панкратова А.М. – И.О. Омарову // Ілияс Омаров : Хаттар арқалаған сырлар. Из переписки Ильяса Омарова / Құраст. І. М. Қозыбаев, Н. П. Кропивницкий, А. Л. Кривков. – Алматы : Раритет, 2012. – 480 с.

95. Папалекси Н. Д. Леонид Исаакович Мандельштам. (Краткий очерк жизни и научной деятельности) / Н. Д. Папалекси // Л. И. Мандельштам. Полн. собр. тр. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 3–32.

96. Переписка В. И. Вернадского с Б. Л. Личковым. 1940–1944. – М. : Наука, 1980. – 224 с.

97. Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. – 1988. – № 11. – С. 54–79.

98. Письмо А. И. Вернадского К. И. Сатпаеву с предложением о заменителях спичек. Ответ от 1 июля 1943 года // ЦГА РК. – Ф. 2057. Архив академика К. И. Сатпаева – Оп. 1. – Д. 1745. – Л. 2.

99. Прокофьев А. А. Владимир Оттонович Таусон. (Некролог) // Микробиология. – М., 1947. – Т. 16, вып. 2. – С. 32.

100. Рассказы о русском первенстве. – М. : Молодая гвардия, 1950. – С. 83–84.

101. Римский-Корсаков М. Н. Зоологические воспоминания (1943) / подготовка к публ., вступ. ст. и ком. С. И. Фокина // Историко-биологические исследования. – СПб., 2009. – Т. 1, №1. – С. 121-136.

102. Савельев А. В. Необычная карьера академика А. М. Панкратовой / А. В. Савельев. – М. : Прогресс-Традиция, 2012. – 432 с.

103. Сарбей В. Г. Гамалія Микола Федорович // Енциклопедія історії України. –Киев : Наукова думка, 2004. –Т. 2. – С. 47.

104. Световидов А. Н. Памяти Петра Юльевича Шмидта (1872–1949) / А. Н. Световидов // Изв. ТИНРО. – Владивосток, 1951. – Т. 35. – С. 209–210.

105. Семичов Б. В. Академик Федор Ипполитович Щербатской / Б. В. Семичов, А. Н. Зелинский // Ф. И. Щербатской. Избранные труды по буддизму. – М. : Наука, 1988. – С.15 – 41.

106. Скворцов Н. В дни Отечественной войны // Казахстанская правда. – 1942. – 17–19 июля. – С.1.

107. Сытник К. М. В. И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине / К. М. Сытник, Е. М. Апанович, С. М. Стойко. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев : Наукова думка, 1988. – 368 с.

108. Трудные годы Лины Штерн. (Записал Малкин В.Б.) // Трагические судьбы : репрессированные ученые Академии наук СССР : сб. ст. – М. : Наука, 1995. – С. 156-181.

109. Ужанов А. Е. Михаил Калашников / А. Е. Ужанов. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 438 с.

110. Ундасынов Н. Казахский народ создает свою Академию наук // Казахстанская правда. – 1946. – 1 июня.

111. Ушаков П. В. Из воспоминаний о прошлом / П. В. Ушаков // Отечественные зоологи. Труды Зоологического института РАН. – М., 2002. – Т. 292. – С. 98–139.

112. Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский. – Л. : Лениздат, 1968. – 54 с.

113. Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский. 1860–1945. – Л. : Наука, 1980. – 252 с.

114. Фёдоров В. Техника в годы войны (учёные фронту). – М.: Знание, 1970.

115. Фигуровская Н. К. Забытый академик (Петр Павлович Маслов) // Проблемы современной экономики. – 2011. – Вып. 4. – С. 426–432.

116. Ханович И. Г. Академик Алексей Николаевич Крылов. – Л. : Наука, 1967. – 201 с.

117. Харбсмайер К. Василий Михайлович Алексеев и российское китаеведение // Архив российской китаистики. – М. : Наука : Восточная литература, 2013. – 508 с.

118. Чиликова Е. В. «Я твердо и настойчиво буду испытывать новый образец...». Документы Архива Президента Республики Казахстан о разработке М.Т. Калашниковым пистолета-пулемета. 1942–1943 гг. – Журнал «Отечественные архивы», №2 (2010 г.), С.97-105.

119. Шкрыль (Пааль) С.А. В Боровом, в годы войны. (Все для победы) // Степной маяк. – 1971. – 20 мая. – С.2.

120. Шкрыль П. Академик Орлов в Боровом // Степной маяк. – 1989. – 22 дек. – С.4.

121. Шмальгаузен О. И. Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963). – М. : Наука, 1988. – 256 с.

122. Шостаковский М. Ф. Академик Алексей Евграфович Фаворский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 99 с.

Литературные источники

123. Былины / сост., автор предисл. и вводн. текст. В. И. Калугин. – М. : Современник, 1986. – 559 с.

124. Қырымның қырық батыры. //Сказание о сорока крымских витязях. /Казахский героический эпос.// – Алматы : Жазушы, 1989. – 384 б.

125. Батырлар жыры. Алтыншы том. – Алматы : Жазушы, 1990. – 272 б.

126. Ер Едиге : издание, опубликованное в 1927 году в Москве с предисловием К. И. Сатпаева. – Алматы : Ғылым, 1995. – 152 с.

127. Тарихи жырлар. Үшінші том. – Алматы : Білім, 1996. –224 б.

128. Халид Құрбанғали. Тауарих хамса : Бес тарих. –Алматы : Қазақстан, 1992. –304 б.

Сборники документов и материалов

129. Алматы 1941–1945 гг. Тыловая хроника в документах. – Алматы, 2015.– 80 с.

130. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: сб. док. и материалов : в 2 т. / М. Габдуллин, С. Н. Покровский. – Алма-Ата : АН КазССР, 1964. – Т. 1. – 596 с.

131. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: сб. док. и материалов : в 2 т. / М. Габдуллин, С. Н. Покровский. – Алма-Ата : АН КазССР, 1964. – Т. 2. – 527 с.

132. Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: очерки, воспоминания, документы / сост. Е. А. Беляев, Н. М. Осипова, Е. А. Шитиков. – М. : Наука, 1996. –311 с.

133. Рассекреченная война : «Особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 : сб. док. – Алматы : АП РК, 2010. – 604 с.

134. Ректоры Томского университета : Биографический словарь (1888—2003) / С. Ф. Фоминых [и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – Т. 5. – 186 с.

135. Русский архив: Великая Отечественная : Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941–1942 гг. – М.: Терра, 1997. –Т.1. – 448 с.

136. Русский архив : Великая Отечественная : Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. : документы и материалы. – М. : Терра, 1998. – Т. 25 (14). – 736 с.

137. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : документы и материалы / отв. ред. С. Ф. Фоминых. – Томск : Изд. Дом ТГУ, 2015. – 480 с.

Периодическая печать

А. Газеты

138. Акмолинская правда. – Акмолинск, 1942.

139. Горизонт. – Алма-Ата, 1988.

140. За Родину. – Алма-Ата, 1947.

141. Известия. – М., 1949.

142. Иллюстрированная газета. – М., 1939.

143. Казахстанская правда. – Алма-Ата, 1941, 1942,1945, 1946, 1988, 2010, 2011. 2013, 2015, 2016

144. Караван. – Астана, 2008.

145. Луч, Щучинск, районная газета, 1988, 1990

146. Оркен, Алма-Ата, 1988

147. Правда. М., 1945, 1950.

148. Советы Казахстана, Алма-Ата, 1991

149. Степной маяк. Кокчетав, 1971, 1989,1990

150. Егеменді Қазақстан, Астана, 2002, 2004.

151. Б. Журналы

152. Акикат, Алматы, 1990

153. Большевик, М., 1943, 1945

154. Большевик Казахстана, Алма-Ата, 1947

155. Биология жане салауатылық негізі, Алматы, 2003.

156. Ботанический журнал. М., 1956.

157. Красная звезда, М., 1966

158. Культура и жизнь, М., 1947

159. Медицинский работник, М., 1939.

160. Народы Азии и Африки. М., 1968.

161. Отан тарихы, Астана, 2012

162. Природа. М., 1967, 1975

163. Почвоведение. М., 1944

164. Социалистический труд. М., 1941, 1942.

Литература

1. Абдрахманов Е. Ударная помощь тыла // Казахстанская правда. – 2016. – 13 мая. – С.4.

2. Абдрахманов С. Вернадский // Егеменді Қазақстан. – 2002. – 12 шілде. – Б.2.

3. Абилев А. К. Из истории деятельности научных учреждений по изучению Казахстана XIX – начала XX в. / А. К. Абилев, Ж. А. Аханов // Из фондов Центрального архива Академии Наук КазССР. – Алма-Ата, 1990. – С.

4. Абишев Г. Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Г. Абишев. – Алма-Ата: Казахс. гос. изд-во, 1958. – 258 с.

5. Абишев Г. Казахстан в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Г. Абишев. – Алма-Ата, 1959. – 55 с.

6. Абсеметов М. Патриарх микробиологии: след на казахской земле // Казахстанская правда. – 2011. – 18 февр. – С. 27.

7. Абсеметов М. Пророк ноосферы // Казахстанская правда. – 2013. – 28 дек. – С. 10.

8. Абсеметов М. О. В. И. Вернадский в Казахстане (из истории научных связей России и Казахстана) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 395. – С. 93–96.

9. Абсеметов М. О. В. И. Вернадский в Казахстане / М. О. Абсеметов // В. И. Вернадский и история науки: к 150-летию со дня рождения : сб. докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 7–12.

10. Абсеметов М. О. Великий географ Евразии (о Льве Семеновиче Берге) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 398. – С. 93–98.

11. Абсеметов М. О. Вклад академика А. М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 402. – С. 23–28.

12. Абсеметов М. О. Востоковеды АН СССР в период эвакуации на курорте Боровое в годы Великой отечественной войны // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 415. – С. 32–35.

13. Абсеметов М. О. Деятельность республиканской комиссии военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана в годы второй мировой войны [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – Электрон. дан. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17733 (дата обращения: 16.05.2017).

14. Абсеметов М. О. К вопросу о теории модернизации как историческом феномене казахстанского общества / М. О. Абсеметов // 25-летие Независимости Республики Казахстан: успешное государство, успешная страна : материалы конференции. г. Астана, 2 июня 2016 г. – Астана, 2016. – С. 20–25.

15. Абсеметов М. О. К истории создания легендарного автомата Калашникова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 392. – С. 98–102.

16. Абсеметов М. О. Казахстан в судьбе академика Л.С. Штерн // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 401. – С. 79–83.

17. Абсеметов М. О. Наследие академика В. И. Вернадского в архивах Казахстана / М. О. Абсеметов // Матеріали Всеукр. (з міжнар. участю) наук.-практ. конф., присвяченій 20-річчю Україн. науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства «Архіви – Наука – Суспільство: шляхи взаємодії» 21-22 травня 2015 р., м. Київ. – Київ, 2015. – С. 7–10.

18. Абсеметов М. О. Научная деятельность эвакуированных учёных АН СССР в документах и материалах ученого совета государственного заповедника «Боровое» [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – Электрон. дан. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=17733 (дата обращения: 16.05.2017).

19. Абсеметов М. О. Научные учреждения АН СССР и вузы в Казахстане в период эвакуации [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – Электрон. дан. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=16828 (дата обращения: 16.05.2017).

20. Абсеметов М. О. Патриарх микробиологии и эпидемиологии Николай Федорович Гамалея [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – Электрон. дан. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=14589 (дата обращения: 16.05.2017).

21. Абсеметов М. О. Повесть М. И. Ритман-Фетисова «Герой Советского Союза Малик Габдуллин» об участии воинов-казахстанцев в битве под Москвой // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 411. – С. 23–27.

22. Абсеметов М. О. Харьковский исследователь древностей Казахстана (о Семене Анатольевиче Семенове-Зусере) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 416. – С. 30–35.

23. Абсеметов М. О. Эвакуированные предприятия европейской части СССР в Казахстане в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – Электрон. дан. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=16891 (дата обращения: 16.05.2017).

24. Абсеметов М. О. К вопросу об особенностях процесса модернизации Казахстана в 1920–1940-е гг. / М. О. Абсеметов, В. П. Зиновьев // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 410. – С. 19–23.

25. Азиатский музей. Ленинградское отделение Института востоковедения. – М. : Наука, 1972. – 595 с.

26. Айтжанова Г. Р. Без слов я понимаю мысль твою (о Н. Е. Старицкой (Вернадской) // Казахстанская правда. – 2010. – 14 дек. – С. 16.

27. Академик Л. И. Мандельштам. К 100-летию со дня рождения. – М. : Наука, 1979. – 314 с.

28. Академик В. Н. Сукачев // Вестн. АН СССР. – 1967. – № 4–85. – С. 25.

29. Алексей Александрович Баландин (1898–1967). – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1984. – 144 с.

30. Аксенов Г. П. В. И. Вернадский о становлении науки на фоне национальной культуры / Г. П. Аксенов // В. И. Вернадский и история науки: к 150-летию со дня рождения : сб. докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 13–19.

31. Александр Ильич Тюменев (1880–1959). Материалы к библиографии ученых СССР. Серия истории. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. 7. – 38 с.

32. Алматы 1941–1945 гг. Тыловая хроника в документах. – Алматы, 2015. – 80 с.

33. Аль-Фараби. О разуме и науке / Аль-Фараби. – Алма-Ата : Наука, 1975. – 113 с.

34. Андреев А. А. Россия и Казахстан в 1990-е годы: опыт сотрудничества : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Андреев. – СПб., 2009. – 23 с.

35. Асылбеков М. Х. Вклад академика А. М. Панкратовой в историческую науку Казахстана // Отан тарихы. – 2012. – № 1 (57). – С. 27–33.

36. Байшин А. Трудовые подвиги рабочих, колхозников и интеллигенции Казахстана в годы войны / А. Байшин, Т. Балакаев // Изв. Академии наук КазССР. Сер. общественных наук. –1965. – Вып. 4. – С. 30–34.

37. Балакаев Т. Казахстан – арсенал фронта // Вестн. АН КазССР. – 1970. – № 5. – С. 22–28.

38. Балакаев Т. Б. Деятельность Казахского филиала Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны / Т. Б. Балакаев, А. К. Бисенбаев // Вестн. АК КазССР. – 1983. – № 11. – С. 51–56.

39. Баландин А. Н. Жизнь и научная деятельность Н.Д. Зелинского / А. Н. Баландин, Н. Е. Зелинская, А. Н. Зелинский // Н. Д. Зелинский. Избр. труды. – М. : Наука, 1968. – С.

40. Балезин С. А. Выдающиеся русские ученые химики / С А. Балезин, С. Д. Бесков. – М. : Просвещение, 1972. – С. 200–210.

41. Барсова-Шестакова Н. М. Наши учёные: Академик Владимир Иванович Вернадский в Боровом // Акмолинская правда. – 1942. – 14 июня. – С. 2.

42. Батурин Ю. М. Целостность и перестройка биосферы человеком по В.И. Вернадскому: восприятие космонавта / Ю. М. Батурин // В.И. Вернадский и история науки: к 150-летию со дня рождения : сб. докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 32–34.

43. Бейсенова А. С. Роль русских ученых в познании природы Казахстана (с древнейших времен до середины XX века) / А. С. Бейсенова. – Алматы: Мектеп, 2011. – 226 с.

44. Белан П. С. Казахстанцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : автореф. дис. … д-ра ист. наук / П. С. Белан. – Алматы, 1990. – 43 с.

45. Бельчук Г. А. Научная и инженерная деятельность Виктора Петровича Вологдина и его роль в развитии сварки в отечественном судостроении / Г. А. Бельчук, В. Д. Мацкевич // Труды Ленинградского кораблестроительного института. Вып. XIX: Сварка в судостроении: сб. посвящ. памяти д-ра техн. наук профессора Виктора Петровича Вологдина. – Л. : Госсоюзиздат суд. пром, 1956. – С. 5–14.

46. Берг Л. С. Соленые озера Селеты-денгиз, Теке и Кызыл-как Омского уезда : физико-географический очерк / Л. С. Берг, П. Г. Игнатьев. – М. : Синод. Тип., 1901. – 92 с.

47. Бескровный В. М. Памяти акад. Алексея Петровича Баранникова / В. М. Бескровный, В. И. Кальянов // Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. – 1953. – Т. XII, вып. 1. – С. 56.

48. Бисембаева Н. Нравственность – главное измерение. Вернадский // ЭКО курьер. – 1998. – 7–20 янв. – С. 11.

49. Бисенбаев А. К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук / А. К. Бисенбаев. – Алма-Ата, 1984. – 23 с.

50. Бойко В. А. Создание и деятельность научно-производственных центров на востоке СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / В. А. Бойко. – СПб., 2006. – 178 с.

51. Болдырев А. Н. Журнал текущей работы и происшествий по Институту востоковедения Академии наук СССР / А. Н. Болдырев // Труды востоковедов в годы блокады Ленинграда (1941–1944). – М., 2011. – С. 24.

52. Бранденбергер Д. Л. Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Д. Л. Бранденбергер. – М. : РОССПЭН, 2011. – 376 с.

53. Бузурбаев Г. Интеллигенция Казахстана в дни Отечественной войны // Казахстанская правда. – 1941. – 28 сент.

54. Букаткин П. Р. Западный Казахстан – ближайший тыл Сталинградского фронта / П. Р. Букаткин // Советский тыл в Великой Отечественной войне. – М., 1974. – Кн. 2. – С. 313–319.

55. Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана / А. Ю. Быков. – Барнаул : Азбука, 2003. – С. 261–262.

56. В отделении истории и философии Академии наук СССР (обсуждение опубликованной в «Правде» статьи Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана») // Изв. Академии наук СССР. Сер. истории и философии. – 1951. – № 2. – С. 195–201.

57. Вавилов С. И. Советская наука на службе Родине / С. И. Вавилов. – М. ; Л. : АН СССР, 1946. – 32 с.

58. Васильев А. П. Музейная комната В. И. Вернадского в Боровом // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. – М., 2008. – № 19. – С. 9–20.

59. Великие ученые Средней Азии и Казахстана (VIII–XIX вв.). – Алма-Ата : Казахстан, 1965. – 240 с.

60. В.И. Вернадский и история науки : к 150-летию со дня рождения : сб. докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М., 2013. – 284 с.

61. Волков В. П. У истоков сравнительной планетологии / В. П. Волков // Бюллетень комиссии по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского / отв. ред. Ф. Т. Яншина. – М., 2005. – Вып. 18. – С. 127–135.

62. Вопросы истории стран Азии. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1965. – 92 с.

63. Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сб. материалов Всерос. молодеж. науч. конф. (17–19 апреля 2013 г.) / под ред. П. П. Румянцева. – Томск : Том. гос. ун-т, 2013. – Вып. 9. – 612 с.

64. Ворожейкина Е. В. Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук / Е. В. Ворожейкина. – Кострома, 2004. – 26 с.

65. Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.) / В. В. Востров, М. С. Муканов. – Алма-Ата, 1968. – 256 с.

66. Все ресурсы Казахстана – на нужды обороны! // Казахстанская правда. – 1942. – № 133. – 7 июня. – С.

67. Все силы передовой науки – на разгром врага (собрание интеллигенции столицы Казахстана) // Казахстанская правда. – 1942. –13 окт. – С.

68. Выше уровень идеологической работы // Большевик Казахстана. – 1946. – № 1. – С. 30–35.

69. Геккер Р. Ф. Алексей Алексеевич Борисяк // Труды Палеонтологического института. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. XX : Памяти академика А. А. Борисяка. – С. 5–20.

70. Герасимов Б. Двадцатипятилетие Семипалатинского Отдела Государственного Русского Географического общества. 1902–1927 гг. / Б. Герасимов. – Кзыл-Орда: Изд. об-ва изуч. Казахстана, 1927. – 20 с.

71. Городецкая В. С. Размещение эвакуированных предприятий легкой промышленности в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Вестн. АН КазССР. –1975. –№ 4. – С. 3–7.

72. Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Э.И. Гракина; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. - М., 2000. - 388 с.

73. Грехем Л. Очерки истории российской и советской науки / Л. Грехем. – М. : Янус-К, 1998. – 312 с.

74. Гринина И. Р. О встречах и беседах историка науки С. Л. Соболя с В. И. Вернадским / И. Р. Гринина, С. С. Илизаров // В. И. Вернадский и история науки: к 150-летию со дня рождения : сб. докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 68–75.

75. Дацышен В. Г. История русского китаеведения. 1917–1945 / В. Г. Дацышен. – М. : Весь мир, 2015. –352 с.

76. Переписка В. М. Алексеева и И. Ю. Крачковского // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. – М. : Восточная литература, 2004. – Вып. III. – С. 216.

77. Джуанышбеков Н. О. Такая необычная жизнь : Есмагамбет Исмаилов / Н. О. Джуанышбеков, Ф. Е. Исмаилова. – Алматы : Қазақ университеті, 2011. – 382 с.

78. Донцова З. Н. Л. С. Берг и Туркестанский отдел Русского Географического общества / З. Н. Донцова // Памяти академика Л. С. Берга. – П. ; Л., 1955. – С. 73.

79. Дильманов С. Д. Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана (30-е – 50-е годы XX века) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / С. Д. Дильманов. – Алматы, 2002. – 45 с.

80. Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. научно-практ. конф. с международным участием / под общ. ред. Н. С. Ларькова. – Томск : Том. гос. ун-т, 2010. – 624 с.

81. Дружинин Н. М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки / отв. ред. академик А. М. Самсонов. – М. : Наука, 1985. – 236 с.

82. Дубовицкий Н. Академик В. И. Вернадский в Боровом // Луч (Щучинская районная газета Акмолинской области). – 1988. – 12 марта. – С. 3.

83. Дубовицкий Н. Академик Л. С. Штерн в Боровом // Луч. – 1988. – 3 дек. – С.3.

84. Дубовицкий Н. В годы войны. Клинический госпиталь им. Сеченова // Луч. – 1990. – 8 мая. – С.4.

85. Едыгенов Н. Вклад учёных республики в мобилизацию ресурсов Казахстана на разгром фашистской Германии // Изв. АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1965. – Вып. 4. – С. 64–73.

86. Едыгенов Н. Е. Культура и наука Казахстана в военные годы / Н. Е. Едыгенов, Р. Б. Сулейманов // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. – Алма-Ата, 1968. – Вып. 1. – 268 с.

87. Есенов Ш. Е., Касымжанов А. Х. Проблема классификации наук у Аль-Фараби / Ш. Е. Есенов, А. Х. Касымжанов // Труды XIII международ. конгресса по истории науки (Москва, 18–24 августа, 1971 г.). – М., 1974. – С. 180–182.

88. Жаманбаев К. Ж. Высшая школа в Казахстане : исторический опыт Коммунистической партии Казахстана по руководству высшей школы за 50 лет (1920–1070 гг.) / К. Ж. Жаманбаев. – Алма-Ата : Казахстан, 1972. – 184 с.

89. Жангельдин Т. Ж. Историческое значение и источники победы СССР в Великой Отечественной войне // Изв. Академии Наук КазССР. Сер. общественных наук. – 1965. – Вып. 4. – С. 3–13.

90. Жангуттин Б. О. Эвакуация советского населения в Казахстан (1941–1942 гг.) // Новый исторический вестник. – 2006. – № 1 (14). – С. 25–29.

91. Жирмунский В. М. Сказание об Идиге // Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – М., 1974. – 377 с.

92. Жирмунский В. М. Узбекский народный героический эпос / В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. – М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1947. – 518 с.

93. Жумашев Р. М. Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны // Вестн. Караган. ун-та. Сер. истории, философии. – 2010. – № 3(59). – С. 109–115.

94. Жылгелдинов М. Архивы рассказывают // Казахстанская правда. – 2016. – 3 июня. – С. 18.

95. Зелинский А. Н. Акад. Н. Д. Зелинский / А. Н. Зелинский. – М. : Наука, 1981. – с.

96. Зиновьев В. П. Становление индустриального общества в России : методическое пособие к специальному курсу лекций. – Томск, 1998. – 26 с.

97. Зиновьев В. П. Страны СНГ и Балтии : учебное пособие / В. П. Зиновьев, Е. Ф. Троицкий. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. – 334 с.

98. Зотова А. В. Вклад Ленинграда в достижение Победы в Великой Отечественной войне : народное хозяйство города в условиях военного времени (июнь 1941 г. – май 1945 г.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / А. В. Зотова. – СПб., 2016. – 43 с.

99. Ибрагимова Л. Х. Дастан «Чура батыр» в творчестве тюркских народов : авторефер. дис. … канд. филол. наук / Л. Х. Ибрагимова. – Казань, 2000. – 26 с.

100. Ивлев Н. П. Находки краеведа (о Л. С. Берге и других) / Н. П. Ивлев. – Алма-Ата : Казахстан, 1977. – 152 с.

101. Илизаров С. С. Аудиовизуальная антропология науки : проблемы и перспективы / С. С. Илизаров // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2003. – М., 2003. – С. 157–161.

102. Илизаров С. С. Диалоги историков науки : Б. Г. Кузнецов – собеседник В. И. Вернадского // В. Вернадский и история науки: к 150-летию со дня рождения: сб. докл. Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М. : АКСИ-М, 2013. – С. 98–104.

103. Илизаров С. С. Как меняли Президентов Академии наук СССР (40–50-е годы) / С. С. Илизаров, Г. Г. Кривошеина // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1997. – М., 1997. – Ч. 1. – С. 136–140.

104. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. – Алма-Ата: Казогиз, 1943. – 656 с.

105. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней. – 2-е изд. – Алма-Ата : АН КазССР, 1949. – 511 с.

106. Кадысова Р. Ж. Довоенная промышленная модернизация в Казахстане : историографические тенденции постсоветского периода // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 297. – С. 122–127.

107. Кадысова Р. Ж. Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.) : историография проблемы / Р. Ж. Кадысова. – Алматы : Ғылым, 2004. – 288 с.

108. Калита В. Династии врачей и учёных Гамалеев – 420 лет. Хроника жизни трёх поколений // Здоров'я України. – 2006. – № 9. – С.

109. Кальянов В. И. Академик Ф. И. Щербатской. Его жизнь и деятельность : сб. ст. памяти академика Ф. И. Щербатского / В. И. Кальянов. – М. : Наука. – 1972.

110. Коссович Н. Л. Основные направления научной деятельности Л. А. Иванова // Проблемы экологии и физиологии лесных растений. – Л., 1963. – С. 13–31.

111. Коссович Н. Л. Полвека непрерывного творческого труда профессора Л. А. Иванова в Лесотехнической Академии им. С. М. Кирова / Н. Л. Коссович // Труды Академии им. Кирова. – М., 1948. – № 64. – С. 34.

112. Костицын В. И. Рихтер Андрей Александрович / В. И. Костицын // В. И. Костицын. Ректоры Пермского университета. 1916–2006. – 2-е изд., перераб. и доп. – Пермь, 2006. – С.

113. Касымжанов А. Х. Абу Наср аль-Фараби / А. Х. Касымжанов. – М. : Мысль, 1982. – 198 с.

114. Кафтанов С. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне / С. Кафтанов. – М. : Госполитиздат, 1945. – 107 с.

115. Князев Г. А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1941–1945 гг. / Г. А. Князев, А. В. Кольцов. – 3-е изд., доп. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 226 с.

116. Ковальская С. И. Англо-американская историография советского опыта модернизации Казахстана : автореф. дис. … д-ра ист. наук / С. И. Ковальская. – Астана, 2008. – 50 с.

117. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд. доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

118. Козыбаев И. М. Историография Казахстана: уроки истории / И. М. Козыбаев. – Алма-Ата : Рауан, 1990. – 136 с.

119. Козыбаев И. М. Историческая наука Казахстана: 40–80-е гг. XX века / И. М. Козыбаев. – Алма-Ата : Казахский ун-т, 1992. – 152 с.

120. Козыбаев М. Из истории деятельности «Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны» // Изв. Академии Наук Казахской ССР. Сер. истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата, 1962. – Вып. 1 (18). – С. 62–70.

121. Козыбаев М. Казахстан – арсенал фронта / М. Козыбаев. – Алма-Ата : Казахстан, 1969. – 476 с.

122. Козыбаев М. Коммунистическая партия Казахстана в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941 июнь – 1945 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / М. Козыбаев. – М., 1969. – 70 с.

123. Козыбаев М. К. Вклад советских ученых в дело Победы // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1980. – № 3. – С. 36–43.

124. Козыбаев М. К. Опыт Компартии Казахстана по руководству промышленностью и транспортом в период Великой Отечественной войны : автореф. дис. … канд. ист. наук / М. К. Козыбаев. – Алма-Ата, 1962. – 23 с.

125. Козыбаев М. К. Становление историографии Казахстана периода Великой Отечественной войны / М. К. Козыбаев // Историческая наука Советского Казахстана (1917–1960 гг.): Очерки становления и развития. – Алма-Ата, 1990. – 145 с.

126. Козыбаев М. К. Труд во имя Победы / М. К. Козыбаев, Н. Е. Едыгенов. – Алматы : Казахстан, 1995. – 176 с.

127. Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). Алматы: Гылым, 2006.- 272 с.

128. Комков Г. Д. Академия Наук СССР – штаб советской науки / Г. Д. Комков, О. М. Карпенко, Б. В. Левшин. – М. : Наука, 1968. – 225 с.

129. Косович Н. Л. Полвека непрерывного творческого труда профессора Л. А. Иванова в Лесотехнической академии им. С.М. Кирова // Труды Академии им. Кирова. – 1948. – № 64. – 27-32.

130. Костюк Н. М. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза : сборник документов и материалов. Критика и библиография // Изв. АН КазССР. Серия общественных наук. – 1965. – Вып. 4. – С. 74–76.

131. Крюков Ю. Небо и земля // Казахстанская правда. – 1945. – 11 нояб. – С.3.

132. Кузьмин А. Н. Амре Айтбакин – воспитанник Императорского Томского университета, первый дипломированный казахский врач / А. Н. Кузьмин, С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых // Сибирский медицинский журнал. – 2011. – Т. 26, № 1–1. – С. 177–178.

133. Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 56–60.

134. Кунаков Д. Животный мир заповедника Боровое / Д. Кунаков // Государственный заповедник и курорт Боровое : сб. статей / под ред. проф. П. Л. Драверта. – Омск, 1940. – С. 51–59.

135. Купцов В. П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отечественной войны / В. П. Купцов. – М. : Изд-во РЭА им. Г. В. Плеханова, 2001. – 323 с.

136. Курносов А. А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. – 1974. – С. 119.

137. Лёгкий Д. М. Учитель и война. Очерк 5. Кустанайский государственный учительский институт. 1943 год / Д. М. Легкий // Печатный двор

: областная информационно-рекламная газета [г. Костанай, Республика Казахстан]. – 2010. – Октябрь. – С. 1, 6–7.

138. Лисичкин С. М. Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники / С. М. Лисичкин. – М. : Недра, 1976. – 284 с.

139. Левшин Б. В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Б. В. Левшин. – М. : Наука, 1966. – 188 с.

140. Левшин Б. В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны / Б. В. Левшин. – М. : Наука, 1983. – 382 с.

141. Лихолат А. Путаная статья о задачах исторической науки в Казахстане // Культура и жизнь. – 1947. – № 35. – 20 дек. – С.2.

142. Лучининов С. Т. А. Н. Крылов. Выдающийся кораблестроитель, математик и педагог / С. Т. Лучиников ; под ред. проф. И. Я. Депмана. – М. : Гос. учпедгиз, 1959. – 168 с.

143. Ляховецкий А. Советские учёные в дни войны // Казахстанская правда. – 1942. – 15 нояб. – С.2.

144. Мажитов С. Историческая наука Казахстана: современное состояние и тенденции развития / С. Мажитов. – Алматы : Ассоциация издателей и книгораспространителей Казахстана, 2013. – 328 с.

145. Мазурмович Б. Н. Выдающиеся отечественные зоологи / Б. Н. Мазурмович. – М. : Учпедгиз, 1960. – 371 с.

146. Мармонтова Т. В. Деятельность российских ученых в Казахстане в первой половине XX века / Т. В. Мармонтова // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность : тезисы докладов и сообщений III международной научной конференции. – Астана ; Омск ; Томск, 2003. – С. 136–137.

147. Мармонтова Т. В. Наука России в судьбах научной интеллигенции Казахстана / Т. В. Мармонтова // Казахстанско-Российское взаимодействия в XXI веке и вызовы глобализации: Материалы Международной научно-практической конференции. – Астана, 2004. – С. 272–277.

148. Мармонтова Т. В. Научные связи Казахстана и России в 1926–1946 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. В. Мармонтова. – Омск, 2004. – 23 с.

149. Миленушкин Ю. И. Н. Ф. Гамалея / Ю. И. Миленушкин. – М., 1967. – С.

150. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) / И. И. Мочалов. – М. : Наука, 1982. – 488 с.

151. Мочалов И. И. В. И. Вернадский : Наука. Философия. Человек / И. И. Мочалов, В. И. Оноприенко. – Киев : Информ. аналит. агентство, 2011. – Кн. 1. – 411 с.

152. Мочалов И. И. В. И. Вернадский : Наука. Философия. Человек / И. И. Мочалов, В. И. Оноприенко. – Киев : Информ. аналит. агентство, 2011. – Кн. 2. – 631 с.

153. Мурзаев Э. М. Лев Семенович Берг, 1876–1950. – М. : Наука, 1983. – 176 с.

154. Николай Федорович Гамалея. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. – М. ; Л. : АН СССР, 1947. – С. 6–9.

155. Материалы круглого стола «Победа СССР в Великой Отечественной войне в контексте отечественной и мировой истории» / Д. Н. Шевелев // Священная память: Никто не забыт, ничто не забыто: материалы Томской областной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Томск, 14 апреля 2005 г. – Томск: Изд-во НТЛ, 2005. – С. 136–138.

156. Мокрова М. В. Устная история науки и техники в Москве: Методические материалы / М. В. Мокрова // История науки и техники в Москве : учеб.-метод. материалы / С. С. Илизаров, О. А. Валькова, М. В. Мокрова. – М., 2003. – С. 189–266.

157. Мокрова М. В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению : автореф. дис. … канд. ист. наук / М. В. Мокрова. – М., 2004. – 30 с.

158. Морозов М. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик. – 1945. – № 1–12. – С. 74–80.

159. Мусагалиева А. С. Документы центральных и местных архивов Казахстана как исторический источник по истории политических репрессий

(1917–1956 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / А. С. Мусагалиев. – Астана, 2010. – 47 с.

160. Мухаметжанов А. Участие казахстанских соединений в битве под Москвой (сентябрь 1941 – март 1942 гг.) : дис. … канд. ист. наук / А. Мухаметжанов. – Алма-Ата, 1968. – 228 с.

161. Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / С. А. Некрылов. – Томск, 2009. – 47 с.

162. Никулин П. Ф. Методология источниковедения дореволюционной отчественной истории : учеб. пособие / П. Ф. Никулин ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.П. Зиновьева. – Томск : Изд. Дом ТГУ, 2014. – 94 с.

163. Нурмагамбетова О. А. Казахский героический эпос «Кобланды батыр» : (сравнительно-типологическое исследование) / О. А. Нурмагамбетова. – Алма-Ата : Наука, 1984. – 191 с.

164. О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. – 1945. – № 6. – С. 49–51.

165. Оноприенко В. И. Науковедение : поиск системных идей / В. И. Оноприенко. – Киев : ГП «Информационно-аналитическое агентство», 2008. – 288 с.

166. Оразбаева А. И. Цивилизационные особенности социокультурного развития традиционного казахского общества в XV–XVIII вв. (теоретические и методологические проблемы) : автореф. дис. … д-ра ист. наук / А. И. Оразбаева. – Алматы, 2005. – 50 с.

167. Оранский И. М. Древнеиранская филология и иранское языкознание / Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. – М. : Наука, 1972. – С.305-339.

168. Память сердца // Луч (Щучинская районная газета Акмолинской области). – 1988. – 28 июля.

169. Панкратова А. М. Основные вопросы истории Казахской ССР (К выходу в свет книги «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней») // Большевик Казахстана. – 1943. – № 10. – С. 17–25.

170. Панорама советских курортов, экспонируемых на международной выставке в Нью-Йорке. Снимки видов Сочи, Кисловодска и Борового // Мед. раб. – М., 1939. – № 45. – 3-10.

171. Пархоменко А. А. Сражающаяся наука / А. А. Пархоменко, А. С. Федоров. – М. : Знание, 1990. – 208 с.

172. Первухин М. Г. Перебазирование промышленности / М. Г. Первухин // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2: Трудовой подвиг народа / под общ. ред. П. Н. Поспелова. – М., 1974. – С. 10–30.

173. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации / И. В. Побережников. – М. : РОССПЭН, 2006. – 240 с.

174. Полевой Б. Рождение эпоса // Правда. – 1943. – 25 апр. – С.

175. Поликарпов В. С. История науки и техники : учеб. пособие / В. С. Поликарпов. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 352 с.

176. Поляков И. А. Ученые на вахте // Казахстанская правда. – 1941. – 10–12 авг.

177. Правдин И. Ф. Академик Лев Семенович Берг (1876–1950) / И. Ф. Правдин, В. С. Чепурнов. – Кишинев : Госиздат Молдавии, 1956. – 106 с.

178. Рогинский В. Ю. Валентин Петрович Вологдин / В. Ю. Рогинский. – Л. : Наука, 1981. – С.

179. Рыбин Н. Л. Л. С. Берг (1876–1950) // Вестн. Академии наук Казахской ССР. –1951. –№ 1 (70). – С.

180. Савельев В. М. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне / В. М. Савельев. – М. : Знание, 1981. – 64 с.

181. Сатпаев К. И. Казахский филиал АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. АН СССР. – 1945. – №1/2. – С. 87–93.

182. Сергазин Ж. О. О деятельности эвакуированных высших учебных заведений в Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1965. – № 3. – С. 44–49.

183. Скворцов Н. В дни Отечественной войны // Казахстанская правда. – 1942. – 17–19 июля.

184. Смагина Г. И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Г. И. Смагина. – М., 2007. – 54 с.

185. Собрание советской интеллигенции г. Алматы // Казахстанская правда. – 1941. – 24 сент.

186. Содружество ученых Казахстана и братских республик в годы Великой Отечественной войны (проблемы историографии) // Братское сотрудничество, взаимопомощь народов СССР (историография, источники). – Целиноград, 1992. – С. 90–106.

187. Сорокина М. Ю. Архивное наследие академика В. И. Вернадского : история формирования, систематизация, описание и использование документов : дис. … канд. ист. наук / М. Ю. Сорокина. – М., 2001. – 252 с.

188. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии : материалы Всесоюзного совещания 1981 года. – Алма-Ата, 1983. – 231 с.

189. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2–7, 9.

190. Сулейменов Р. Б. Из истории развития науки в Казахстане (1933–1940 годы) // Вопр. истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане : Труды Института истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР. – Алма-Ата, 1961. – Т. 10. – С. 139–165.

191. Табулдинов А. Н. Депортация народов и эвакуационно-миграционные процессы в Северном Казахстане (1937–1956 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / А. Н. Табулдинов. – Уральск, 2009. – 25 с.

192. Таланов А. Большая судьба / А. Таланов. – М. : Изд-во полит. лит., 1967. – С. 205.

193. Тастанов Ш. Ю. Казахская советская интеллигенция : проблемы становления и развития / Ш. Ю. Тастанов. – Алма-Ата : Наука, 1982. – 254 с.

194. Труды Государственного заповедника «Боровое». Управление заповедниками при Совете министров Казахской ССР. – Алма-Ата, 1948. – Вып. 1. – 96 с.

195. Тулешева Г. Рассекреченные архивы // Казахстанская правда. – 2015. – 30 сент. – С. 11.

196. Турсынбаева А. На даче № 42 // Степной маяк. – 1990. – 13 июня. – С.4.

197. Ундасынов Н. Казахский народ создает свою Академию наук // Казахстанская правда. – 1946. – 1 июня. – С.1.

198. Ундасынов Н. Национальные кадры Советского Казахстана // Известия. – 1949. – 12 нояб. – С.4.

199. Фотосписок панорамы курорта Боровое в павильоне СССР на выставке в Нью-Йорке // Иллюстрированная газета. – 1939. – № 7. – С. 9.

200. Харбсмайер К. Василий Михайлович Алексеев и российское китаеведение / К. Харбсмайер // Архив российской китаистики / сост. А. И. Кобзев ; отв. ред. А. Р. Вяткин. – М., 2013. – Т. 1. – С. 505–525.

201. Харенко Е. Д. Аристотель и аль-Фараби / Е. Д. Харенко // Возвращение учителя. О жизни и творчестве Фараби. – Алма-Ата, 1975. – С. 164–169.

202. Хегай М. Приют для академиков // Караван. – 2008. – 17 окт. – С.8.

203. Ходжаев М. Туркестан – столица позднесредневекового Казахстана / М. Ходжаев. – Чимкент, 1995. – 45 с.

204. Чокин Ш. Ч. Путь Национальной академии наук: (воспоминания и размышления) / Ш. Ч. Чокин. – Алматы : Гылым, 1996. – 256 с.

205. Шалабаева Г. К. Казахстан : от древних цивилизаций к современности / Г. К. Шалабаева. – Алматы : Экономика, 2007. – 258 с.

206. Шалахметов Г. Загадки Вернадского // Нива. – 2005. – № 5. – С. 77–82.

207. Шарипов У. Великое видится на расстоянии // Казахстанская правда. – 1988. – 22 марта. – 4.

208. Шарипов У. Гордость жемчужного края // Горизонт. – 1988. – 19 марта. – С. 5.

209. Шарипов У. О Боровом. Неизвестные факты из биографии Г. М. Кржижановского // Советы Казахстана. – 1991. – 3 апр. – С. 3.

210. Шарипов У. Узнавание. Об академике А. С. Орлове, написавшем книгу «Казахский героический эпос» // Казахстанская правда. – 1990. – 21 окт. – С. 5.

211. Шлеева М. В. В. И. Вернадский и Музей истории науки и техники // В. И. Вернадский и история науки : к 150-летию со дня рождения: сб. докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 263–267.

212. Шоинбаев Т. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана / Т. Шоинбаев, Х. Айдарова, А. Якунин // Правда. – 1950. – 26 дек. – С. 2–3.

213. Шунаева С. М. Жизнь и научная деятельность профессора М. П. Вяткина (в связи с разработками проблем истории Казахстана): дис. … канд. ист. наук / С. М. Шунаева. – Алматы, 2003. – 150 с.

214. Эйльбарт Н. В. Научная деятельность интеллигенции в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Н. В. Эйльбарт. – М., 2006. – 42 с.

215. Эренбург И. Казахи // За Родину. – 1942. – 22 окт.

216. Эшелоны идут на Восток : Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 годах. – М., 1966. – 236 с.

217. Юрьев В. А. Эвакуация, осуществленная советским народом в период Великой Отечественной войны (Интернациональный аспект проблемы) : автореф. дис. … канд. ист. наук / В. А. Юрьев. – М., 1995. – 29 с.

218. Яковлев А. А. В. И. Вернадский – философ истории науки // В. И. Вернадский и история науки : к 150-летию со дня рождения: сб. докладов Международной научной конференции (Москва, 22 января 2013 г.). – М., 2013. – С. 283–284.

219. Absemetov M. O. To the history of the study of Kazakh folk epic» (Academician A.S. Orlov in Borovoe: 1941–1944) // Manuscripta Orientalia. – 2014. – № 2. – С. 38–44.

220. Едыгенов Н. Е. Алматы Ұлы Отан соғыс жылдарында. (Алма-Ата в годы Великой Отечественной войны). – Алма-Ата, 1970. – 168 с.

221. Ерімбетова С. В. И. Вернадский / С. Ерімбетова, А. Қасымбекова // Биология жане салауатылық негізі. – 2003. – №3. – 63–63 б.

222. Қорғанбеков Б. С. «Шора батыр» эпосы: нұсқалар, генезисі, тарихилығы / Б. С. Қорғанбеков. – Астана : Фолиант баспасы, 2014. – 304 б.

223. Төрегожина Қ. Вернадский, Иоффе // Егеменді Қазақстан. – 2004. – 24 қараша. – 3 б.

224. Шәріпов Ө. Арқада болған атақты ғалымдар // Ақиқат. – 1990. – № 5. – 7-8 б.

225. Шәріпов Ө. Інжу аймак (Заповедный край) // Өркен. – 1988. 26 наурыз. – 9 б.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица А.1 – Список предприятий, эвакуированных в КазССР, директоров которых необходимо представить к утверждению на бюро ЦК КП(б) Казахстана

По сектору союзной промышленности			
№	Ниименование предприятия	Наименование нарокомата	Место размещения
1	Завод № 641	Наркомэлектропром	г. Петропавловск
2	Завод № 233	-«-	-«-
3	Воронежский станкостроительный завод им. Калинина № 234	НК Танкпром	Чимкент
4	Завод № 460	НК Боеприпасов	Кокшетау
5	Станкостроительный завод им. ОГПУ	-«-	Алма-Ата
6	Ворошиловградский завод	НКТП	-«-
7	Станкостроительный завод им. Петровского	НК Нефтепром	Гурьев
8	Завод № 222	НК Танкпром	Кустанай
9	Завод № 517	НК Цветмет	Балхаш
10	Завод им. Пархоменко	-«-	Караганда
11	Никитовский ртутный комбинат	НК Цветмет	Акчатаустрой
12	Карачаровский механический завод	НК Боеприпасов	Алма-Ата
13	Усманский завод	НК Минометных вооружений	Уральск
14	Завод № 231	Наркомсудстройпром	-«-
15	Завод № 239	-«-	Петропавловск
16	Завод № 347	-«-	-«-
17	Завод № 507	Наркомсоюзтекстильпром	Кустанай

Источник: Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 473. Л. 43.

Таблица А.2 – Список предприятий, эвакуированных в КазССР

№ п/п	Наименование предприятий	Наименование наркомата	Место размещения
1	Завод № 347	НКПС	Петропавловск
2	Арсенал № 4	Наркомат обороны	-«-
3	Завод № 239	НКПС	-«-
4	Завод № 3	Наркомат электропром. СССР	-«-
5	Харьковский кожзавод «Большевик»	Наркомлегпром	-«-
6	Завод № 233	Наркомат электропром СССР	-«-
7	Харьковская швейно-трикотажная фабрика № 3	Наркомлегпром	Алма-Ата
8	Киевская валяльно-войлочная фабрика	Наркомлегпром	Уральск
9	Херсонская швейная фабрика «Большевик»	Наркомлегпром	Кустанай
10	Харьковский авиаремонтный завод № 242	Г.У.В.Ф.	Алма-Ата
11	Московская кондитерская фабрика им. Бабаева	НК Пищепром	Алма-Ата
12	Киевская обувная фабрика	НК ЛПром	Семипалатинск
13	Полтавская прядильная фабрика	-«-	-«-
14	Швейная фабрика «Большевичка Украины»	-«-	-«-
15	Асташевский кожзавод	-«-	-«-
16	Швейная фабрика им. Володарского	-«-	-«-
17	Харьковская чулочная фабрика	-«-	Чимкент
18	Зеркальная фабрика	-«-	-«-
19	Воронежский станкостроительный завод им. Калинина	Наркомат обороны	-«-
20	Даиновский каучукзавод	НК Резинпром	-«-
21	Киевский химфармзавод	НК Здрав УССР	-«-
22	Московский алкалоидный завод	НК Здрав СССР	-«-

Продолжение таблицы А.2

23	Нежинский механический завод	НК Рыбпром	Гурьев
24	Завод № 460	НК боеприпасов	Кокшетау
25	Станкостроительный завод им ОГПУ	-«-	Алма-Ата
26	Ворошиловградский завод	НК Танкопром	-«-
27	Харьковская табачная фабрика	НК Пищепром	-«-
28	Электротехнический завод «Трансвязь»	НКПС	-«-
29	Электротехнический завод им. Дзержинского	-«-	Кзыл-Орда
30	Эмале-механическо-штамповочный завод Трансмобутиль	-«-	-«-
31	Завод Реммашпуть	-«-	-«-
32	Экспериментальная оптическая мастерская	НК Здрав УССР	Алма-Ата
33	Кременчугская шорная фабрика	НК Легпром	-«-
34	Московский дрожжевой завод	НК Пищепром	-«-
35	Киевская мастерская трансмещторга	НКПС	-«-
36	Сумская суконная фабрика «Красный текстильщик»	НК Текстильпром	-«-
37	Завод № 231	НК Судстрой	Уральск
38	Ореховский моторемонтный завод	НК Совхозов	-«-
39	Станкостроительный завод им. Петровского	НК Нефтепром	Гурьев
40	Лозовский гвоздильно-шайбовый завод	НК Местпром	Алма-Ата
41	Московский авиаинститут	НК Авиацпром	-«-
42	Завод № 222	НК Танкопром	Кустанай
43	Фабрика Клинволокно		-«-
44	Завод № 517	НКЦМ	Балхаш
45	Автобронетанковая райбаза № 2	НК Танкопром	Алма-Ата
46	Спиртозавод им. Калинина	НК Пищепром	Джамбул

Продолжение таблицы А.2

47	Электротехнический завод	НКПС	Лениногорск
48	Харьковская меховая фабрика	НК Легром	Павлодар
49	Витебский спиртзавод	НК Пищепром	Актюбинск
50	Паровозное депо ст. Основа-Лозовая	НКПС	Актюбинск
51	Красно-боварский райпромкомбинат	НК Местпром	Алма-Ата
52	Лозовский швейно-трикотажный райлегпромкомбинат	-«-	-«-
53	Лозовский обозный райлегпромкомбинат	-«-	-«-
54	Черниговская типография		Актюбинск
55	Завод им. Пархоменко		Караганда
56	Рентгеновский завод		Актюбинск
57	Авиамастерская № 278		Кустанай
58	Никитовский ртутный комбинат	НКЦМ	Акчатаустрой
59	Новоподольский цементный завод	НК Стройматериалов	Караганда
60	Киевская ТЭЦ	НК Электростанции	-«-
61	Штевская ГРЭС	-«-	-«-
62	Опытный завод НПЦИФ		Актюбинск
63	Таганрогский станкостроительный завод «Вперёд»	НК Станкостроения	Семипалатинск
64	Электростанция мощностью 4000 кВ	НК Электростанции	Кустанай
65	Суконный комбинат (фабрика им. П. Алексеева, ф-ка «Пролетарский», Ильмановский суконный комбинат)	НК Текстильпрома	Семипалатинск
66	Азовская чулочная фабрика	НК Легпром	-«-
67	Карачаровский мехзавод	НК боеприпасов	Джамбул
68	Реутовская прядильная фабрика	НК Легпром	Алма-Ата
69	Прядильная фабрика «Красная Поляна»	-«-	Чимкент

Окончание таблицы А.2

70	Усманский завод	НК миномет. вооружен.	Уральск
71	Кожзавод им. Землячки	НК Легпром	-«-
72	Завод № 67	НК боеприпасов	Аягуз
73	Контрольно-ремонтная механическая мастерская Мостостроя	НКПС	Павлодар
74	Ивантеевская трикотажная фабрика	НК Легпром	Алма-Ата
75	Харьковская обувная фабрика	-«-	-«-

Источник: Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 473. Л. 49–51.

Таблица А.3 – План эвакуации институтов Академии наук СССР

Наименование учреждения	Намечено к эвакуации количество сотрудников	Потребное количество вагонов для сотрудников и их семей	Потребное количество вагонов для перевозки ценного оборудования	Сроки выезда	Место направления
Институт теоретической геофизики	35	3	4	14/10	г. Казань, на базе Казанского госуниверситета
Институт микробиологии	15	1	1	14/10	_”_
Институт механики	10	3/4	1/2	14/10	_”_
Секция электросвязи	5	1/4	1/2	14/10	_”_
Действительные члены и члены-корреспонденты	50	2	1	14/10	_”_

Продолжение таблицы А.3

Части химических и др. институтов, эвакуированных ранее в г. Казань	50	2	5	14/10	_”_
Институт математики	10	3/4		14/10	_”_
Лаборатория кристаллографии	15	1	2	15/10	Ст. Кунары Свердлов-ской обл., в районном центре, с. Филатово
Почвенный институт	30	2	3	15/10	г. Ташкент, на базе Узбекского филиала АН СССР
Сейсмологический институт	20	1	2	15/10	_”_
Институт географии	25	2	1	15/10	г. Алма-Ата, на базе Казахского филиала АН СССР
Институт физиологии	10	3/4	2	15/10	г. Самарканд, на базе университета
Институт цитологии	15	3/4		15/10	_”_
Институт геологических наук	10	3/4	2	15/10	Урал, г. Миасс
Палеонтологический институт	5	1/4	2	15/10	_”_
Институт мерзлотоведения	5	1/4	1	15/10	г. Свердловск, на базе Уральского филиала АН СССР

Окончание таблицы А.3

Секция электросварки и электротермии	11	1	1	15/10	_”_
Комиссии Отделения геолого-географических наук	15	1		15/10	_”_
Институт эволюционной морфологии	15	1	1	15/10	г. Фрунзе, на базе медицинского и с/хозяйственного институтов
Институт физиологии растений	15	1	2	15/10	_”_
Институт биохимии	20	1	2	15/10	_”_
Институт генетики	10	0,5	1	15/10	_”_
Московский ботанический сад	8	1/2	1	15/10	г. Ашхабад, на базе Туркменского филиала АН СССР
Для перевозки ценных библиотечных фондов			4	15/10	По месту направления институтов
[Итого]	404	24,5	39		

Источник: Государственный архив Кокчетавской (Акмолинской) области. Ф. 759. Оп. 3. Св. 1. Д. 5. Л. 28–29.

Таблица А.4 – Размещение эвакуированных ученых в Казахской ССР

Институт экономики – г. Чимкент	
1	2
Арутюнян А.А.	Член ВКП(б), директор института и кандидат экономических наук
Атлас З.Р.	Профессор, доктор экономических наук, б/п, специалист по вопросам кредитования и финансирования народного хозяйства (с женой)
Караваев А.А.	Профессор, член ВКП(б), специалист по сельскому хозяйству (с семейством 3 чел.)
Бровер И.М.	Доктор экономических наук, б/п, специалист по вопросам организации труда в промышленности (с семьей 3 чел.)
Мерзенев С.Г.	Ст. научный сотрудник, чл. ВКП(б), специалист по вопросам стахановского движения (с матерью)
Лившиц Р.С.	Кандидат экономических наук, б/п, специалист по вопросам экономики промышленности (одна)
Ноткин А.И.	Профессор, б/п, специалист по вопросам сырья и топлива (один)
Карнаухова Е.С.	Кандидат экономич. наук, член ВКП(б), специалист по сельскому хозяйству (с сыном)
Мовшович Г.М.	Кандидат экономич. наук, б/п, специалист по вопросам экономики и промышленности местного топлива (с женой)
Берри Л.Я.	Кандидат экономич. наук, б/п, специалист по вопросам комбинирования и специализации предприятий (с женой)
Теряева А.П.	Кандидат экономич. наук, член ВКП(б), специалист по сельскому хозяйству (одна)
Либкинд А.С.	Кандидат экономич. наук, б/п, специалист по сельскому хозяйству (семья – 3 чел.)
Руденко	Кандидат экономич. наук, б/п, специалист по сельскому хозяйству (семья 2 чел.)

Продолжение таблицы А.4

Маевский	Кандидат экономич. наук, член ВКП(б), специалист по вопросам промышленности (семья 2 чел.)
Михеев И.М.	Кандидат эконом. наук, член ВКП(б), специалист по истории советской экономики (семья 2 чел.)
Мискина М.Л.	Пом. директора, член ВКП(б) (одна)
Улицкий А.В.	Зав. научным кабинетом, библиограф, старший научный сотрудник, б/п (семья 3 чел.)
Коц С.М.	Научный сотрудник по вопросам промышленности, Член ВКП(б) – (одна)
Петрова Е.Д.	Научный сотрудник по вопросам сельского хозяйства, б/п (одна)
Группа историков – г. Джамбул	
Нотович	Доктор исторических наук, международник, беспартийный
Потемкин	Доктор исторических наук, спец. по новой истории, беспартийный
Дружинин	Доктор исторических наук, специалист по истории СССР, беспартийный
Авербух	Доктор исторических наук, спец. по новой истории, беспартийный
Зутпо	Кандидат исторических наук, специалист по истории средних веков и истории Прибалтики, член ВКП(б).
Густинтич	Кандидат исторических наук, специалист по истории славянства, член ВКП(б)
Черномордик	Профессор, специалист по истории СССР – советского периода, член ВКП(б) с 1903 г.
Бронштейн	Кандидат исторических наук, специалист по истории СССР, член ВКП(б) с 1912 г.
Перелешина	Научн. сотрудник, спец. по истории СССР, беспартийная
Бриллон	Научный сотрудник по истории СССР – зав.секретной частью, член ВКП(б)

Продолжение таблицы А.4

Группа историков в г. Семипалатинск	
Авдиев	Доктор истор. наук, специалист по истории древнего мира, беспартийный
Попов А.Л.	Кандидат исторических наук, история СССР, беспартийный
Желубовская	Кандидат историч. наук, специалист по новой истории, член ВКП(б)
Нелюбский	Сталинский докторант, член ВКП(б)
Шарова	Кандидат исторических наук, специалист по истории СССР, член ВКП(б)
Зинич	Кандидат исторических наук, специалист по истории славянства, член ВКП(б)
Крастынь	Кандидат исторических наук, специалист по истории СССР, член ВКП(б)
Матюгин	Кандидат исторических наук, специалист по истории СССР, член ВКП(б)
Горянов	Докторант, восточник, беспартийный
Группа историков в г. Караганда	
Власов	Кандидат историч. наук, специалист по истории славян, член ВКП(б)
Тараколов	Кандидат историч. наук, специалист по истории славян, член ВКП(б)
Гирин	Кандидат исторических наук, специалист по истории средних веков, беспартийный
Гиршфельд	Кандидат исторических наук, б/п, международник
Фишер	Кандидат исторических наук, специалист по новой истории, член ВКП(б)
Фамилия неразборчива	Кандидат исторических наук, специалист по истории СССР, член ВКП(б)
Фамилия неразборчива	Кандидат исторических наук, специалист по новой истории, беспартийный

Окончание таблицы А.3

Фамилия неразборчива	Научн. сотрудник, специалист по истории СССР, член ВКП(б)

Источник: К пр. № 125, п.2 от 17.X1-41 г. // Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 5.1. Д. 139. Л. 56–57.

Таблица А 5 – Список эвакуированных в Казахстан научных сотрудников Института истории Академии наук СССР

№	Фамилия, имя и отчество	Должность	Ученая степень	Иждивенцы
1	ПАНКРАТОВА Анна Михайловна	Заместитель директора	Доктор исторических наук, член-корреспондент Академии Наук	3 чел.
2	ПОТЕМКИН Федор Васильевич	Зав. сектором новой истории	Доктор исторических наук	3 чел.
3	НОТОВИЧ Филипп Иосифович	Ст. научный сотрудник	Доктор исторических наук	4 чел.
4	АВЕРБУХ Ревекка Абрамовна	Ст. научный сотрудник	Доктор исторических наук	–
5	КУЧКИН Андрей Павлович	Зав. сектором советского периода ист. СССР	Кандидат исторических наук	3 чел.
6	БАЕВСКИЙ Давид Анатольевич	Ст. научный сотрудник	Кандидат исторических наук	3 чел.
7	ДРУЖИНИН Николай Михайлович	Ст. научный сотрудник	Кандидат исторических наук	1 чел.
8	ЗУТИС Ян Яковлевич	Ст. научный сотрудник	Кандидат исторических наук	3 чел.
9	МИЛЛЕР Анатолий Филиппович	Ст. научный сотрудник	Кандидат исторических наук	2 чел.
10	ЛЕНЧНЕР Сима Иосифовна	Ст. научный сотрудник	Кандидат исторических наук	4 чел.
11	ГУСТИНЧИЧ Дорогутин Степанович	Ст. научный сотрудник	Кандидат исторических наук	1 чел.

Источник: Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 46. Л. 5.

Таблица А.6 – Размещение эвакуированных ученых в Казахской ССР

№ п/п	Фамилия и инициалы	Занимаемая должность	Ученая степень, звание, имеет ли награды, ордена	Откуда эвакуирован	Адрес
Геологи					
1	Чухров Ф.В.		Кандидат наук		Балхаш, ГРК
2	Сапожников Д.Г.		Кандидат наук		Балхаш, ГРК
3	Яншин А.Л.		Кандидат наук		Актюбинск
4	Водорезов Г.И.		Кандидат наук		Актюбинск
5	Жуков М.М.		Доктор		Зап.-Каз. геолупр.
6	Гапеев А.А.		Профессор, засл. деятель наук		Караганда
7	Вернадский В.И.		Доктор		Боровое
8	Мокринский В.В.		Кандидат наук		З.-К.Г.У. Актюбинск
9	Курек Н.Н.		Кандидат наук		Усть-каменогор. Алтайцветметразв.
10	Нехорошев В.П.		Доктор		-«-
11	Никольский А.П.				-«-
12	Князев И.И.		Кандидат наук		Ачисайский ГРК
13	Ажгирий Г.Д.		Кандидат наук		-«-
14	Асташенко К.И.				Рудник Семиз-Бугу
15	Сергиев Н.Г.		Кандидат наук		Алма-Ата
16	Преображенский И.А.		Доктор		Усть-каменогор., ул. Ленина, 86
17	Стрелкин М.Ф.		Кандидат наук		Усть-каменогор., Набережная, 66
18	Москвитин		Кандидат		Там же
19	Олофинский				-«-
20	Гусев				-«-

Продолжение таблицы А.6

21	Паукер И.А.				Семипалатинск, ул. Сталина, 151, Золоторазведка
22	Крапоткин П.Н.		Кандидат наук		-«-
23	Смолянинов Н.А.		Доктор		Семипалатинск, ул. Горького, Моск. Геол. Разв. Инст.
24	Степанов Б.Л.		-«-		-«-
25	Четвериков С.Д.		Доцент		-«-
26	Воздвиженский Б.И.		-«-		-«-
Биологи					
1	Берг Л.С.		Доктор биол. наук, член-корр. АН, ихтиолог		Боровое
2	Зернов С.А.		Академик. гидробиолог		Боровое
3	Мейер		Доктор биол. наук		Джамбул
4	Белаев		Профессор, канд. биол. наук		Семипалатинск. пединститут
5	Заке		Канд. биол. наук, ихтиолог		Аральское море
6	Черфас Б.И.		Доктор биол. наук, профессор, орденоносец		Аральское море
7	Нагорный А.В.		Доктор биол. наук, физиолог		Кзыл-Орда
Ботаники					
1	Лазаренко А.С.	Ст. н/сотр. Укр. АН	Доктор	Киев	Алма-Ата
2	Приходько Н.Н.	Ст. н/сотр. Днепропетр. Бот. сад		Днепропетровск	Алма-Ата, Дехканская, 172

Окончание таблицы А.6

3	Массагетов П.С.	Ст. н/сотр. Всесоюз хим.-фарм ин-т им. Орджоникидзе	Профессор	Москва	Чимкент ВИЛАР

Источник: Архив Президента Республики Казахстан. Ф.708. Оп. 6.1. Д. 46. Л.6-6об.

Таблица А.7 – Список академиков, проживающих в Боровом с иждивенцами на 18.09.41 г.

Почетные академики				
1. Гамалея Николай Федорович	Почетный академик	1859 г.	Москва	Бакте-риолог
Гамалея Надежда М.	Жена			
Гамалея М.Н.	Дочь			
Гамалея Н.Н.	Дочь			
Гамалея-Шишко Нина	Внучка	12 лет	/пионерлагерь	
Гамалея-Шишко Юлий	Внук	6 лет	/детсад/	
2. Ильинский Михаил Александрович	Почетный академик	1856 г.	Москва	Химик
Ильинская В.Д.	Жена			
Ильинская М.А.	Сестра			
Академики				
3.Баранников Алексей Петрович	Академик	1890 г.	Ленинград	Индолог
Баранникова-Никонова О.Н.	Жена			Индолог
Баранников Петр	Сын	16 лет	/пионерлагерь	
Баранникова Ирина	Дочь	14 лет	/пионерлагерь	
4. Бах Алексей Николаевич	Академик	1857 г.	Москва	Биохимик
Бах Анна Алекс.				
Бах Игорь	Внук	16 лет	/пионерлагерь	
Бах Кирилл	Внук	15 лет		
Бах Сергей	Внук	14 лет		
Сиделка				

Продолжение таблицы А.7

5. Бернштейн Сергей Натанович			Ленинград	Мате-матик
Бернштейн Л.Г.	Жена			
Давыдова Л.П.	Невестка			
6. Борисяк Алексей Алексеевич	Академик	1872 г.	Москва	Палеон-толог
Борисяк А.Н.	Жена			
Лесных О.П.	Сиделка			
7. Вернадский Владимир Иванович	Академик	1863 г.	Москва	Геохимик минеролог
Вернадская Н.Е.	Жена			
Казакова Е.К.	Иждивенка			
Ильинская М.В.	Племянница			
Шаховская А.А.	Секретарь, откоманд.			
8. Зелинский Николай Дмитриевичем	Академик	1861 г.	Москва	Орган. химия
Зелинская Н.Е.	Жена			
Зелинский Андрей	Сын	7 лет		
Зелинский Николай	Сын	1–1/2 г.		
Егорова П.	Няня			
9. Ляпунов Борис Михайлович	Академик	1862 г.	Ленинград	Слав. филол.
Ляпунова Е.К.	Жена			
10. Мандельштам Леонид Исаакович	Академик	1879 г.	Москва	Физик
Мандельштам Л.С.	Жена			
Мигулина Т.В.	Невестка		Казань	
Мандельштам Таня	Внучка	1 год		
11. Маслов Петр Павлович	Академик	1867 г.	Москва	Эконо-мист
Маслова	Жена			
12. Орлов Александр Сергеевич	Академик	1871 г.	Ленинрад	Филолог
Орлова М.И.	Жена			
13. Рихтер Андрей Александрович	Академик	1871 г.	Москва	Физиолог
Рихтер-Красносельская Т.А.	Жена			
14. Струмилин Станислав Густавович	Академик	1877 г.	Москва /сейчас в Свердл./	Эконо-мист
Струмилина С.П.	Жена			
Струмилина	Дочь	17 лет		
Гольцова Т.	Внучка	4 года		

Продолжение таблицы А.7

15. Тюменев Александр Ильич	Академик	1880 г.	Ленинград	Историк
Тюменева Е.А.	Жена			
Комарова Т.А.	Свояченица			
Галицкая М.	Тетка			
16. Фаворский Алексей Ефграфович	Академик	1860	Ленинград	Орг. химик
Фаворская М.М.	Жена			
Фаворская Т.А.	Дочь			
Фаворская Мария	Внучка	4 года		
Фаворский Иван	Внук	1–1/2.		
Римская-Корсакова	Невестка			
Фаворский Игорь	Внук	2 года		
Фаворская И.А.	Дочь			
Тищенко А.	Внук	10 лет		
Дубровина.	Свояченица			
17. Штерн Лина Соломоновна	Академик	1878 г.	Москва	Физиолог
18. Щербатской Федор Ипполитович	Академик	1866 г.	Ленинград	Индолог
Члены-корреспонденты				
19. Берг Лев Семенович	Член-кор.	1876 г.	Ленинград	географ
Берг М.М.	Жена			
Берг Митя	Внук	9 лет		
20. Вологдин Валентин Петрович	Член-кор.	1881 г.	Ленинград	Электро-энергетик
Вологдина М.Ф.	Жена			
Вологдина М.В.	Дочь	20 лет		
21. Иванов Леонид Александрович	Член-кор.	1871 г.		
Иванова С.А.	Жена			
Тимофеева Е.А.	Свояченица			
22.Лейбензон Леонид Самуилович	Член-кор.	1879 г.	Москва	Геофиз. механика
Лейбензон Т.А.	Жена			
Лейбензон Т.Л.	Дочь	20 лет		
Лейбензон Н.С.	Сестра			
Лейбензон А.С.	Брат			
23. Сукачев Владимир Николаевич	Член-кор.	1880 г.	Ленинград	ботаник-лесовед
Сукачева Г.Н.	Жена			
Сукачева Е:В.	Дочь			
Сукачева Ирина	Внучка	10 мес		
Яцева В.Г.	Родствен.			
Яцев Валерий	Ее сын			

Продолжение таблицы А.7

Научные работники				
24. Мараховец Евгений Андреевич	Н/работ., профессор		Москва	
Мараховец К.Ф.	жена			
25. Дратвина Т.Д.	Н/раб. И-та микро-биологии		Москва	
26. Певзнер Эмануил Исакович	З.д.н., профессор		Москва	
Певзнер Л.М.	Жена			
Тевцова	Работница			
27. Таусен Владимир Отонов.	Н/раб., профессор физиол. Раст.		Москва	
Таусен-Пантович В.Э.	Жена			
28. Слиозберг Софья Савельевна	Врач		Москва	
Слиозберг И.Т.	Отец мужа			
29. Деборина Е.А.	Невестка академика			
Члены семей академиков				
Деборина Ирина	Внучка	8 лет		
Гроер И.А.	Невестка			
Гроер-Деборин Миша	Внук	4 года		
30. Зернова В.Н.	Жена академика			
Зернова В.	Внучка	7 лет	/детсад/	
31. Линник. И.А.	Жена академика			
Линник И.А.	Дочь			
32. Образцов Б.В.	Сын академика			
Образцова Е.А.	Невестка			
Образцова	Сестра академика			
Образцова Н.	Внучка	16 лет	/пионер-лаг./	
Образцова Н.	Внучка	14 лет	/пионер-лаг./	
33. Павловская Т.П.	Дочь академика			
Эмануель О.В.	Мать ее мужа			

Окончание таблицы А.7

34. Северцева Л.Б.	Вдова академика			
Игорь	Ее подопеч-ный	10 лет	/детсад/	
Фролкова	Работница			
35. Удальцова / Кириллова	Дочь ч.-кор.			
36. Усова А.Г.	Мать академика			
Усова А.	Сестра академика			
Усова Е.	Сестра академика			
37. Шестакова-Барсова Н.М.	Вдова чл.-корр.			
Барсова	Ее мать			
38. Шулейкина Е.Н.	Вдова академика			
Семьи научных работников				
39. Александрович	Жена команд.			
40. Баевская Л.Г.	Жена н/раб.			
Баевская Ирина	Дочь			
41. Войтинская Е.Д.	жена н/раб.			
42.Ганевская-Жданова Е.П.	жена н/раб.			
43. Каганская Лия Моис.	Жена н/раб.			
44. Окорокова	Библио-текарь и-та истории			
Окорокова	Ее сестра			
45. Поспелова А.П.	Жена н/раб.			
46. Слуцкая-Корнеева Б.В.	Жена н/раб.			
47. Соболева-Ефимова	Иждивенка писателя			
Мурашева	Ее сиделка			
48. Фокина	Сестра н/раб.			
49. Эйдус И.М.	Жена н/раб.			

Источник: Государственный архив Кочетавской области. Ф. 759. Оп. 1. Д. 6. Л. 24, 24об., 25, 25об.

Таблица А.8 – Приложение к обоснованию по ст. 5. Смета по тематике на 1942 год по Госзаповеднику «Боровое», руб.

Наименование темы	Рабочая сила	Полевые нагрузки 80%	Приборы, реактивы, химикаты и др. материалы	Транспорт	Опыты, уход и наблюдения за ними	Оформление тем, чертежи, таблицы и пр.	Командировки по теме	Консультации	Спецодежда	Анализы и пр. мелкие расходы	Начисление на зарплату	Итого
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Изучение климата Борового	3900	400	1000	200	–	300	–	–	–	200	100	6,1
Интродукция хозяйственно-ценных древесных и кустарниковых пород и введение в культуру Борового каучуконосов (тау-сагыз и др.)	2500	900	500	400	200	200	400			400	100	5, 6 т.

Продолжение таблицы А.8

Ихтиофауна заповедника и пути улучшения и увеличения рыбопродукции. Использование рыбных ресурсов и заселение озер более ценными породами	1000	1500	500	500	–	200	1000			100	100	5,5 т.
Динамика отавности и урожайности ковыльных ассоциаций степей Заповедника	800	1300	400	800	–	500	–	–	–	100	100	4 т.
Водные насекомые сосновых, березовых лесов и степей Заповедника	500	1200	500	500	–	200	1000			500	100	4,5

Окончание таблицы А.8

Результаты акклиматизации белки-телеутки. Изучение методов борьбы с хищниками. Использование запасов пролетах промысловых птиц в окрестностях Заповедника в интересах питания населения	1000	1500	600	400	–	200	–	–	200	200	100	6,6
Биологические пути обогащения почв Борового связанным азотом				200		100						0,3
Влияние природных условий Борового на успешность лечения туберкулеза	800					100				100		1,0
Итого:	10,5	6,8	3,5	3,0	0,2	1,8	2,4	-	0,2	4	0,6	33

Примечание. В графу 12 – «Анализы и проч. мелкие расходы» включены оплата анализов и расходы по борьбе с хищниками.

Источник: Архив Госзаповедника «Боровое»: Материалы. Раздел I. Инв. № 16. Д. 0129. Л. 1–3.

Таблица А.9 – План работ по изучению природы заповедника Боровое

Наименование научно-иссл. темы	Ответственные исполнители	Сметные Предложения, р.
Климат Борового	Чл.-кор. АН СССР Л.С. Берг	1000
Ихтиофауна: а) Биологические наблюдения над перевозимым из оз. Балхаш сазаном б) Типология планктона озер заповедника и прилегающих к нему районов в) Водяная растительность и водоросли Борового	Л.С. Берг Акад. С.А. Зернов Проф. Н.Н. Воронихин	5500
Влияние зимней засухи на древесную растительность лесов Борового	Чл.-кор. АН СССР проф. Л.А. Иванов	3000
Типология лесов Борового	Чл.-кор. АН СССР проф. В.Н. Сукачев	1900
Лекарственные растения и культура их в условиях Борового	Чл.-кор. АН СССР А.А. Рихтер	2000
Вредные насекомые лесов и степей Борового и меры борьбы с ними	Ст. науч. сотр. С.В. Покровский	1800
Учет промысловой фауны Борового и пути к ее увеличению	Аспирант АН СССР Б.В. Образцов	1800
	Итого:	17000

Источник: Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 17, 18.

Таблица А.10 – Обоснование расходов по научной тематике на 1943 г. Госзаповедника «Борового»

Наименование темы	Рабоч. сил	Приобр. матер.	Транспорт	Командировки	Начисление	Оформление	Проч. реакц.	Всего
Климат Борового	750				30	500	50	1330
Ихтиофауна озер Борового Подтема: а) Наблюдения над перевезенным в Боровое сазаном	1000	300	2036		24	200		3560
б) Типология планктона озер	1000	300	1500		40	500		3340
в) Водоросли озер Борового	200	300	300		8	200	100	1108
Типология лесов Борового	800	200	500		32	300	200	2032
Лекарственные растения и их запасы	1000	400	500		40	500	100	2540
Вредные насекомые Борового	2000	1300	1400	500	80	500	100	5880
Геолого-экономическое описание полезных ископаемых Борового	2000	800	800	500	80	2000	70	6250
Всего:	8750	3600	7036	1000	334	4700	620	26040

Источник: Архив Госзаповедника «Боровое». Научный фонд. Раздел III. Инв. № 31. Д. 0130. Л. 28–29.

Таблица А.11 – Обоснование расходов по научной тематике на 1943 г. Госзаповедника «Боровое»

№	Наименование темы	Раб. сила	Приобретение реакт. матер.	Транспорт	Оформ-ление	Коман-дировки	Начис-ления	Проч. расходы	Всего
1	Климат Борового	750	-	-	500	-	30	50	1330
2	Ихтиофауна озер Борового и пути ее увеличения: подтемы: а) Наблюдение над ввозимым в Боровое сазаном; б) Типология планктона озер Борового и прилегающих районов	800 1000	300 800	2036 1500	200 500	- -	24 40		3360 3840
3	Учет промысловой фауны и пути к ее увеличению	1100	300	500	200	-	28	100	2228
4	Типология лесов Борового	600	200	500	300	-	32	200	1832
5	Лекарственные растения и их запасы	500	200	500	500	-	20	100	1840
6	Вредные насекомые Борового: а) биология наиболее активных вредителей лиственных лесов; б) паразиты лесных вредителей – наездников и тахин и их хозяйственное значение	2000	1000	1400	500	500	30	100	5580

Окончание таблицы А.11

7.	Геолого-экономическое описание полезных ископаемых Борового	2000	400	1000	2000	500	80	70	6050
8	Итого:	8750	3200	7436	4700	1000	334	620	26040
9	Расширение помещения музея и его содержание								6000
10	То же лаборатории								6000
11	Всего:								38040

Источник: Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 18. Д. 0141. Л. 1, 2.

Таблица А.12 – Календарный план работ по теме: «Геолого-экономическое описание полезных ископаемых района Кокшетау» на 1943 г.

№ п/п	Наименование работ	Начало	Конец
	Подготовительный период		
1	Краткое описание полезных ископаемых на Кокше-тау		
2	Изучение геологической литературы по северному Казахстану		
3	Краткое описание по геологии и тектонике района исследования 1942 г.	I–I	I–IV
4	Оформление музейных коллекций	I–IV	I–V
	Полевые геологические исследования		
1	Изучение состава отложений озерных впадин, как усыхающих, так и высохших, с целью обнаружения новых запасов мирабилита и поваренной соли	I–V I–IX	I–VI I–X
2	Изучение коры выветривания с целью поисков красящих глин и др. полезных ископаемых, связанных с корой выветривания (бокситов, гипса)	I–VI	15–VII
3	Поиски месторождений чистых кварцевых песков путем прослеживания их в смежных участках с разрабатываемым месторождением 7-го кв. Боровской дачи	15–VII	I–VII
4	Поиски месторождений огнеупорных и фарфоровых белых глин и оконтуривание площади распространения месторождения «Белой глины»	I–VII	15–VII
5	Прослеживание пегматитовых жил горного хрусталя кварталов 18 и 30 Боровской дачи	15–VII	I–VIII
6	Поиски молибденита и вольфрамита путем прослеживания известных выходов	I–VIII	I–IX

Окончание таблицы А.12

1	2	3	4
	Камеральный период		
1	Дополнительный сбор промышленно-экономических данных о полезных ископаемых		
2	Пополнение музейных коллекций		
3	Камеральная обработка собранного материала (геологического с проведением соответствующих технологических испытаний и промышленно-экономических характеристик)	I–X	I–XII
4	Составление предварительного научного отчета о проведенной работе	I–XII	31–XII

Источник: Архив Госзаповедника «Боровое». Материалы. Раздел I. Инв. № 18. Д. 0141. Л. 6, 7.